ГЕЙНЦ ГОФМАН

Мангейм-Мадрид-Москва

Министр
национальной обороны ГДР
генерал армии
Г. ГОФМАН

ГЕЙНЦ ГОФМАН

Мангейм-Мадрид-Москва

МЕМУАРЫ

Перевод с немецкого
Л. К. ЛАТЫШЕВА и Ю. И. КУКОЛЕВА

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1982

ББК 63.3(4/8)Ге
Г74

Armeegeneral
HEINZ HOFFMANN

MANNHEIM
MADRID
MOSKAU

Militärverlag
der Deutschen Demokratischen
Republik
BERLIN 1981

Г $\frac{1305000000\text{-}182}{068(02)\text{-}82}$ 154-82

ББК 63.3(4/8)Ге
9(М)(Нем)

СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

За последние годы я получил много писем, в которых военнослужащие, пионеры и комсомольцы спрашивают о моей деятельности в Коммунистическом союзе молодежи и Коммунистической партии Германии, об участии в антифашистском движении Сопротивления в Германии и о борьбе с фашизмом в Испании. Они хотели бы побольше узнать о моих боевых товарищах. И в личных беседах меня нередко спрашивают: «Как Вы стали солдатом? Почему и как Вы стали коммунистом?»

Все это побудило меня вспомнить и написать о тех этапах моей жизни — о том, как я мужал, «врастая», так сказать, в мир и мировоззрение рабочего класса. Как многие другие мои товарищи, я ощутил и познал на практике: чтобы стать коммунистом и выдержать испытание в бою, нужны не только высокое политическое сознание и преданность делу рабочего класса, для этого нужны и верные друзья.

Поэтому я пишу о встречах с соратниками, о событиях и впечатлениях, имевших, на мой взгляд, важное значение для моего развития. Невозможно рассказать обо всех боевых товарищах, поскольку сейчас я не могу даже припомнить партийные клички многих из них. Поэтому пусть те, о ком я пишу в книге, будут представлять также всех тех, вместе с кем я прошел данный отрезок своего пути и кому не посчастливилось дожить до победы. Их славной памяти посвящена эта книга.

Я не собирался писать историографический труд, однако в первых двух разделах своей книги довольно обстоятельно описываю политическую обстановку той эпохи и борьбу рабочего класса в Юго-Западной Германии, которая сегодня входит в ФРГ. О событиях того периода я пишу не только то, что смог увидеть и понять в своем тогдашнем юном возрасте, а гораздо больше и подробнее.

Можно по-разному судить о том, насколько пережитое в раннем детстве и юности влияет на дальнейшую жизнь чело-

века, в какой степени определяет, кем он становится, какую стезю выбирает. Но в любом случае бесследно все это не проходит. Поэтому я и описал кое-какие эпизоды из того периода своей жизни, которые сохранились в памяти и кажутся мне интересными.

После издания этой книги весной 1981 года в Германской Демократической Республике я получил много писем от читателей. Одни из них сами участвовали в описанных событиях, другие писали о том, как они используют мои воспоминания для воспитания молодежи в духе патриотизма и интернационализма. Было немало писем и от граждан Советского Союза.

Я рад, что с выходом в свет настоящего издания советский читатель сможет познакомиться с некоторыми эпизодами из истории антифашистской борьбы в гитлеровской Германии, узнает о жизненном пути ряда немецких коммунистов и антифашистов в довоенные годы.

Как и многие коммунисты, причем не только немецкие, все свои надежды я связывал со страной Ленина, видя в ней великий пример, которым мы руководствовались в борьбе за освобождение трудового народа от эксплуатации, угнетения и порабощения у себя на родине. Для меня лично годы, прожитые в Советском Союзе, были весьма значительным, если не самым важным, этапом моего развития как коммуниста-интернационалиста. Здесь впервые я получил возможность глубоко усвоить мировоззрение рабочего класса и пополнить свое общее образование. Ознакомился я и с практикой социалистического строительства, стал свидетелем громадных успехов, достигнутых народами Советского Союза в деле создания нового общественного строя в стране Ленина.

Все это поможет советскому читателю понять, почему мы, немецкие коммунисты, видели в Советском Союзе свою вторую Родину, любили его. Вероятно, ему станет понятнее, как случилось, что по ту сторону баррикады оказались простые люди, трудящиеся, которые позволили втянуть себя в войну против первого в мире социалистического государства.

Четыре десятилетия прошли с тех пор. Славная Советская Армия ценой огромных жертв разгромила гитлеровский фашизм. Советские люди восстановили свою страну.

В лице Германской Демократической Республики было создано первое в истории немецкого народа социалистическое государство, чей прочный союз с первой в мире страной социализма и другими братскими социалистическими странами является важной гарантией того, чтобы никогда больше с немецкой земли не исходила война в Европе.

Пусть моя книга содействует тому, чтобы дружба, которой связаны обе наши страны, наши народы, оба наши государства и их вооруженные силы под руководством КПСС и СЕПГ, всегда была такой же прочной, крепкой и нерушимой, какой она жила в умах и сердцах тех, кто не жалел жизни во имя социализма и мира, во имя интересов рабочего класса и всех трудящихся.

Гейнц Гофман

Берлин, август 1981 года

Уроки истории позволяют нам проникнуть в суть исторических событий, яснее видеть настоящее и лучше понять будущее.

Вильгельм Пик

ДЕТСТВО
(ноябрь 1910 г. — апрель 1925 г.)

Я родился в Мангейме 28 ноября 1910 года. Это был день как день, рассказывала мне потом мать, такой же, как и все другие ноябрьские дни. Однако сама по себе дата эта не простая. Как-то в день моего рождения, когда мне исполнилось десять или одиннадцать лет, мать спросила:

— Сынок, а знаешь ли ты, что сегодня необычный день?

— Еще бы! День моего рождения!

— Правильно. Но в этот день родился еще один человек — Фридрих Энгельс. Когда ты появился на свет, ему могло бы исполниться девяносто лет.

Я чувствовал, как приятно было маме рассказать мне об этом совпадении.

— Вырасти порядочным человеком, мой мальчик! — добавила она.

Я воспринял это пожелание как обычное родительское наставление, не придав ему значения и даже не спросив, кто такой Фридрих Энгельс, с которым у нас случайно совпали дни рождения. Мог ли я тогда предположить, что идеи и труды этого человека и его друга Карла Маркса предопределят позже мой жизненный путь. Однако до той поры еще много воды утечет в Рейн. А пока тот мир, который мне предстояло открыть, состоял из Вальдхофа и Люценберга — двух промышленных районов на северо-востоке Мангеймского промышленного порта.

В Вальдхоф мои родители переехали незадолго до моего рождения и поселились в маленькой квартирке в мансарде дома № 21 по Гласштрассе. Мой отец, квалифицированный рабочий, трудился на заводе фирмы «Бенц», находившемся в нескольких минутах ходьбы от дома.

Когда в августе 1914 года началась война, мать тоже пошла на фабрику и вскоре оказалась единственной кормилицей семьи: отец, который и без того уже давно страдал туберку-

лезом, в 1917 году получил на производстве тяжелое увечье и стал инвалидом.

Этажом ниже жили бабушка и дедушка Гофманы, родители моего отца. Вдвоем они выполняли обязанности дворника и смотрителя дома. Я целыми днями находился у них. Дед подметал и чистил двор, ремонтировал кое-что, и все это помимо своей основной работы истопника на городском газовом заводе. За это бабушка с дедушкой меньше платили за квартиру и еще владелец дома разрешил им разбить небольшой огород и держать нескольких кур и кроликов.

Во время войны, когда снабжение продуктами становилось все хуже и хуже, это несколько облегчало нашу жизнь. По крайней мере, по-настоящему голодать, подобно большинству моих школьных товарищей, мне не пришлось. Однако, несмотря на те блага, которые давала работа деда в качестве дворника, я не стал ни заядлым садоводом, ни кролиководом-любителем.

Бабушка, на попечении которой я находился большую часть моего раннего детства, была приветлива, справедлива и решительна. Не было на свете человека, способного провести ее. Она не лезла за словом в карман и не терялась в самых разных житейских ситуациях. Ее уважали и родственники, и соседи.

Когда мне было шесть лет, бабушка повела меня записывать в школу. Однако принять меня там отказались. Я был здоровым и крепким ребенком, но заикался. Директор решил направить меня в специальный класс и попытался разъяснить моей бабушке целесообразность такого решения, но, как говорится, не на такую напал. «Я вырастила уже нескольких детей. Все они выучились говорить как положено. Научится и этот!»

То ли на директора повлиял решительный бабушкин тон, то ли он сам не был уверен в правильности своего решения, но, так или иначе, меня приняли в школу. Вскоре выяснилось, что бабушка была права: и учеба у меня пошла хорошо, и от дефекта речи я мало-помалу избавился.

Бабушка и дедушка Гофманы не были коренными жителями Мангейма. Оба они были уроженцами Хаага, небольшой деревушки в отрогах Оденвальдских гор. Дед зарабатывал на жизнь тяжелым батрацким трудом, а бабушка родилась и выросла в зажиточной крестьянской семье. В 90-х годах прошлого века они простились с родной деревней и перебрались в Мангейм.

Крупная промышленность, бурно развивавшаяся во второй половине XIX века по всей Германии, вторглась и в

Верхнерейнскую область. Многие жители из ближних и дальних городков и деревень, подобно родителям моего отца, переселились в Мангейм. Старый торговый город на Рейне и Неккаре превращался в промышленный центр. Появление крупных промышленных предприятий было ускорено тем обстоятельством, что Мангейм после того, как верховье Рейна стало судоходным, постепенно утратил свое исключительное положение как перевалочный пункт на торговых путях в Юго-Западную Германию и в обратном направлении. Мангеймский торговый капитал искал новые возможности для вложений. Современные высокопроизводительные промышленные предприятия сулили предпринимателям куда более высокие прибыли, чем те, что давали традиционные транспортные и торговые фирмы.

Соответственно резко подскочила потребность в рабочей силе. Безземельному сельскому населению Мангейм предоставлял разнообразнейшие возможности получения работы. К тому же труд промышленного рабочего оплачивался значительно лучше, чем сельского поденщика. С 1871 по 1914 год население Мангейма увеличилось в шесть раз благодаря притоку сельского населения и включению в черту города населенных пунктов, ранее в него не входивших. Именно последнему обстоятельству я обязан тем, что являюсь уроженцем Мангейма, так как Неккарау, где я родился, лишь в самом конце XIX века был присоединен к Мангейму, а до той поры со своим почти 10-тысячным населением числился крупнейшей деревней Великого герцогства Баден. Сегодня это один из наиболее промышленно-развитых районов Мангейна. Число его жителей с тех пор почти удвоилось.

Во время моего детства из 220 тысяч жителей Мангейма лишь около 40 процентов считались настоящими мангеймцами. Остальные именовались «понаехавшими». Они в разное время переселились в Мангейм из Гессена, Пфальца и Швабии.

В годы моего детства мангеймские остряки шутливо утверждали, что швабы совершенно по-особому, по-своему оценивали значение Мангейма: если у шваба рождался сын, он брал его на руки, подносил к окну и, указывая в направлении Мангейма, говорил: «Смотри, сынок, вон там ты будешь зарабатывать деньги!»

Рост населения Мангейма в период с 1871 по 1914 год:

1871	39 606,
1880	53 465,
1890	79 058,

1900	141 147,
1910	193 902,
1914	226 700,

в настоящее время — 306 000.

Для меня деревенское происхождение родителей отца имело определенное значение в связи со следующими обстоятельствами. Во время войны бабушка нередко наведывалась к брату, унаследовавшему хозяйство родителей, и почти всегда брала меня с собой. В Мангейме мы садились в поезд и ехали через Гейдельберг вверх по долине Неккара до Неккарштейнаха, а оттуда пешком добирались до Хаага.

Каждая такая поездка была для меня желанным и радостным приключением. И отнюдь не только из-за того, что после таких экспедиций наше домашнее меню значительно улучшалось, но и потому, что на крестьянском дворе, в конюшнях и коровниках было столько интересного, о чем большинство моих городских приятелей в лучшем случае имели лишь представление. И как грустно было мне каждый раз расставаться с домашними животными, и особенно с обеими лошадьми.

Однако уже на обратном пути за только что пережитую горечь расставания бабушка вознаграждала меня развлечением совершенно особого рода. Уроженка Оденвальда, она с молодых лет привыкла носить тяжелые грузы в корзине на голове. Именно таким образом она и несла продукты, полученные от брата. Размеренно и с достоинством шагала она к железнодорожной станции, а я каждый раз с восхищением и удивлением наблюдал, с какой уверенностью и кажущейся легкостью несла бабушка на голове драгоценный груз. А ведь тогда ей было уже 65 лет, и дорога местами была трудной.

Что касается деда, то у него для таких поездок не было времени. Он трудился не покладая рук с утра до поздней ночи. Ведь помимо тяжелой работы на городском газовом заводе на нем лежала еще и обязанность содержать в порядке двор и дом. В котельной газового завода он стоял перед громадными печами, в которых раскалялись докрасна тонны каменного угля. Выделявшийся при этом каменноугольный газ очищался и использовался на заводах, фабриках, в домашнем хозяйстве, для освещения города, а полученный из угля кокс применялся как топливо. Вредная для здоровья сменная работа изматывала деда. Как-то он мне рассказал, что раньше смена у печи продолжалась от 12 до 14 часов и только в конце XIX — начале XX века в котельной ввели восьми-

часовой рабочий день, однако это распространялось не на всех рабочих газового завода.

Когда у него выпадал свободный день, дед брал меня с собой в Зандхофенский или Кефертальский лес по грибы или по ягоды. Иногда мы запасались в лесу топливом (чем дольше шла война, тем хуже становилось с углем). Случалось, что под тонким валежником в нашей тележке был припрятан ствол сосны, неосмотрительно попавшей под дедушкин топор.

Мой дед, старый профсоюзный активист, был вечным тружеником. Я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь видел его без дела. Работа у него находилась всегда. Деду очень нравилось, когда я был вместе с ним, но при этом он никогда не позволял мне толочься возле себя без дела, а заставлял помогать. «Там, где идет работа, никто не имеет права сидеть сложа руки» — это было его жизненным девизом и правилом.

Дед не мог приобрести обширных знаний, однако именно у него я многому учился — тому, что впоследствии должно было мне пригодиться, — и прежде всего чувству справедливости, умению всегда и везде сразу же отличить несправедливое от справедливого, его гордости за принадлежность к рабочему классу. У меня был школьный товарищ, сын одного мангеймского чиновника. Пару лет спустя он перешел в реальную школу. Несмотря на это, мы продолжали дружить, ходили в гости друг к другу, вместе занимались спортом. Дедушка не был в восторге от этой дружбы. «Возможно, он и порядочный парень, этот твой друг. Но мы бедняки, а он из богатых. Поэтому тебе нечего с ним якшаться!»

Прожив долгую жизнь батраком и рабочим, умудренный подчас горьким жизненным опытом, дед придерживался целого ряда таких практических жизненных правил.

Пожалуй, больше всего деда тянуло к природе. С какой радостью он любовался переливчатыми красками жука или наслаждался видом цветущих деревьев! Длинными летними вечерами, работая со мной в огороде, он рассказывал то про одно, то про другое растение, пробуждая во мне любовь к красоте мира.

В отличие от бабушки, которая запечатлелась в моей памяти как общительная и жизнерадостная женщина, дед скорее производил впечатление человека замкнутого и погруженного в свои мысли. Возможно, таким сделала его многолетняя тяжелая работа истопника, а может быть, сказывался характер жителей Оденвальда, о которых шла молва как о людях добродушных, но не слишком-то общительных.

То обстоятельство, что дедушка Гофман не умел ни читать, ни писать, служило нам, детям, поводом для подтруниваний, а также материалом для одной веселой истории, которая без конца повторялась на всех семейных торжествах. Бабушка рассказывала о тех временах, когда дед ухаживал за ней. В ту пору она часто получала от него пламенные любовные письма, которые немало помогли безземельному батраку в том, чтобы родители бабушки признали в нем зятя. Но вот когда молодые наконец предстали перед чиновником ЗАГС'а, жених вдруг стал проявлять беспокойство и никак не мог решиться взять в руки перо, чтобы поставить свою подпись в брачном договоре. Наконец он начертил три корявых креста и смущенно признался своей молодой жене, что любовные письма писал за него его друг.

Насколько различны были родители моего отца по характеру и темпераменту, настолько хорошо они понимали друг друга и ладили между собой. При всей их несхожести было и нечто, в чем они были совершенно похожи: оба говорили на одном и том же наречии — пестрой смеси франконского и пфальцского диалектов с легкой примесью швабского, характерной для жителей северной части Бадена. И я, конечно же, научившись произносить звуки, уже некоторое время спустя бодро лопотал на том же наречии, которое изо дня в день слышал дома и в кругу моих школьных товарищей, к величайшему огорчению учителей, которые так старались привить нам литературный немецкий язык.

Однако вскоре на нашу жизнь пала черная тень первой мировой войны. Для нас, мальчишек, все началось как увлекательное приключение. Недалеко от нашей вальдхофской квартиры, между Ридбаном и Зандхофеном, дислоцировался мангеймский воздухоплавательный отряд. Он был сформирован незадолго до начала войны. Уже с 1909 года на заводах фирмы «Ланц» изготовлялись дирижабли марки «Шютте—Ланц», названные так по имени изобретателя и фирмы-изготовителя. Прусское военное министерство закупило несколько дирижаблей и использовало их в первые два года войны для разведывательных полетов за франко-английскими линиями, воздушных атак на Лондон и других целей. В качестве места базирования воздухоплавательного отряда Мангейм был избран, скорее всего, из-за выгодного географического положения: в просторных прирейнских низменностях было много удобных мест для взлетов, посадок и стоянок дирижаблей, да и до Франции, нашего «заклятого врага», отсюда было рукой подать.

Нас, мальчишек, база мангеймских воздухоплавателей

притягивала к себе как магнит. «Летающие сигары» будоражили наше воображение. А когда солдаты рассказывали, как они на этих колоссах летали ночью за вражеские линии, да еще показывали бомбы, которые они сбрасывали на неприятеля, мы были просто в восторге. Но скоро нам пришлось узнать войну и с другой стороны. Мне было шесть или семь лет, когда над Мангеймом впервые появились англо-французские самолеты и сбросили бомбы. Воздушные атаки, во время которых сбрасывалось по 20—30 небольших по нынешним меркам бомб, в те времена уже считались тяжелыми бомбардировками. Нам, детям, было строго-настрого наказано сразу же по сигналу воздушной тревоги бежать домой и не показываться на улицу. Но мы, ребятишки, в течение всего налета торчали в большой подворотне соседнего дома, напряженно всматривались в небо над опустевшей улицей и ждали разрывов бомб.

Так как бомбы того времени обладали лишь незначительной мощностью, англичане и французы вскоре стали использовать их связками по нескольку штук. С помощью таких «гирлянд» они стремились сконцентрировать взрывную мощь бомб на возможно меньшей площади и повысить тем самым их разрушительную силу. Однако даже и эти «гирлянды» пробивали лишь крыши и верхние этажи домов.

После каждого воздушного налета в городе всегда царило большое волнение. Велись споры о числе вражеских самолетов, из уст в уста передавались имена убитых и раненых, вокруг разрушенных домов собирались толпы.

После войны подсчитали, что на Мангейм было совершено 46 англо-французских воздушных налетов, во время которых было сброшено 130 бомб, ранено 22 человека и убито 9. Тогда, в 1918 году, еще не знали, что Мангейму удалось избежать куда большей беды, грозившей городу с воздуха. Несколько лет спустя стало известно, что в 1917 году после двух крупных налетов немецкой авиации на Лондон англичане решили нанести массированный удар возмездия по Мангейму, но по какой-то причине отменили его. Мог ли кто-нибудь тогда, в 1918 году, допустить мысль о том, что 25 лет спустя вновь будет бушевать мировая война и целые кварталы Мангейма превратятся в щебень и пепел! 151 налет совершили английские и американские бомбардировщики на Мангейм во время второй мировой войны, в результате чего погибло 2115 человек и была разрушена половина жилого фонда города.

По сравнению с этими цифрами последствия бомбардировок первой мировой войны кажутся незначительными. Я бы

не сказал также, что нас, детей, налеты потрясли или напугали. Наоборот, они служили нам поводом для разных шуток и шалостей.

В начале войны в Мангейме не было сирен для воздушной тревоги. Потом они появились, но их было мало (кстати, работали сирены с помощью пара). При приближении вражеских самолетов, если их замечали своевременно, мангеймская пожарная команда в дополнение к сигналам немногочисленных сирен подавала сигнал тревоги с помощью нескольких выстрелов из мортиры. Это навело нас на мысль самостоятельно устроить воздушную тревогу. Дедушка и бабушка с материнской стороны жили в густонаселенном, многоквартирном доме в центре Мангейма. Я бывал у них и иногда оставался погостить на день-другой. На заднем дворе их дома лежали отслужившие свой век паровые котлы в несколько метров длиной и около двух метров диаметром. В них можно было стоять во весь рост. Мы забирались в эти котлы по три-четыре человека, стучали молотками в стенки и вопили что было мочи: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» И чем больше было шуму, тем больше было радости — до тех пор, пока не открывались окна и взрослые не прогоняли нас со двора.

И еще в одном отношении мы далеко не всегда оправдывали ожидания взрослых: наше представление о друзьях и врагах совсем не соответствовало тому, что внушали нам наши школьные учителя. И «виной» тому был наш опыт общения с военнопленными.

Рядом с пехотными казармами в северной части города недалеко от нашего дома находился лагерь военнопленных. Мы довольно быстро установили, что пленные французы — народ весьма общительный. Вскоре они уже знали наши имена и относились к нам по-дружески. С ними мы устраивали великолепные обмены: таскали им репчатый лук, а они за это делали нам маленьких, затейливо раскрашенных деревянных птичек. Старики ландштурмисты, охранявшие лагерь, смотрели на все сквозь пальцы и ни во что не вмешивались.

Но не такова была бабушка Гофман. Не то чтобы она имела что-нибудь против наших встреч с пленными французами (ей не было никакого дела до «вековой» вражды между Германией и Францией), но, заметив как-то, что я потихоньку положил в карман несколько луковиц, она потребовала объяснений. Затем последовал подзатыльник, и торговые отношения с французами прекратились.

Однажды — шел второй или третий год войны—мать взяла меня с собой в город. На площади Фридрихсплатц у водонапорной башни, изображение которой служило символом Мангейма, мы увидели деревянное чудище высотой в человеческий рост — «Железного Роланда». Стоявший при нем старичок продавал железные, «серебряные» и «золотые» гвозди. Жертвователь, купивший гвоздь, получал право собственноручно вбить его в Роланда. «Для раненых и инвалидов, на подарки воинам на фронте и в тылу!» — неумолчно выкрикивал продавец гвоздей. Стояла толпа зевак. Во мне тоже проснулось любопытство, и я спросил у матери, что бы все это значило. «Ах, лучше и не спрашивай! — с раздражением и злостью сказала мать и потащила меня за руку дальше. — Лучше бы они положили конец этому безумию, вместо того чтобы еще и собирать на это деньги!»

Я не отставал от нее с расспросами, но больше ничего не добился. И по сей день я не могу сказать, почему в тот раз она предпочла отмолчаться, хотя вообще-то всегда подробно и терпеливо отвечала на все мои вопросы. Возможно, тогда она сама еще до конца не понимала характера той войны и в ней в большей мере говорило сердце, чем разум.

Мать выросла в семье рабочего социал-демократа и унаследовала политические взгляды своего отца. Для того же определяющим было то, что он узнавал на партийных собраниях и в разговорах с товарищами по партии. А поскольку в социал-демократическом движении Бадена все шире распространялся оппортунизм, то смысл этих речей и разговоров все чаще и чаще сводился к утверждению необходимости соглашения с господствующим классом вместо решительной борьбы против него.

Так же как и в Социал-демократической партии Германии в целом, в социал-демократическом движении юго-запада Германии в десятилетие, предшествовавшее первой мировой войне, образовалось три течения: ревизионисты, центристы и левые. Здесь, в Бадене, наибольшим влиянием пользовались не Карл Либкнехт и Роза Люксембург, возглавлявшие революционное крыло социал-демократии; самыми влиятельными руководителями баденской социал-демократии перед первой мировой войной были Людвиг Франк и Вильгельм Кольб, постепенно все больше и больше отходившие от своих первоначальных марксистских позиций и принадлежавшие к ревизионистскому крылу СДПГ. Их оппортунистические взгляды, которые они распространяли в среде рабочего класса, во многом почти не отличались от идей буржуазного либерализма.

На проходившем в Магдебурге в сентябре 1910 года съезде СДПГ Август Бебель и Роза Люксембург вели с Франком и его сторонниками ожесточенные дискуссии и резко осудили их за то, что те в баденском ландтаге неоднократно голосовали за правительственный бюджет, а также, руководствуясь своими буржуазно-либеральными идеалами, открыто сотрудничали с земельным правительством. Сказанное не означает, что Франк и его сторонники совсем отказались от политической борьбы. Как бы там ни было, но Людвиг Франк, депутат рейхстага с 1907 года от Социал-демократической партии Германии, принадлежал к числу тех, кто энергично боролся против реакционного прусского трехклассного избирательного права. Значительные заслуги принадлежат ему и в деле организации движения пролетарской молодежи в Юго-Западной Германии. Именно благодаря его инициативе в начале октября 1904 года был создан «Союз молодых рабочих Мангейма». Наряду с возникшими приблизительно в то же самое время объединениями рабочей молодежи Берлина эта организация относилась к числу наиболее перспективных начинаний в германском молодежном рабочем движении. За два дня до начала первой мировой войны перед многотысячной аудиторией мангеймских рабочих Франк произнес вызвавшую широкие отклики речь, в которой призвал рабочих социал-демократов «со всей серьезностью и достоинством возвысить голос человечности и разума против разжигания ненависти между народами и безумья».

С одной стороны, Франк был убежден в победе социализма, а с другой, находясь в плену пагубных иллюзий относительно того, что эта цель может быть достигнута исключительно путем «реформации» буржуазного государства, он, помимо всего прочего, совершенно не осознавал классовых корней империалистической войны, не понимал ее несправедливого характера. Он не видел, что война вызвана погоней за прибылью, стремлением к захвату колоний и установлению мирового господства и, следовательно, классовые фронты проходят не между воюющими странами, а через государства, ведущие войну. Так, например, он призвал всех немцев стать «единым народом братьев». Само собой разумеется, говорил Франк, что в случае войны «также и солдаты социал-демократы добросовестно выполнят свой долг», и он сам на деле докажет это, поскольку считает, что «идея интернационализма оттеснена на задний план реальностью восторженно-национального рабочего движения».

Две недели спустя Франк пошел добровольцем на

фронт — для сорокалетнего депутата рейхстага, конечно же, шаг весьма необычный, вызвавший сенсацию далеко за пределами Бадена, расцененный многими социал-демократами как знак особой честности и искренности и одновременно оказавший добрую услугу националистической и шовинистической имперской пропаганде, движению «пангерманистов». В начале сентября 1914 года Франк погиб на Западном фронте — жертва своей лояльности по отношению к системе, которая заслуживала того, чтобы он ненавидел ее всеми фибрами души, но против которой он так и не решился бороться последовательно и до конца.

Так же как и во многих других центрах германского рабочего движения, в военные годы революционные силы в Мангейме готовились выступить на борьбу против империализма и войны. Под растущим влиянием левых начиная с 1917 года усилились революционные выступления против продолжения грабительской империалистической войны. Состоялись демонстрации. Члены «Союза Спартака» распространяли листовки. Многие из этих боевых акций были поддержаны рабочими и центристскими лидерами, которые еще оставались в рядах СДПГ, но все больше и больше отходили от верноподданных оппортунистов, сидевших в правлении партии.

В период пасхальных праздников 1917 года это крыло отделилось от СДПГ и создало Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). Ее организацию в Мангейме возглавили Герман Реммеле, Людвиг Зайцингер, Иоганнес Брюммер и Адольф Шварц.

Своего апогея борьба немецких рабочих против империалистической войны достигла в конце января — начале февраля 1918 года. Начались стачки. И в Мангейме 15 тысяч рабочих-металлистов объявили забастовку, потребовав незамедлительного заключения мирного договора без аннексий, а также немедленной отмены реакционного трехклассного избирательного права. Таким образом мангеймские рабочие приняли участие в том громадном революционном выступлении трудящихся Германии, которое охватило свыше миллиона рабочих и которое Ленин спустя несколько месяцев охарактеризовал как «факт первостепенной важности... поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата» [1].

Обо всем этом я узнал значительно позже. За исключением нескольких эпизодов, из тогдашних событий я почти ничего не помню. Возможно, в этом виновато то обстоятель-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 531.

ство, что боевые действия происходили далеко от нас. Радио тогда еще не вошло в наш быт. Из-за болезни, которая к концу войны полностью приковала его к постели, отца не призвали в армию, так что мать и дедушка с бабушкой избавились от страха — по крайней мере, постоянного страха — за его жизнь. Да и среди без малого шести тысяч мангеймцев, погибших на войне, не было ни одного нашего близкого родственника.

Но главное состояло в том, что у меня в мои шесть-семь лет отсутствовало всякое представление о войне. Так, например, я вспоминаю, как однажды утром весной 1916 года, играя со мной на улице, один из моих товарищей спросил меня: «Ты слышал сегодня ночью, как стреляли пушки? Мой папа говорит, что это битва под Верденом».

Я же, как всегда, крепко спал и этой ночью и, конечно, ничего не слышал. Волнение, с которым взрослые в последующие дни обсуждали это событие, осталось для меня непонятным. Я знал, конечно, что где-то далеко, во Франции, стреляют, что там есть убитые и раненые. Но того ужаса, что царил в течение этих недель и месяцев на полях самой кровавой — с обеих сторон свыше миллиона убитых! — битвы первой мировой войны, я, конечно же, не мог себе представить.

Не мог я поэтому понять и душевного состояния матери, когда она, вздохнув так, будто с ее плеч свалился тяжелый груз, сказала: «Ну вот и все, сынок! Войне конец! Вот увидишь, скоро наступят лучшие времена!»

Начало «лучших времен», о которых с такой надеждой говорила мать, ознаменовалось тем, что везде — и на нашей улице, и дома — воцарились беспокойство и нервозность. Взрослые чаще, чем раньше, собирались группами и громко, взволнованно обсуждали что-то. Все чаще произносилось слово «революция». До сих пор мне не приходилось его слышать, и поэтому я не знал, что оно означает и как следует на него реагировать. Бо́льшую часть из того, о чем говорили между собой отец и мать, дедушка и бабушка, я не понимал. Но, во всяком случае, получалось так, что эта «революция», бывшая у всех на устах, взаимосвязывалась с теми «лучшими временами», о которых говорила мать. Отсюда я сделал вывод: «революция» — это наверняка что-то хорошее.

Речь шла также о каком-то рабоче-солдатском совете, который занял мангеймский вокзал и разоружал возвращавшихся с фронта солдат. В центре города, рассказывала мать, разъезжают грузовики с рабочими и солдатами с крас-

ными повязками на рукавах. Они патрулируют улицы и следят за порядком. Что же произошло?

Через день после того, как Карл Либкнехт с балкона берлинского дворца провозгласил Свободную социалистическую республику Германии, в Карлсруэ было объявлено о создании временного правительства Бадена. Его возглавил трактирщик Антон Гейс, еще с довоенных лет занимавший пост председателя баденской земельной организации социал-демократической партии. В правительство вошло в общей сложности одиннадцать человек, каждый из которых возглавил определенное ведомство. Пятеро из них были членами СДПГ, двое принадлежали к НСДПГ, двое — к партии «центра», а двое остальных — к другим буржуазным партиям.

Между прочим, одним из двух членов временного земельного правительства от партии «центра» был профессор из города Фрейбурга Йозеф Вирт, позже, с мая по ноябрь 1922 года, занимавший пост канцлера Германии. Помимо партийной принадлежности его членов состав временного правительства Бадена был примечателен еще в одном отношении: из одиннадцати его членов шестеро состояли на службе империалистического германского государства в качестве чиновников среднего и высшего рангов и, являясь депутатами баденского ландтага и германского рейхстага, в течение ряда лет голосовали за военные ассигнования. Вновь назначенные члены временного правительства, представлявшие социал-демократов, опубликовали в своей прессе — в частности, в мангеймской газете «Фольксштимме» и выходившей в Карлсруэ «Фольксфройнд» — статьи, возвещавшие о предстоящем создании «народного государства», поскольку-де «положение баденской конституции о том, что все права на государственную власть объединяет в своем лице великий герцог, устарело». «Вся власть в государстве принадлежит народу, народному представительству и правительству, действующему по поручению и от имени народа», — писали они. Многие увидели в этой декларации многообещающее начало, и лишь некоторые поняли сомнительность попыток создать «народное государство» во главе с консервативными бургомистрами, депутатами и чиновниками без ломки реакционного государственного аппарата и изменения имущественных отношений.

В Карлсруэ и Мангейме были созданы «комитеты общественного спасения». Однако их благородное наименование, взятое из времен Великой французской революции, теперь прикрывало обман. Созданный в 1793 году в Париже и руководимый Робеспьером Комитет общественного спасения сыг-

рал решающую роль в установлении революционно-демократической диктатуры, в подавлении внутренней и внешней контрреволюции. Теперь же буржуазия, наоборот, намеревалась путем организации «комитетов общественного спасения» упредить создание рабоче-солдатских советов, с тем чтобы потом легче было перевести революционное движение в реформистское русло.

Между прочим, реакционная и антинародная позиция временного правительства Бадена представляла собой прямо-таки поразительную историческую параллель по отношению к той контрреволюционной роли, которую сыграло в революции 1848 года созданное в мае того же года баденское временное правительство под руководством мелкобуржуазного демократа Лоренца Брентано. Оно в свое время также предало революцию, отказав в поддержке баденско-пфальцской революционной армии и народному ополчению, сделав все, чтобы с помощью оставшихся на своих постах чиновников и офицеров великого герцога, а также буржуазии как можно быстрее «восстановить спокойствие и порядок», а вместе с ними и власть герцога.

Сам за себя говорит тот факт, что созданное в ноябре 1918 года временное правительство, демагогически именовавшее себя «народным» и провозгласившее Баден «свободной республикой», самым серьезным образом намеревалось, прежде чем приступить к своим обязанностям, получить сначала благословение баденского великого герцога и быть, таким образом, узаконенным старой государственной властью. Только благодаря энергичному протесту обоих членов правительства от НСДПГ, мангеймских рабочих Адольфа Шварца и Иоганнеса Брюммера, удалось воспрепятствовать этому. Великому герцогу не оставалось ничего иного, как принять к сведению смену правительства и после долгих промедлений заявить наконец 22 ноября о своем отказе от власти.

К этому времени великий герцог со своей семьей уже покинул Карлсруэ. Обстоятельства, при которых он в ночь на 12 ноября 1918 года распрощался со своей старой резиденцией, чтобы переселиться в замок Цвингенберг в Неккартале, не лишены известной доли комизма. Этот эпизод несколько лет спустя рассказал мне один товарищ, бывший член солдатского совета Карлсруэ.

Главным действующим лицом событий был один матрос из Карлсруэ. После своего возвращения в родной город он был неприятно поражен тем, что герцог продолжает находиться в своем замке-резиденции и явно не собирается

отказываться от трона, несмотря на то что император Вильгельм II уже отрекся от престола. И поскольку перед войной матросу пришлось неоднократно претерпеть от герцогских властей, он решил, что пришла пора свести счеты лично с великим герцогом. Для пользы дела он выдал себя за члена городского солдатского комитета, собрал горстку вооруженных людей и вечером, около половины десятого, объявился под окнами резиденции великого герцога. Часовые, охранявшие замок по приказу солдатского совета, под впечатлением решительных действий матроса пропустили его с товарищами на территорию замка, решив, что эти люди пришли по приказу сверху, чтобы внести в вопрос о судьбе герцога окончательную ясность.

А наш матрос, расставив своих смельчаков напротив замка, закричал что было мочи: «Великий герцог Фридрих, величайший подлец Бадена, выходи!» При этом его друзья палили в воздух. Великий герцог, конечно же, не посмел высунуть носа. Вместо него появился камергер и пообещал доложить своему господину о поздних визитерах.

Дикая, беспорядочная стрельба переполошила полгорода. В мгновение ока в городе распространились всевозможные слухи. «Контрреволюционеры заняли замок», — утверждали одни. «Ультралевые из Мангейма ворвались в Карлсруэ, чтобы поддать жару временному правительству», — предполагали другие, добавляя при этом, что это было бы не так уж плохо. Наконец министр внутренних дел и министр по вопросам продовольствия решили лично отправиться посмотреть, что происходит в замке.

По дороге к месту происшествия министр внутренних дел собрал 30 «добровольцев». Однако стрельба в замке вдруг усилилась, и они, не теряя времени, укрылись в садовом домике. Затем неизвестно почему матрос приказал отступить. В это время великий герцог со своей семьей покинул замок через боковой выход, и они на двух автомобилях умчались прочь. «Добровольцы» министра внутренних дел между тем пришли в себя и арестовали матроса, который в ту же ночь предстал перед солдатским советом, чтобы ответить за свою самовольную «революционную» акцию. Матрос отделался пустяковым наказанием.

Но даже и после того, как великий герцог покинул свою резиденцию в Карлсруэ и отрекся от трона, временное баденское правительство заверило его в своих симпатиях и обязалось сделать все, чтобы его и его семью оставили в покое, а их имущество — в неприкосновенности. Обещание это было выполнено.

Раболепие сего странного «революционного» правительства перед отставным властелином как нельзя лучше сочеталось с политикой категорических отказов по отношению к требованиям рабочих и солдатских советов, возникших во многих баденских городах и крупных сельских общинах: в Мангейме, Карлсруэ, Фрейбурге, Келе, Оффенбурге, Раштатте, Гейдельберге и Этлингене. Уже на третий день существования временного баденского правительства дело дошло до резких столкновений между его членами и представителями рабочих и солдатских советов, которые прибыли в Карлсруэ и предъявили свои четкие требования, недвусмысленно заявив, что ни в коем случае не допустят превращения правительства в «рядящуюся в красные одежды охранную организацию» реакции, «преемницу ее власти».

Несколько дней спустя, 21 ноября 1918 года, доктор Людвиг Хаас, министр внутренних дел и член «прогрессивной народной» партии, раскрыл подлинные цели и намерения своего правительства. Ловко используя популярные среди населения Бадена антипрусские и антимилитаристские настроения, он заявил: «Мы ни в коем случае не допустим вновь диктатуру Берлина». И при этом он имел в виду не прусскую военщину, а революционных берлинских рабочих и их вождей — прежде всего Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Боясь, что революционные силы в Берлине и других районах страны одержат победу, временное правительство Бадена начало тайные переговоры с временными правительствами Баварии и Вюртемберга. Договорившись между собой, они пригрозили, «что при всех обстоятельствах намерены совместно выступать против чрезмерных требований берлинской группы Либкнехта и что в крайнем случае не остановятся перед самостоятельным решением вопроса о судьбах Южной Германии и Рейнских земель». Ради сохранения власти крупного капитала они были готовы оторвать эти земли от германского государства. Уже тогда сепаратизм был орудием контрреволюции.

Однако этим фальшивым поборникам свободы и единства Германии не пришлось прибегать к подобным крайним мерам. В Мангейме, Карлсруэ и других городах и общинах Бадена они поручили созданным там рабочим и солдатским советам поддерживать общественный порядок, однако тщательно следили за тем, чтобы их компетенции не выходили за рамки «совещательных и контрольных функций». Оставшиеся на своих местах чиновники центральных и местных органов власти, сохранив бразды правления в своих руках, все больше и больше подрывали влияние рабочих и солдат-

ских советов, которое в начале революции было весьма большим.

Так же обстояло дело и в Мангейме. Здесь 9 ноября 1918 года был создан рабоче-солдатский совет, который, однако, не ликвидировал старые органы власти. Он состоял из 70 членов: 25 представителей СДПГ, 25 представителей НСДПГ и 20 солдатских депутатов. Его председателем был мангеймский рабочий-металлист Адольф Шварц, член НСДПГ, одновременно входивший во временное правительство Бадена в качестве министра социального обеспечения. Это он вместе с председателем солдатского совета Карлсруэ, военным министром временного правительства Иоганнесом Брюммером, также членом НСДПГ, выступил против утверждения полномочий временного правительства великим герцогом. В дальнейшем, после выборов в законодательное собрание Бадена, состоявшихся 5 января 1919 года и принесших буржуазным партиям большинство в две трети мест, оба министра, представлявшие НСДПГ, вышли из правительства.

В качестве своей опоры мангеймский рабоче-солдатский совет сформировал «красное ополчение», насчитывавшее 300 человек и состоявшее из членов СДПГ и НСДПГ.

Ничего этого я, конечно, не понимал. Однако частые дискуссии взрослых пробудили во мне такое любопытство, что я стал просить мать хотя бы один разочек «показать мне революцию». После неоднократных отказов («Это очень опасно и совсем не для детей») она наконец уступила моим просьбам и взяла меня однажды с собой в центр города.

Это было в последнюю неделю ноября 1918 года, незадолго до моего дня рождения. Дойдя до большого моста через Рейн, связывающего Мангейм с Людвигсхафеном, мы у входа на мост попали в толпу: мужчины, женщины, дети, солдаты, в большинстве своем в потрепанной, оборванной форме с карабинами через плечо и красными повязками на рукавах. Немного в стороне стояли дощатые будки, тесно окруженные ежащимися от холода солдатами, которым здесь наливали во фляги дымящийся кофе, выдавали хлеб и табак. Через мост шли казавшиеся бесконечными колонны солдат, двигались лошадиные упряжки, катились орудия. Некоторые повозки были украшены красными флагами, пестрыми лентами и осенними цветами. Во главе колонн — верхом офицеры. Это возвращались с уже не существовавшего Западного фронта немецкие войска. В районе Людвигсхафена они переправились через Рейн, сделали в Мангейме

короткий привал и двигались дальше в северо-восточном направлении.

Зрелище бесконечных колонн захватило меня. Несмотря на холодную погоду, мы остановились и смотрели. Офицеры в большинстве своем глядели прямо перед собой, как будто им не было никакого дела до волнующегося людского моря. Некоторые высокомерно взирали на нас сверху вниз.

На одного из таких офицеров, проезжавшего на коне мимо нас, я показал матери: «Мама, глянь-ка вон на того!» Однако мать совершенно не разделяла моих восторгов. На ее лице появилось очень серьезное выражение, и она сказала: «Слушай, сынок! Пока эти люди на коне, а другие маршируют под их команду, нам не покончить с нищетой и бедами. Мы должны вышибить их из седла, только тогда наши дела пойдут лучше!»

Мысль о том, что такого вот офицера, у которого в подчинении столько солдат, можно вот так запросто свалить с лошади, показалась мне абсурдной. Но если это и так, то почему нам всем — отцу, матери, их родителям, людям с нашей улицы — станет от этого лучше?

Мать потащила меня дальше. Мы пересекли дворцовый парк и вышли к вокзалу. На привокзальной площади мы увидели почти такую же картину, с той лишь разницей, что здесь было намного больше рабочих и солдат с красными повязками и было еще больше движения, беготни. Люди стояли группами и возбужденно разговаривали, некоторые бешено жестикулировали. Вдруг мы заметили группу в пять или шесть человек. Они проталкивались сквозь толпу — на плечах карабины, на рукавах красные повязки. В середине — два офицера. Их сразу же окружила толпа, в числе других и мы с матерью. «Это наши», — пояснила мать. В то же мгновение к офицерам протиснулись двое рабочих, отобрали у них пистолеты и сорвали с плеч погоны.

Так случай способствовал тому, что мое представление о всемогуществе кайзеровских офицеров в этот же день было сильно поколеблено. Я понял, что революционные рабочие делали как раз то, о чем говорила мне на мосту мать, и я видел собственными глазами, что офицеры ничего не могут с этим поделать. Еще я заметил, что окружающие придерживались различных мнений. Некоторые подбадривали революционных рабочих: «Вот это правильно! Содрать все побрякушки! И под замок!» Другие же ругались и требовали, чтобы офицерам дали идти своей дорогой и не трогали их, грозили кулаками и с ненавистью следили за каждым движением молодых рабочих.

Конечно, я не мог понять того, что конкретно происходило в те дни — с ноября 1918 по январь 1919 года — в Мангейме и других городах Германии, какие политические решения принимались в те дни, решения, чреватые роковыми последствиями, перечеркнувшие страстную мечту рабочего класса о лучшей жизни. Не могу я также сказать, чтобы в последующие дни меня как-то особенно занимали события на мосту через Рейн и на вокзальной площади, свидетелем которых я стал в тот серый ноябрьский день. Я помню лишь, что дома царило подавленное настроение. Уже не было разговоров о лучших временах, о которых с такой надеждой недавно еще говорила мать. Немногие революционные завоевания, добытые в борьбе в ноябре 1918 года, были ликвидированы. При этом капиталисты Германии и Франции, главные противники в первой мировой войне, действовали рука об руку.

Так, подписанные 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу соглашения о перемирии предусматривали создание «нейтральной зоны», захватывавшей и 30-километровую полосу на восточном берегу Рейна. В этой зоне не имели права действовать германские войска. Поскольку солдатский совет считался военным органом, он был вынужден 4 декабря 1918 года заявить о своем роспуске. Продолжавший существовать рабочий совет был «дополнен» представителями различных профессиональных групп — желанный повод для правительства из Карлсруэ и господ из мангеймской ратуши протолкнуть в рабочий совет людей, представлявших их интересы. Важнейший орган власти мангеймских революционных рабочих стал после этого подвергаться систематическому разложению.

Более того, в противоречие с положениями о демилитаризованной зоне, с согласия межсоюзнической контрольной комиссии и без ведома рабочего совета 3-й батальон 110-го пехотного полка в качестве полицейского отряда был вызван в Мангейм. Он должен был заменить подчиненное рабочему совету народное ополчение. По указанию рабочего совета народное ополчение, вооруженное пулеметами, преградило батальону путь в Мангейм на переправе через Рейн в районе Неккарау. Батальону позволили войти в Мангейм лишь после того, как рабочий совет проконсультировался в земельном правительстве в Карлсруэ, а командир батальона майор барон фон Пройшен заверил, что он ничего не будет предпринимать против революционных институтов.

В новогоднюю ночь в Мангейм вошли два батальона французских колониальных войск (зуавы и марокканцы),

предназначенные для охраны сборных лагерей возвращавшихся на родину военнопленных солдат союзнических армий.

Но революция еще не была подавлена. В начале 1919 года в Мангейм прибыли красные матросы. Они прошли по городу во главе громадной колонны демонстрантов, собравшейся на рыночной площади и двинувшейся оттуда (в сопровождении оркестра дудочников) по главным улицам центральной части города и некоторых предместий.

По март включительно в Мангейме прошли многочисленные митинги протеста безработных, число которых в январе 1919 года только в нашем городе достигло 11 тысяч человек. Однако силы тех, кто выступал с последовательно революционных позиций, оказались слишком слабы.

Основную вину за поражение революции несут правые лидеры социал-демократии. Они были заодно с буржуазными партиями, и прежде всего с бывшими кайзеровскими офицерами и генералами. Им удалось шаг за шагом парализовать революционные органы власти, выхолостить и приглушить все акции, направленные на дальнейшее развитие революции, на изменение общественных отношений. Реакция действовала руками социал-демократических вождей. При этом она ловко использовала отсутствие у немногочисленных представителей подлинно революционных сил во временном правительстве Бадена опыта использования политической власти. Революционные рабочие и матросы Петрограда, победно завершившие в 1917 году Октябрьскую революцию, имели драгоценный опыт, накопленный во время революционных событий 1905 года и Февральской революции 1917 года. Но, главное, их возглавляла партия большевиков во главе с Лениным, дисциплинированный и решительный боевой отряд, являвшийся для всех бойцов революции постоянным источником вдохновения, твердой уверенности в правоте своего дела и революционной смелости. В Германии же эта дальновидная и энергичная революционная сила — боевая партия нового типа — только-только начала формироваться.

С одной стороны, это неимоверно затрудняло руководство революционной борьбой, а с другой — облегчало буржуазии и ее подручным задачу удушения революции. Контрреволюционные силы использовали свой в течение десятилетий накопленный опыт осуществления политической и административной власти и предпринимали все для того, чтобы парализовать революционные силы. Так, например, в Бадене им удалось воспрепятствовать подчинению остав-

шихся в некоторых гарнизонах воинских частей революционному руководству.

В этой связи я хочу привести некоторые сведения из военной истории Бадена. После своего вхождения 17 ноября 1870 года в Северо-германский союз Великое герцогство Баден подчинило свои войска прусской армии и распустило военное министерство, а до этого баденцы неоднократно бились с прусскими войсками на полях сражений. Так было, например, в 1849 году, когда два прусских армейских корпуса под командованием ненавистного народу принца Вильгельма, известного под прозвищем «принц-картечь», заняли Баден и Пфальц и подавили революцию. Так было и в 1866 году, когда Баден выступил в прусско-австрийской войне на стороне Австрии, хотя тогдашний великий герцог Бадена Фридрих II через свою жену Луизу был породнен с домом Гогенцоллернов и выступал за объединение мелких германских государств под эгидой Пруссии.

После поражения Австрии и ее союзников между Пруссией и Баденом был заключен тайный оборонительно-наступательный союз. Кроме того, Баден был вынужден заплатить Пруссии 6 миллионов гульденов возмещения военных убытков. С тех пор баденское военное министерство возглавлял прусский генерал, занимавший пост военного министра Бадена. Чувство неприязни со стороны населения Бадена по отношению к Пруссии, дававшее о себе знать еще в начале 30-х годов, уходило некоторыми своими корнями в эти события, а также в относительно прогрессивные военные традиции бывшего великого герцогства.

Фридрих Энгельс, участвовавший в качестве адъютанта добровольческого корпуса Виллиха в походе баденско-пфальцской революционной армии, оказался прав, написав в заключении своей работы «Германская кампания за имперскую конституцию» следующее: «Немецкий народ не забудет расстрелов и казематов Раштатта; он не забудет ни тех властителей, от которых исходили эти позорные приказы, ни тех предателей, которые своей трусостью привели к этому...» [1].

До начала первой мировой войны войска на территории Бадена подчинялись командованию 14-го армейского корпуса, а после объявления мобилизации, когда командование и штаб корпуса покинули места постоянного расквартирования и влились в состав полевых войск, — представительству командования корпуса во главе с заместителем его

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 207.

командира. И этот орган военного командования был подчинен прусскому военному министерству.

После создания 10 ноября 1918 года временного правительства Бадена было организовано министерство по военным делам, чья задача, собственно говоря, заключалась в том, чтобы ликвидировать представительство корпусного командования как ярко выраженный орган власти реакционных военных и военной юстиции, осуществлявший направленные против рабочих законы военного времени. Однако этого не произошло. Представительство командования корпуса осталось в целости и неприкосновенности. Оно, как и раньше, выполняло приказы прусского военного министерства, и даже сам командир корпуса генерал-лейтенант фон Гонтард остался на своей прежней должности.

К Иоганнесу Брюммеру, члену НСДПГ, возглавлявшему министерство по военным делам, был приставлен заместитель, который, имея в кармане мандат, подписанный лично премьер-министром временного правительства, обладал полномочиями самостоятельно принимать решения и отдавать распоряжения по всем военным вопросам. Этим заместителем был преподаватель высшей школы из Карлсруэ Герман Хуммель, фронтовой офицер и член «прогрессивной народной» партии, находившейся под сильным влиянием банковского капитала. Хуммель, ставший три года спустя президентом земли Баден, а затем перешедший на руководящую работу в концерн «И. Г. Фарбениндустри», сумел оградить представительство командования корпуса от революционных устремлений Брюммера, а также рабочего и солдатского советов Карлсруэ, благодаря чему прусский генеральный штаб уже в начале 1919 года получил возможность начать переформирование дислоцировавшихся в Бадене частей и тем самым приступить к созданию ядра будущей баденской бригады рейхсвера.

Позже буржуазные военные историки не преминут по достоинству оценить заслуги Хуммеля в деле спасения и сохранения монархического военного аппарата в Бадене. По их мнению, особенно удачной была идея о том, чтобы военное министерство использовало солдатские советы для борьбы с разбазариванием армейского имущества, и в частности для сбора брошенных проходившими фронтовыми частями материальных ценностей и возвращения разграбленного оружия. Благодаря этому советы получили задачу, выполнение которой отвлекало их от столь характерных для них политических разговоров и дискуссий.

Я хорошо помню, как проклинала все на свете бабушка Гофман, когда в послереволюционные дни она порой возвращалась из магазина с пустыми руками, простояв долгие часы в очереди, но так и не получив хлеба.

В городе расплодились спекулянты. Возмущение среди рабочих и безработных росло. С каждым днем становилось все очевиднее, что заверения «отцов города» в том, будто все скоро наладится, есть не что иное, как пустые обещания и мошеннический маневр.

Некоторые члены «Союза Спартака» и НСДПГ уже в ноябре 1918 года создали совет безработных, поставивший своей задачей хоть как-то смягчить жесточайшую нужду людей, оставшихся без работы. Однако представителям буржуазии, сохранившим свои позиции в органах городской власти, удалось придержать необходимые денежные средства и, как они говорили, «не допустить вмешательства в прерогативы официальных исполнительных органов».

Призывы вождей социал-демократии сохранять, несмотря ни на что, спокойствие и благоразумие, оказали свое воздействие, хотя, конечно, не везде. Многие рабочие, и среди них члены СДПГ, видя, что правые социал-демократы спелись с буржуазными властями, ответили на это переходом в НСДПГ и местную организацию Коммунистической партии Германии, которая была создана в январе 1919 года и уже в первый месяц своего существования насчитывала свыше 300 членов. Ее председателем был журналист Альберт Штольценбург. Его ближайшими соратниками были товарищи Якоб Шлер и Пауль Шрек. Усиление влияния НСДПГ и КПГ было обусловлено тем, что коммунисты, а также часть независимых социал-демократов были единственными, кто последовательно представлял интересы трудящихся. Это открыто признал в своей книге «Государственный переворот и политическая реконструкция в Бадене», вышедшей в 1925 году, правый социал-демократ Адам Реммеле, занимавший в период 1919—1925 годов сначала пост министра внутренних дел, а затем министра юстиции в баденском земельном правительстве. Баденская социал-демократия, пишет Реммеле, «на какое-то время впала в состояние общего паралича... Если бы земельные выборы состоялись на полгода позже, то их результаты для левоэкстремистских партий были бы иными, ибо к тому времени коммунистическая волна докатилась бы и до нашей земли».

Некоторые события того времени у нас, детей, вызывали особый интерес. Так, однажды утром, едва я успел выскочить во двор, чтобы поиграть, как мать вернула меня и

строго предупредила: «Не вздумай уходить из дома! В городе стреляют!»

Что же происходило? За день до этого, 22 февраля 1919 года, правления местных организаций НСДПГ и КПГ проводили совместное мероприятие в крупнейшем помещении Мангейма — «зале Нибелунгов» во дворце «Розенгартен». Приехавший в Мангейм из Мюнхена левобуржуазный публицист и поэт Эрих Мюзам, стоявший в то время близко к коммунистам, но в то же время сильно подверженный анархическим тенденциям, призвал 6 тысяч рабочих, собравшихся в «Розенгартене», не терпеть больше предательскую политику земельного правительства Бадена и принять в конце концов решительные меры. Не успел Мюзам закончить свою речь, как было оглашено сообщение о том, что премьер-министр Баварии Курт Ейснер — один из видных деятелей НСДПГ — убит в Мюнхене контрреволюционерами.

Яростное возмущение охватило мангеймских рабочих при известии о новом подлом убийстве: ведь не прошло и месяца с того дня, как берлинский пролетариат проводил в последний путь Карла Либкнехта и еще тридцать одного рабочего, убитых во время январских боев. После краткого совещания с товарищами на трибуну поднялся один из руководителей НСДПГ Ледерер и провозгласил Советскую республику Курпфальц. Был создан революционный рабочий совет. В революционный рабочий совет должны были войти двенадцать человек: четыре коммуниста, четыре независимых социал-демократа, четыре места предназначались для представителей СДПГ, руководство которой, однако, наотрез отказалось от какого бы то ни было сотрудничества.

Уже упоминавшийся ранее 3-й батальон бывшего 110-го гренадерского полка был разоружен. Большинство ополченцев фольксвера добровольно подчинились вновь созданному революционному совету. Дальнейшие события уже накатывались одно на другое, подобно волнам.

На следующий день профсоюз металлистов, крупнейшее профсоюзное объединение рабочих Мангейма, объявляет всеобщую забастовку. Революционные рабочие отряды получают оружие. Им отдается приказ занять крупнейшие предприятия. Другие вооруженные группы занимают ключевые тактические позиции в городе. Штурмом захвачена тюрьма, освобождены заключенные. В ночь на субботу, после того как стало известно, что лидеры СДПГ намереваются призвать население Мангейма к ответным действиям, рабочие-

коммунисты захватывают типографию социал-демократической газеты «Фольксштимме».

Почувствовав серьезную угрозу для себя, земельное правительство в Карлсруэ прибегает к насилию. Когда некоторые представители земельного центра рабочих советов обратились к земельному правительству с вопросом, что же теперь будет, Адам Реммеле заявил: «Насилие против насилия! Дальнейшее попустительство всему этому приведет к непоправимой катастрофе!»

Уже 23 февраля земельное правительство объявляет в Мангейме осадное положение. Железнодорожная связь с городом прервана. Вокруг Мангейма по просьбе баденского земельного правительства сосредоточиваются войска, чтобы затем войти в город и разоружить революционные отряды. В их числе — пресловутый вестфальский добровольческий корпус под командованием Пфеффера в составе трех пехотных и двух пулеметных рот, эскадрона кавалерии и артиллерийской батареи. С юго-востока к Мангейму движется отряд из 600 пехотинцев и трех пулеметных рот из состава 18-го армейского корпуса. Командование французских войск заявляет, что готово принять участие в вооруженных действиях и выделить для этого три пехотных батальона и два кавалерийских эскадрона.

Перед лицом реальной угрозы оказаться в кольце контрреволюционных войск часть мангеймских рабочих начинает проявлять колебания. Почти полностью изолированным от остальных революционных сил Бадена правлениям местных организаций НСДПГ и КПГ не остается иного выхода, кроме отступления. Недавно созданный революционный рабочий совет распускается. Взамен коммунисты получают пять мест в находящемся под влиянием реформистской социал-демократии рабочем совете. Революционные рабочие отряды выводятся с предприятий, сдают оружие и боеприпасы. Теперь уже реакция может действовать беспрепятственно. 7 мая в Мангейм вводится 2-й баденский добровольческий батальон. В квартирах рабочих начинаются повальные обыски — ищут оружие. Многие члены КПГ и НСДПГ арестованы. Президент земли Баден Гейс от лица своего правительства направляет благодарственное письмо военному министру Носке, который еще в период январских боев в Берлине на деле доказал верность своему же девизу «Кто-то ведь должен быть кровавым псом».

В течение последующих недель контрреволюция явно ожидала дальнейших революционных акций пролетариата. Чувствуя, что предотвратить их с помощью одних лишь де-

магогических лозунгов и средствами парламентской власти не удастся, она в своем стремлении сохранить капиталистический общественный строй ориентируется главным образом на применение военной силы. В Бадене были сформированы полицейские силы, а к началу марта 1919 года и четыре так называемых добровольческих батальона, в основном под командованием офицеров и унтер-офицеров старой армии. В то же время сокращалась численность фольксвера. Из него удалялись все, кто подозревался в принадлежности к левым. С 1 декабря по 1 марта 1919 года численность отрядов фольксвера в Бадене была сокращена с 6730 до 3900 человек, а в марте 1920 года они вообще были распущены. В первые месяцы 1919 года началось формирование резервных милицейских батальонов, которые весной 1919 года были переименованы в отряды местного ополчения.

В Мангейме в местном ополчении было много социал-демократов. Коммунистов в ополчение не принимали. Уже один этот факт свидетельствует о том, что ополчения, в которых право решающего голоса принадлежало правым силам, были созданы и предназначены для использования в интересах контрреволюции.

В Мангейме это наглядно подтвердилось во время кровавых событий, разгоревшихся несколько месяцев спустя. 21 июня 1919 года на городском рынке молодые рабочие выступили с протестом против непрекращающегося роста цен. Состоялись демонстрации и в восточной части города. Полицейские произвели массовые аресты и, не задумываясь о последствиях, стреляли в толпу. Свидетели этой жестокой расправы были возмущены. Они захватили полицейский участок и разоружили подразделения фольксвера, из которых к тому времени уже давно были удалены последние революционно настроенные элементы.

Одна из колонн демонстрантов направилась к замку, в который отступили остатки фольксвера. Там находились крупные склады оружия и боеприпасов. На подступах к замку демонстранты были встречены смертоносным ружейно-пулеметным огнем. Из находившейся напротив школы солдаты одной из рот 2-го добровольческого батальона бросали в толпу гранаты. Одиннадцать демонстрантов были убиты и 66 ранены. И вновь земельное правительство послало в Мангейм войска, которые в первую очередь заняли рабочие кварталы и приготовились подавить любое сопротивление.

Несколько лет спустя правый социал-демократ Адам Реммеле, дослужившийся к тому времени до поста баденско-

го министра внутренних дел, с исключительной похвалой отозвался о жестокости и беспощадности контрреволюционной военщины в те дни: «Добровольческие батальоны, так же как и другие военные формирования, оказали земле Баден и ее правительству неоценимые услуги. Без них большевистская волна обрушилась бы на народ Бадена точно так же, как это было в Баварии».

В это бурное время нашу семью постигло страшное несчастье: в июле умер мой отец. Говорят, что дети воспринимают смерть даже самых близких родственников не так тяжело, как взрослые, потому что они еще не в состоянии представить себе невозместимость утраты. Но для меня смерть отца была большим горем. Как часто, особенно когда он уже не вставал с постели, я сидел у его кровати и рассказывал ему о школе и своих товарищах по двору! Он всегда внимательно выслушивал меня, серьезно относился к тому, что я рассказывал, отвечал на мои вопросы откровенно и с пониманием. И вот теперь этого уже никогда не будет. Помню, еще не раз, когда мать уходила на работу, я мчался через две ступеньки наверх в нашу мансарду, чтобы поделиться с отцом какой-нибудь новостью, и, лишь очутившись перед запертой дверью, вспоминал, что его нет.

Вскоре после смерти отца мы оставили нашу маленькую чердачную квартиру в Вальдхофе и поселились в старой части города, в том же самом доме, где жили родители моей матери, дедушка и бабушка Байли. Этот дом находился в квартале J5. Здесь я должен пояснить, что старый город в Мангейме был построен в XVII веке по единому архитектурному плану и единственный из всех городов Германии был разделен на кварталы, обозначавшиеся буквами в алфавитном порядке и цифрами.

Переезд был для меня неприятен по многим причинам: мне недоставало моих друзей с Гласштрассе, да и к новому месту было нелегко привыкнуть.

Облик предместья Вальдхоф складывался из многочисленных, в большинстве своем маленьких двухэтажных секционных домов, в которых проживали семьи рабочих. Несмотря на то что жители этого района, получавшие, как правило, невысокую зарплату на заводе фирмы «Бенц» или близлежащей фабрике зеркал, вели весьма скромный образ жизни, этот рабочий квартал производил светлое, приятное впечатление. По крайней мере, тут было много солнца, зелени, садов; рядом находились лес и луга.

Совсем иным был квартал J5. Здесь однообразными рядами стояли отделенные друг от друга задними дворами

четырех- и пятиэтажные многоквартирные дома казарменного типа. Темные и грязные дворы, в которые редко попадал луч солнца, придавали этой части города мрачный вид. Здесь ютилась беднота. Домовладельцам, регулярно повышавшим квартплату, было совершенно наплевать, как живут их жильцы. Большинство квартир обветшало. В основном здесь жили рабочие, но в затхлых и мрачных задних постройках обитали также какие-то темные личности.

В своей эпической поэме «Герман и Доротея» Гете с похвалой отзывался о «приветливом Мангейме», построенном в едином, жизнерадостном стиле. Видел бы Гете эти мрачные, обветшалые дома на северо-западе старого города! Вряд ли бы он тогда это написал! Поэт наверняка имел в виду великолепные здания в стиле барокко, построенные в Мангейме за несколько десятилетий до приезда Гете: замок, церкви Святого Себастьяна, Иезуитов, Согласия, Арсенал, Национальный театр и старую ратушу.

Эти импозантные здания, вошедшие в историю искусства как шедевры барокко, были сооружены в XVIII веке, после того как курфюрст Карл Филипп перенес свою резиденцию из Гейдельберга в Мангейм. Тогда и возникла планировка старого города: 136 прямоугольников и трапеций, обозначенных заглавными буквами и числами (от A1 до U6), окаймленных кольцевой улицей и разделенных прямыми как стрела проспектами и островами широких, просторных площадей. И все это прямыми линиями устремлено к замку, расположенному в южной части старого города. Эта типичная для эпохи абсолютизма планировка, столь хорошо сохранившаяся в Мангейме, всегда наводит на размышления. Некоторые склонны видеть в строгой, точной линейности воплощение «ясного духа рационализма», в то время как, по мнению других, Мангейм производит впечатление «сделанного, а не естественно выросшего города, деспотического, как всякая подлинная резиденция». Те же, кто в первую очередь подчеркивал выдающееся культурное значение Национального театра (разрушенного во время второй мировой войны), провозглашали его, а не за́мок главным архитектурным украшением города, шутливо утверждая: «Мангейм — это театр, вокруг которого построен город».

Не могу сказать, чтобы мрачные казармоподобные дома квартала J5 уж слишком сильно угнетали меня (между прочим, говорят, что они уже снесены), но разницу между Вальдхофом и Люценбергом я все-таки ощущал. И это навело меня на размышления: как же так получается, что тысячи людей вынуждены ютиться в таких запущенных, об-

ветшалых зданиях, в то время как другие живут в шикарных виллах, окруженных ухоженными садами, скверами и парками?

Однажды мы отправились в гости к подруге моей матери, служившей горничной в семье одного предпринимателя. И вот мы в восточной части города, в том фешенебельном квартале около Луизенпарка, где жила мангеймская буржуазия. Роскошные сады с цветочными клумбами и прячущимися в зелени домами так понравились мне, что я спросил мать:

— А разве мы не можем здесь жить?

— Ах, сынок, — ответила мать, — это не для нас. Здесь живут только богатые люди!

И действительно, матери приходилось считать и пересчитывать каждую копейку. Но мне все равно было непонятно, почему мы не могли жить в этом чудесном районе. Однако затем, уже в гостях, постоянные опасения подруги моей матери, как бы я что-нибудь не схватил и не поломал в доме или в саду, отравили мне радость пребывания в этом аристократическом районе.

В своем квартале J5 мы, по крайней мере, могли носиться и играть сколько душе угодно. Поэтому мы, мальчишки, никогда не скучали. Стоило лишь пересечь кольцевую улицу Луизенринг, как ты уже на берегу Неккара. Обширные луга вдоль берегов были идеальным местом для игр и прогулок, особенно в период половодья, когда река выбрасывала на берег то, что унесла откуда-то во время разлива. Под солнечными лучами вода Неккара отсвечивала голубым и казалась нам более теплой, чем зеленоватые воды Рейна. С так называемой неккарской косы — там, где Неккар впадает в Рейн, — мы любили смотреть, как постепенно смешиваются два могучих потока.

Восточнее неккарской косы лежит остров Фризенхаймеринзель, в те времена обширное пространство, местами поросшее кустами и усеянное цветами, — любимое место наших летних прогулок. По берегу острова мы нередко доходили до его северо-западной оконечности, носившей название «Вайдевельдле» («ивовый лесок»). А если в жаркий летний день нас мучила жажда, мы, не раздумывая, утоляли ее речной водой. Сегодня сама мысль об этом вряд ли придет в голову кому-нибудь из мангеймцев.

Очень нравилось нам бывать в Мангеймском торговом порту и примыкавшем к нему промышленном порту. В те времена этот гигантский портовый комплекс с акваторией почти 300 гектаров и десятками разгрузочных причалов

общей протяженностью 50 километров был после порта Дуйсбург-Рурорт вторым по величине речным портом Германии. Можно представить себе, какое оживление царило тут, если уже в те времена здесь разгружалось и погружалось 6—7 миллионов тонн грузов в год.

Взрослым не нравилось, что мы болтаемся в порту, и не раз нас прогонял надсмотрщик. Но у нас были свои маленькие хитрости. К тому же мы подружились с некоторыми судовыми экипажами и точно знали, когда прибывают и разгружаются их суда. При разгрузке нам иногда перепадало немного угля или даже по паре картофелин.

Поскольку мать работала, я целыми днями был предоставлен самому себе. Часто меня тянуло в Люценберг к бабушке и дедушке Гофманам. Я любил ходить к ним в гости. Бабушка давала мне с собой какие-нибудь мелочи, а у дедушки теперь было для меня больше времени. Вскоре после смерти отца с ним произошел несчастный случай на производстве: раскаленный шлак попал ему на спину и вызвал тяжелые ожоги. Раны заживали медленно, с работой истопника было навсегда покончено. Дед стал пенсионером. Позже, уже немного поправившись, он порой иронизировал над собой: «Тридцать лет работать и тридцать лет получать пенсию. Об этом можно только мечтать. Но получать за эту каторжную работу у печи такие жалкие крохи — в общем и целом все равно получается сплошной обман!»

Каждый раз дед смеялся своей шутке, но, конечно же, в его словах было немало горечи.

Если у дедушки и бабушки Гофманов я, как правило, гостил в единственном числе, то у родителей матери всегда было полно народу. Все их двенадцать детей уже имели свои семьи, многие уехали из Мангейма, но некоторые из моих дядюшек и тетушек с детьми частенько наведывались к родителям. Два или три внука находились у них постоянно. Во всяком случае, я не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь был с ними один. Это было полезно для моего воспитания, особенно если учесть, что братьев и сестер у меня не было. Привыкнув с детства находиться в обществе сверстников и взрослых, я в своей дальнейшей жизни никогда не испытывал затруднений в контактах с людьми.

Дедушка и бабушка Байли были родом из Шварцвальда, из небольшой деревеньки Кленген, недалеко от Виллингена. В молодости дед отправился путешествовать и много повидал. Дороги странствий уводили его далеко за пределы родной Юго-Западной Германии: в Швейцарию, Австрию, Италию и даже Испанию. На родину дед вернулся сапожным

мастером. Но на чужбине он не только научился шить сапоги и туфли, но и усвоил идеи и цели организованного рабочего движения. Так что в родной Шварцвальд дед возвратился убежденным социал-демократом. Здесь он влюбился в дочь крестьянина и женился на ней. После свадьбы молодожены перебрались в Мангейм, так как ремесло сапожника было отнюдь не золотым дном — по крайней мере, в маленькой шварцвальдской деревушке, где родилась и жила моя бабушка. Арендаторы и мелкие крестьяне лишь изредка могли позволить себе заказать новые сапоги и чаще всего из экономии сами ремонтировали свою обувь.

В Мангейме у деда было больше клиентов. Там же он нашел и своих единомышленников: социал-демократическое движение росло и крепло, особенно начиная со второй половины 70-х годов. Дед стал членом одного из рабочих союзов и во времена действия закона о социалистах вступил в один из союзов любителей естествоведения, в котором мангеймские социал-демократы наряду с нелегальной партийной работой изучали естественнонаучные проблемы. С этой поры лозунг «Знание — сила» стал его жизненным девизом. Дед не упускал случая напомнить нам, детям, о том, что на уроках нужно внимательно слушать и хорошо учиться. Если он хотел как-то особенно поощрить нас, то собирал вокруг стола, доставал из комода старый атлас, карты звездного неба, стопку исписанных листков и начинал рассказывать.

Любимым занятием дедушки Байля была астрономия. Вдохновленный просветительскими вечерними занятиями, организованными мангеймскими социал-демократами, он в течение жизни собрал из книг, газет и журналов солидную сумму знаний о Земле, Солнце и Луне, о соседних планетах, об их орбитах и расстояниях друг от друга. Он умел так живо рассказывать обо всем этом, что мы, дети, не только внимательно слушали, но и часто задавали ему вопросы и тем самым еще больше вдохновляли его.

Возможно, что о людях и событиях, которые в детстве произвели на человека сильное впечатление, он, став взрослым, судит уже гораздо сдержаннее. Однако я и сейчас восхищаюсь солидными знаниями моего деда, окончившего всего лишь сельскую школу и усвоившего большую часть знаний без учителя, самостоятельно. Как мне сейчас кажется, занятия Вселенной были для него способом уйти от земной политической повседневности, ибо, чем очевиднее становилось, что реформистски настроенные вожди социал-демократии находят общий язык с монополистической буржуазией и предают интересы рабочего класса, тем

глубже становился его конфликт с самим собой и своей партией, тем сильнее он сомневался в искренности и честности ее руководителей. А честность и искренность всегда были для дедушки Байля теми чертами, которые должны отличать каждого порядочного рабочего и каждого убежденного социал-демократа. «Бедным ты можешь быть, мальчик, но ты должен знать, с кем ты, и никогда не смей обманывать!»

Многодетность Байлей и малодоходная профессия сапожника вынуждали деда постоянно искать возможности подработать на стороне. Двенадцать ртов нужно было накормить, а то, что давало ремесло сапожника — в большинстве случаев лишь какие-то пфенниги за ремонт, — не позволяло даже сводить концы с концами. И наконец дед нашел вторую работу — фонарщика. Рано-рано утром (летом уже около трех часов), а по вечерам с наступлением темноты он выходил из дому вооруженный длинным шестом с крюком на конце, чтобы гасить, а вечером — зажигать фонари на соседних улицах.

У этой дополнительной работы были как свои положительные, так и отрицательные стороны, связанные не только с ее сущностью. Положительное заключалось в том, что дед встречал по пути многих знакомых и, узнавая от них новости, был всегда в курсе последних событий: иногда раньше, чем мог прочесть об этом в газете «Фольксштимме», а порой даже слышал о том, что вообще нигде не печаталось. На своей второй работе дед считался служащим муниципалитета и получил благодаря этому право на пенсию. Таким образом, старость его была обеспечена, хотя, конечно, в весьма скромной мере.

Но вот именно этот статус служащего с правом на пенсию и повлиял на деда отрицательно. Он стал все больше и больше внушать себе, что кое-чего добился. Его «привилегированное» положение порой уже просто мешало ему видеть политическую реальность. Лишь незадолго до установления фашистской диктатуры он понял свою ошибку. Это было, пожалуй, самое горькое прозрение в его жизни. Но об этом позже.

Однажды утром, когда мать собиралась на работу, со своего обычного утреннего обхода вернулся дед и сказал: «Оставайся дома. Сегодня везде бастуют. Капп и Лютвиц организовали путч. Говорят, правительство в Берлине свергнуто. И национальное собрание они тоже хотят распустить, подонки проклятые!»

Мать заколебалась. Из окна она видела, как несколько мужчин и женщин из соседних домов пошли на работу.

Большинство из них она знала. А когда среди тех, кто торопливо шагал в чуть брезжущем утреннем свете, мать разглядела фигуру одного коллеги с ее фабрики, о котором ей было известно, что он — член КПГ, она сказала: «Раз идет он, то пойду и я!»

Однако дед продолжал стоять на своем. А когда бабушка встала на сторону матери, он показал на портрет, висевший над диваном, и сказал: «Не забывайте то, что сказала нам тогда Роза! Она ведь была права!»

Это убедило мать, и она осталась дома.

Спор между матерью и дедом, который был решен упоминанием имени не известной мне женщины, чей портрет висел в дедушкиной комнате, пробудил во мне любопытство. Поэтому я спросил бабушку, кто такая эта Роза. Может быть, моя тетя? Бабушка улыбнулась: «Это Роза Люксембург. Когда тебя еще не было, в Мангейме проходили съезд Социал-демократической партии Германии и женский конгресс. Это было в 1906 году. И товарищ Люксембург там выступала. Ночевала она у нас. Она была умной женщиной и хорошим товарищем, любила рабочих и боролась за них. Реакционерам она была как бельмо на глазу. В прошлом году, в январе, в Берлине ее и Карла Либкнехта подло убили».

Как бы ни было сильно влияние реформистов на моего деда уже в те времена, о которых рассказывала бабушка, Розу Люксембург он не давал в обиду ни тогда, ни позже. Впрочем, это было характерно для многих баденских социал-демократов. Последовательная позиция Розы Люксембург по отношению к правым оппортунистам в баденской социал-демократии, проголосовавшим летом и осенью 1910 года за бюджет великого герцога, ее решительные выступления в многочисленных местных организациях СДПГ в Бадене, в том числе и в Мангейме, были значительным вкладом в борьбу за интересы трудящихся, против буржуазного государства и подготовки к войне, осуществлявшейся империалистами. Роза Люксембург произвела сильное впечатление на многих социал-демократов, причем не только на левых.

Через несколько дней выяснилось, что дед был прав. В Мангейме возникла довольно сложная ситуация. Еще 19 марта было создано руководство забастовкой, куда вошли представители НСДПГ, СДПГ и КПГ. В Берлине же центральное руководство КПГ, частично под влиянием ультралевых сил в берлинском окружном комитете, поначалу приняло решение воздержаться от призыва ко всеобщей забастовке.

Как бы ни была необходима сплоченность в борьбе против военной диктатуры, приводилось в обоснование этого решения, коммунисты не могут считать делом своей партии защиту правительства, ответственного за убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Однако уже на следующий день руководство КПГ призвало рабочий класс к совместной борьбе против путчистов. И тем не менее ультралевые и другие сектанты в баденском окружном комитете КПГ в противоположность центральному руководству партии продолжали придерживаться старой позиции — отказа от призыва ко всеобщей забастовке. Защищать буржуазное правительство — значит предать интересы рабочего класса — так аргументировали они свое решение. Если профсоюзы и социал-демократы участвуют в забастовке, то это их дело, но ни в коем случае не дело пролетарской политики. Вместо этого рабочие должны занять предприятия, создать революционные заводские и фабричные советы и продолжать работать. Часть мангеймских рабочих, в том числе и многие коммунисты, последовали этому призыву. На сорока трех предприятиях города были созданы заводские и фабричные советы, состоявшие в основном из коммунистов. Эти предприятия фактически оказались в руках рабочих, у которых, однако, не было никакой политической власти. Занятие предприятий так и осталось изолированной акцией, окончательно провалившейся уже через несколько дней.

По всей Германии в забастовке участвовало свыше 12 миллионов промышленных и сельскохозяйственных рабочих и служащих. Мощное забастовочное движение вынудило контрреволюционное правительство Каппа — Лютвица уйти в отставку. Эта самая крупная из всех известных до того времени единых акций немецких трудящихся наглядно показала, какую громадную, несокрушимую силу представляет собой рабочий класс, когда он организованно и сплоченно выступает за свои законные классовые интересы, борется за исторический прогресс. Но если этого единства нет или же оно утрачено в ходе политической борьбы, классовый враг побеждает. Именно так все и было после капповского путча. После того как руководство СДПГ и НСДПГ, вопреки противодействию КПГ и левых независимых социал-демократов, приняло решение о прекращении забастовки, несмотря на то что рабочие так и не добились гарантий выполнения их демократических требований, реакция получила возможность использовать против рабочих военную силу, в том числе также добровольческий корпус и регулярные войска, участвовавшие в путче. В этих условиях даже героическая

борьба рурской Красной армии и других вооруженных рабочих формирований в Тюрингии, Саксонии, Центральной Германии и Мекленбурге не могла привести к победе.

Конечно, подавление капповского путча позволило сохранить буржуазно-демократическую республику и избавило рабочий класс от полуфашистской военной диктатуры. Были также сохранены права на забастовки и восьмичасовой рабочий день. Но уровень реальной зарплаты падал. Из-за инфляции росла стоимость жизни для трудящихся, росла и безработица.

Бабушка Байль, научившаяся за свою жизнь обходиться минимумом денег и всегда умевшая состряпать обед так, чтобы все были сыты, в условиях постоянно растущих цен иногда просто не знала, чем набить наши голодные желудки.

Тут, однако, произошло событие, на несколько недель полностью изменившее мой привычный образ жизни.

21 сентября 1921 года рано утром в соседнем городе Людвигсхафен на химическом предприятии «Бадише анилин унд сода-фабрик» произошел мощный взрыв. Воспламенились хранившиеся в одном из бункеров аммониевые смеси. Последствия взрыва были ужасны: 600 человек погибло, около 2 тысяч ранено, свыше 6 тысяч осталось без крова. Взрывная волна была столь мощной, что достигла Мангейма. Были выбиты тысячи оконных стекол, повреждены многочисленные крыши и печные трубы. В одном лишь Мангейме ущерб, нанесенный взрывом, оценивался в 2,3 миллиона рейхсмарок.

В момент взрыва я стоял у дома, и мне на голову упал осколок оконного стекла. Дядя Фриц, брат матери, который после смерти отца вместе с дедушкой Байлем проявлял обо мне всяческую заботу, работал на «Бадише анилин унд сода-фабрик». Там он выхлопотал для меня — в какой-то мере как компенсацию за мое ранение — четырехнедельную путевку в католический детский дом отдыха. Попрощавшись с матерью, дедом и бабушкой, я отправился в Шварцвальд, в одно из детских учреждений при женском монастыре, расположенном недалеко от Фрейбурга в живописной местности на западном склоне южной части Шварцвальда.

Американский писатель Марк Твен, сто лет назад во время своего путешествия по Европе посетивший Юго-Западную Германию, в своей книге «Пешком по Европе» возвышенными словами описывает красоты ландшафта между Майном и Боденским озером. Далеко не все в путевых заметках американского юмориста можно принимать за чистую монету, но все же впечатления Твена от Шварцвальда я хочу

воспроизвести, так как во время своего пребывания там испытал похожие чувства: «Трудно описать эти величественные леса и те чувства, которые они навевают. Тут и глубокое довольство, и какая-то задорная мальчишеская веселость, а главное — отрешенность от будничного мира и полное освобождение от его забот» [1].

Все так и было. Хорошая обильная еда, целыми днями игры на воздухе и лесные прогулки — все это пришлось мне по вкусу. Вначале меня тяготили чрезмерная опека монашек, которые ни на минуту не спускали с нас глаз, боясь, как бы с нами чего не стряслось, и их упорство, с которым они заставляли нас молиться каждый раз перед едой и сном. Но, поскольку все они хотели нам добра и старались, чтобы мы ни в чем не испытывали недостатка, мы, несмотря ни на что, вскоре уже чувствовали себя как рыбы в воде. Однако чудесное время пронеслось как миг, и вот опять уже я в Мангейме и должен топать в свою школу.

Первые школьные годы в Люценберге я почти не помню. Моя первая школа находилась на Гервигштрассе, в районе промышленного порта. Для тогдашних условий это была довольно современная школа с большими и светлыми классами. В подвале находились кабинеты производственного обучения, где занимались старшеклассники: мальчики обучались ремеслам, а девочки учились готовить. От школы до дома было не больше пяти минут ходьбы, но мне иногда не хватало и часу. Уж слишком меня тянуло в порт, к великому неудовольствию бабушки Гофман, которая, конечно же, скоро разузнала, где я болтаюсь после школы, и потом уже никак не могла избавиться от страха, что со мной может что-нибудь случиться.

После переезда к родителям матери в квартал J5 меня перевели в школу в квартале K5. Особым старанием я не отличался. И если я все-таки был в числе хороших учеников, то только благодаря тому, что все быстро схватывал. Моим любимым предметом была история. Кроме того, меня интересовало все, что относилось к естественным наукам. Несмотря на то, что баденская школьная система была весьма прогрессивной по сравнению с системами народного образования в других землях Германии (объяснялось это, пожалуй, традиционно сильным влиянием либеральной буржуазии на многие стороны деятельности муниципальных и коммунальных органов в Бадене), все же в те времена в народных школах не было столь систематического и глубо-

[1] Твен М. Собр. соч. М., 1960, т. 5, с. 144.

кого преподавания естественнонаучных дисциплин, как сегодня у нас.

Зато особое внимание в баденских учебных заведениях уделялось «патриотическому» воспитанию в духе монархизма и уважения к буржуазным устоям общества. Милитаризм и национализм, перемешанные с изрядной порцией верноподданничества и сдобренные трогательными сказочками о «добром отце и благодетеле» великом герцоге баденском, определяли суть воспитательной программы. Так, например, в день рождения великого герцога каждый ученик получал в подарок большой соленый крендель. Этот обычай некоторое время сохранялся даже после революции, несмотря на то что Фридрих II к тому времени уже давно отрекся от престола. Мы, дети, не видели в этом ничего плохого, с аппетитом уплетали хрустящие крендели и не возражали бы, если бы великий герцог праздновал день рождения несколько раз в году.

Двух учителей я хорошо помню. Один, по фамилии Штех, в течение многих лет был моим классным руководителем в школе, расположенной в квартале К5. Как и многие другие учителя, он был офицером запаса и уделял большое внимание порядку, чистоте, дисциплине и выправке учеников. Везде и всюду наш класс передвигался только строем — во время перемен на школьном дворе, в физкультурном зале, во время прогулок на природе. И горе тому, кто не хотел идти в ногу! Не стану утверждать, что мальчишкам пришелся по душе этот военный стиль, но и вреда от него тоже не было. Во всяком случае, со Штехом нам нравилось. У него на уроках мы вели себя хорошо. Особенно мы уважали его за то, что он был справедлив и никогда не наказывал сгоряча. В то время как другие учителя не скупились на удары, Штех крайне редко поднимал на нас руку. За это мы его высоко ценили.

Другим учителем, которого я помню, был наш директор. Он был майором запаса, и это обстоятельство наполняло его чувством гордости, это он подчеркивал при каждом удобном и неудобном случае. У директора было две любимые темы: первая — фронтовые впечатления времен первой мировой войны и вторая — французы.

После вступления в силу Версальского мирного договора Мангейм поначалу был свободен от французской оккупации. С декабря 1918 года весь Пфальц, включая Людвигсхафен, был оккупирован 8-й французской армией под командованием генерала Жерарда, но Мангейм, оказавшись в нейтральной зоне, созданной на правом берегу Рейна, избежал

этой участи. Портовые зоны Людвигсхафена и Мангейма французы заняли только в начале марта 1923 года. Причины их оккупации были те же самые, что и причины состоявшейся чуть раньше, в январе 1923 года, оккупации Рурской области французскими и бельгийскими войсками. Французский империализм был спровоцирован на этот шаг германским монополистическим капиталом, политика которого имела своей целью пересмотр результатов первой мировой войны. Оккупировав важные промышленные районы Германии и отделив их от остальной страны (поначалу лишь с помощью таможенного барьера), французский империализм надеялся нанести тем самым германскому монополистическому капиталу серьезный удар. Французский империализм стремился к установлению своей экономической и политической гегемонии в Европе.

Результатом оккупации Рура была дезорганизация германской экономики. Добыча каменного угля упала на 72%, производство чугуна — на 54%.

В то время как рейхсвер готовился к военным действиям против французских войск, националистические группы с помощью взрывов и диверсий вели малую войну против французских и бельгийских оккупационных войск. Некоторые круги германской монополистической буржуазии видели спасение своего классового империалистического государства в сепаратизме. Одним из выразителей интересов этих кругов был вождь сепаратистов Гейнц-Орбис, провозгласивший 12 ноября 1923 года автономную республику Пфальц, в состав которой должны были войти также Мангейм и Гейдельберг. Цель названных кругов состояла в том, чтобы политически отделить Пфальц и часть Бадена от остальной территории Германии, оградить крупную буржуазию Пфальца от революционного движения в остальных районах страны и уберечь ее от экономических последствий Версальского договора. Ожесточенная конкурентная борьба между германским и французским империализмом имела опустошительные последствия и для Мангейма. Особенно она сказалась на положении рабочих и мелкой буржуазии.

Вновь созданная оккупационная зона в районе Мангейма включала территорию, на которой находились все портовые сооружения: Мюлаухафен и речной порт, соединительный канал, а также Неккарский порт и промышленный порт. Ее восточная граница начиналась у люценбергской школы в районе Вальдхофа в северной части города, проходила через мост Фридрихсбрюкке на востоке, Юнгбуш, замок и далее вдоль правого берега Рейна до районов Неккарау и Рейнау.

В результате этого многие заводы, склады, учреждения были отрезаны от города и остальной части страны — всего 265 предприятий с 17 тысячами рабочих и служащих. Погрузочно-разгрузочные работы в Мангеймском порту почти полностью прекратились. В 1922 году их объем составлял 7,2 миллиона тонн, а в 1923 году — лишь 1,2 миллиона тонн. Численность безработных резко подскочила вверх. В ноябре 1923 года их число составило почти 27 тысяч, продолжало расти и к концу года достигло почти 30 тысяч. Это означало, что четверть всех промышленных рабочих, ремесленников и служащих не имела работы.

На фоне этих политических событий директор школы и проводил свое «патриотическое» воспитание. Стоило кому-нибудь из нас лишь упомянуть о том, что вчера он в парке у замка видел французских солдат, как директор тут же бросал заниматься арифметикой и в течение четверти часа, а то и больше, распространялся об «этих французских подонках», которые виноваты во всех наших несчастьях и которых как можно скорее нужно прогнать ко всем чертям. По словам директора, они не заслуживали ничего, кроме презрения. Тому, кто что-нибудь возьмет от них в подарок, нужно плюнуть в лицо, потому что такому человеку попросту неизвестно, что такое честь.

Вскоре мы обнаружили, что «патриотическое» воспитание для нашего директора перевешивает все остальное. Если мы не знали ничего такого, что можно было бы «подбросить» ему, мы просто-напросто придумывали что-нибудь подходящее и каждый раз были ужасно рады, когда майор запаса сразу же попадался на приманку, заводился и забывал проверять наше искусство в счете и наши знания немецкого.

Вряд ли кто-нибудь из нас принимал всерьез проповеди нашего директора. Я, например, мало-помалу начал сомневаться в честности его педагогических намерений. В конце концов, у меня был свой собственный опыт общения с французскими солдатами, и, кроме того, однажды на улице они подарили мне плитку шоколада и душистую белую булку.

Таким образом, собственный опыт находился в вопиющем противоречии с тем, что говорил нам директор о соседнем народе и французских солдатах. Когда я вечером рассказывал деду, что директор снова клял на чем свет стоит французов, тот говорил в ответ на это: «Пусть не трепется. Наши заботы его, конечно, не волнуют. Кроме того, господа из Берлина ничуть не лучше господ из Парижа!»

И вообще, многое из того, что нам преподносилось в школе в националистическом и буржуазном духе, дедушка

Байль и моя мать оценивали правильно, а точнее, в свете левых идей. Не могу сказать, что они воспитывали меня убежденным социалистом. Но мать и ее родители привили мне в детстве сознание того, что я мальчик из рабочей семьи, что этого не нужно стыдиться, что этим следует гордиться. Эта принципиальная позиция сыграла большую роль в моей дальнейшей жизни — и прежде всего тогда, когда нужно было принимать самостоятельные решения. Многое мне давалось легче просто потому, что я с детства твердо знал: я принадлежу к рабочему классу и мое место всегда там, где развевается красное знамя!

Я читал подряд все, что попадало мне в руки. При этом вначале мною двигала не жажда знаний, а просто мне нравилось «расшифровывать» слова и фразы. Но когда в седьмом-восьмом классе я стал отчетливее понимать смысл прочитанного, меня охватил настоящий книжный голод. Дедушке Байлю нравилась моя страсть к чтению, но этим все и ограничивалось. В доме не нашлось никого, кто помог бы мне найти хорошую духовную пищу, кто сказал бы мне: «Почитай то! Прочти это!» Я взахлеб читал книги, что находил у матери и у дедушки с бабушкой. Их было немного. Тем не менее они удовлетворяли мои потребности в течение долгого времени. Кое-что нравилось мне настолько, что я читал и перечитывал это вновь и вновь.

Одна книга, выделявшаяся среди других тем, что на ее роскошном переплете была изображена черная голова, особенно полюбилась мне. Это были избранные сочинения Шиллера. Еще давно, когда был жив отец, он не раз показывал ее мне, вероятно, для того, чтобы подстегнуть меня в моей учебе. Сам он получил ее за успехи в школе.

С одинаковым интересом я читал «Разбойников», «Вильгельма Телля», «Дона Карлоса» и «Валленштейна». Я даже вознамерился прочесть первую часть гётевского «Фауста», но, конечно же, понял далеко не все. Меня больше захватывали сюжеты драм, а над их глубоким смыслом я особо не задумывался. Эпизоды с наиболее бурными событиями я перечитывал по нескольку раз. Через некоторое время я мог уже рассказывать отдельные места наизусть.

Читал я и библию, так как и она была в нашей скромной домашней библиотеке. Помню, с каким любопытством я прочел историю о сотворении мира. Кое-что воспламеняло мою фантазию, а некоторые места оставались для меня такими же темными, как мир в первый день его сотворения. Я обратился к деду. Тот объяснил мне, что люди, написавшие библию, знали далеко не так много, как мы. Конечно

же, Земля возникла совсем не так, как описано в ней. И тут дед, оседлав своего конька, рассказал мне о том, как действительно возникли Солнце, звезды и Земля. Вспоминаю, что вначале подробный рассказ деда не очень-то меня увлек. Возможно, это объяснялось тем, что его повествование о рождении мира было куда суше библейской истории. Однако дед умел рассказывать так живо и понятно, что «его версия» возникновения Земли представлялась мне все более и более правдоподобной.

Когда вся домашняя литература была прочитана и перечитана, я стал брать книги у товарищей. У некоторых из моих друзей были книги Карла Мая, прошедшие уже через неведомо какое количество рук. Мне нравились описания далеких стран, но больше всего меня захватывали приключения Верной руки и Виннету. За этих героев диких лесов я, как и многие мои сверстники, был готов пойти в огонь и воду.

Не скрою, среди моих книг были и приключенческие выпуски о похождениях Рольфа Торинга, Сун Ко и других «героев» (разве упомнишь их всех?). За двадцать — тридцать пфеннигов эти тоненькие книжечки можно было купить в любом газетном киоске. Среди них не было ни одной, которая не была бы переполнена описаниями самых ужасных преступлений. Но поскольку я так или иначе вынужден был довольствоваться только тем, что ходило по рукам среди моих товарищей по школе и двору, я все равно не мог позволить себе быть слишком разборчивым.

У матери моя любовь к чтению не находила особого одобрения. Целый день она работала на фабрике и часто приходила домой только поздно вечером. И тут, когда мать замечала, что свои домашние обязанности я выполнил кое-как или вообще ничего не сделал, я получал порядочную головомойку.

Что касается деда, то тот вообще считал, что я уже достаточно большой для того, чтобы помогать ему в его сапожной мастерской. «Как есть, так тебе подавай!» — говорил он. Вначале моя задача заключалась только в том, что я подавал ему инструменты, сортировал обувь и после ремонта разносил ее заказчикам. Но вскоре дед дал мне в руки молоток, жестяную коробку деревянных гвоздей, и я стал помогать ему делать набойки. Мне очень хотелось поскорее самому начать стучать молотком, однако дело это оказалось далеко не простым.

Дед вырезал набойку, намазывал ее густым клеем, которым провоняла вся мастерская, и закреплял набойку на

ботинке тремя-четырьмя гвоздями, после чего клал ботинок под пресс. Вынув ботинок из-под пресса, дед шилом делал по краям набойки два ряда дырочек, в которые я должен был забить деревянные гвозди.

— Смотри, все очень просто!

Дед насыпал себе в рот горсть гвоздей и, выталкивая языком по одному гвоздю на нижнюю губу, брал их большим и указательным пальцами, вставлял в дырочки и бил по ним молотком.

— Тук, тук — сидит! Тук, тук — сидит! Вот так и делай!

У меня, конечно, дело шло туго. Поначалу гвозди частенько ломались при первом ударе и застревали в коже. Тогда приходилось их спиливать рашпилем, делать новую дырку, и только после этого молоток вновь начинал выколачивать свой ритм. Дед не выдерживал и начинал ругаться, кричать, что я ни на что не годен. Терпеливым учителем его никак нельзя было назвать. Не раз я получал от него по голове колодкой или ботинком, над которым он в тот момент работал.

Поэтому мой первоначальный энтузиазм на ниве сапожного ремесла быстро улетучился, и я при первой возможности старался после обеда побыстрее улизнуть из дому, чтобы не попасться деду на глаза. Это не всегда удавалось, и нередко вторую половину дня я вынужден был торчать в душной вонючей мастерской, в то время как мои товарищи по классу играли во дворе или шли «делать открытия». Я чувствовал себя ущемленным и несправедливо наказанным. Сейчас я понимаю, что все более плачевное материальное положение матери и ее родителей не оставляло им иного выбора — пришлось впрягать в семейные заботы и меня.

Цены росли, как грибы после дождя. Осенью показатели инфляции достигли астрономических величин. В ход пошли купюры достоинством в триллионы. Некоторые мангеймские крупные предприятия вынуждены были прибегнуть к выпуску собственных денежных знаков.

Однажды, кажется осенью 1923 года, мать пришла с работы так поздно, что не успела зайти в магазин. В тот вечер она принесла домой недельную зарплату. Уже на следующий день этих денег хватило лишь на то, чтобы купить пару булочек. Если бы не дедушка с бабушкой, то уж и не знаю, как бы мы прожили следующую неделю!

Так же как и по всей Германии, в 1923 году положение рабочих и других трудящихся Мангейма стало просто невыносимым. Закрытие предприятий, локауты, неполный

рабочий день и массовые увольнения были обычными явлениями. Все чаще рабочие выходили на улицы. Демонстрации безработных, бурные протесты против голода и беспорядки перед городской ратушей. В середине октября 1923 года в Мангейме было объявлено чрезвычайное положение. Полиция установила на улицах заграждения из колючей проволоки и стреляла в безработных демонстрантов. Снова убитые и раненые. Многие коммунисты были арестованы.

Мать, дед и бабушка строго-настрого запретили мне ходить вместе с колоннами демонстрантов, потому что в то тревожное время очень велика была опасность, что по демонстрантам будут стрелять. Несмотря на это, я все время стремился в центр города. А когда вечером дома я взволнованно рассказывал о своих дневных впечатлениях, о том, что в наших опять стреляли, то мать хотя и ругала меня за то, что я опять встреваю, куда не положено, но более строгих мер не принимала. Пожалуй, при этом она думала о том, что вечно удерживать меня подальше от горячих ситуаций все равно не удастся.

Одно событие тех лет навечно осталось в моей памяти. Это было в конце января 1924 года. Я возвращался домой из Неккарштадта и едва успел пройти мост Фридрихсбрюкке, как все движение внезапно прекратилось: замерли машины, трамваи, остановились экипажи, повозки и пешеходы. Многие люди сняли шапки и стояли со скорбными лицами, потупив взгляд. Несколько минут царила мертвая тишина.

Такого мне еще никогда не приходилось видеть. Сначала я подумал, что на дорогах образовалась пробка. Но, когда все замерло и люди не ругались, как обычно в таких случаях, я тоже застыл на месте. Мне стало не по себе.

Когда все мало-помалу пришло в движение, я стремглав полетел домой. Первому я рассказал обо всем деду. Тот пробурчал что-то невразумительное и с хмурым видом ушел в свою мастерскую. Лишь от матери я узнал, что означала остановка движения: «Умер Ленин, и люди скорбят о нем. Он возглавил Октябрьскую революцию в России. Под его руководством рабочие и крестьяне России в разгар мировой войны свергли царя и прогнали ко всем чертям капиталистов, заключили мир и стали строить социализм. Теперь они хозяева своей страны».

При слове «революция» я вновь вспомнил возвращавшихся с фронта солдат и офицера, восседавшего на коне, про которого мать сказала, что, если его не выбить из седла, наша жизнь никогда не станет лучше.

«Значит, в России рабочие и крестьяне так и сделали? —

рассуждал я. — Живут ли они теперь лучше? Почему же это не удалось у нас?»

С призывом почтить минутами скорби память Ленина, великого вождя рабочего класса и революционера, обратились к населению, вероятнее всего, Коммунистическая партия Германии и профсоюзы. То, что это удалось, свидетельствовало о большой популярности Ленина среди мангеймских трудящихся, о симпатии рабочих и крестьян к Советской России. Это тем примечательнее, что влияние КПГ среди населения Бадена было в общем-то невелико.

Рост рядов баденской окружной организации КПГ (25-й округ) в период 1920—1925 гг.

Месяц и год	Число членов (зарегистрированных при уплате членских взносов)	Число местных организаций КПГ
Январь 1920	5534	73
Октябрь 1920	5819	97
Май 1921	2568	31
Февраль 1922	3042	103
Ноябрь 1922	4205	—
Июнь 1923	5550	122
Май 1924	—	166
Март 1925	3567	—
Сентябрь 1925	3940	94

Порой в Бадене — и прежде всего в 1919—1920 годах — отмечался значительный приток новых членов в КПГ. Какникак, а в октябре 1920 года в восьми районных организациях округа насчитывалось 5800 членов. Однако эта тенденция не была устойчивой. Временами в партии приобретали влияние левосектантские силы: своими сверхреволюционными лозунгами они отпугивали многих рабочих.

Среди приблизительно сотни местных организаций КПГ в Бадене было много таких, особенно в Среднем и Верхнем Бадене, которые насчитывали шесть — восемь членов и, кроме того, находились столь далеко от магистралей, что добраться до них из Мангейма, Карлсруэ или Фрейбурга можно было лишь с большим трудом. Лишь немногие члены партии обладали глубокими знаниями марксизма. Некоторые были слишком нетерпеливы и не понимали, что рабочий класс не может сразу же провозгласить социализм, а должен тщательно готовиться к решающему шагу — завоеванию политической власти. Многие из них поэтому впоследствии покидали партию.

К этому следует прибавить, что в те годы партия неоднократно запрещалась реакцией. Ее члены подвергались суровым репрессиям. При всех массовых увольнениях первыми оставались без работы коммунисты. Реакционная буржуазная юстиция также делала свое дело. В ноябре 1923 года только в Бадене в тюрьмы было заключено 150 коммунистов. Все это осложняло работу еще совсем молодой Коммунистической партии Германии и имело следствием то, что ее численность в 1921—1924 годах в Бадене резко колебалась. Иногда число ее членов уменьшалось почти вдвое.

На мой двенадцатый или тринадцатый день рождения дядя Фриц подарил мне подержанную скрипку. Мне предстояло учиться музыке. В Мангеймской высшей музыкальной школе, расположенной в квартале L2, было много учителей музыки и профессоров, готовивших как профессиональных музыкантов, так и любителей. Вообще, Мангейм относился к тем германским городам, которые снискали себе славу центров музыкального искусства и дали миру многих крупных музыкантов. Так, например, здесь одно время жил и выступал всемирно известный дирижер, исполнитель и композитор Вильгельм Фуртвенглер, здесь работали также Макс Регер и Феликс Вейнгартнер.

Вначале я посещал музыкальную школу два раза в неделю и занимался там по часу. Учебу оплачивал мой дядя. Игра доставляла мне удовольствие, и, наверное, дело у меня шло хорошо, потому что однажды учитель сказал: «Переходи к нам совсем. Я думаю, из тебя выйдет толк».

Он переговорил также с матерью. И она стала меня уговаривать перейти в музыкальную школу. Мысль о том, что я стану большим музыкантом, увлекла ее. Оставался неразрешенным лишь один вопрос: кто должен платить. Ведь мне предстояла многолетняя и, конечно же, весьма дорогостоящая учеба — вначале без какой-либо перспективы заработать хотя бы пфенниг. Это знала, конечно, и мать и тем не менее пыталась развеять мои сомнения: «Вовсе не обязательно сразу же стать концертмейстером. Скрипач — тоже прекрасная профессия!»

Но я был иного мнения. Жизнь профессионального музыканта вовсе не казалась мне привлекательной. И для этого у меня были свои основания. Когда еще здоровье позволяло отцу иногда выйти на прогулку, мы с ним раз или два бывали в центре города. «Ох, сегодня мы пошикуем!» — улыбаясь, говорил он, когда мы входили в одно из маленьких кафе, которых тогда было так много в старом городе,

Себе отец брал пиво, а мне заказывал порцию взбитых сливок. Для меня это было событием.

Кроме вкуснейших сливок мне запомнилось еще кое-что. В кафе два скрипача развлекали гостей музыкой. Это были легкие, бравурные мелодии. Они нравились мне, и я внимательно слушал. Одновременно я разглядывал музыкантов. Их внешность находилась в разительном контрасте с тем, что они играли: оба во всем черном, с серьезными, непроницаемыми лицами. Я, помню, спросил отца; что у них — плохое настроение или траур?

И вот это впечатление из раннего детства в определенной мере и предопределило мое решение не становиться профессиональным скрипачом. Мать еще не раз пыталась меня переубедить, но я стоял на своем: я хотел быть слесарем, как отец.

ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА. В КОМСОМОЛЕ
(апрель 1925 г. — август 1928 г.)

Моя мать, а также дедушка и бабушка Байли вовсе не надеялись на лучшее, когда весной 1925 года отправились подыскивать мне место ученика на промышленном предприятии. Времена были тяжелые: в годы относительной стабилизации капитализма жизнь трудового люда не стала легче, а положение прочнее. Разумеется, многие из тех, кто на протяжении долгих лет оставался за воротами фабрик и заводов, в середине 20-х годов находили себе работу. Но эксплуатация рабочих усиливалась, увеличивались темпы труда.

Крупные монополии, сумевшие в результате инфляции переложить последствия войны на плечи трудящихся и немало заработать на этом, вновь стали вкладывать свои капиталы в производство и осуществлять в широких масштабах рационализацию труда на предприятиях. В августе 1924 года вступил в силу репарационный план для Германии, которым предусматривалось предоставление ей международного займа в размере 800 миллионов рейхсмарок золотом. Высокими темпами возрождались промышленность и торговля. Приток зарубежных капиталов, прежде всего из США и Великобритании, в Германию способствовал дальнейшему углублению и расширению этого процесса. Но одновременно все более тяжелым становился гнет эксплуататоров: с одной стороны, баснословные барыши империалистических монополий, с другой — обострение социальной неопределенности, особенно в среде рабочих. Эти годы характеризовались усилением борьбы трудящихся за сохранение восьмичасового рабочего дня, за повышение заработной платы, против локаутов, объявляемых предпринимателями, и безработицы, против неполной занятости и посягательств капитала на право трудящихся прибегать к забастовкам.

Рабочий класс продолжал упорно отстаивать свои права, оказывать сопротивление наступлению капитала. Так

было летом 1924 года, когда 40 тысяч металлистов Мангейма объявили забастовку. Были победы, не обходилось и без поражений, тем более что буржуазия открыто прибегала к физическому насилию, особенно тогда, когда усматривала серьезную угрозу своим интересам. Мне приходит на память, как однажды к нам домой пришел дядя Фриц и вместо приветствия возмущенно произнес: «Эти собаки стреляли в нас!»

Именно в этот день у ворот предприятий химического концерна «БАСФ», расположенных в соседнем городке Людвигсхафене, собрались 18 тысяч рабочих, чтобы выразить свой протест против локаута, который им объявили предприниматели. Дирекция концерна обратилась за помощью к полиции. Вооруженные полицейские открыли огонь по рабочим. Печальный итог: пять человек убито, более сорока ранено.

Эти события явились, по-видимому, причиной того, что ни моя мать, ни дедушка с бабушкой не испытывали особой радости по поводу моего желания приобрести рабочую профессию. Но тем не менее я твердо стоял на своем: я хотел стать только слесарем по ремонту оборудования. И вот однажды во второй половине дня мама и я отправились на моторостроительный завод, находившийся у нас, в Мангейме. Раньше мой покойный отец трудился на нем, его считали там квалифицированным рабочим, старательно и умело делавшим свое дело. К нашему большому удивлению, напрасными оказались опасения, что нам придется ни с чем вернуться домой. Мы покинули контору завода гораздо быстрее, чем предполагали. Причем не просто так: у меня в кармане находился трудовой договор на обучение в течение трех лет профессии слесаря.

Отныне я каждое утро отправлялся на работу. Дорога шла через мост на другой берег реки, в ту часть города, где находился завод. Весь этот путь в Неккарштадт мне приходилось проделывать либо пешком, «рысцой», либо на велосипеде. Моторостроительный завод стоял на Вальдхофштрассе, примечательной с исторической точки зрения улице. Здесь в конце 70-х годов прошлого века Карл Фридрих Бенц построил свою мастерскую, в которой в 1885 году был собран первый в мире автомобиль — трехколесный «экипаж», приводившийся в движение пока еще капризным одноцилиндровым четырехтактным двигателем внутреннего сгорания мощностью в неполную лошадиную силу, что позволяло ему двигаться со скоростью 16 километров в час. С той поры, как талантливый конструктор паровозов и дип-

ломированный инженер по фамилии Бенц впервые выехал за ворота мастерской на своем страшно грохотавшем на булыжных мостовых Мангейма автомобиле, многое здесь переменилось. Давно умолкли голоса скептиков, называвших смелое творение изобретателя не иначе как «колымагой» или «уличным пугалом» и предсказывавших, что «созданный фирмой «Бенц и К°» механический экипаж... приведет к катастрофе, масштабы которой выходят далеко за рамки несчастий, причинами которых в прошлом были чума, холера и другие эпидемические болезни».

Решающую роль в появлении столь мрачных прогнозов играла, вне всякого сомнения, не столько забота о будущем человечества, сколько боязнь, поразившая определенные круги мангеймских ремесленников. Те из них, кто снабжал многочисленных держателей извозного промысла всем необходимым для этого занятия, опасались потерять средства к существованию. И все же сегодня, то есть столетие спустя, мы считаем это предостережение не столь уж неуместным: расширение масштабов загрязнения воздуха выхлопными газами автомобилей, количество которых непрерывно и быстро увеличивается, действительно превратилось в одну из серьезнейших проблем охраны окружающей среды.

Автомобиль Бенца постоянно совершенствовался. На пороге нашего века он приобрел добрую репутацию и за границей. На месте небольшой кустарной мастерской, в которой Бенц на первых порах работал всего с одним помощником, со временем возникло крупное капиталистическое предприятие, дававшее работу не одной сотне людей. Новое и более совершенное оборудование, приходившее на смену старому, позволяло расширять как выпуск продукции, так и ее ассортимент. Акционерная компания «Бенц и К°» приобрела на северо-западных окраинах Мангейма земельные участки. Там, в Люценберге, был построен новый завод. Старое же предприятие Бенца, расположенное на Вальдхофштрассе, специализировалось на выпуске стационарных силовых установок и судовых двигателей. В годы первой мировой войны здесь производились авиационные моторы, силовые установки для подводных лодок и дизельные динамо-машины. Завод считался одним из крупных военно-промышленных предприятий в стране. Об этом было хорошо известно и за границей. Вот почему весной 1923 года французские войска временно оккупировали завод. Когда летом 1935 года я, чтобы не попасть в лапы гестапо, был вынужден покинуть Германию, у меня возникли серьезные трудности: я хорошо знал, что выпускает наш завод, а соответствующие чехосло-

вацкие органы как раз проявляли к этому интерес. Но об этом дальше.

В середине 20-х годов старое предприятие Бенца в Неккарштадте организационно отделилось от нового завода в Люценберге. Последний слился с «Даймлер-моторенгезельшафт», в результате чего на свет появилась новая фирма «Даймлер — Бенц АГ». В настоящее время это один из самых крупных и влиятельных концернов ФРГ. В свою очередь моторостроительный завод на Вальдхофштрассе вошел в состав «Кнорргруппе Мюнхен — Берлин», которая сегодня (только на заводах в Мангейме работают 3200 человек) относится к числу крупнейших в Европе моторостроительных компаний.

Своим внешним обликом старый завод практически ничем не напоминал прежде существовавшую на этом месте мастерскую. Основатель предприятия Бенц, отойдя от активных дел, поселился в Ладенбурге возле Мангейма. Лишь название самого предприятия еще как-то напоминало о Бенце: «Моторенверке Мангейм АГ, в прошлом Бенц». В то же самое время на самом предприятии трудились еще многие рабочие, хорошо помнившие Карла Бенца, или «шефа», как имели они обыкновение почтительно называть его. И когда эти пожилые рабочие начинали делиться своими воспоминаниями, подкрепляясь в перерыв прихваченной из дома едой, можно было видеть, что они до сих пор остаются весьма высокого мнения о «старике»: «Что и говорить, он никогда не был задавакой, как эти теперешние чистоплюи! «Старик» прошел хорошую школу, начав с самых низов. И, когда нужно, не боялся замарать своих рук».

На заводе находились мастера, которые охотно ставили нам в пример старого Бенца: «Берите пример со «старика»! Из того, кто прилежен, усерден и по-настоящему делает свое дело, обязательно выйдет толк!»

Я выслушивал все это и думал: «Должно быть, умным, толковым парнем был этот Бенц, иначе он не сумел бы создать автомобиль». Вместе с тем весьма сомнительными казались мне столь «блестящие» перспективы, о которых нам прожужжали уши. Ведь даже самые опытные и квалифицированные рабочие, не один год своей жизни отдавшие заводу, в очень редких случаях становились мастерами. Ну а чтобы стать миллионером... Такое могло разве что присниться!

Только позднее, на втором-третьем году обучения, я стал отдавать себе отчет в том, как много вреда наносило нам подобное, на первый взгляд, казалось бы, безобидное и к

тому же понятное традиционное мышление старых кадровых рабочих, и особенно тогда, когда нужно было давать отпор администрации предприятия. Многие из них считали, что и сейчас, много лет спустя, они все еще чем-то были обязаны своему прежнему «шефу», построившему завод, и прежде всего нужно хорошо работать и беспрекословно подчиняться. Внутренний распорядок, выполнения которого добивалась администрация, был для них законом, и его нарушение они считали преступлением.

Я был «новичком», — ведь на завод я попал совсем недавно, — и потому мне непонятно было такое преклонение. И когда однажды один из моих старших коллег по работе обрушился на руководство предприятия и вновь в качестве аргумента сослался на пример «старика» Бенца, который, по его словам, по крайней мере, ценил и уважал рабочих, я подал голос:

— Все это, конечно, так. Но все же между нами нет ничего общего, даже если он и не чурался грязной работы и не важничал, напялив на себя белый халат. При всех условиях он не был рабочим.

Один из старых рабочих, услышав это кощунственное заявление, с ног до головы окинул меня взглядом и пренебрежительно заметил:

— Что ты понимаешь в таких делах, умник? Научись сначала как следует держать напильник в руках, а потом болтай, сопляк!

Такое обращение совершенно вывело меня из себя. И дело было вовсе не в «сопляке», в намеке на то, что я всего-навсего ученик. Было досадно, что меня обозвали «умником». Ведь я был твердо убежден в том, что прав. Но что мне было ответить? У меня отсутствовали доводы. Пожилой рабочий, заметив мою растерянность, язвительно добавил:

— В следующий раз будешь держать язык за зубами!

Мне не оставалось ничего другого, как проглотить эту пилюлю.

Один из моих товарищей по учебе, слышавший все это, сказал:

— Послушай, а ты ведь попал в самую точку. Этот тип — социал-демократ. Он из производственного совета и при каждом удобном случае гадит нам исподтишка. Сам почуешь, откуда ветер дует. Однако ты сказал все как надо. Не так уж часто будет у тебя возможность дать понять этим господам, что они не смогут поступать с нами так, как им заблагорассудится!

В отличие от многочисленных мелких металлообрабатывающих предприятий моторостроительный завод в Мангейме имел свои собственные учебные мастерские, в которых мы обучались в течение всего первого года. Как и большинство других цехов завода, учебные мастерские были оснащены довольно современным для того времени оборудованием. Впрочем, новое оборудование имелось только в тех цехах и мастерских, которые были связаны непосредственно с производством или производственным обучением. Никаких помещений, специально предназначенных для отдыха рабочих, а тем более душевых, не было. Свой завтрак или обед рабочий съедал в перерыве прямо у станка. Мытье рук было неслыханной роскошью, ибо долгий путь к ближайшему умывальнику сокращал и без того короткий рабочий перерыв. Только в начале второго года обучения нас распределили по различным цехам и постепенно вовлекли в производственный процесс. Из-за этого мы лишь изредка могли вступать в разговоры со старшими товарищами по работе.

Что касается мастера, обучавшего нас профессии, то он в принципе не допускал никаких обсуждений. Это был крупный, широкоплечий и весьма энергичный человек. Длинных разговоров не терпел. Он вначале показывал нам тот или иной рабочий прием, и мы должны были до одурения работать рашпилем. «Кто не станет заниматься этим, вылетит отсюда в два счета. Зарубите себе это на носу!» — любил поучать мастер.

С мыслью о такой малоприятной перспективе мы не расставались никогда. Каждое утро начиналось с того, что мы брали в руки рашпиль, предварительно закрепив в тисках заготовку, которую предстояло обрабатывать. Мастер показывал, как следует лучше всего делать это. Разумеется, никто из нас не был приучен к такой монотонной и неинтересной работе. Очень скоро руки переставали слушаться, спина начинала ныть, а на второй-третий день все ладони оказывались покрытыми ссадинами и волдырями. Мастер все это замечал, но никому никаких поблажек не давал. В одном из углов учебной мастерской на возвышении находилось его рабочее место, откуда он постоянно мог видеть каждого из своих учеников. Едва только мастер замечал, что кто-то намеревается передохнуть, он, не произнося ни слова, покидал свое место и, покашливая, медленно приближался к «нарушителю». В большинстве случаев было достаточно уже одного этого, поскольку «провинившийся» давным-давно понял, что пора браться за рашпиль и продолжать работать.

Мы страшно уважали «шефа», как звали между собой своего мастера. Он совсем не был воображалой или «погонщиком». Он был толковым и умелым слесарем, у которого в руках спорилось любое дело и который за очень короткое время научил нас многому. Но последнее не мешало ему награждать кого-нибудь из нас увесистой оплеухой. Периодически мастер тщательно присматривался к работе одного из учеников, чтобы удостовериться в его успехах. При этом он имел обыкновение, стоя за спиной, незаметно наблюдать через плечо, как работает его подопечный. И горе тому, у кого дело не ладилось. Без лишних слов он давал ему подзатыльник. Недостаточно увертливый терял равновесие и под громкий хохот других учеников «приземлялся» рядом со своим рабочим местом. Однажды мастер поймал на этом деле и меня. С тех пор я постоянно держал ухо востро.

Все это, разумеется, притупляло мое первоначально страстное увлечение профессией слесаря, тем более что на первых порах не было и речи о работе с моторами. Но постепенно я привыкал ко всему, втягивался в рабочий ритм, и труд стал доставлять мне радость. Несколько недель спустя, когда мастер убедился, что мы уже достаточно умело обращаемся с рашпилем и тисками, наша работа стала интереснее и менее однообразной. Нам уже доверяли зачищать отливки. Из токарного цеха поступали детали, с которых предстояло удалять заусенцы. Чуть позже мы освоили сверление и обточку на токарном станке. Но вот наступил момент, когда нас впервые привлекли к участию в подготовительных операциях, связанных с обработкой блоков моторов. В целом же мы получили весьма основательную для того времени подготовку, во всяком случае в том, что касалось профессиональной стороны дела.

В начале второго года ученичества я попал в токарный цех. Здесь мне пришлось работать с более старшими коллегами. В большинстве своем это были ребята что надо и к тому же хорошие товарищи. За небольшим исключением, рабочие нашего предприятия являлись членами профсоюза, большинство — членами союза металлистов. Кое-кто входил в состав христианских профсоюзов. Организация рабочих-металлистов была в то время одним из наиболее крупных и мощных свободных профсоюзов, входивших во Всеобщее объединение немецких профсоюзов И хотя в союзе металлистов тон задавали реформистские силы, тем не менее в борьбе за осуществление экономических требований он нередко выступал в защиту интересов рабочих. Аналогичная картина наблюдалась и в Бадене. Из 113 тысяч рабочих-ме-

таллистов, насчитывавшихся здесь в 1925—1926 годах, членами профсоюза состояли 23 тысячи человек. Это означало, что членом профсоюза был каждый четвертый или пятый рабочий. На моторостроительных заводах доля организованных в профсоюз рабочих оказывалась даже выше. Вскоре и я вступил в члены рабочего профсоюза.

Как-то мне пришлось задать одному из своих товарищей по работе вопрос относительно того, какую работу мне, как члену союза, предстоит выполнять. В ответ я услышал:

— Глядеть в оба, парень! Будь всегда начеку, иначе эти господа будут надувать тебя на каждом шагу. Не успеешь опомниться, как из твоей зарплаты вычтут лишнюю марку. В остальном же не упускай возможности высказать свое собственное мнение. Этим господам надо дать понять, что они не могут с нами делать все, что им захочется. Тебе еще придется познакомиться с теми, из администрации, и с этими ловкачами из производственного совета!

Когда я только-только пришел на моторостроительный завод, его производственный совет состоял из восьми членов — двух коммунистов и шести социал-демократов. После новых выборов, состоявшихся в 1926 году, соотношение голосов несколько изменилось в пользу Коммунистической партии Германии, но большинство в производственном совете продолжало сохраняться за социал-демократами. Двум или трем коммунистам, заседавшим в нем, было исключительно трудно отстаивать требования рабочего коллектива относительно сохранения восьмичасового рабочего дня или повышения заработной платы и опровергать доводы, приводившиеся представителями администрации. Порой велись многочасовые жаркие споры. И все же, в конечном счете, при голосовании в меньшинстве, как правило, оставались коммунисты. Эта ситуация изменилась в конце 20 — начале 30-х годов, когда был сформирован производственный совет, большинство в котором принадлежало коммунистам.

Если рассматривать политическое положение в целом, то станет ясно, что в середине 20-х годов влияние КПГ все еще оставалось слабым: в партийной организации земли Баден в тот период насчитывалось всего 3700 членов. В целом здесь было вначале восемь, а затем десять подокружных организаций партии, имевших свое руководство. Земельное руководство организации находилось в Мангейме. Самой крупной подокружной организацией была организация КПГ в Мангейме, насчитывавшая 1800 членов. По численности она превосходила партийные организации Карлсруэ и Гей-

дельберга. И тем не менее удельный вес коммунистов в общей численности занятых на крупных заводах и фабриках не превышал 2—3%. Партийные ячейки имелись лишь на отдельных крупных предприятиях. К примеру сказать, летом 1926 года в Мангейме заводскими партийными ячейками была охвачена всего четверть всех членов партии.

Поскольку коммунисты, как правило, наиболее последовательно выступали в защиту интересов рабочих, предприниматели увольняли их в первую очередь. И так было по всей Германии. По этой причине в мае 1926 года безработными оказались 60% всех членов КПГ. В такой обстановке партии стоило колоссальных усилий расширять свое влияние на фабриках и заводах и привлекать рабочих к участию в тех или иных выступлениях. Кроме того, многие коммунисты, возмущенные тем, что реформистское профсоюзное руководство проводило в жизнь политику, отвечавшую интересам капиталистов, порвали с профсоюзами. Большой урон влиянию партии на профсоюзное движение нанесла также сектантская политика ультралевацких сил в руководстве Коммунистической партии Германии, группировавшихся вокруг Рут Фишер и Аркадия Маслова.

Работу коммунистов на промышленных предприятиях затрудняло еще одно обстоятельство: даже когда большинство рабочего коллектива недвусмысленно выступало в поддержку требований, которые выдвигали коммунисты заводских ячеек, лишь немногие рабочие находили в себе мужество прямо высказывать свое мнение мастеру или открыто выступать на общих собраниях коллектива. Многие опасались, что чересчур откровенные высказывания так или иначе заденут самолюбие мастера или вызовут явное неудовольствие администрации, которые могут лишить их твердого заработка. Последнее означало бы для их семей новые заботы о хлебе насущном. Поэтому многие считали, что лучше вообще не открывать рта.

Среди тех, кто работал на моторостроительных заводах, как, впрочем, и на многочисленных других предприятиях Мангейма, было немало рабочих, постоянно проживавших в ближайших от города деревнях. Раньше эти рабочие были мелкими крестьянами или мелкими арендаторами земли. В целом по земле Баден насчитывалось более 150 тысяч мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, размер земельных наделов которых колебался в пределах от 0,5 до 2 гектаров. Подобное дробление сельскохозяйственных земель обусловливалось, с одной стороны, существовавшей практикой раздела наследства, а с другой — тем, что крестьянин продол-

жал отчаянно держаться за тот клочок земли, который достался ему пóтом и кровью многих поколений. Урожая, который удавалось собрать с этих карликовых наделов, только в исключительных случаях хватало для того, чтобы прокормить семью. Многодетные же семьи нуждались в приработке.

В сельской местности практически не было возможности получить дополнительный заработок. Крупный или средний землевладелец платил тогда молодому сельскохозяйственному рабочему, трудившемуся по 12—14 часов в сутки, от силы 14 рейхсмарок в неделю, а женщины за тот же труд получали в лучшем случае 9—10 рейхсмарок. В то же время квалифицированный рабочий-металлист в Мангейме зарабатывал 40—60 рейхсмарок в неделю. Разница, как видите, колоссальная. Вот почему значительная часть мелких крестьян и арендаторов шла на заработки в город. На фабриках и заводах Мангейма работало почти 10 тысяч горемык, которые были вынуждены по утрам добираться до города на поездах или велосипедах, а вечерами так же возвращаться домой.

Те же крестьяне и арендаторы, которые искали приработка в городе, но жили далеко от него, возвращались к домашнему очагу только в конце рабочей недели. Рано утром в понедельник они появлялись в городе с огромным мешком за спиной, в котором привозили с собой провизию на всю неделю. Собственно, они заслуживали глубокого сострадания и сочувствия: ведь после изнурительного труда в поле в субботние и воскресные дни они возвращались в город изможденными, проклиная в душе свою судьбину. И все же мы часто высмеивали их, навешивая ярлык «мешочных пролетариев». Впрочем, за подобного рода насмешками и подтруниванием скрывалось нечто большее, чем просто дурацкий намек на их внешний вид. Мы высмеивали прежде всего сознание, образ мышления этой категории индустриальных рабочих.

Многие из них не тратили ни гроша в течение всей рабочей недели и кормились исключительно тем, что принесли с собой в мешках. Они в глубине души питали слабую надежду на то, что им со временем удастся скопить денег, чтобы купить вторую коровенку, лошадь или, по крайней мере, пару поросят. И вот тогда-то, думали они, у них все образуется дома и, конечно же, наступит день, когда им уже не нужно будет работать на этом проклятом заводе. Весь этот непосильный труд, все эти лишения — только ради того, что-

бы достичь желанной цели. Но для большинства из них все это так и оставалось несбыточной мечтой.

Разумеется, для формирования общей атмосферы на заводе образ жизни и мышления этих людей имел определенное значение. На данное обстоятельство обращал внимание еще Франц Меринг, подчеркивавший, что «рейнско-баварская крупная промышленность стала притягательной силой не столько для квалифицированных кустарей, сколько для мелких крестьян и сельских поденщиков, численность которых становилась все более избыточной в силу продолжавшегося обострения отношений парцеллярного хозяйства. Эти непритязательные и одержимые бесом частной собственности элементы общества были идеальными — с точки зрения эксплуататорской буржуазии — работниками, а посему крайне трудно было пробуждать в них пролетарское классовое сознание».

Сказанное находило себе подтверждение и на моторостроительных заводах, где «мешочные пролетарии» составляли почти четверть всех рабочих. Значительная часть их вела себя пассивно и постоянно была в стороне, когда приходилось теми или иными акциями добиваться удовлетворения требований рабочих. Однако некоторые из них нашли путь к коммунистам и позже мужественно вели себя в годы антифашистской борьбы.

Тем не менее я не могу забыть о том, как мы часто вели нелицеприятные разговоры и споры с этими коллегами по работе. Я очень скоро стал замечать, что далеко не просто отстаивать свою точку зрения в подобных дискуссиях. Правда, мне было совершенно ясно, что я — рабочий и ничего общего не имею с богачами—предпринимателями и фабрикантами. От матери мне приходилось слышать, что следует избавиться прежде всего от эксплуататоров, чтобы нам, трудящимся, жилось лучше. В России рабочие под руководством партии Ленина уже добились этого. На этом и кончалась вся моя политграмота. Однако работа на заводе практически каждый день ставила передо мной все новые и новые вопросы, открывала новые явления. Все это занимало мои мысли, но в большинстве случаев найти соответствующие объяснения я, конечно, не мог.

Совершенно непонятным для меня было, например, поведение социал-демократов, входивших в состав производственного совета. С некоторыми из них мне пришлось со временем познакомиться поближе. Многих из них избрали в совет, потому что они пользовались доверием большинства рабочих. В их числе были честные, обладавшие классовым со-

знанием рабочие, для которых социализм являлся желанной целью и которые представляли интересы трудившихся на заводе. Но во время споров о путях построения социализма, о необходимых переменах в обществе дело доходило до крайностей. «Социализм? Да! Но без насилия! Нужно достичь соглашений с предпринимателями, а не пытаться прошибить стену лбом!» — именно такого рода аргументы приводили они. И действовали не лучшим образом. Социал-демократы, заседавшие в производственном совете, зачастую не доводили до конца борьбу за повышение заработной платы, последовательно не отстаивали требования рабочих. Как мне казалось, здесь в некотором смысле возникало противоречие между теми намерениями, о которых они открыто заявляли, и тем, что они в действительности делали для их претворения в жизнь. Я не мог отделаться от ощущения, что здесь что-то не так. Но дальше этого ощущения дело не шло. Я наводил справки у моих товарищей по работе, получал тот или иной ответ, но яснее мне этот вопрос не становился. Наконец я решился посоветоваться с дедом:

— Послушай, дедушка, ты ведь социал-демократ?

Деду нравилось подчеркивать свою принадлежность к социал-демократической партии. «Я, как старый член партии...» — любил обычно начинать он свой разговор. По тому, как он это произносил, можно было видеть, что он очень гордился тем, что в молодости вступил в члены Социал-демократической партии Германии. Так случилось и сейчас.

— Конечно! Что там у тебя? Выкладывай!

— Скажи, пожалуйста, социал-демократы за рабочих или нет?

Дед с недоверием посмотрел поверх очков и, как бы не замечая меня, на вопрос ответил вопросом:

— А разве нет? В чем дело? Да говори же!

Я рассказал ему о нашем производственном совете, о том, что работавшие в токарном цеху потребовали повысить почасовую оплату своего труда на восемь пфеннигов и что их требование в производственном совете поддержали только коммунисты. Социал-демократы же голосовали против, мотивируя это тем, что модернизация предприятия якобы связана со значительными расходами, что мы, рабочие, должны, мол, понимать это и считаться с потерями, которые несут работодатели, что, мол, нам сейчас не следует выставлять «чрезмерных требований», а быть довольными тем, что у нас есть работа.

Дед внимательно выслушал мой рассказ, затем сердито и с раздражением сказал:

— Что ты спрашиваешь у меня? Откуда мне знать, что там у вас на заводе? И кроме того, в наше время политика — не такое простое дело!

Он замолк, но от сказанного я не стал умнее. Вместе с тем складывалось впечатление, что мой вопрос не дает ему покоя. Вечером, когда дедушка по своему обыкновению читал «Фольксштимме», он неожиданно подозвал меня и посоветовал:

— Ты же в Союзе социалистической рабочей молодежи. Попробуй-ка узнать обо всем этом у них. Конечно, они объяснят тебе лучше, чем я.

После этих слов меня как ветром сдуло. По-видимому, дедушка еще не заметил, что я не только не стал членом союза, но уже давно не посещал мероприятий, устраивавшихся им. При этом я чувствовал себя очень неловко, так как в день окончания мною школы дед совершенно недвусмысленно заявил мне:

— Со временем ты должен стать членом Союза социалистической рабочей молодежи. Запомни это!

Во многих рабочих семьях Мангейма считалось обычным делом, что дети после окончания школы становились членами молодежной организации социал-демократической партии.

В квартале J5 было несколько ребят — членов этой организации, в том числе и два моих товарища по детским играм. Правда, они были на год или два постарше. В конце февраля 1925 года умер Фридрих Эберт, в прошлом председатель правления СДПГ, а затем и президент Германии. Похороны состоялись в его родном городке Гейдельберге. Мои друзья пригласили меня участвовать в траурной процессии. Приглашая меня, они говорили, что, ко всему, это и почетно для меня. И хотя я совершенно не знал покойного президента, я тем не менее согласился. Мною не владели благоговейные чувства. Меня привлекала прежде всего возможность совершить приятную прогулку на велосипеде. Ну и, конечно, было интересно увидеть, как это все будет происходить там, в Гейдельберге. До сих пор я был знаком лишь с тамошним железнодорожным вокзалом. Знакомство с ним состоялось в годы первой мировой войны, когда моя бабушка по отцу изредка брала меня в свои поездки в Хааг к своему брату.

Так я впервые более или менее близко столкнулся с Союзом социалистической рабочей молодежи. Моя память удержала не так уж много от той поездки в Гейдельберг. Я

вспоминаю лишь очень длинный траурный кортеж, медленно двигавшийся в направлении местного кладбища, расположенного на вершине холма. Мы, мальчишки, попытались было на своих велосипедах обогнать похоронную процессию, чтобы заблаговременно захватить местечко поудобнее, откуда можно было бы все хорошо видеть и слышать. Я обратил внимание на то, что среди массы народа, участвовавшего в похоронах, там и сям виднелись небольшие группки молодых людей, на головах которых красовались разноцветные шапочки-фуражки — белые, голубые, желтые, зеленые, красные. Эти группки формировались строго по цветам головных уборов и в процессе движения не перемешивались. У некоторых из молодых людей через плечо была перекинута многоцветная шелковая перевязь. Мне также бросилось в глаза, что у некоторых из них на шапочке-фуражке была широкая лента-повязка. Оскар Рау, мой дружок, пояснил, что это студенты. И тут же добавил, что они не похожи на студентов из Мангейма: «Они из тех, кто дерется на шпагах. Правда, тайком, ведь это запрещено».

Меня поражало, что Оскару многое известно о «тайнах и великолепии студенческих корпораций». Разумеется, мне хотелось бы узнать об этом побольше. Сам Оскар не мог толком объяснить, почему в студенчестве существовали столь жестокие обычаи. Поэтому все это на первых порах осталось для меня полной тайной.

Несколько месяцев спустя друзья взяли меня на вечер, устроенный Союзом социалистической рабочей молодежи. Большинство таких молодежных вечеров проходило при непосредственном участии и руководстве взрослых, являвшихся к тому же членами СДПГ. Как правило, они открывались небольшим докладом, в котором руководитель группы подчеркивал, что ребята и девчата должны быть подготовлены к социализму. И в первую очередь нам надлежало настойчиво и прилежно учиться. «Не забывайте никогда: знания — сила, а накопленный опыт — ворота в социализм!»

Одновременно утверждалось, что мы якобы уже находимся на пороге социализма. Если быть точными, заявляли докладчики, то буржуазия является господствующим классом только в экономическом отношении. Что касается политических аспектов, то буржуазия якобы все больше и больше теряет свою власть, ибо рейхстаг является демократическим парламентом, в рамках которого, по словам докладчиков, рабочие и капиталисты имеют одинаковые возможности помериться силами. И чем прилежнее мы станем учиться теперь, тем более ответственные функции мы сможем в буду-

щем брать на себя и тем самым постепенно социализм из сказки делать былью.

Мне довелось два или три раза выслушивать подобные «проповеди». Я находил их довольно нудными. Такое впечатление усиливалось еще тем, что мои родители, а также бабушка с дедом изо дня в день вдалбливали мне в голову те же мысли: надо внимательно и прилежно учиться. То, что буржуазия обладает экономическим могуществом, я ежедневно ощущал на себе, приходя на завод. И мне не очень-то верилось в то, что нам достаточно всего-навсего хорошо учиться, чтобы постепенно освободить свой завод от капиталистов. Пока же они имели прекрасную возможность выбрасывать на улицу всех тех из нас, кто так или иначе не устраивал их. И вот эти-то господа капиталисты, все эти ученые люди, зачастую доктора и профессора, однажды, когда им представится, что мы «вызубрили» уже достаточно много, безо всякого шума якобы откажутся от своей власти. Естественно, в такую чепуху мне трудно было верить.

Когда я сейчас вновь вспоминаю те встречи в Союзе социалистической рабочей молодежи, мне совершенно ясно, что представления ее руководителей о путях к социалистическому обществу и о роли рабочего класса были в высшей степени наивными. И хотя не приходилось сомневаться в честности намерений того или иного социал-демократа, нереальными оказывались их представления о том, как же реализовать эти намерения. «Глубокое чувство коллективизма, внутреннее осознание своего единения с природой», «душа, способная к восприятию истинно высокого искусства» — таковы были в то время идеалы, которые союз стремился воспитывать в юношах и девушках, но этого было далеко не достаточно, чтобы подготовить рабочий класс к захвату политической власти.

В мангеймской группе союза порой имели место интересные вечера, встречи, лекции. Там мы познакомились, например, с историей происхождения Земли, узнали песни, которые поет народ. Девушки учились шить праздничные костюмы, которыми все восторгались во время вечеров народного танца. Мы организовывали прогулки и походы по ближайшим окрестностям Мангейма, изучали животный и растительный мир своей родины. Короче говоря, участвуя в мероприятиях союза, мы расширяли свой кругозор. Однако со временем это однообразие наскучило. Моей деятельной, энергичной натуре хотелось сильных переживаний и приключений, хотелось помериться с кем-нибудь силами, а главное, хотелось получить ясные, вразумительные ответы на те

вопросы политического характера, которые так занимали меня. В этом отношении мероприятия, проводившиеся Союзом социалистической рабочей молодежи, казались мне пустыми и ненужными, ни то ни се. В них было так много от того мелкобуржуазного образа жизни и мышления, столь свойственного участникам юношеского туристического движения кайзеровской Германии, который прекрасно обыграл Эрих Вайнерт в своей «Песне благородных бездельников».

И вот как-то летним днем, когда группа собралась в поход по реке Неккар для сбора растений для гербария, я окончательно порвал с этой организацией; сказал что-то вроде: «Занимайтесь своими лепесточками, только без меня» — и был таков. Так что совет деда найти ответы на мои вопросы в союзе к этому времени оказался уже не к месту.

Однажды во второй половине дня, уже возвратившись с работы, мы с Оскаром вышли на улицу. Оскар невесело заметил, что опять ничего интересного не произошло. Мы толком не знали, куда девать свое время, и потому скучали. Неожиданно он от удивления присвистнул:

— Вот это да! Посмотри-ка, что это там впереди?

На ближайшем перекрестке показались демонстранты. Два человека, шедших в первой шеренге манифестации, несли большой транспарант. На нем красным по белому корявыми буквами было начертано: «Работы и хлеба!» Внешне мы сохраняли невозмутимый вид, но нам не терпелось поразмять ноги. Во-первых, в демонстрации участвовали рабочие. В подобных случаях примкнуть к участникам всегда было делом, решенным заранее. Во-вторых, мы сгорали от любопытства: куда они направляются и чего хотят? Между тем колонна заметно выросла. В рядах демонстрантов мы видели ребят, которые, несомненно, были нашими ровесниками. И мы пошли со всеми вместе. Но не успели мы еще по-настоящему осмотреться, как кто-то потянул меня за рукав. Я обернулся и встретился взглядом с крепким на вид парнем, который оказался на голову выше меня. По-видимому, он был и на несколько лет старше.

— Откуда вас занесло сюда?

— Ну, из квартала J5. А тебе что?

Оскар несколько отстал и теперь догонял нас по другой стороне улицы. Парень очутился между нами. В подобных ситуациях главное — осторожность. За несколько недель до описываемых событий с нами точно так же попытались заговорить. В конечном счете завязавшийся разговор, на первый взгляд совершенно безобидный, перерос в такую драку, что мы с трудом унесли ноги.

Наш теперешний собеседник не замышлял, по-видимому, ничего дурного. Он спросил, рабочие ли мы, и объяснил, что это демонстрация безработных, организованная по призыву Коммунистической партии Германии. На вопрос, зачем мы здесь, в рядах демонстрантов, ни я, ни Оскар не могли ответить ничего вразумительного, и тогда высокий парень спросил:

— Организованы?

— Ясное дело, металлисты!

— Ну а кроме?

— Больше ничего.

— Ну вот что. Загляните к нам на S3.10 в ячейку Коммунистического союза молодежи после работы. В среду у нас молодежный вечер. Спросите Пауля. Это я.

Вначале никто из нас не воспринял всерьез это приглашение. Но, поскольку S3.10 находился недалеко от нашего дома и мне было любопытно знать, а что же дальше, я пошел туда сам и заодно потащил Оскара:

— Давай пойдем. Надо посмотреть, что там у них такое. Если окажется не по душе, быстро смотаемся оттуда.

Рядом с подъездом, который назвал Пауль, толпилось человек пятнадцать или двадцать. Это были ребята и девчата в основном нашего возраста.

— Мы хотели бы увидеть Пауля!

— Что ж, вы не ошиблись. Идемте вместе.

Мы присоединились к группе и через несколько минут оказались в небольшом погребке, а точнее, в помещении, которое снимала ячейка. Крепко пахло пивом. Ощущалось, что здесь все прокурено. Но были среди своих. За пять пфеннигов каждый получил по кружке лимонада, которой хватило на весь вечер. Оглядывая собравшихся, Оскар разочарованно пробормотал:

— Послушай-ка, пиво здесь не в почете. Да и о табаке они, по-видимому, не имеют никакого представления.

Вскоре мы убедились, что так оно и есть на самом деле. Эта умеренность объяснялась не только тем, что большую часть присутствовавших составляли ученики, которые на заработанные ими гроши не могли позволить себе ничего лишнего. Комсомольцы из самых лучших побуждений отвергали курение и пиво, но нам стало известно об этом позже.

Между тем появился Пауль, который заметил во время демонстрации меня и Оскара и пригласил сюда. Он всем пожал руку и без обиняков начал беседу с нами.

Впервые в жизни я услышал о «Манифесте Коммунистической партии». Речь шла о роли рабочего класса. Пауль, прочтя отрывок из «Манифеста», стал разъяснять, почему только рабочий класс в состоянии свергнуть капитализм и установить такой общественный строй, при котором люди смогут жить свободными от всякой эксплуатации и какого бы то ни было притеснения, почему этой цели можно достичь только через классовую борьбу с буржуазией. Он объяснил, что наибольший вклад в это дело мы можем внести у себя на заводе. Пауль сказал:

— Сейчас уже недостаточно только того, что вы выступаете на собраниях коллектива предприятия за улучшение условий труда и повышение заработной платы. Ведите работу с членами профсоюзов, со своими сверстниками по работе. Нам необходимо вовлекать в борьбу всех трудящихся. Но этого мы достигнем только тогда, когда сможем убедить их в том, что наша борьба направлена на защиту непосредственно их интересов. Одни коммунисты не в состоянии совершить революцию. Об этом вам никогда не следует забывать.

Пауль говорил недолго, но то, что он говорил, было просто и понятно. Каждый понимал его. Пауль пробудил во мне живой интерес. На следующий день у одного из своих товарищей я попросил почитать «Манифест». Вечером того же дня я стал читать. Не было ни одной страницы, на которой я бы неоднократно не споткнулся. Часто встречались понятия, которых никогда прежде не приходилось слышать: корпорация, ассоциация и т. д. Но были места, которые я находил весьма удачными и убедительными. Мне, например, пришлось по душе следующее: «Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*» [1].

Как раз об этом и беседовал с нами Пауль. Я все читал и читал, и так до самого конца. Но из всего обилия мыслей и идей относительно путей в будущее, которые К. Маркс и Ф. Энгельс сумели изложить на немногих страницах, я понял лишь самую малость. Позднее, когда мне время от времени приходилось мысленно возвращаться к дням моего первого знакомства с трудами классиков научного социализма, я сам себе задавал вопрос: а что в этом было для меня самым главным — то, что я ознакомился с основами марксизма-ленинизма и сразу сумел понять отдельные по-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 430.

ложения учения о классовой борьбе, или же то обстоятельство, что у меня пробудился интерес к мировоззрению рабочего класса и с тех пор я постоянно ощущал потребность расширять свои знания обо всем этом?

Вне всякого сомнения, важную роль играло как одно, так и другое. И все же мне представляется, что самым важным фактором было то, что во мне пробудилось желание глубоко познать марксизм. Последующие годы подтвердили мою правоту: доклады и лекции, книги и передачи, освещающие новые события и явления и дающие новые знания, в состоянии побудить читателя и слушателя к активному восприятию и осознанию подаваемого материала. Пробудить живой интерес у слушателей удается многим членам нашей партии, выступающим в качестве лекторов и пропагандистов. Но самое главное в нашем деле — умение направить читателя или слушателя на путь самостоятельного поиска, пробудить в них чувство постоянной неудовлетворенности, интерес к выявлению причин возникновения социальных конфликтов и движущих сил истории.

Все это было дано товарищу Паулю. Кстати сказать, уже в то время он активно работал в Коммунистическом союзе молодежи Германии и был членом земельного руководства организации в Бадене. Некоторое время спустя он стал руководителем вечернего кружка, в рамках которого союз организовывал для нас изучение марксистской науки. Я многому научился у Пауля. В середине 30-х годов мне вторично пришлось встретиться с ним, на этот раз в Советском Союзе. В 1946—1947 годах мы встретились с ним вновь, в Берлине. В те годы Пауль Вандель возглавлял Центральное управление народного образования. Занимая этот пост, он внес значительный вклад в создание в стране новой, демократической общеобразовательной школы.

Мне понравился первый вечер, проведенный среди комсомольцев. Мне импонировало прежде всего то обстоятельство, что здесь каждый мог открыто и откровенно высказывать свою точку зрения. Окружавшая нас молодежь хорошо знала, чего она хочет. Мнение Оскара было таким же. Вскоре мы оба стали членами Коммунистического союза молодежи.

Пребывание там принесло нам огромную пользу. Скука нам была неизвестна. На вечерних занятиях систематически разгорались страстные споры и дискуссии. Здесь не в почете были пространные и скучные доклады. Вместо этого широко обсуждались проблемы исторического материализма, велась полемика по злободневным политическим вопросам. В суб-

ботние и воскресные дни организовывались прогулки и походы, большей частью пешие, иногда на велосипедах. Мы разбивали палатки и много занимались спортом: играли в футбол, водное поло в рабочем спортивном обществе «Чайка», устраивали соревнования по плаванию. Короче, мы никогда не оставались без дела.

Впрочем, отличительной чертой движения рабочей молодежи Германии с самого начала было наличие тесных связей между организацией пролетарской молодежи и рабочими спортивными обществами. Двадцать пять молодых мангеймцев, первыми учредивших осенью 1904 года «Союз молодых рабочих Мангейма», прежде состояли в рабочих спортивных организациях. Первый председатель этого союза Франц Хойзлер работал одновременно в объединении вольных гимнастов Мангейма.

Между членами комсомольской ячейки установились откровенные, товарищеские отношения. Девушки, с которыми мы познакомились здесь, держались более уверенно, чем наши приятельницы по Союзу социалистической рабочей молодежи, и не были склонны заниматься посторонними делами. Их прежде всего интересовала политическая борьба. Одна из девушек произвела на меня особенно приятное впечатление. Ее звали Лена Берг, она оказалась немного старше меня. Все, о чем она говорила, имело под собой реальную почву и продумывалось до мельчайших деталей. Она умела говорить страстно, с глубокой убежденностью в правоте дела рабочего класса. Я постоянно ходил на все встречи и молодежные вечера, устраивавшиеся комсомольской ячейкой, и не последнюю роль в этом играла прямолинейность Лены, ее способность ясно и убедительно излагать свои мысли.

Лена Берг уже в 1927 году стала членом КПГ. До того, как ее в 1929 году направили в Международную ленинскую школу, она входила в состав руководства партийной организации земли Баден. В Международной ленинской школе мы встретились с ней в 1935 году. Все те годы, пока мы не виделись, она занимала руководящие посты в партии. Позднее работала в Коминтерне, а в годы второй мировой войны жила в СССР и преподавала в школе. Вернувшись после окончания войны в Германию, Лена Берг работала секретарем земельной партийной организации в Саксонии — Ангальте, возглавляла Институт общественных наук, а затем Институт по изучению общественного мнения при ЦК СЕПГ. Как член ЦК СЕПГ, она многие годы представляла партию в редакционной коллегии журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге.

От своего дедушки Байля я сначала утаил мою принадлежность к Коммунистическому союзу молодежи Германии. Однако мне не удалось долго скрывать от него мой новый «образ жизни». Дело в том, что теперь я стал очень редко оставаться дома по вечерам: придя с работы, я торопливо разделывался с едой и исчезал надолго. Это совсем не нравилось деду. Хотя я в течение всего дня трудился на заводе, после окончания работы, дома, я все еще оставался для него ребенком.

— Хотел бы я знать, где ты все это время болтаешься?— проворчал он однажды.

— Пожалуйста. В Коммунистическом союзе молодежи.

— Где? В Коммунистическом союзе? А я полагал, что ты посещаешь ячейку Союза социалистической рабочей молодежи.

— Вот еще. Сплошная скучища!

— Так... Говоришь, очень скучно. А теперь ты, значит, у коммунистов? Не исключено, что ты уже и член союза, а?

— Да. Уже несколько месяцев.

— Вот это новость! Знает об этом твоя мать?

— А как же. Она не против.

— Так, так... У нас в доме что ни день, то событие, — невнятно пробормотал дед.

С той поры в моей памяти сохранилось еще одно событие — борьба против выплаты княжеским семействам компенсации за конфискованное в ходе ноябрьской революции имущество. С требованиями о выплате такой компенсации выступили Гогенцоллерны и представители других княжеских династий Германии. Некоторые из этих семейств даже возбудили дело в земельных судах. Правосудие же Веймарской республики, которое должно было бы представлять государственную власть народа и служить интересам народа, почти всегда решало дела в пользу князей.

Общая сумма требований княжеских семейств составляла 2,5 млрд. рейхсмарок. Примечательно, что все это происходило в тот период, когда число полностью и частично безработных росло буквально не по дням, а по часам, а многие рабочие семьи терпели жестокую нужду. Так, 1 октября 1925 года на улице оказались сразу 900 рабочих предприятий Бенца, остальные же работали всего четыре дня в неделю вместо шести. Та же картина наблюдалась и на заводах Ланца. И там большинство занятых трудились неполную рабочую неделю. Осенью 1925 года в одном только Мангейме было официально зарегистрировано 15 тысяч безработных, а зимой без работы оказались уже 23 тысячи человек.

В целом по земле Баден официально насчитывалось свыше 100 тысяч безработных. В действительности же их было гораздо больше, так как статистикой учитывались только те безработные, которые были официально зарегистрированы и получали пособие по безработице.

Повсюду шли оживленные дискуссии. Не составляли исключения и моторостроительные заводы. Характерно, что даже те рабочие, которые обычно боялись открыто высказываться, теперь не скрывали своего возмущения безмерной алчностью княжеских семейств, в то время как народ терпел жестокие лишения.

— Всю войну они жили припеваючи в своих замках. Сумели пережить и революцию. А теперь они желают получить денежное возмещение за ужасы, которые им, мол, пришлось пережить в ноябре восемнадцатого...

— Одному богу известно, сколько эта компашка в нашем земельном правительстве в Карлсруэ подбросила отставному «отцу нации» и что она имеет в виду под «подобающей компенсацией», которую великий герцог уже позволил себе хапнуть!..

— В России правильно поступили. Там послали к черту царя и великих князей, а их дворцы превратили в детские дома и больницы...

— У нас тому, на ком война не оставила живого места, вручают бумажонку, где засвидетельствовано, что он инвалид войны. За это он получает сто рейхсмарок пенсии по инвалидности и должен на эти крохи «красиво» жить. А эти типы гребут сотни тысяч и платят еще пожизненные пенсии своим шлюхам. Сплошная мерзость...

Такие или подобные им разговоры велись на заводах. В них участвовали и те рабочие, которые были членами социал-демократической партии. Многие из них не были согласны с политикой лидеров своей партии, хотя открыто этого не признавали. Филипп Шейдеман, который в качестве члена совета народных уполномоченных помогал душить революцию, теперь как официальный представитель социал-демократии в германском рейхстаге пытался выторговать дурно пахнущий компромисс, чтобы выплатить княжеским семействам денежную компенсацию за конфискованное у них имущество. Почти все рабочие нашего предприятия приветствовали решение ЦК КПГ подготовить и провести в стране референдум на тот случай, если рейхстаг отклонит внесенный фракцией коммунистов проект закона о безвозмездной национализации имущества княжеских семейств.

Как и в других индустриальных центрах Германии, в

Мангейме с 1924 года существовал совет по проблемам безработных. В его состав входили шесть коммунистов, три социал-демократа и трое беспартийных. До последнего времени было исключительно трудно привлекать безработных к участию в массовых выступлениях. Теперь же многие из них выходили на улицу без лишних уговоров. Первый раз произошло это в середине декабря 1925 года, когда тысячи мангеймских безработных собрались на главной площади с лозунгом «Ни гроша князьям!». Господа из городского самоуправления оказались в затруднительном положении, поскольку они именно в этот день сообщили о том, что городское собрание увеличило фонды по безработице на несколько десятков тысяч рейхсмарок. 27 января 1926 года более 8 тысяч безработных вновь вышли на улицы Мангейма. «Работы и хлеба!», «Долой князей!» — требовали они.

Я был очевидцем и непосредственным участником обеих манифестаций. Летом 1925 года я участвовал в демонстрации больше из симпатии к голодающим рабочим и любопытства. Теперь же, в январе 1926 года, я был лучше информирован и потому знал, о чем идет речь. После того как в начале месяца в Берлине под руководством Роберта Кучинского был образован комитет по проведению опроса относительно безвозмездной национализации имущества княжеских семейств, работа в нашей комсомольской ячейке пошла полным ходом. С 4 по 17 марта предстояло провести предварительный опрос. Если бы за проект закона, представленного на обсуждение в рейхстаге, высказалось 10% всех имевших право голоса, тогда в соответствии с положениями Веймарской конституции можно было бы проводить в стране референдум. Дело, таким образом, сводилось к тому, чтобы как можно большее число голосующих не только высказалось за это на специально организованных собраниях, но и открыто выразило свою волю в подготовленных специально для этого опросных листах.

В целом настроение рабочих было боевое. Но нам предстояло еще провести работу с ремесленниками и кустарями, домашними работницами, со всеми демократически настроенными слоями населения. На счету была каждая свободная минута. Мы рисовали плакаты и писали транспаранты с краткими, выразительными и легко запоминающимися лозунгами. Готовили группы скандирования, как правило, коротких двустиший. Наконец мы отправились в путь. В основном мы ходили по восемь — десять человек, не больше.

У одного из нас была гармошка. Она создавала музыкальный фон, на котором декламировались наши двустишия.

Под гармошку же мы и пели. Из тонкой жести изготовили рупор для информатора, функции которого я охотно брал на себя. Благодаря этому нехитрому приспособлению голос информатора заглушал уличные шумы и был слышен сквозь закрытые окна.

Периодически наша группа останавливалась и начинала громко декламировать текст. Иногда мы пели песни. Мы предпочитали делать такие остановки на перекрестках улиц и небольших площадях центральной части города, то есть там, где жители города могли нас хорошо видеть и слышать. Нередко посещали мы и задние дворы. Недостатка в слушателях у нас никогда не было.

Если правление Социал-демократической партии Германии вначале еще пыталось наскоро отделаться от проекта закона, внесенного КПГ, считая его всего-навсего «пропагандистским маневром», то спустя несколько недель партийный комитет — высший орган СДПГ — вынужден был в корне пересмотреть отношение к референдуму. Во многих городах и сельских общинах возникли объединенные комитеты, в которых коммунисты и социал-демократы, члены «Союза красных фронтовиков» и «Железного фронта» [1], члены Коммунистического союза молодежи и Союза социалистической рабочей молодежи совместно готовились к предстоящему предварительному опросу населения. Такой комитет существовал также в Мангейме. В его состав входила прежде всего рабочая молодежь.

Наше требование провести безвозмездную национализацию имущества княжеских семейств Германии нашло широкий отклик у населения. В конечном счете даже ландтаг Бадена не мог больше оттягивать рассмотрение предложения КПГ, которая требовала провести референдум по данному вопросу. Когда депутат от партии «центра» и министр финансов Бадена Келер выступил от имени земельного правительства с коротким заявлением о том, что «вопрос о выплате денежного возмещения семейству великого герцога решен окончательно... в достойной и лояльной форме», разразился громкий скандал. Но, несмотря на это, из 72 депутатов ландтага только 4 коммуниста и 10 социал-демократов (в ландтаге заседало 16 социал-демократов) голосовали в поддержку предложения КПГ; 40 депутатов проголосовали против.

Попутно заметим, что семейство великого герцога, имущественное положение которого никак не было затронуто

[1] «Железный фронт» — боевая организация социалистов Веймарской республики. — *Прим. пер.*

ноябрьской революцией, сумело сохранить в неприкосновенности свои несметные богатства и в ходе второй мировой войны. Подавляющая часть миллионных владений бывших герцогов Бадена теперь находится в руках их племянника принца Макса фон Бадена. Этот дворянский отпрыск 1933 года рождения содержит свой двор в замке «Салем» в окрестностях Юберлингена на берегах Боденского озера и предписывает титуловать себя «его королевское высочество маркграф Макс фон Баден и герцог фон Церинген». Он относится к числу 400 богатейших людей Федеративной Республики Германии. В его собственности находятся более 5 тысяч гектаров ценных земельных угодий и многочисленные винодельческие хозяйства. Он — крупный акционер предприятия, выпускающего все необходимое для художественных промыслов, совладелец фирмы «Бодензеверк геретехник ГмбХ» в Юберлингене. В этом последнем качестве он участвует в военно-промышленном бизнесе: данное предприятие, на котором работает свыше 1600 человек, выпускает электронное оборудование для самолетов и ракет.

Результаты голосования в ландтаге Бадена по вопросу денежной компенсации княжеским семействам отнюдь не явились полной неожиданностью. Католико-клерикальная партия «центра», обладавшая в годы Веймарской республики значительным и довольно устойчивым влиянием на избирателей, в ходе состоявшихся в конце октября 1925 года выборов в земельный ландтаг получила более трети голосов всех избирателей, участвовавших в выборах. Данное обстоятельство не только отразилось на составе баденского парламента, но и предопределило исход почти всех парламентских дебатов.

Будучи по своему характеру буржуазно-клерикальной, партия «центра», как отмечал в 1932 году Эрнст Тельман, являлась выразительницей «классового союза промышленных капиталистов и крупных землевладельцев по совместному ограблению масс». Программа, в которой крайне осторожно затрагивались отдельные социальные вопросы, а также интересы верующих, позволяла партии «центра» оказывать значительное влияние в первую очередь на католические слои мелкой буржуазии, а также крестьянства. Особенно четко это проявлялось в Бадене, где в середине 20-х годов почти половину населения составляли мелкие крестьяне, ремесленники и торговцы. Свыше трети населения Бадена было занято в сельском и лесном хозяйстве. Подавляющая масса этих людей была верующей. Почти 60% населения Бадена по своему вероисповеданию относились к

римско-католической церкви. Шварцвальд и Оденвальд, центральные районы Бадена и Зекрайс считались местностями, в которых проживало исключительно католическое население. И как раз здесь влияние партии «центра» было наибольшим.

Сельские районы не доставляли этой партии никаких серьезных забот, поскольку тамошнее население практически не делало никаких различий между католической церковью и партией «центра». Когда проводились выборы, то в большинстве случаев достаточно было, чтобы духовный пастырь в проповеди с церковной кафедры заявил, что над государством и религией нависнет серьезная опасность, если в ходе выборов прихожане отдадут свое предпочтение не богобоязненным мужам из партии «центра», а «красным якобинцам» из рабочих партий. Не отдать своих голосов этим политиканам-центристам, поминающим имя господне и церковь гораздо чаще, чем сами клерикалы, означало бы для крестьян, пребывающих в извечной бедности и невежестве, страшное богохульство.

Политики из партии «центра» хорошо знали, что мелкое крестьянство душой и телом привязано к тому небольшому клочку земли, к той животине и, наконец, к тому хозяйству, которыми они владели и которые спасали от полного разорения лишь ценой колоссальных усилий.

Результаты выборов в ландтаг Бадена, состоявшихся 25 октября 1925 года, и состав ландтага

Партии	Количество действительных голосов	В процентах к итогу	Количество полученных мандатов
Партия «центра»	283 404	37,5	28
Социал-демократическая партия	160 533	21,2	16
Немецкая национальная народная партия	93 727	12,4	9
Немецкая «народная» партия	72 882	9,6	7
Немецкая демократическая партия	66 842	8,8	6
КПГ	47 304	6,3	4
Национал-социалистская немецкая рабочая партия (НСДАП)	8 896	1,2	—
Прочие партии	22 858	3,0	2
Итого . . .	756 446	100,0	72

Поэтому, обсуждая вопрос о денежном возмещении княжеским семействам, эти политики пускали в ход и соответствующую политическую демагогию. Смотрите, говорили они, сегодня коммунисты и социал-демократы хотят отнять все у князей, но кто может гарантировать, твердили центристы на всех перекрестках, что завтра не наступит очередь церковных владений, а там и всех пожиток крестьян? Наконец, коммунисты, мол, прославились тем, что ненавидят святую частную собственность. Достаточно только посмотреть на то, что творится в России, что понаделали там большевики с частной собственностью! Ведь они, надо же до этого додуматься, обобществили даже женщин! Поэтому, убеждали центристы, национализация имущества князей — это воровство, тяжкое прегрешение против седьмой заповеди и против самого господа бога.. За этот грех люди, разумеется, понесут заслуженную кару.

Однако, вопреки лживой пропаганде и ожесточенному сопротивлению реакции, предварительный опрос общественного мнения в Бадене все же был проведен. В целом по Германской империи в опросные листы было внесено 12,5 миллиона человек, или свыше 30 процентов всех имеющих право голоса. Таким образом, число избирателей, которое в обязательном порядке устанавливалось для проведения референдума, было существенно превышено.

Как в Мангейме, так и в целом по земле Баден предварительный опрос населения дал положительные результаты. Непосредственно в городе Мангейме и его сельском районе свыше 100 тысяч человек, или более половины избирателей, высказались за проведение всенародного опроса. В земле Баден за проведение референдума по вопросу выплаты денежного возмещения владетельным домам высказались 0,5 миллиона человек, то есть больше одной трети обладавших правом голоса. Это было на 292 тысячи голосов больше того, что КПГ и СДПГ собрали вместе в ходе выборов в земельный парламент, состоявшихся 25 октября 1925 года.

Это был примечательный итог, особенно если принять в расчет сильное политическое влияние партии «центра» и вспомнить о результатах прошлогодних выборов в баденский ландтаг. Окружное руководство КПГ считало, что требование о безвозмездной национализации имущества княжеских семейств нашло широкий резонанс не только в среде рабочего класса, но и среди мелких крестьян, земельных арендаторов, мелкой и частично средней буржуазии. В значительной мере этому способствовали жестокая нужда, со-

циальная неуверенность и последствия продолжавшейся несколько лет инфляции.

И все же самое главное нам еще предстояло сделать. После того как рейхстаг в мае 1926 года отклонил проект закона, основную задачу мы видели в том, чтобы подготовить проведение референдума. По стране в целом необходимо было завоевать на свою сторону 20 миллионов голосов. Ведь каждый не поданный в поддержку проведения референдума голос автоматически считался голосом, поданным против.

Правые буржуазные партии еще до проведения предварительного опроса общественного мнения делали все для того, чтобы избиратели не попадали в опросные листы. Теперь же они перешли к открытой травле коммунистов и грозили расправиться с каждым, кто «будет действовать заодно с коммунистами». Однако в ходе все более и более обострявшейся борьбы за хлеб насущный даже у многих верующих, проживавших в сельской местности, заботы о спасении души отходили на второй план. Порой стоял вопрос о том, как выжить. Политика, проводившаяся в период Веймарской республики, автоматически вела к полному разорению крестьян. В долине реки Мозель и в соседнем Пфальце уже имели место демонстрации крестьян.

Было крайне необходимо, чтобы мы, молодые коммунисты Мангейма, в своей агитационно-пропагандистской работе не ограничивались городским населением, а шли и в деревню. Обычно это делали в конце недели. Грузовика, на котором нашлось бы место для нас всех, у нас не было. Поэтому, чтобы попасть в близлежащие сельские общины, нам приходилось либо идти пешком, либо использовать велосипед. Наша работа состояла прежде всего в том, чтобы собирать деревенских жителей на собрания, на которых выступал, как правило, представитель мангеймской организации коммунистической, а иногда и социал-демократической партии. Нам очень скоро стало ясно, что здесь непригодны те методы, которые мы использовали в городе. Нередко крестьянские дворы находились на значительном удалении друг от друга, и потому не имело смысла прибегать к хоровой декламации. Излишним было здесь и наше подручное средство — рупор. Мы ходили от дома к дому, беседовали с крестьянами и распространяли листовки с воззванием КПГ «Лицом к деревне!». Крестьяне с большим вниманием прочитывали воззвание, поскольку в нем излагалась разработанная до мельчайших деталей программа улучшения положения крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Вечерами мы обычно принимали участие в собраниях. И вот результат, которого, по-видимому, никак не ожидали политиканы из партии «центра» и их партийный «секретариат на церковных кафедрах»: почти все собрания были многолюдными, нередко крестьяне сами просили слова и в своих выступлениях поддерживали предложения КПГ. Партия «центра» теряла почву в деревне.

Впрочем, не всегда дело шло так гладко, как могло бы показаться на первый взгляд. Бывали случаи, когда крикуны мешали проведению собраний крестьян. Как правило, это были подкулачники, которые за срыв собраний получали деньги от своих хозяев. В один из наших походов в деревню эти подпевалы в дикой ярости напали на нас из-за угла. Градом посыпались на наши головы удары, но и мы не остались в долгу. Однако такие эпизоды не могли запугать нас. Мне не припоминается ни одного случая, когда бы крикунам удавалось сорвать собрание. Как правило, крестьяне помогали нам выставлять за дверь этих дебоширов.

Возвращаясь после всего этого поздно вечером в воскресенье домой и буквально валясь с ног от усталости, я заставал еще, случалось, своего деда, который сидел в кухне и читал газету. Разумеется, он был в курсе того, где я был, тем не менее он не отказывал себе в удовольствии спросить меня, не с коммунистами ли я проводил время.

— Ну как? Они тебя уже переубедили? — насмешливо интересовался он. — Погоди, ты еще увидишь, куда они тебя заведут.

Мать, напротив, защищала меня:

— Оставь мальчика в покое. Он сам знает, что делает. Кроме того, он и не затевает ничего дурного. Или ты хочешь, чтобы мы и дальше потакали князьям?

— Откуда ты это взяла? Вовсе нет, но это еще не значит, что я должен сейчас же набиваться в друзья к коммунистам.

Подобный разговор между матерью и дедом нередко приводил к серьезным перепалкам. В начале 20-х годов моя мать вступила в члены КПГ и все меньше разделяла политические воззрения своего отца. В партийной работе она участвовала от случая к случаю, но имела твердую точку зрения по многим вопросам. Она всегда решительно отстаивала свое мнение, даже если это не очень нравилось моему деду.

Самому мне практически не приходилось участвовать в этих вечерних семейных спорах. Как правило, я возвращался домой до смерти уставший и мечтал только об одном — поскорее добраться до кровати: как-никак, а мне еще пред-

стояло очень рано вставать. Кроме того, побывав в агитационном походе, я отнюдь не был расположен к тому, чтобы участвовать в подобных перепалках. Мною владело неведомое мне прежде чувство: я был доволен собой. У меня появилось ощущение того, что я сделал что-то нужное и полезное. Более того, я был горд за себя, за нашу ячейку: по правде говоря, надо было обладать известным мужеством, чтобы отстаивать и защищать свою точку зрения перед темными в политическом отношении людьми. Сначала я не принимал близко к сердцу постоянные колкости деда, но три-четыре года спустя картина переменилась: теперь между нами нередко возникал ожесточенный спор.

Кампания, проводившаяся против предоставления денежной компенсации княжеским семействам Германии, стала первым крупным политическим событием в моей жизни, в котором я действительно сознательно принимал участие. Сегодня я с теплой улыбкой вспоминаю о том, с каким энтузиазмом мы брались в те далекие времена за выполнение задания, порой выходя за рамки поставленных перед нами целей.

Вечером 20 июня процедура внесения лиц в опросные листы завершилась. Начался подсчет голосов. Нам не терпелось узнать первые результаты по нашему городу. В референдуме приняло участие 59,6% всех тех, кто обладал правом голоса: 88 441 избиратель Мангейма высказался за безвозмездную национализацию имущества княжеских семейств и только 2135 человек — против. В ходе предварительного опроса «за» высказывалось 79 418 человек. Таким образом, число лиц, поддерживавших безвозмездную национализацию, увеличилось на 9 тысяч человек, или более чем на 11%. Особенно высокий уровень участия избирателей в референдуме (свыше 76% их общей численности), отмечался в западных районах города — в Неккарштадте и Вальдхофе. В земле Баден 38% всех обладавших правом голоса сказали свое четкое «да».

В целом по стране, как я уже говорил, нужно было набрать 20 миллионов голосов, чтобы осуществить безвозмездную национализацию имущества княжеских семейств. «За» высказались 14,5 миллиона человек. И хотя цель не была достигнута, демократические силы, и в первую очередь рабочий класс, вышли окрепшими из этого противоборства с силами реакции. События показали, что рабочий класс, если он выступает решительно и сплоченно, в состоянии привлечь на свою сторону значительную часть крестьянства, мелкой буржуазии, интеллигенции и демократически настроенных слоев

населения, вовлечь их в борьбу за претворение в жизнь демократических требований.

Авторитет Коммунистической партии Германии вырос. Это было особенно заметно в сельских районах Бадена. Ряды партии окрепли, возникли новые партийные ячейки. В некоторых общинных представительствах сельских районов, которые до последнего времени считались бесспорным оплотом партии «центра», теперь могли сказать свое веское слово и представители КПГ. Не менее важным оказалось и то обстоятельство, что были существенно подорваны авторитет и репутация родовитой феодальной знати и сорван нимб «святости» с великого герцога, «доброго отца земли Баден». Что касается меня, то от подобных представлений о них я избавился еще за несколько лет до описанных выше событий. Дедушка по материнской линии, знавший о моем пристрастии к увлекательным историям и приключениям, однажды рассказал мне о том, что в семействе великого герцога в прошлом столетии было совершено и затем сокрыто преступление, которое могло бы вызвать крупный скандал.

Именно дед рассказал мне о судьбе «найденыша», объявившегося в конце 20-х годов прошлого столетия в Нюрнберге под именем Каспара Хаузера и в действительности являвшегося сыном и прямым наследником баденского великого герцога Карла Людвига Фридриха фон Церингена.

— Ребенка в возрасте семи недель похитили, а вместо него в колыбель подкинули другого, мертвого. Целых шестнадцать лет похищенного наследника держали взаперти, в темном и сыром подвале на хлебе и воде. И вот он на свободе. Но ненадолго: несколько лет спустя его подлым образом убили из-за угла...

Рассказ деда произвел на меня сильное впечатление. Мне захотелось побольше узнать обо всех этих событиях, и прежде всего о том, кто совершил преступление и почему.

— Это сделали люди, пытавшиеся получить наследство обманным путем. Политические интриганы и морально опустившиеся личности, — ответил на мой вопрос дед и подробно объяснил весьма сложные политические и родственные отношения, существовавшие в семействе великого герцога Бадена во времена Наполеона.

Многое из услышанного мною вскоре совершенно забылось, но каждый раз, когда так или иначе речь заходила о великом герцоге, мне на память вдруг приходила история о Каспаре Хаузере. Одновременно всплывало имя человека, которое не раз упоминал дедушка. Речь идет о весьма авторитетном для своего времени ученом-юристе Пауле Ансель-

ме Фейербахе, отце известного философа-материалиста Людвига Фейербаха. Он занимался расследованием этого преступления, а позднее очень подробно описал его.

Результаты предварительного опроса общественного мнения, референдума и выборов в рейхстаг (в тыс. чел.)

	Германия	Земля Баден
Выборы в рейхстаг, состоявшиеся 7 декабря 1924 года		
Число голосов, полученных КПГ	2 709,0	65,0
Число голосов, полученных СДПГ	7 881,0	199,0
Предварительный опрос общественного мнения, состоявшийся 4—17 марта 1926 года		
Число избирателей, внесенных в опросные листы	12 524,0	500,0
Референдум, проведенный 20 июня 1926 года		
Число лиц, имевших право голоса	39 737,0	1 442,0
Число голосов, поданных „за" . .	15 600,0	584,0
Доля голосов, поданных за безвозмездную национализацию имущества владетельных домов, %	36,4	38,0

Движущими силами этого и целого ряда других, в большинстве своем нераскрытых, преступлений были безграничное властолюбие и безмерное корыстолюбие. По словам дедушки, события развертывались приблизительно так. Великий герцог Карл Фридрих на шестидесятом году вторично женился. Брак был неравным, поскольку его женой стала двадцатилетняя графиня Каролина Гейер фон Гейерсберг, позднее фон Хохберг. Придворные кумушки сплетничали, что молодая жена изменяла мужу с его третьим сыном от первого брака маркграфом Людвигом, а после смерти мужа в 1811 году в возрасте 83 лет и во время перехода власти в руки одного из внуков старого герцога она сговорилась со своим любовником устранить возможного ближайшего престолонаследника. Им оказался правнук великого герцога, сын приемной дочери Наполеона Бонапарта. Его исчезновение не противоречило планам и других членов семейства, поскольку в период заката славы Наполеона считалось невыгодным находиться в родстве с семейством разбитого французского императора.

Вместо приемного внука Наполеона энергичная, предприимчивая Каролина фон Хохберг намеревалась поставить у власти одного из собственных сыновей и тем самым приобрести право наследования, что в соответствии с сословным правом родовитого дворянства было делом исключительно

сложным. Пока же править предстояло ее возлюбленному, маркграфу Людвигу, который вынужден был взять на себя обязательство не производить на свет детей, которые имели бы право на наследование трона. По этой причине он довольствовался интимными отношениями с одной из фавориток. Похитив законного наследника, они не убили его прежде всего потому, что каждому из них он служил своего рода поручительством. Последнему предстояло внезапно появиться на сцене, если бы одна из сторон нарушила условия «соглашения» о порядке наследования. У пропавшего наследника появился брат, но его отравили в возрасте одного года. В 1833 году был злодейски убит и Каспар Хаузер.

Но, какими бы убедительными ни были улики, связанные с данным преступлением, даже столь проницательный юрист, как Фейербах, остерегался делать однозначные выводы. Убийство Каспара Хаузера и в дальнейшем оставалось покрытым тайной. Вне всякого сомнения, буржуазное правосудие умело поддерживать на должном уровне мистический характер подобного рода дворцовых интриг и делать это так, как подобает «образцовому государству».

Рассказ деда произвел на меня такое впечатление, что каждый раз, когда в школе в день рождения великого герцога ученикам раздавали знаменитые соленые крендельки, у меня от них во рту оставался неприятный привкус.

Но вернемся к описанию повседневной политической работы 20-х годов. Даже спустя много времени после проведения референдума на заводе продолжались оживленные дискуссии относительно того, стоило ли коммунистам, социал-демократам и прочим демократическим силам проводить такую громадную работу по подготовке предварительного опроса общественного мнения и референдума. И вообще, можно ли добиться определенных результатов, прибегая к подобным методам борьбы?

По этим вопросам расходились во мнении даже члены заводской ячейки коммунистов моторостроительного завода, с которыми мы, комсомольцы, поддерживали самые тесные контакты и от которых нередко получали нужные советы относительно того, как вести политическую работу на промышленном предприятии. Большинство коммунистов оценивали события оптимистично:

— В целом дела не так уж и плохи. В следующий раз добьемся большего! Нам следует активнее работать с людьми, привлекать их на свою сторону. Больше внимания надо уделять членам профсоюзов и неорганизованным трудящимся.

Часть коммунистов выражали несогласие с этим и приводили свои аргументы:

— Разве не ясно, что с «мешочными пролетариями» и этими социал-демократишками нельзя ничего добиться? Подумаешь, защита демократии! Хороша демократия, которую вы собираетесь защищать!..

Подобная острая полемика была для того времени вполне обычным явлением. Нередко деловые доводы подменялись односторонним толкованием практического опыта или даже предвзятыми мнениями и предубеждениями, основанными на эмоциях. Можно себе представить мое состояние, когда на наших вечерних занятиях марксистского кружка мне приходилось выслушивать то одно, то совершенно другое мнение о классовой борьбе и политике союзов. Участвуя в наших многочисленных агитпоходах в период кампании за безвозмездную национализацию имущества княжеских семейств, я лично смог убедиться в том, что рабочие вовсе не были одиноки в своей борьбе, что они смогли привлечь на свою сторону многих союзников и что эти союзники им были необходимы в борьбе за интересы всего народа. Убедившись в этом, я нередко вступал в ожесточенные споры с теми из товарищей, кто считал напрасными наши усилия в проведении кампании по подготовке референдума.

Прошло немного времени, и полемика стала вестись не только по вопросам методов ведения борьбы рабочим классом и того пути, которым следует ему идти для завоевания политической власти. Споры порождали также вопрос о том, можно ли вообще в условиях, когда существует капиталистическое окружение и когда велико могущество международного финансового капитала, построить социализм в отдельно взятой стране, и причем в такой довольно отсталой стране, какой является Советская Россия? Те наши товарищи, кто считал утопической возможность создать широкий союз всех демократических сил, сомневались и в этом. В качестве аргумента они ссылались на К. Маркса и Ф. Энгельса: в их работах, мол, можно прочитать, что пролетарии всех стран должны объединиться и общими усилиями, то есть одновременно, осуществить социалистическую революцию. Все остальное, по их мнению, — это оппортунизм.

Подобного рода утверждения выводили меня из себя. Я был еще молод и не понимал, что раздражение не только плохой советчик, но и непригодное средство опровержения неверных и вредных взглядов. Кроме того, мне не были известны те места из работ К. Маркса и Ф. Энгельса, на которые ссылались эти товарищи, и я еще не был в курсе того,

что писал В. И. Ленин о государстве и революции в эпоху империализма. Но я твердо верил в то, что русские рабочие и крестьяне действовали правильно и что они не упустят из своих рук победу, даже если против них будут продолжать плести многочисленные сети заговоров, даже если против них выступит мировая буржуазия.

В основе этой убежденности лежали два события, которые мне пришлось пережить и которые оставили в моей душе глубокий след. Первым событием явился просмотр фильма. Руководство партийной организации Мангейма устроило для всех членов партии и для нас, комсомольцев, закрытый просмотр фильма «Броненосец «Потемкин», режиссером которого был Сергей Эйзенштейн. В одном из кинотеатров нашего города в течение некоторого времени демонстрировали этот фильм, но потом он неожиданно исчез с экрана. В Берлине, где фильм уже успели посмотреть десятки тысяч зрителей, его дальнейший показ был запрещен по настоянию рейхсминистра обороны. В конечном счете лента Эйзенштейна взбудоражила умы и в ландтаге Бадена. Фильм мужественного, талантливого советского режиссера потрясал и не мог никого оставить равнодушным. Он подрывал сами основы господства эксплуататоров и был своего рода воззванием ко всем угнетенным и порабощенным в мире капитала, пламенным призывом к революции. Демонстрацию фильма, естественно, встретили в штыки все те, кто увидел в нем реальную угрозу существованию буржуазного общественного строя. Особую ярость эта лента вызвала у депутатов немецкой «народной» партии, представлявшей интересы таких китов германской тяжелой промышленности, как Герман Рёхлинг и Альберт Фёглер. Просто не укладывается в сознании, твердили «представители» народа, что «этот подрывающий основы государственности провокационный фильм большевиков» все еще демонстрируется в некоторых городах Бадена, хотя показ его в других местах был запрещен. Конечно, заявляли они, следует признать, что «этот фильм в художественном отношении и с точки зрения режиссуры обладает высокими качествами, но в общем и целом он разлагающе действует на народ». Этого было вполне достаточно, чтобы запретить показ работы С. Эйзенштейна и в Бадене, а если выражаться точнее, постараться предать его забвению.

Лично на меня этот фильм произвел неизгладимое впечатление. Я хорошо помню, в какую ярость приводили меня высокомерные царские офицеры, вынуждавшие матросов есть кишевшее червями мясо и уверенные в том, что они в

состоянии под угрозой жестокой экзекуции держать в узде команду корабля. А жизнь матросов была сплошной мукой. Как сейчас, я вижу широкую одесскую лестницу, спускающуюся к морю: медленно надвигается на зрителя шеренга казаков, стреляющих в безоружных людей; опрокидываются навзничь и конвульсивно вздрагивают тела мужчин и женщин; детская коляска с ребенком ускоряет свой бег, а за ней крупным планом — громадный солдатский сапог; женщина с окровавленным лицом и с мертвым ребенком на руках медленно бредет вверх по лестнице...

До сих пор не могу забыть, с каким волнением я смотрел, как «Потемкин» пытался вырваться из кольца окруживших его кораблей. Меня охватило глубокое отчаяние. «Если корабли откроют огонь, все будет кончено», — думал я. Мне казалось, что разверзшиеся жерла орудий царских кораблей, с которыми сближался броненосец, направлены на меня: мороз пробежал по коже. В подобные моменты в зале наступала тревожная тишина. «Братья!» — поднял сигнальные флажки «Потемкин». Ответа не последовало. Казалось, бой неизбежен. Но что это там? Наконец! Матросы других боевых кораблей приняли поднятый сигнал. Они приветствуют команду броненосца. Путь свободен! Неописуемая радость овладела мною. Я почувствовал, что матросы оказались сильнее: они одержали верх.

Второе событие, которое произвело на меня сильное впечатление и еще больше сблизило с русскими рабочими и крестьянами, было знакомство со всемирно известным романом Федора Гладкова «Цемент». Его чтение дало мне возможность осознать, чтó, собственно, означает избавиться от эксплуататоров и построить новое, достойное простого человека общество. «Социализм» — это слово, которое мне приходилось часто слышать, теперь приобрело для меня реальные очертания и смысл. Осуществить социалистическую революцию значило не только бороться с оружием в руках, лишить эксплуататоров власти и ликвидировать их. Это также и созидательный труд, гигантская работа по постепенному преодолению всего того, что досталось от старого мира. Одновременно это означало, что нужно настойчиво и упорно учиться, преодолевать трудности, идти новыми, неизведанными путями в процессе созидания нового общества.

История рабочего и командира полка Глеба Чумалова и его спутницы жизни Даши стала для меня живым примером. Вновь, как и при просмотре фильма «Броненосец «Потемкин», мною овладело особенное чувство: никто не устоит против той силы, против той непоколебимости и уверенно-

сти, против той настойчивости и того упорства, с которыми советские люди вершат свое правое дело, принося неисчислимые жертвы. Им еще далеко до цели, им тяжело, даже очень тяжело, но они намного сильнее своих врагов.

Прочтя роман, я также понял, почему тогда, в тот серый январский день 1924 года, сотни мангеймцев собрались на мосту через Неккар, чтобы в глубокой скорби почтить память В. И. Ленина. «Ленин был беззаветно предан интересам трудящихся, был человеком, завоевавшим сердца русских рабочих и крестьян. Человек, чьи идеи так глубоко запали в души людей, действительно был великой личностью» — так я говорил сам себе. Меня потрясло, как глубоко чтили В. И. Ленина герои романа Ф. Гладкова, черпая в идеях великого вождя новые силы, надежду и уверенность в правоте своего дела.

Вот почему я не разделял сомнений отдельных рабочих и даже некоторых членов партии, которые они высказывали по поводу политики Советской России. В подобной полемике, которая имела место и среди коммунистов моторостроительного завода, было нечто большее, чем просто расхождения во мнениях или непонимание отдельным человеком тех или иных вопросов. Неверие в победу социалистической революции в России явилось причиной возникновения сектантской линии, которой следовали на протяжении определенного периода времени ультралевые силы в центральном руководстве КПГ.

В ходе ставшей неизбежной дискуссии КПГ с правооппортунистическими элементами — она имела место в 1923—1924 годах — антиленинские силы, сплотившиеся вокруг Рут Фишер и Аркадия Маслова и захватившие ведущие посты в Центральном комитете, выступили против политики единства, против необходимости ведения широкой агитационной работы в профсоюзах. Они считали мелкобуржуазным лозунг «Ближе к народным массам!», выдвинутый III конгрессом Коминтерна. Тем самым был нанесен громадный урон как самой партии, так и ее влиянию на народные массы. Необходимо было вести исключительно трудную и долгую работу, для того чтобы вначале вывести эту влиятельную группировку из руководства партией, а затем и исключить ее членов из рядов КПГ, поскольку они превратились в открытых противников партии.

Истинные масштабы борьбы против этой антиленинской, ультралевацкой фракции в партии я полностью осознал только позднее, в период моей учебы, когда мне была предоставлена возможность ознакомиться с документами VII расши-

ренного пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося в 1926 году. Там в ходе дискуссии Эрнст Тельман заявил, что в борьбе против ультралевых сил речь идет «не о чем другом, как об отношении нашей партии к Советскому Союзу, о «за» и «против» пролетарской диктатуры. Если бы в этой борьбе верх одержали ультралевые, то крупнейшая коммунистическая партия Западной Европы превратилась бы в орудие врагов Советской России».

Даже после того как ультралевацкая фракция была исключена из КПГ, она продолжала упорно заниматься подрывной антипартийной деятельностью. Определенные связи она поддерживала и с партийными организациями Бадена. Именно здесь весной и летом 1927 года Рут Фишер попыталась — при поддержке отдельных членов руководства земельной организации КПГ — найти сторонников своей антипартийной группировки. Руководители левых выступали с пространными речами в Мангейме, Неккарау, Келе и ряде других мест Верхнего Бадена. Как правило, они говорили очень долго — четыре-пять часов кряду, занимались пустым фразерством и ничего не делали. В ряде мест организованные ими собрания завершались, так и не начавшись. Пусть временно, но этой раскольнической группировке все же удавалось порождать в той или иной местной организации или ячейке чувство неуверенности и вызывать определенное замешательство. Там, где сторонники Фишер и Маслова ничего не могли добиться с помощью псевдореволюционных фраз, они пытались достичь этого, распространяя листовки, а также марки оплаты членских взносов, выдавая себя за «ядро ленинской партии», которое якобы «вскоре вновь войдет в партию». Но истинно ленинские кадры партии Бадена оказались сильнее.

В комсомольской ячейке района J5 мы практически не замечали этих разногласий. Будучи ответственным за сбор членских взносов, я с самого начала обращал свое внимание на то, чтобы каждый комсомолец в срок вносил положенные десять пфеннигов. Я обязан был также организовывать групповые вечера молодежи и обеспечивать участие комсомольцев в демонстрациях и агитпоходах, когда в этом возникала необходимость.

Не всегда это было легким делом. Мы, комсомольцы, в большинстве своем работали подсобными рабочими или учениками в самых различных частях города, на различных предприятиях. Возвращались домой только вечером. Политическую работу обычно вели там, где работали. Нам оказывали помощь и поддержку комсомольцы других жилых рай-

онов города, а также товарищи из заводских партячеек. Постепенно мне становилось понятным многое из того, что я слышал на молодежных вечерах или на занятиях марксистского кружка. На заводе я на практике познавал классовую борьбу. Отдельные события на заводе помогали мне понять ту или иную теоретическую проблему, о которой шла речь в кружке. Я набирался политического опыта, приобретал знания, которые позднее оказались полезными при изучении трудов классиков. Постепенно, шаг за шагом формировалось мое мировоззрение.

К моему шестнадцатилетию мама подарила мне первый том «Капитала» К. Маркса. Для меня это было тем более знаменательным событием, что мать далеко не с восторгом относилась к моему «запойному» чтению, в результате которого я совершенно забывал о своих домашних обязанностях. А тут она взяла и подарила мне книгу, и притом довольно толстую. К тому же она попросила прочитать ее с большим вниманием:

— Не читай «запоем», иначе не поймешь того, что прочитал. Обрати внимание в первую очередь на те места в книге, где говорится о прибавочной стоимости. Это исключительно важно. Правда, не так просто. На днях мы говорили об этих вещах на нашем собрании.

Со временем я стал более разборчивым при выборе книг, но скорость чтения у меня не изменилась. В тот же вечер я набросился на «Капитал», начав с третьей главы, в которой говорилось о производстве абсолютной прибавочной стоимости. Однако материнский подарок ко дню рождения, которому я еще утром так радовался, теперь разочаровал меня. Дело в том, что эта самая «прибавочная стоимость» оставалась для меня тайной за семью печатями. Я листал страницы, возвращался к прочитанному, наталкивался на формулы, при виде которых я сразу же вспоминал школьные задачки. Здесь между математическими значками вместо чисел стояли строчные и прописные буквы. Я долго мучился. Наконец не выдержал и капитулировал.

Прошло не так много времени, и мне вновь пришлось столкнуться со все еще загадочной для меня прибавочной стоимостью, на этот раз на заводе. Ранней весной 1927 года в результате мероприятий по рационализации производственных процессов за воротами предприятия оказались многие рабочие почти всех цехов моторостроительного завода в Мангейме. Для оставшихся рабочих интенсивность работы росла буквально не по дням, а по часам. Почти три четверти занятых работали сдельно, и каждый стремился сделать

как можно больше: ведь увеличение количества изготовленных изделий означало, что рабочий в день получки получит на пару грошей больше. В первые недели отдельным коллегам по работе удавалось за счет повышения темпов труда увеличить свою почасовую оплату на 30—40 пфеннигов. Это были небольшие деньги. Руководству же предприятия казалось совсем наоборот. И вот результат: практически не проходило месяца, чтобы хотя бы раз не изменялись ставки сдельной оплаты труда. И как бы ты ни вкалывал, размер зарплаты оставался неизменным.

Множились протесты рабочих. И только после тяжелейших переговоров удалось в конце концов добиться увеличения почасовой оплаты труда на восемь пфеннигов. Мы же, грешники, остались ни с чем: нас просто-напросто обошли. Коммунисты из заводской ячейки советовали нам: «Не оставляйте это дело так! Протестуйте! Эти господа и так забирают у вас чересчур много!»

Все было именно так. И дело не только в том, что мы, ученики, в последний год учения должны были, как и многие молодые рабочие, трудиться ежедневно по восемь-девять часов. Мы обязаны были выполнять ту же работу, что и квалифицированные рабочие, но получали за это всего 9, в лучшем случае 10 рейхсмарок в неделю, в то время как квалифицированный рабочий зарабатывал 50—60 рейхсмарок. При этом считалось, что труд металлистов по сравнению с трудом занятых в других отраслях промышленности юго-запада Германии оплачивался лучше. В текстильной и химической промышленности заработная плата зачастую была намного ниже. Особенно тяжелой была жизнь рабочих, занятых в табачной промышленности Бадена. Более одной трети выращивавшегося в то время в Германии табака приходилось на эту землю. По численности занятых эта отрасль уступала лишь металлообрабатывающей и химической отраслям промышленности. Здесь работало также большое число женщин. Не редкостью был и детский труд. Зачастую вся семья работала допоздна. За это время женщина получала 14—16 рейхсмарок в неделю, мужчина зарабатывал на несколько рейхсмарок больше. Из этой суммы необходимо было отложить деньги на оплату жилья, на одежду детям и на еду. Килограмм хлеба стоил 46 пфеннигов; килограмм говядины — 2,24 рейхсмарки; литр молока — 30 пфеннигов, а одно яйцо — 14 пфеннигов. По данным статистики, среднее потребление мяса на душу населения в Мангейме уменьшилось с 49,3 килограмма в 1925 году до 26,1 килограмма в 1926 году.

И вот однажды на повестке дня стал вопрос о том, что

профсоюз рабочих-металлистов просто-напросто «забыл» о требованиях учеников и молодых рабочих относительно повышения оплаты их труда. После окончания рабочего дня мы собрались, чтобы посоветоваться между собой. Нас было семь или восемь комсомольцев, и мы решили записать наши требования на листовках и распространить их на заводе рано утром, перед началом смены. Текст должен был быть кратким, но тем не менее четко отражать наши требования. Поначалу это дело казалось нам легким, но нам пришлось здорово поломать головы, чтобы единодушно одобрить следующее: «Мы, ученики, требуем: шестичасовой рабочий день, доплату к зарплате за день производственной учебы, повышение часовой оплаты труда на 8 пфеннигов!»

Утром следующего дня наши листовки оказались на всех рабочих местах. Вскоре появился мастер. «Теперь жди,— сказал я сам себе, — что сейчас произойдет». Время от времени я украдкой бросал взгляды по сторонам, чтобы посмотреть, как реагировали другие. Мой сосед по рабочему месту прочитал листовку, скомкал и бросил в ящик для отходов. Двое других подмигнули друг другу, тщательно сложили бумажки и положили в карманы своих спецовок. А тот, у окошка, вообще не дотронулся до листовки, сделав вид, будто и не заметил ее. Мастер надел очки и спросил одного из рабочих, откуда у него листовка. Тот пожал плечами:

— Откуда мне знать? Она лежала здесь.

— Ну да, не знаешь. Может, у тебя есть еще эти штуки?

— Да нет.

Тот, к кому обращался мастер, с готовностью вывернул карманы своих брюк, словно хотел показать, что он не имеет ни малейшего понятия обо всем этом. Мастер в ответ повысил голос:

— Хватит играть в молчанку! Кто это сделал?

Наступила мертвая тишина. Никто не проронил ни слова. Мастер разразился тирадой:

— Чтоб это было в последний раз! Здесь работают, а не валяют дурака. Кого поймаю с поличным, немедленно вылетит с работы. Запомните это хорошенько!

Несколько месяцев назад ему удалось застать одного из учеников, когда тот раскладывал листовки. Правда, его не уволили, но на следующий день вызвали в профсоюзное бюро. Там ему в двух словах объяснили, что он якобы нарушил положения устава Всеобщего объединения немецких профсоюзов и потому немедленно исключается из членов союза

металлистов, поскольку совершил проступок, наносящий моральный ущерб организации.

На этот раз ничего подобного не произошло. По-видимому, мастер хотел ограничиться одними угрозами. Во время перерыва мы посовещались между собой. Что нам делать теперь? Коммунисты нам советовали: «Вот теперь-то вам и не следует отступать! Начало положено. Поговорите со всеми учениками и молодыми рабочими. Одними листовками вам уже не обойтись. Постарайтесь провести собрание молодых рабочих. Мы поможем вам. Если все поддержат ваши требования, этим господам некуда будет деваться!»

Где-то в середине того же дня к нам в токарный цех пришел гость — один из членов производственного совета. Мне он был знаком. Это с ним мне пришлось уже однажды, в самом начале моей учебы, сцепиться. Тогда он обозвал меня сопляком, так как я не очень-то почтительно отнесся к старому Бенцу. Гость пошептался с мастером, окинул взглядом нас, учеников. Неожиданно он оказался рядом со мной. «Этого еще не хватало! Что ему нужно от меня? Неужели кто-то донес на нас? Держи теперь ухо востро. Вот сейчас спросит про листовки», — подумал я про себя. Но ничего подобного не случилось. Гость с интересом следил за тем, как я обращался с токарным станком и обрабатывал на нем калиброванную сталь, но не произносил ни слова.

Вот уже в течение нескольких месяцев я работал на новом месте. Специально для этой работы мастер отобрал нескольких учеников, в том числе и меня. Мы пришлифовывали клапаны цилиндров дизельных двигателей. Станков-автоматов для осуществления столь сложных рабочих операций у нас в токарном цеху в то время не было. Их выполнение вручную требует сноровки и внимания. Неловкое движение — и начинай все сначала: предыдущая заготовка уходит в брак.

Представителю из производственного совета было хорошо известно это: он слегка тронул меня за плечо и жестом попросил остановить станок. «Ага! Теперь начнется катавасия!» — решил я.

— Ну что, коллега, работа спорится?

— Само собой!

Я ожидал чего угодно, только не этого откровенно вежливого тона. Или ему еще ничего не известно?

— Сколько брака?

— На этой неделе — ничего!

— Черт возьми! Чисто работаешь! Ну, а в остальном как дела?

«Этого еще не хватало! Что ему нужно от меня? — пронеслось у меня в голове. — Прийти сюда просто так, только ради того, чтобы просто полюбопытствовать, как идут дела у нас?! Да не может этого быть! Что бы значило это «Ну, а в остальном как дела?» Я молчал.

— Послушай, дружок, ты тоже считаешь, что тебе приходится чересчур много работать, а получать мало?

— Конечно... На третьем году обучения у нас работы отнюдь не меньше, чем у «старичков». И несмотря на это, мы не получаем даже четверти того, что зарабатывают они. Почему же нам хотя бы не повысить заработную плату? Кроме того...

— Ну, а что еще?

— Да, вот еще. То, что мы вырабатываем за неделю, стоит гораздо больше, чем те девять или десять марок, которые мы получаем за наш труд.

Наш гость насторожился:

— Неужели? Откуда ты это взял?

— Подумаешь! Это же всем хорошо известно.

— Так, так... Мы еще поговорим об этом.— Мой собеседник собрался было уже уходить, но вдруг повернулся в мою сторону: — Как, бишь, тебя зовут?

Я назвал свою фамилию. Он кивнул на прощание и ушел.

Вечером по дороге домой мне повстречался Георг. Он работал на нашем заводе, был уже членом партии со стажем и входил в руководство заводской партийной ячейки. Я рассказал ему, что произошло со мной на работе. Георг внимательно выслушал меня и предостерег:

— По всей видимости, они решили теперь действовать если не мытьем, так катаньем. Не дайте себя одурачить.

Он обещал оказать нам поддержку при подготовке собрания учеников и молодых рабочих, но до того нам нужно было побеседовать с большинством из них.

— Кстати, — сказал он в продолжение нашего разговора, — каждому следует растолковать, что он получает ничтожно мало за свой каторжный труд. Наш прибавочный труд создает прибавочную стоимость, которую присваивает себе предприниматель. В этом весь секрет эксплуатации. Такое положение изменится только тогда, когда фабрики и заводы будут принадлежать нам, когда политическая власть перейдет в наши руки — и никак не раньше.

Надо же! Опять эта «прибавочная стоимость»! Тут я вспомнил о материнском подарке ко дню рождения. Меня, конечно, радовало то, что я в самую точку попал в разговоре с членом производственного совета. И все же я попросил

Георга объяснить мне, что же представляет собой прибавочная стоимость.

— Хорошо, — ответил он. — Знаешь, это не такая уж простая вещь. Но она и не настолько сложна, как ты думаешь. Далеко за примером не ходи, остановимся на тебе.

И Георг стал объяснять: каждый рабочий благодаря своей трудоспособности и сноровке в состоянии производить гораздо больше того, что ему нужно, чтобы прокормить и одеть себя и свою семью, обставить квартиру, купить книгу и т. д.

— То, что ты создаешь сверх того, тебе предприниматель не оплачивает. Это — неоплаченный труд, или прибавочная стоимость. Ее присваивает капиталист. Не мешало бы тебе прочесть работу «Заработная плата, цена и прибыль». Написана она просто, ты поймешь ее. Кстати, ее автор — Карл Маркс.

Я последовал совету Георга, и мне многое стало более понятным. До сих пор я размышлял так: капиталисты живут хорошо, а мы, рабочие, плохо; это несправедливо, поэтому такое положение нужно изменить. Но как? Я считал, что достаточно платить нам больше и что капиталисты могут расстаться с частью своих прибылей. Теперь же мне становилось ясно, что даже в таком случае ничего не изменится, поскольку капиталисты сами решают, что делать с продуктом, созданным нашим прибавочным трудом. Все дело в том, что им принадлежат фабрики и заводы, на которых мы трудимся. Отсюда я делал вывод, что с таким положением вещей нельзя покончить, если ограничиваться только требованиями о повышении заработной платы. Только тогда, когда эти фабрики и заводы будут принадлежать нам, мы сами сможем определять, что и сколько станет получать каждый рабочий.

Мы не пропускали ни одного дня, не упускали ни одной возможности, чтобы не попытаться втянуть в нужные нам разговоры учеников и молодых рабочих. Ведь наше собрание должно было быть как можно более многолюдным и наши требования должны были найти самую широкую поддержку.

Но всех нам тем не менее не удалось привлечь на свою сторону. Объяснялось это самыми различными причинами, одной из которых было то, что очень многие из учеников и молодых рабочих состояли в Союзе социалистической рабочей молодежи или, по меньшей мере, были сочувствующими. Впрочем, даже при всем этом лишь немногие возражали против наших требований. В их глазах мы, комсомольцы, действовали чересчур решительно. Ведь мы распространили листовки, а теперь намеревались выступить со своими требованиями на открытом собрании. А некоторые из нас даже

поговаривают о забастовке, если администрация завода не пойдет нам навстречу. Вот до чего дошло дело! Но на это у нас, мол, нет никаких прав. На такие случаи как-никак существует примирительно-согласительная комиссия. Именно туда нам следует обратиться и изложить наши пожелания. Спорный вопрос в этом случае непременно будет приведен к общему знаменателю. Такие или подобные доводы приводили многие ученики и молодые рабочие. Кое-кого нам удалось переубедить, но многие остались при своем мнении.

Вне сомнения, это было связано и с тем обстоятельством, что некоторая часть молодежи завода имела вполне определенные предубеждения в отношении нас, комсомольцев. И в этом, по моему мнению, частично была и наша вина. Мы были убеждены, что комсомолец должен не только бороться за революцию, но и в своей повседневной жизни вести себя как революционер. Правда, никто из нас не имел вполне определенного представления о том, что же такое этот «революционный образ жизни».

Например, все мы считали предосудительным пить пиво, а о водке вообще не могло быть и речи. Если вечером по пути домой нас мучила жажда, мы позволяли себе выпить лишь кружечку лимонада, и не больше того. И это объяснялось нашим принципиальным отношением, а не желанием сэкономить несколько пфеннигов. Мы считали, что тот, кто пьет, курит, допоздна проводит время на танцплощадках, непременно доведет себя до болезни. На таких молодых людей мы смотрели скорее с состраданием, считая их «наполовину инвалидами». В своей основе все эти принципы были разумными, но мы не знали меры и потому нередко «пересаливали». Одних ребят такое отношение задевало за живое, другие просто смеялись над нами, считая нас обывателями.

Но мы не только хотели быть здоровыми. У нас была твердая убежденность в том, что молодому революционеру не подобает вести себя как буржуа. Буржуа носил галстук, поэтому мы и не покупали его. Если у кого-то из нас был приличный выходной костюм, он никогда не надевал его. В нашей среде было принято носить рубашки и брюки с ремнем. Последняя деталь была необходима, чтобы брюки не сползали вниз — в рабочих семьях одежда для детей всегда покупалась на вырост.

Своим здоровым образом жизни мы как бы стремились подчеркнуть наше тесное единение с природой. Совершенно не подозревая, мы увлекались идеями, которые уже двести лет назад провозгласил французский просветитель Жан-Жак

Руссо в качестве жизненных идеалов. Его призыв «Назад к природе!» был для нас жизненным правилом, и эта добрая традиция поддерживалась в первые годы существования Союза социалистической рабочей молодежи и строго соблюдалась в международной организации молодежного туризма «Друзья природы», членами которой было большинство из нас.

Своей нарочито простой одеждой мы хотели и внешне отмежеваться от капиталистического общества, от его пороков и извращений, а также показать, что мы питаем глубокую неприязнь к старому строю. Все это воспринималось нами очень серьезно, и мы могли здорово рассердиться, если кто-нибудь осмеливался насмехаться над нами. При этом до нас не доходило, что мы тем самым подготавливали почву для предвзятого отношения к коммунистам, а следовательно, у части молодых рабочих отбивали охоту следовать за нами.

Все это явилось причиной того, что мы тогда не смогли найти ключ к сердцу молодежи, трудившейся на заводе, и побудить ее открыто выступить в защиту собственных интересов, в поддержку наших требований. Тем не менее собрание состоялось. В его подготовке помощь нам оказывали наши старшие коллеги по работе, и в первую очередь члены заводской партячейки. Состоялись переговоры с администрацией по тарифным ставкам. Продолжительность нашего рабочего времени, правда, не изменилась, администрация по-прежнему не оплачивала день производственного обучения, но в конечном итоге мы добились того, что почасовая оплата труда ученика и молодого рабочего была увеличена на шесть пфеннигов. Следовательно, не напрасной была наша борьба.

В начале 1928 года обстановка вновь обострилась. Истекал срок многих коллективных трудовых договоров, в том числе и на моторостроительных заводах. Предприниматели переходили в наступление. 22 февраля 1928 года только в одном Мангейме объявили локаут для 25 тысяч рабочих-металлистов. И хотя через три дня локаут был отменен, число увольнений продолжало быстро расти. Если летом 1927 года в Бадене было официально зарегистрировано 16 тысяч безработных, то в январе 1928 года — уже 58 тысяч, а в феврале — свыше 44 тысяч безработных, в том числе почти 21 тысяча — только в Мангейме.

Среди уволенных было много молодых рабочих, для большинства которых только недавно кончились годы их ученичества на заводах. Три года назад моего деда страшно поразило то, что мне без особых трудностей и беготни удалось быстро найти место ученика. То, что его тогда так уди-

вило, было на поверку одним из методов, причем исключительно ухищренных, получения предпринимателями дополнительных прибылей за счет учеников, которые были самой дешевой рабочей силой: ведь их труд оплачивался намного ниже труда квалифицированных рабочих. Многие предприятия поэтому с охотой брали учеников. Когда же они заканчивали обучение и тем самым получали право на более высокую заработную плату, их немедленно увольняли.

Динамика численности безработных в период относительной стабилизации капитализма (1926—1928 гг.)

Год и месяц	Округ Мангейм		Земля Баден	
	Человек	В % к численности занятых в 1925 г. (121 500 человек)	Человек	В % к численности занятых в 1927 г. (698 000 человек)
1926 год				
13 января	18 041	14,9	100 000	14,3
10 февраля	23 833	19,6	120 000	17,2
30 ноября	19 618	16,2	—	—
1927 год				
1 января	20 348	16,8	—	—
февраль	—	—	70 000	10,0
28 декабря	12 779	10,5	—	—
1928 год				
15 февраля	20 740	17,1	44 500	6,4
5 июня	12 306	10,1	—	—

Летом 1928 года в таком положении оказался и я. Мои годы ученичества прошли, и я уже в течение шести или восьми недель трудился в токарном цеху как квалифицированный рабочий. И вот в один из дней вместе с заработной платой мне вручили уведомление об увольнении. Какую роль сыграли при моем увольнении «соображения политики в области заработной платы» — решающую или второстепенную, я так никогда и не узнал. И в производственном совете, и в администрации завода прекрасно знали, что я был комсомольцем и вел на заводе активную политическую работу. Мне не исполнилось еще и восемнадцати лет, а работы я уже не имел.

ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА ТЯЖЕЛЫХ КРЕЙСЕРОВ. БОРЬБА С ПОДНИМАВШИМ ГОЛОВУ ФАШИЗМОМ

(сентябрь 1928 г. — ноябрь 1930 г.)

«Путь на дно», с педантичной точностью предсказанный безработным юристами Веймарской республики, оказался не заказанным и для меня. Вначале в течение полугода я получал пособие по безработице — семь с половиной марок в неделю. Затем меня сняли с «довольствия». Пособия, выдаваемого безработным, находящимся в чрезвычайно трудном положении, мне не полагалось, поскольку мне еще не исполнился двадцать один год. Мне обещали проверить положение, в котором я нахожусь. Когда заинтересованная сторона удостоверилась, что я действительно потерял отца и моя мать стала безработной, я наконец стал получать и это пособие: еженедельно шесть марок в течение девяти месяцев. Но уже осенью 1929 года было покончено и с этим: меня «повысили» в чине — отныне я прибегал к услугам благотворительности. Итак, как и десятки тысяч других рабочих и служащих, я очутился на предпоследней ступени социальной лестницы. Размеры помощи, оказывавшейся благотворительным обществом, самое большее, в течение трех месяцев, колебались от двух до пяти рейхсмарок в неделю. И если в течение всего этого периода вам удавалось найти работу и счастье было настолько благосклонным, что на новом месте вам пришлось работать не менее полугода, то при вашем очередном увольнении все начиналось с самого начала: пособие по безработице; пособие, выдаваемое безработным, находящимся в чрезвычайно трудном положении; помощь благотворительной организации.

Но по мере дальнейшего углубления кризиса и роста численности безработных все более призрачными становились надежды на то, что вам улыбнется счастье. Росло также число безработных, лишавшихся даже тех подачек со стороны благотворительности, которыми они были вынуждены жить. И не оставалось ничего другого, как жить случайными зара-

ботками — а находить их становилось с каждым днем все труднее и труднее — или нищенствовать.

Особенно безотрадным было положение многодетных семей рабочих. Как свидетельствует статистика того времени, из 1000 семей, проживавших в крупных немецких городах, 65 семей (а в Мангейме — даже 99) являлись многодетными — не меньше четырех детей. Многие из таких семей под давлением обстоятельств выезжали из своих квартир: неоткуда было брать деньги, чтобы вовремя вносить квартирную плату.

На окраинах города, словно грибы, вырастали трущобы. Тот, кто находил себе пристанище в летнем садовом домике, мог считать, что ему повезло. Многие семьи обитали в наскоро сколоченных из досок убогих лачугах, в которых люди не находили защиты ни от промозглой сырости осенних месяцев, ни от зимних холодов. Я еще довольно хорошо помню один из подобных «поселков», находившихся в садах на северном берегу Неккара.

Динамика численности безработных в городском районе Мангейма, в Бадене и Пфальце в период мирового экономического кризиса (1929—1932 гг.)

Год	Городской район Мангейма (1933 г. — 129 100 занятых)		Земля Баден (1933 г. — 720 000 занятых)		Земля Пфальц (1932 г. — 448 000 занятых)	
	человек	в % к числу занятых в 1933 г.	человек	в % к числу занятых в 1933 г.	человек	в % к числу занятых в 1932 г.
1929	19 370	15,0	89 000	12,4	—	—
1930	25 990	20,1	75 333	10,5	49 733	11,1
1931	33 293	25,8	131 851	18,3	71 718	16,0
1932	34 443	26,7	156 285	21,7	86 658	19,3

К. Грюнберг, редактор газеты «Роте Фане» в 20-х годах и один из учредителей Союза революционных пролетарских писателей, написал в 1929 году репортаж об этих трущобах.

«Я уже был достаточно знаком с ужасами трущобного житья, — писал К. Грюнберг в то время, — в мрачных густонаселенных домах-казармах Берлина, в бараках, специально построенных крупными землевладельцами для нанятых ими сельскохозяйственных рабочих, в средневековых лачугах текстильных предприятий Тюрингии. Но самое ужасное мне повстречалось в той части «благословенного» Мангейма, куда даже по ошибке не забредает чужак... Здесь в неимоверной тесноте ютятся люди. Свыше трехсот семей — это больше жителей, чем в каком-нибудь небольшом городке

Бадена. На пыльных и грязных улочках играют дети с многочисленными признаками длительного недоедания. Жалкое бельишко развевается на ветру за высокими, в человеческий рост, деревянными палисадами, обитыми колючей проволокой, или каменными заборами, в которые вмазаны многочисленные осколки стекла... Безысходная нужда лишь с большой неохотой позволяет чужому заглядывать в пустые кастрюли или постели, давно не видавшие белья... Здесь живут безработные; люди, получающие пособие по социальному страхованию или пользующиеся поддержкой благотворительных организаций; мелкие уличные торговцы или многодетные семьи, перед носом которых любой домовладелец скорее хлопнет дверью, чем впустит их в дом».

При всем том владельцы земельных участков осмеливались выколачивать деньги даже из этой безысходности. Надо сказать, что в этих «садах» нашел пристанище для себя, жены и двух малолетних детей один из бывших коллег моей матери.

За то, что он «снимал» кирпичную лачугу, в которой было одно-единственное помещение в шесть квадратных метров и стены которой были покрыты плесенью, он ежемесячно платил 22 рейхсмарки. В то же время «отцы города» выстроили вблизи Фридрихсплатц отель «Паласт» стоимостью в 4,5 миллиона марок. Чтобы провести там одну ночь в самом дешевом номере, нужно было платить 12 марок. Это были большие деньги, если учесть, что килограмм ржаного хлеба стоил 44 пфеннига, а полкило маргарина — одну марку.

Передо мной рекламный проспект тех лет (1929 год). Я открываю его и читаю: «Мангейм живет в ускоренном рабочем ритме. Для его обитателей характерен строгий образ жизни... Одновременно он пользуется славой центра роскошной жизни».

В начале 1930 года я неожиданно для себя получил работу. Разумеется, я был рад-радехонек. И хотя моя теперешняя зарплата оказалась намного меньше той, что я получал на моторостроительном заводе, для меня и моей матери это было единственным средством существования. Перед лицом этого обстоятельства второстепенное значение имело то, чем приходилось мне заниматься. И кроме того, если бы я вдруг теперь остался без работы, у меня была бы, по крайней мере, возможность получать пособие по безработице.

Но все же! Ведь я приобрел профессию, стал квалифицированным рабочим, а приходится быть на побегушках. Мой теперешний «шеф», мастеровой по фамилии Зегер, занимался тем, что затачивал для типографий и переплетных мастер-

ских специальные ножи, с помощью которых осуществлялась форматная резка бумаги. Я должен был два раза в неделю на небольшой дребезжащей ручной тележке развозить клиентам мастера заточенные ножи и забирать те, которые предстояло затачивать.

Правда, эта работа имела и свою хорошую сторону. Когда мне предстояло обходить мангеймские типографии и переплетные мастерские, я по своему усмотрению мог выбирать путь следования и распределять время. Самое главное, чтобы я добросовестно выполнил все поручения и был на своем месте к окончанию рабочего дня. Это позволяло мне одновременно выполнять работу, связанную с моей комсомольской деятельностью.

Разумеется, мастер Зегер не был в курсе того, что в другой части города я занимаюсь политической деятельностью в организации Коммунистического союза молодежи. В противном случае мне давным-давно пришлось бы распрощаться со своим местом. Мастер не был нацистом, но он мыслил в высшей степени консервативно. Одна только мысль о том, что у него в мастерской работает коммунист, наверняка была бы ему ненавистна.

Зегер был родом из небольшого княжества Лихтенштейн, которое находится в Альпах на стыке двух стран — Швейцарии и Австрии. В своих отношениях с внешним миром и в семье Зегер следовал тем же патриархальным обычаям и привычкам, вел тот же образ жизни, который был ему знаком с детства. Мастер не терпел, чтобы кто-то в семье ему перечил. Конечно, это относилось и ко мне. Княжество Лихтенштейн оставалось для него идеалом размеренной и благонравной жизни обывателя. Однажды утром он поручил мне принести уголь в домашнюю прачечную и помочь его жене в стирке белья. Это вообще не имело никакого отношения к моей профессии слесаря, и потому я попробовал возразить:

— Стирать? Я?!

Мой вопрос, по-видимому, показался мастеру своего рода попыткой мятежа.

— Просто невероятно, что ты себе позволяешь! — проворчал он, но потом одумался и прочитал мне лекцию, которая буквально изобиловала такими понятиями, как почтение, уважение, смирение, покорность. У него, мол, вообще складывается впечатление, что молодежь в Мангейме осталась без присмотра, у него на родине с такой недисциплинированностью не сталкиваются.

После этих слов я, как говорится, полез на стенку от злости. Я, мол, не позволю сесть себе на шею!.. И хотя мне никогда не приходилось бывать в Лихтенштейне, мне вовсе не по нутру, чтобы нам, мангеймским промышленным рабочим, ставили в пример это крошечное княжество!.. В конечном счете в ходе борьбы против выплаты денежного вознаграждения владетельным домам Германии у меня сложилось свое собственное мнение относительно родовой знати!.. Затем, заявив, что князь всегда остается князем, я сделал смелый выпад и раскритиковал в пух и прах сюзерена моего мастера. Мне в голову не приходила даже мысль о том, что княжеское семейство Лихтенштейна вообще могло не относиться к числу тех, кто извлекал выгоды из мировой войны. Но я распалился, и мне было не до того. Короче говоря, слово за слово...

Напоследок я вспомнил то, что рассказывал мне дедушка Байль о Лихтенштейне. В своей молодости ему пришлось побывать и в этой крохотной альпийской стране. В свое время дед говорил: «На Вальдхофштрассе живет больше людей, чем во всем Лихтенштейне!.. Тебе понадобится всего несколько часов, чтобы пешком пересечь всю страну. Не зря говорят, что, если разольется бочка бензина, запах его разнесется по всему княжеству».

Это «крылатое выражение» я и избрал в качестве своего наиболее веского и последнего аргумента в споре с хозяином. Но это одновременно означало и конец моей карьеры «мальчика на побегушках».

— В моем доме я строптивых не держу! — объявил мне мастер.— В наше время от охотников получить такую работу отбоя не будет. А что ты?..

Вот так я вновь стал безработным и оставался им до тех пор, пока в 1935 году не покинул Германию.

Когда я в наше время вспоминаю те дни и думаю о безысходной нужде, которая охватывала все более широкие слои населения в Мангейме и Бадене, мне становится ясно, что отсутствие возможности участвовать в трудовом процессе изматывало и изнуряло большинство безработных не в меньшей степени, чем постоянно углублявшиеся заботы о хлебе насущном. Молодежь прежде всего должна добросовестно и старательно трудиться. Если этого не происходит, молодое деревце погибает еще до того, как принесет первые плоды. Так, некоторые молодые люди, потерявшие работу, впадали в отчаяние, малодушничали, начинали бесцельно скитаться, совершали уголовные преступления и в конечном счете пополняли нацистские группы штурмовиков.

В высшей степени прав был Эрнст Тельман, когда, выступая в апреле 1930 года в Лейпциге на 5-м всегерманском съезде Коммунистического союза молодежи, сказал, что «дубинка капиталистической рационализации и эксплуатации больнее всего бьет» по рабочей молодежи.

К 1932 году численность безработной молодежи в возрасте от четырнадцати до двадцати одного года в целом по стране увеличилась до 1,5 миллиона человек. Чрезвычайным распоряжением правительства от 5 июня 1931 года прекращалась выплата пособий по безработице всем тем, кому не исполнился двадцать один год. В оправдание этого говорилось, что «они имеют право требовать, чтобы их семьи оказывали им материальную поддержку». В 1932 году, то есть после того, как это распоряжение вступило в силу, в Германии насчитывалось почти 1 150 тысяч безработных юношей и девушек, не получавших ни одного пфеннига за счет пособий по безработице. Свыше 500 тысяч молодых людей бродили по стране в поисках куска хлеба. В один из дней 1931 года только в ночлежках Берлина было зарегистрировано 8 тысяч молодых безработных, не имевших постоянной крыши над головой. В течение этого года в Германии покончили жизнь самоубийством 6 тысяч юношей и девушек.

Я не хочу утверждать, что в мои восемнадцать-девятнадцать лет мой характер был настолько крепким, а мои политические убеждения оказались в такой степени зрелыми, что я мог не воспринимать всей горести моего существования в положении безработного. Но нужда не поставила меня на колени, не лишила надежд на лучшее будущее. Это объясняется в первую очередь тем, что у меня были определенные обязанности. Сначала комсомол, затем партия возлагали на меня определенную ответственность, поручая решать те или иные задачи. Наконец, членство в комсомоле и в партии делало осмысленной мою повседневную жизнь, ставило передо мной жизненные цели. Я хорошо знал, что я не один, что могу рассчитывать на твердую поддержку, а это в те тяжелые времена означало очень и очень многое.

Моя мать вторично вышла замуж. Мой отчим Генрих Вюрц встает в моей памяти молчаливым, несколько замкнутым и скромным человеком. Как и я, он был рабочим-металлистом, работал шлифовщиком на заводах Бенца. Вскоре после их свадьбы мы покинули квартал J5 и переселились на Дальбергштрассе, 9. Там, на втором этаже флигеля, мы сняли небольшую квартирку.

Юнгбуш, городской район, куда переехала наша семья, примыкает к северо-западной окраине старого города и обра-

зует большой остроугольный треугольник: вдоль северной его части проходит Неккар, на западе к нему примыкает торговый порт, а от старого города его отделяет Луизенринг. Обстановка в Юнгбуше, в котором проживало около 11 тысяч мангеймцев, мало чем отличалась от среды в квартале J5: те же многоэтажные серые громадины доходных домов, мрачные задворки, флигели, вот-вот готовые развалиться. Но здесь в большей степени, чем на старом месте, сказывалась жизнь граничащего с Юнгбушем речного порта.

Особый колорит этой части города придавали рабочие порта и мельниц, моряки речных судов, пытавшиеся наняться в судовую команду или пропускавшие в многочисленных портовых кабачках по последней чарке перед отплытием. Непосредственное соседство порта сказывалось и на том, что в Юнгбуше вольно чувствовали себя различные сомнительные личности. Во второй половине дня и в вечерние часы улицы, ведущие к порту, заполняли проститутки и сутенеры. Все они ожидали «клиентов».

Внешний облик Дальбергштрассе и ее ближайшего окружения совершенно не соответствовал своему названию, не отвечал роли той личности, именем которой назвали улицу. Барон Вольфганг Гериберт фон Дальберг был основателем и на протяжении долгих лет бессменным директором Национального театра Мангейма. Именно благодаря ему мангеймцы получили возможность познакомиться 13 января 1782 года с премьерой — постановкой шиллеровских «Разбойников». Она явилась событием большого политического значения, которое получило широкий отклик в феодально-абсолютистской Германии, раздробленной на многочисленные мелкие государства и княжества. Непосредственный очевидец этого крупного события в культурной жизни того времени писал: «Театр напоминал собой сумасшедший дом: безумные глаза зрителей, заполнивших зал; пальцы рук нервно сжимались в кулаки, хриплые голоса! Совершенно чужие люди, рыдая, бросались в объятия друг к другу. Женщины в полуобморочном состоянии, пошатываясь, направлялись к выходу. Было впечатление полного распада, хаоса, из недр которого рождалось нечто новое».

Те торжественные театральные вечера, которыми мангеймская буржуазия имела возможность наслаждаться вплоть до начала XX века в Национальном театре, были в наши дни для жителей Юнгбуша крайней редкостью. И даже те из нас, кто читал Шиллера, вынуждены были просто любоваться Национальным театром, не помышляя попасть в зри-

тельный зал: какая рабочая семья могла в эти кризисные годы позволить себе роскошь приобрести билеты туда?

В кругах мангеймской буржуазии и в среде обывателей, причислявших себя к «лучшим людям общества», Юнгбуш пользовался дурной репутацией. В частности, это объяснялось «общественным» осуждением широко процветавшей на задворках и в боковых улочках проституции. Примечательно, что некоторые из этих «чистеньких господ», публично корчивших недовольную мину, втихую охотно посещали злачные места. В основном же глубокая антипатия буржуазии к этой части города обусловливалась тем, что здесь проживало большое число рабочих семей, многие из которых открыто симпатизировали Коммунистической партии Германии, а представители некоторых из них являлись ее членами. С этими семьями я очень быстро установил контакт, а со многими комсомольцами из Юнгбуша меня связывала крепкая дружба, продолжавшаяся до того момента, когда я был вынужден покинуть Мангейм.

Как раз в этой части города, совсем недалеко от Дальбергштрассе, находилось судостроительное предприятие «Шифсверфт АГ», сыгравшее значительную роль в истории мангеймского рабочего и профсоюзного движения веймарского периода, а также в годы антифашистской борьбы.

В Юнгбуше и в северо-западной части старого города я работал одним из политруководителей комсомольской организации, и поэтому мне много времени приходилось проводить в пути: как ответственный комсомольский работник одного из городских районов, я одновременно входил в расширенный состав руководства комсомольской организации мангеймского подокруга. В отличие от большинства его членов у меня был велосипед. Правда, он был далеко не новейшей модели, да к тому же многое повидавший на своем веку. И все же он создавал определенные удобства в отличие от двухколесного «экипажа», изобретенного сто лет назад Карлом Драйзом, баденским лесничим: при езде на его «самокатной коляске» нужно было отталкиваться ногами от земли.

Так уж случилось, что меня не только приглашали на заседания расширенного руководства, но и посылали в качестве курьера, а затем и инструктора в близлежащие города и общины. Выполняя эти поручения, я отправлялся в путь вплоть до Вайнгейма и Лампертгейма. Порой мне приходилось бывать и в южной части подокруга — в Оберхаузене и Филиппсбурге. Такие поездки случались еженедельно, причем неоднократно. Дневная норма составляла 25—30 кило-

метров. В тех случаях, когда я направлялся на юг, дорога туда и обратно составляла подчас 60—70 километров.

Я передавал листовки, следил за своевременной уплатой членских взносов, принимал участие в вечерах молодежи, которые устраивались местными комсомольскими организациями. Возвращаться в Мангейм мне приходилось уже в темноте. Два-три яблока и ломоть черствого хлеба служили мне путевым пайком, с которым я, как правило, разделывался еще до того, как попадал в конечный пункт своей поездки. Тем не менее я не голодал: всегда мне что-то перепадало: то тарелка супа, то пара бутербродов.

— Послушай-ка, Малыш. Возьми это, тебе еще предстоит долгий путь домой! — говорили мне. Особенно радушными в этом отношении были мои коллеги из сельских общин. Они угощали меня чем могли, ведь им самим нередко приходилось жить впроголодь.

«Малыш» — это мое прозвище. Моим настоящим именем Карл меня называли только мои родители, а также дедушка и бабушка. В союзе я всегда был и оставался Малышом. Мне это вовсе не нравилось, но что поделаешь: прозвища очень живучи. Так я и носил его до тех пор, пока мне не пришлось покинуть Мангейм. Впрочем, прозвище «Малыш» еще кочевало в 1935—1936 годах по страницам дел, которые завели на меня мангеймское отделение гестапо и прокурор фашистского чрезвычайного суда в Карлсруэ.

В те годы, когда я был политруководителем в одной из организаций Коммунистического союза молодежи Германии, борьба против реакционной политики господствующих классов страны вновь достигла наивысшего накала. Хотя условия Версальского договора и контрольные органы западных союзников в известной степени ограничивали деятельность германских империалистов и милитаристов, последние тем не менее во второй половине 20-х годов предпринимали все для того, чтобы создать предпосылки для новой военной кампании, которая, как они надеялись, должна была обеспечить им реванш за поражение в первой мировой войне.

Важным шагом в этом направлении должно было стать создание Германией современного военно-морского флота, начало которому должно было положить строительство серии крейсеров, на первом этапе четырех, каждый водоизмещением 10 тысяч тонн. В ходе подготовки к выборам в рейхстаг, намеченным на весну 1928 года, большую роль сыграли разногласия по вопросу постройки этих кораблей. Социал-демократы и коммунисты вели предвыборную борьбу под лозунгом «Нет — строительству крейсеров! Да — хлеб детям!».

Трудящиеся Германии прекрасно осознавали, что этим лозунгом ставился коренной вопрос о том, какой быть в дальнейшем политике правительства: использовать ли государственные средства на социальные нужды или на подготовку войны, иными словами, на удовлетворение насущных требований трудящихся или же на проведение курса по подготовке новой опустошительной мировой войны.

В ходе выборов в рейхстаг, состоявшихся в мае 1928 года, как почти во всей Германии, так и в Бадене возросло число голосов, поданных и за социал-демократов, и за коммунистов. В Мангейме, например, на долю СДПГ пришлось 35,4% голосов избирателей, участвовавших в выборах. Однако после того, как несколько недель спустя правительство возглавил социал-демократ Герман Мюллер, кстати сказать, уроженец Мангейма, стало складываться впечатление, что руководство Социал-демократической партии Германии и ее министры совершенно забыли о лозунге, который они столь громогласно защищали еще весной этого года. Используя самые сомнительные предлоги, руководство СДПГ и выдвинутые им члены правительственного кабинета дали свое согласие на строительство тяжелого крейсера «А».

Страну захлестнула волна горячих протестов. Центральный комитет КПГ, учитывая широкий размах антимилитаристских настроений среди населения страны, в августе 1928 года принял решение о проведении кампании по организации референдума по вопросу строительства крейсеров. Как и в период борьбы против выплаты денежной компенсации княжеским семействам, нам предстояло сейчас проделать громадную работу. Однако намечаемый референдум имел бы шансы на успех только в том случае, если бы нам удалось привлечь на свою сторону большое число людей, готовых открыто высказать свой протест и занести его в опросные листы.

На первой полосе одного из номеров газета «Роте Фане» поместила фотомонтаж, который нас всех очень заинтересовал. Его автор, малоизвестный для молодых коммунистов той поры Джон Хартфилд, изобразил военный корабль, стволы орудий которого буквально выступали с газетной полосы, а над ним — громадный рейхспфенниг, крест-накрест перечеркнутый красным карандашом. Под всем этим стояла подпись: «Ни пфеннига на вооружение! Ни одного человека под ружье! Все на референдум!» Этот фотомонтаж мы использовали для тех плакатов и листовок, которые изготовляли и развешивали на видных местах..

Для нас было крайне необходимо побеседовать с людьми, объяснить им, что речь идет здесь о гораздо более важном, чем просто о постройке нескольких военных кораблей. Вопрос состоял в том, чтобы сказать «нет» политике, нацеленной на подготовку новой мировой бойни.

Для этих целей мы использовали всякого рода демонстрации и манифестации, беседовали об этом с людьми у мест регистрации безработных. Непосредственно на предприятиях, где трудилась основная масса рабочих, вести соответствующую работу могли только те коммунисты и комсомольцы, которые еще не стали жертвой массовых увольнений: безработных ни на какое предприятие не пускали.

Было далеко не просто завязать разговор с безработными и найти тех, кто прислушался бы к нашим аргументам. Многие из неработавших уже долгое время не решались ни на что, потеряв всякую надежду. Постоянно терзающая человека забота о том, как прокормить семью, отодвинула все остальное на задний план.

— Оставьте меня в покое с вашей политикой! Лучше скажите, что нам жрать?! — довольно часто нам приходилось слышать подобные ответы. Правда, очень скоро до нас дошло, что в наших беседах это как раз та самая печка, от которой надо начинать плясать.

— Мы торчим здесь без дела, не имея ни гроша в кармане. Голова пухнет от забот, как бы накормить детей досыта, а правительство согласно выделить восемьдесят миллионов на постройку одного боевого корабля! — говорили мы, и это дало свои результаты.

Эти беседы ясно показали мне, что человека можно только тогда переубедить, только тогда привлечь на сторону партии, когда примешь во внимание то, что в нем наболело, что двигает им, когда сумеешь пробудить его сознание и он поймет: между его личными проблемами и «большой политикой» существует тесная связь.

Среди безработных было немало и социал-демократов. Большинство из них, как и мы, вначале проявляли явное недовольство тем, что партийное руководство нарушило данное им обещание. Ведь совершенно очевидно, что оно использовало избирательные лозунги (против строительства крейсеров) лишь для привлечения на свою сторону голосов избирателей. Однако это отношение изменилось после того, как руководство СДПГ прибегло к постоянным нападкам на Коммунистическую партию Германии, стремясь убедить своих сторонников и сочувствующих в том, что подготавливаемый по инициативе КПГ референдум своим острием направ-

лен исключительно против социал-демократии и преследует своей целью дальнейшее углубление раскола рабочего класса. Когда же правление социал-демократической партии запретило членам партии участвовать в референдуме, угрожая им исключением из ее рядов, стало уменьшаться число тех социал-демократов, которые отваживались на открытое выступление против этой лживой и роковой политики.

Между последними и теми социал-демократами, которые частично по убеждению, а частично в силу неправильно понятой ими партийной дисциплины высказывались за строительство тяжелых крейсеров, происходили жестокие стычки. Я припоминаю, что кое-кто из социал-демократов грозился выяснять свои отношения с помощью кулаков. И действительно, однажды в месте регистрации безработных возникла жаркая потасовка.

Поводом к этой потасовке послужила статья одного деятеля социал-демократической партии, опубликованная в «Гейдельбергер фольксцайтунг». Кто-то из безработных принес эту газету с собой, прочитал из нее несколько отрывков вслух и сказал, что якобы найден путь, кладущий конец всем спорам. Автор означенной статьи на полном серьезе предложил вместо одного тяжелого крейсера построить лучше четыре или пять небольших кораблей. Он считал, что на это не пойдет больше денег, но в результате якобы ни у коммунистов, ни за рубежом не станет оснований быть в обиде на правительство Германии, поскольку боевые корабли меньших размеров не представляют серьезной угрозы. Люди буквально взорвались:

— Значит, ты полагаешь, эти господа из правительства возьмут эти восемьдесят миллионов из своих карманов? Как бы не так! Нам нужно будет платить по счету! А в итоге нам же, работягам, придется подыхать в этих бронированных гробах. Вспомни-ка, что произошло в Скагерраке? Наверняка там был кто-то из твоих стариков.

— Ты, может, знаешь, из каких сортов стали отлиты броневые плиты для крейсера «А»?

— Откуда мне знать? Да меня это вовсе и не интересует.

— А зря. Это очень важно. Использовались три сорта стали: пять процентов стали, содержащей медь; пять процентов никелевой стали и девяносто процентов ворованной стали [1].

---

[1] В оригинале игра слов: в слове «Diebstahl» (воровство, жульничество) второй слог «stahl» пишется так же, как и слово «сталь».— *Прим. пер.*

Другие поддержали разговор:

— Военный корабль всегда останется военным кораблем, будь он большим или маленьким. А мне и моей семье надо как-то жить. Броненосец же никого не накормит, во всяком случае, нас, рабочих!

Кому-то из участвовавших в разговоре сказали, что с началом строительства тяжелых крейсеров промышленность якобы получит крупные заказы, а на это потребуется рабочая сила. Это, мол, совершенно очевидно. Не будем ли мы действовать себе во вред, если станем голосовать против? Вот ведь в какую сторону повернулся разговор. Читатель может заметить, что распространяемые современным военно-промышленным комплексом теории, цель которых облагородить в глазах трудящихся гонку вооружений, отнюдь не новы. Правда, как в прошлом, так и теперь они не выдерживают никакой серьезной критики.

Социал-демократы, хотевшие как-то уладить возникший спор — в их числе был и тот, кто принес газету, — придерживались другого мнения:

— Не оставаться же нам беззащитными... Мы давно твердим: социал-демократии необходима своя собственная военная программа. Главное — то, что записано в ней, а отнюдь не постройка одного тяжелого крейсера!

Теперь уже вмешиваемся мы:

— Военная программа? Что это за программа вам нужна? Программа для нас, рабочих, или программа для ваших господ министров, с тем чтобы они могли еще более молодцевато маршировать в затылок за Грёнером?[1] Август Бебель наверняка перевернулся бы в гробу, услыхав подобные речи!

Дело доходило до крайностей. Больше всего возмущались те члены социал-демократической партии, которыми владело чувство разочарования деятельностью оппортунистического руководства партии и которые считали себя обманутыми. И когда сторонникам постройки крейсеров больше уже нечего было говорить, они в качестве недостающих аргументов использовали кулаки. Даже много лет спустя после этих событий я нередко задавал себе вопрос, как много было в СДПГ членов, которые столь энергично осуждали антирабочую политику партийного руководства, и были ли они готовы сделать соответствующие выводы.

И на этот раз нам не удалось собрать количество голосов, необходимое для проведения референдума. Главной

[1] Грёнер Вильгельм — с 1928 по 1932 г. министр рейхсвера в Веймарской республике. — *Прим. ред.*

причиной было решение правления партии запретить социал-демократам вносить свои фамилии в опросные листы. Лишь немногие из них находили в себе мужество поступать вопреки решению правления под угрозой быть исключенными из рядов партии.

Заводские комитеты по подготовке референдума были созданы только на немногих предприятиях Мангейма, преимущественно там, где в производственных советах большинство принадлежало коммунистам. Некоторые из этих комитетов, например на заводах Штребеля, добились определенных успехов. Однако такого размаха, какой приобрела борьба против денежной компенсации владетельным домам Германии, нынешняя кампания не имела. Заметную сдержанность проявили в первую очередь обыватели, интеллигенция, а также средние слои населения. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что они стали жертвой ожесточеннейшей антикоммунистической травли; с другой — попались на удочку грубой лжи о «пользе гонки вооружений». В июне 1926 года за безвозмездную национализацию имущества княжеских семейств высказались 88 тысяч избирателей Мангейма. На этот же раз в опросные листы было внесено всего 9 тысяч человек. Как и в прошлый раз, большинство голосов приходилось на традиционно рабочие районы города: западная часть нижнего города, Шветцингерштадт, западные кварталы Неккарштадта и Вальдхофа дали более 50 процентов всех зарегистрированных голосов.

Серьезное предостережение Коммунистической партии Германии относительно того, что постройка тяжелых крейсеров будет означать опасный шаг в деле подготовки новой войны, полностью оправдалось: всего восемь лет спустя нацисты бросили свои боевые самолеты и корабли против молодой Испанской республики. Боевые действия на Пиренейском полуострове рассматривались ими как генеральная репетиция предстоящих войн против европейских стран. При этом определенную роль играли и те крейсеры, против строительства которых население должно было высказаться в ходе готовившегося в 1928 году по инициативе КПГ референдума. Самыми крупными боевыми кораблями, посланными фашистской Германией в Средиземное море для организации морской блокады республиканской части Испании, оказались тяжелые крейсеры «А» и «В», которые после спуска со стапелей в начале 30-х годов стали именоваться «Дойчланд» и «Адмирал Шеер». Ранним утром 31 мая 1937 года орудия тяжелого крейсера «Адмирал Шеер» повели огонь по фактически не защищенному портовому городу

Альмерия, расположенному в юго-восточной части Пиренейского полуострова. Жертвами этого варварского обстрела стали женщины и дети.

Постройка тяжелых крейсеров уже велась полным ходом, когда была опубликована — в 1929 году — памятная записка, озаглавленная весьма многозначительно: «Морская стратегия в мировой войне». Эта памятная записка, подготовленная три года назад тогдашним инспектором морской артиллерии вице-адмиралом Вольфгангом Вегенером, не только содержала подробное обоснование планов строительства тяжелых крейсеров, но и излагала концепцию ведения германским флотом морской войны в рамках готовившейся германским империализмом второй попытки установить свое мировое господство.

Уже тогда Вегенер требовал того, чтобы свои боевые действия германский военно-морской флот вел в первую очередь на торговых морских путях Англии и в интересах установления морского господства Германии в Атлантике. По его мнению, Германии надлежало расширить базу морских операций с таким расчетом, чтобы германские военные корабли могли свободно действовать далеко в тылу блокадной линии, устанавливаемой Англией. В будущей мировой войне германская армия должна поэтому выйти на Атлантическое побережье Франции и быстро установить свой контроль над побережьем Дании и Норвегии. Сказанное свидетельствует о том, что планы ведения германским империализмом операций на морских просторах находились на стадии теоретического обсуждения еще до того, как на верфях страны был заложен первый тяжелый крейсер.

В деле пропаганды своей промилитаристской политики, в частности планов строительства тяжелых крейсеров, правление социал-демократической партии считало приемлемым использование любых средств. В итоге дело дошло до того, что социал-демократическая пресса в скором времени стала активно участвовать в клеветнической кампании, развязанной против Советского Союза органами буржуазной печати, и по принципу «Держи вора!» приписывать агрессивные намерения первому в мире государству рабочих и крестьян. Поэтому борьба КПГ против создания германского флота и подготовки германским империализмом новой войны была тесно связана с защитой Советского Союза от такого рода нападок, с разъяснением того, что первое на нашей планете социалистическое государство несет человечеству мир.

Дружба с СССР была для нас, комсомольцев, делом чести. Если кто-либо в толпе, собиравшейся в месте регистра-

ции безработных, высказывал в адрес Советского Союза критические или клеветнические замечания, мы все как один давали отпор. Но однажды и у нас возникла такая ситуация, когда только в ходе острых споров между собой мы смогли прийти к единому и правильному мнению. Я имею в виду одно событие, в рамках которого часть рабочих Мангейма должна была в крайне серьезных условиях на практике доказать свою интернационалистскую позицию по отношению к Советскому Союзу. О чем же шла речь?

В районе речного порта Мангейма в то время существовала, как мне помнится, фирма, называвшаяся «Немецко-русский керосиновый синдикат». Надо полагать, она появилась здесь задолго до Октябрьской революции. В 20-х годах она работала исключительно на Советский Союз. По заказам синдиката сюда по Рейну приходили иностранные суда, доставлявшие горючее, которое затем направлялось дальше, в СССР.

Летом 1928 года мангеймские портовики объявили забастовку, добиваясь повышения заработной платы. Но как в таких условиях должны были вести себя рабочие-транспортники синдиката? Если они примут участие в забастовке, прекратятся поставки горючего в СССР. Если же они не будут участвовать в забастовке, то останутся без каких-либо изменений — даже самых незначительных — мизерные заработки рабочих синдиката, трудившихся на погрузке и выгрузке горючего. Кроме того, другие участники забастовки будут считать их штрейкбрехерами. Что и говорить, сложная ситуация!

Надо сказать, что в этом щекотливом положении оказались отцы ряда наших товарищей-комсомольцев. Именно от них мы узнали, что случилось. Эта проблема стала предметом горячих споров. Советских друзей нельзя подводить — таково было единодушное мнение, но в то же время возникал и другой вопрос: как же быть с требованиями о повышении заработной платы? Неужели на этих требованиях рабочих поставить крест?

Мы много спорили, ругались, но удовлетворительного решения не находили. Я рассказал товарищам из руководства партийной организации подокруга о наших дебатах. Меня спросили:

— Как же вы думаете поступить? Ведь вам все равно придется принимать решение по этому вопросу.

— Вот мы и хотели бы знать, как правильно поступить.

И я узнал, что накануне окружное руководство КПГ уже постановило: рабочие-транспортники керосинового синдиката

продолжают отгрузку горючего и не участвуют в забастовке. Рано утром по заданию партийного руководства к забастовщикам отправилась группа инструкторов, чтобы переговорить с рабочими синдиката и членами забастовочного комитета и разъяснить им смысл принятого коммунистами решения.

— А что все-таки будет с требованиями рабочих фирмы? — полюбопытствовал я.

— Рабочие выставят свои требования, но участвовать в забастовке не будут. Возможно, мы ничего и не добьемся, но советским друзьям следует помочь во что бы то ни стало. Это очень важно как раз в данный момент.

Чисто интуитивно большинство из нас одобрили именно такое решение, но найти самим приемлемого и убедительного обоснования такому решению нам не удалось. Только прочтя ленинскую работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», а это произошло спустя месяцы после описанных событий, я окончательно убедился в том, что любое другое решение в нашем конкретном случае было бы политической ошибкой. В. И. Ленин проводил четкую грань между компромиссами, обусловленными объективными причинами и соблюдающими коренные интересы рабочего класса, и теми компромиссами предателей рабочего дела, которые ведут к беспринципным уступкам классовому врагу и тем самым наносят урон рабочему классу. Теперь мне стало также понятно, почему руководство партийной организации округа решило так, а не иначе. Мангеймские коммунисты действовали как интернационалисты, в то же время они не уступили противнику — предпринимателям, не сдали своих классовых позиций. В. И. Ленин писал по этому поводу: «...И никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лавирование, соглашательство, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения» [1]. В. И. Ленин особо подчеркивает: «Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться» [2]. Прошло совсем немного времени, и я оказался в такой ситуации, когда эти ленинские слова помогли мне правильно сориентироваться.

В ходе подготовки выборов в рейхстаг весной 1928 года и в рамках широкой дискуссии по вопросам строительства тяжелых крейсеров нам пришлось впервые столкнуться со штурмовыми отрядами нацистов. До этого отдельные разроз-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 62.
[2] Там же, с. 52.

непные выступления фашиствующих молодчиков имели место лишь в некоторых городах Бадена, таких, например, как Мангейм или Карлсруэ, но даже в Бадене фашистское движение было относительно слабым в середине 20-х годов: среди населения отмечалось незначительное число его сторонников. Большинство этого движения составляли члены различных националистических союзов и организаций, объединившихся в Мангейме в «Сообщество черно-бело-красных» и позднее образовавших ядро гитлеровской партии в Бадене.

Во время выборов в ландтаг Бадена в октябре 1925 года из 770 тысяч избирателей, голоса которых были признаны действительными, за нацистскую партию проголосовало всего 9 тысяч человек. Национал-социалистская рабочая партия Германии не получила ни одного места в земельном парламенте. И хотя мангеймская группа НСДАП насчитывала всего несколько десятков членов (по данным самой организации, весной 1928 года в ней числилось не более 87 человек), она тем не менее участвовала в избирательной кампании по выборам в рейхстаг. В этот раз она собрала всего 2 тысячи голосов.

Полтора года спустя картина резко изменилась. В одном только Мангейме насчитывалось почти 800 членов нацистской партии. В ходе состоявшихся в октябре 1929 года выборов в ландтаг земли Баден НСДАП собрала уже более 65 тысяч голосов, что обеспечило ей шесть парламентских мест. При этом бросалось в глаза, что наибольшее число сторонников партия Гитлера приобрела прежде всего в деревне, среди мелких крестьян и сельскохозяйственных работников, а в городе — в кругах сравнительно многочисленной мелкой буржуазии. Так было в Вайнгейме, Карлсруэ, Раштатте, Оффенбурге и ряде других мест Бадена. В городах, обладавших довольно значительной прослойкой промышленных рабочих, все еще преобладало влияние социал-демократов. В частности, это имело место и в Мангейме. Если, к примеру, нацистам необходимо было проводить здесь более или менее крупные демонстрации и манифестации, они предварительно направляли в близлежащие деревни и общины своих эмиссаров, которые трубили там большой сбор для своих сторонников и затем доставляли их на грузовиках в город для участия в митингах или шествиях по улицам Мангейма.

Столь быстрые темпы роста масштабов национал-социалистского движения в стране объяснялись тем, что продолжала расти нужда и социальная неуверенность большей части сельского населения Бадена, а это создавало исключи-

тельно благодатную почву для демагогической пропаганды нацистов.

Рядовым явлением в годы мирового экономического кризиса были судебные описи и принудительная продажа с торгов скота и земельных участков крестьян-должников. Только в земле Баден, общая численность населения которой составляла 2,5 миллиона человек, в 1931 году суды издали свыше 400 тысяч постановлений о принудительном взыскании задолженностей. В результате разорилось большое число бедных крестьянских хозяйств. Крестьяне не только лишались своих последних пожитков, но и оставались без работы. Массовые увольнения, имевшие место на промышленных предприятиях, отнимали у них последнюю возможность найти новое место работы. К тому же крестьянам и сельским рабочим, которых в принудительном порядке лишали их собственности, пособие по безработице не выплачивалось.

Не удивительно, что бедняк вертелся как белка в колесе, стремясь найти выход из создавшегося положения и не допустить того, чтобы с молотка пошел его домик и кое-какая домашняя животина, которыми он пока еще владел. В баденских газетах того времени можно познакомиться с историей одной крестьянки из Раммерсвайера, деревушки в окрестностях Оффенбурга. Судебный исполнитель намеревался описать свинью, единственную животину ее небольшого крестьянского двора, поскольку хозяйка не в состоянии была платить налоги, которые продолжали расти и расти. Крестьянка пришла от намерений судебного исполнителя в ярость, набросилась на него и со словами «Отправляйся-ка туда, где положено тебе быть!» затолкала «беднягу» в клеть для свиньи. Затем закрыла дверь в клеть на задвижку и ушла в поле. Только через несколько часов соседи услышали крики «арестанта» о помощи и выручили его из столь щекотливого положения.

Такого рода попытки как-то защитить себя от чрезмерных поборов налогового ведомства порой заканчивались весьма трагически. Трагический случай, происшедший в то время в городке Целль на реке Хармерсбах недалеко от Оффенбурга, привлек широкое внимание общественности Юго-Западной Германии. Тамошний житель, двор которого должен был пойти с молотка, в глубоком отчаянии застрелил судебного исполнителя.

Эти действия лишь ухудшали положение отдельно взятого индивида, но ничего не меняли в положении бедного крестьянства в целом. Поэтому многие бедняки хватались за лживые посулы нацистской партии, как за спасительную

соломинку. Они полагали, что национал-социалистская немецкая рабочая партия выполнит все то, что обещала в своей программе, насчитывавшей 25 пунктов. Если наци на самом деле покончат с «хищным капиталом» и «поломают систему долговой кабалы», думали многие, тогда и для крестьян наступят лучшие времена. Однако вскоре нацисты отмежевались от фраз антикапиталистической направленности, которые в 1920 году были сформулированы Готтфридом Федером, одним из пропагандистов фашистской идеологии. Но кому было известно в то время, что в действительности думала верхушка партии об этих 25 пунктах программы? Бывший военнослужащий рейхсвера лейтенант Рихард Шерингер, который в ходе процесса в октябре 1930 года был приговорен имперским верховным судом к заключению в крепость за ведение нацистской пропаганды в рейхсвере, узнал это из первых рук и сделал соответствующий вывод — стал коммунистом. В беседе, которую Шерингер с глазу на глаз вел в начале 1931 года с Геббельсом, последний на его вопрос по поводу намерений нацистской партии «покончить с долговой кабалой» цинично ответил:

— Что значит «покончить с долговой кабалой»? Покончить следует только с теми, кто читает эту чушь Федера!

Нацисты сумели повернуть гнев крестьян и мелкой буржуазии в направлении, которое не только не представляло никакой опасности для германского монополистического капитала, но и сулило ему дополнительные барыши. На всех перекрестках они стали кричать, что во всех бедах виноваты не предприниматели, а евреи. Кое-какой горький опыт крестьян, казалось, подтверждал подобные заявления. Каждый из них был знаком с торговцами скотом, которые регулярно скупали скот для боен. Эти люди безжалостно сбивали цены, чтобы иметь возможность перепродавать приобретенную животину с большой выгодой для себя. Среди них встречались и евреи, которые поступали точно так же. Крестьянская среда оказалась благодатной почвой для нацистского лозунга «Во всем виноват еврей!». Откуда крестьянину было знать, что стремление этих торговцев скотом к наживе обусловлено экономическими закономерностями развития капиталистического общества и не имеет никакого отношения к национальной принадлежности или вероисповеданию?

Нацистам удалось существенно и быстро расширить масштабы своего влияния в сельской местности еще и потому, что исключительно щедрые финансовые подачки монополистической буржуазии обеспечили НСДАП денежными средствами, которые дали ей возможность в относительно корот-

кие сроки создать широко разветвленную партийную сеть даже в небольших сельских общинах и вести идеологическую обработку сельского населения в нужном для нее направлении.

По этой причине крайне важно было повсеместно давать фашистам решительный отпор и разоблачать лживый характер их пропаганды. В 1929—1930 годах практически каждый воскресный день мы разъезжались по деревням, где проводили собрания или ходили от дома к дому, беседуя с крестьянами. Но, несмотря на все наши усилия, нам удавалось привлечь на свою сторону лишь незначительную часть жителей того или иного местечка. Основная работа ложилась на плечи немногих коммунистов и комсомольцев местных организаций.

В баденской организации КПГ насчитывалось около 2500 членов, и это при численности населения земли Баден в 2,5 миллиона человек. Местные организации партии имелись в 105 городах или общинах, а количество населенных пунктов Бадена измерялось четырехзначным числом — 1600. Не лучше обстояло дело и в комсомольских организациях. Во всем округе существовало всего 24 местные организации Коммунистического союза молодежи Германии, в том числе 13 в одном только Мангейме. Летом 1930 года во всех организациях округа насчитывалось всего 550 членов.

Можно представить, с какими трудностями тогда приходилось сталкиваться коммунистам в их работе. Ни партийная организация округа, ни партийные организации десяти подокругов не располагали достаточным числом инструкторов, чтобы повсеместно вести активную партийную работу. Кроме того, отрицательное влияние оказывали географическое положение Бадена (протяженность территории земли Баден в направлении север — юг составляла 280 километров) и тот факт, что окружное руководство партии находилось в городе, лежащем на северной окраине Бадена. Я припоминаю, что на некоторых заседаниях руководства серьезно обсуждался вопрос о том, следует ли вообще (и как часто) посылать инструкторов в отдаленные организации. Если, например, инструктор окружного руководства выезжал в партийные организации двух южных подокругов — Лёррах и Зинген, то лишь расходы на проезд по железной дороге составляли 30 марок. Это была большая сумма, и из-за отсутствия достаточных средств отдельным планам необходимой командировки инструкторов не суждено было претвориться в жизнь.

Затрудняло нашу работу и такое обстоятельство. В то время на первых порах не существовало никаких четких

партийных постановлений или решений, в которых бы содержались ответы на жгучие проблемы трудового крестьянства, порождавшиеся наступавшим мировым кризисом. Нередко наша агитационная работа среди сельского населения носила довольно общий характер, поскольку она лишь в малой степени учитывала насущные интересы мелкого крестьянства. Положение в этой области начало меняться к лучшему только летом 1931 года, когда в своем выступлении в Ольденбурге Э. Тельман изложил содержание «Программы оказания помощи крестьянам». В этой программе, разработанной на основе тщательного анализа положения в сельском хозяйстве и содержавшей конкретные предложения по оказанию неотложной помощи крестьянам, Коммунистическая партия Германии заявила, что она считает интересы трудового крестьянства и сельской молодежи своими кровными интересами. Отныне в нашем распоряжении были убедительные доводы, и мы могли с фактами в руках убеждать сельское население в том, что оно имеет в нашем лице крепкую поддержку в борьбе против обнищания, что мы видим в трудовом крестьянстве нашего главного союзника в борьбе против империализма и фашизма.

Если в начале своей деятельности в качестве инструктора от руководства комсомольской организации подокруга я бывал в деревнях, как правило, один, то спустя год это уже стало опасно. Теперь во многих деревнях и общинах задавали тон нацисты и преследовали каждого, кого подозревали в симпатиях к коммунистам, и тем более тех, кто работал по поручению КПГ.

Примерно в 25 километрах к югу от Мангейма находилось местечко Нойлюсгейм, где проживали рабочие табачной фабрики. Там функционировала ячейка КПГ и было несколько комсомольцев. Им приходилось выдерживать особенно тяжелую борьбу против местных нацистов, тем более что в общинном представительстве уже с 1927 или 1928 года заседали почти исключительно сторонники НСДАП. Коммунисты из Нойлюсгейма постоянно предостерегали меня:

— Поосторожней, Карл! Смотри не попадайся! Они прикончат тебя!

Я не совсем серьезно отнесся к этим словам. Как-никак, я не считал себя слабаком. «Неужели я дам себя запугать нескольким жалким нацистам? Пусть только сунутся!» — думал я.

По возвращении я ни слова не сказал товарищам из руководства о том, что меня предупреждали об осторожности. «Если я потребую теперь подкрепления, — размышлял

я, — они посчитают меня трусом...» Когда я уже собрался уходить, меня окликнул один из присутствовавших. Если память мне не изменяет, это был Карл Грэсле, проживавший тогда на Вальдхофштрассе. (После 1933 года он принимал активное участие в движении Сопротивления в нашем округе; в конце лета 1935 года Карл Грэсле попал в руки гестапо и после расследования, длившегося несколько месяцев, был приговорен к трем годам каторжной тюрьмы.)

— Когда собираешься пойти туда опять? — спросил он.

— Завтра.

— Ладно. В Карлсруэ как-то вечером на одного из наших нацисты напали прямо на улице и убили его. У нас есть сведения, что фашистские молодчики уже собираются в деревнях группами. Теперь ты отправишься туда не один. С тобой пойдут еще несколько человек.

— Но у нас нет лишних велосипедов!

— Возьмите их где-нибудь на время. И еще одно: чтобы ни у кого не было огнестрельного оружия. Все остальное — твое дело!

— Понял тебя, Карл! — сказал я и был таков.

Итак, дело было гораздо серьезнее, чем я предполагал. С тех пор мы, как правило, всегда отправлялись в путь вдвоем или втроем. У нас были два кастета и резиновая дубинка, которыми мы «разжились» во время одной из демонстраций безработных.

В первые дни ничего не случилось. Мы выполняли свои поручения, до каких-либо столкновений дело не доходило. Мы уже считали предостережение ложной тревогой и несколько ослабили бдительность. Прошло несколько недель. Нам предстояло опять отправиться в Нойлюсгейм. Местные коммунисты и комсомольцы запланировали в этот вечер обсудить ряд проблем, связанных с проведением воскресника, организуемого жителями города в помощь крестьянам. Мы хотели принять участие в этом обсуждении. Все прошло, как было задумано. Когда мы поздно вечером отправились в обратный путь, в деревне стояла мертвая тишина. Один из местных коммунистов посоветовал нам остерегаться. У меня до сих пор звучат в ушах его слова, сказанные на удивительном швабском наречии:

— Осторожно, ребята! Эти свиньи что-то задумали!

— Все будет в порядке, не беспокойся! До воскресенья!

Когда мы были на окраине деревни, раздался оглушительный свист. Полетели камни. В одно мгновение нас окружили пятеро или шестеро парней и обрушили на нас поток грязных ругательств. Никогда в жизни мне не приходилось

столь быстро соскакивать с велосипеда. Два выстрела разорвали ночную тишину. Кто-то схватил меня сзади и повалил на землю. Я почувствовал, как меня пинают в живот.

— Побыстрей кончай с этой скотиной! — прорычал один из нападавших.

Не знаю, откуда у меня взялись в тот момент силы. Меня охватило неописуемое бешенство. Я вскочил и стал колошматить всех подряд как только мог. Один из тех двоих, которые набросились на меня, вдруг отпустил меня и затряс головой. Вырвавшись из крепких «объятий» другого, я осмотрелся и увидел, что никто из моих друзей не пострадал от выстрелов. Одни из бандитов бросились наутек, другие пытались поломать наши велосипеды, но с ними мы расправились очень быстро. Не дожидаясь, пока парни приведут себе подмогу, мы отправились в путь. Все обошлось сравнительно благополучно. С тех пор мы всегда были начеку, так как сами убедились, что фашиствующие молодчики постоянно имеют при себе ножи и даже огнестрельное оружие.

Прошло всего несколько месяцев, и такие стычки стали происходить на улицах Мангейма. Теперь нацисты стремились обрести почву под ногами и в рабочих кварталах города. Во внутреннем городе нацисты приспособили специальные помещения, в которых происходили их сборища и которые они использовали в качестве опорных пунктов при организации беспорядков на улицах. В Юнгбуше, Неккарфорштадте и Вальдхофе им не удалось сделать этого. Здесь поле сражений оставалось за нами.

Те немногие наци, которые проживали в Юнгбуше, в прошлом в большинстве своем были сутенерами и другими антиобщественными элементами. Примкнув к национал-социалистской немецкой рабочей партии, они надеялись сделать у фашистов карьеру. Их путь, ведший прямехонько в штурмовые отряды нацистов, наглядно показывал, что люмпен-пролетариат, как правило, превращается в основной резерв контрреволюции и что социальное обнищание отнюдь не обязательно пробуждает революционное сознание.

Нацисты северных кварталов Мангейма в первые годы устраивали свои сборища в старом городе. Для этого им нужно было перейти на другой берег Неккара. Обычно их путь пролегал по мосту «Юнгбуш». Построенный в начале нашего века, этот мост представлял собой внушительное сооружение. В течение длительного времени он считался самым современным мостом, переброшенным через Неккар. Мангеймцы старших возрастов с гордостью говорили о нем.

Довольно скоро нам удалось узнать, в какие дни нацисты устраивали свои собрания. К этому моменту мы устанавливали на мосту свои «посты». Иными словами, мы незаметно устраивались за одним из выступов мостовой опоры и следили за каждым, кто хотел перейти по мосту на этот берег Неккара. Нескольких наци мы уже знали в лицо. Другие выдавали себя тем, что даже в теплое время года носили пальто, скрывавшее нацистскую форму. Всякий раз, когда нас было больше, они быстро возвращались назад. Когда же нацисты чувствовали силу за собой, они устраивали потасовку.

Одна из таких заварух на мосту «Юнгбуш» протекала как по сценарию. Нас было трое: мой друг Оскар Рау, я и еще Морячок, мой товарищ по союзу, который был на голову выше меня и своей фигурой напоминал большой шкаф.

— Внимание! Баумгэртнер!

Этот Баумгэртнер пользовался дурной славой. Всему городу он был известен как отъявленный бандит и зачинщик поножовщины. Несколько недель назад он с ножом напал на одного из комсомольцев Юнгбуша и тяжело ранил его, настолько тяжело, что тот, по-видимому, не смог в дальнейшем полностью восстановить работоспособность правой руки. После того как 7 декабря 1927 года на Лаурентиусштрассе был ножом убит антифашист Лулей, полиция Мангейма объявила розыск Баумгэртнера.

Засунув руки глубоко в карманы своего застегнутого до самого подбородка пальто, Баумгэртнер шел прямо на нас. Без слов нам стало ясно: на этот раз он получит хороший урок, и так просто ему не перейти на этот берег. Но тут блеснуло лезвие ножа в его руке. Это привело нас в такую ярость, что мы, позабыв об осторожности, набросились на него, вцепились в его руки и ноги и одним махом, перевалив через перила моста, сбросили в реку. С чувством глубокого удовлетворения мы наблюдали, как Баумгэртнер с большим трудом добирался до берега, и провожали его взглядом до тех пор, пока его спотыкающаяся фигура не скрылась в одной из улиц Неккарштадта.

Позже мы поняли, что такими потасовками ничего серьезного не добиться. Да, нам удалось помешать им провести отдельные манифестации, сорвать целый ряд митингов и даже добиться того, что они какое-то время публично не выступали в некоторых районах города. И все же влияние нацистов среди населения, и в первую очередь среди молодежи, росло, о чем наглядно свидетельствовали результаты коммунальных выборов, состоявшихся в Бадене в 1930 году,

когда они в целом по Бадену сумели существенно увеличить — по сравнению с предыдущими выборами — количество поданных за них голосов. По числу поданных за нее голосов НСДАП стала даже в некоторых административных районах Бадена, таких, например, как Гейдельберг, Карлсруэ, Лёррах, самой крупной партией. В Мангейме она сумела собрать 27 тысяч голосов, но заметно отстала от обеих крупнейших партий данного избирательного округа — СДПГ (47 тысяч голосов) и КПГ (34 тысячи голосов).

Итоги выборов в рейхстаг, состоявшихся в сентябре 1930 года, также свидетельствовали о том, что влияние нацистских организаций на население Бадена росло: по числу полученных голосов НСДАП заняла второе — после партии «центра» — место.

Результаты коммунальных выборов по некоторым городам Бадена (процент голосов, полученных партией)

Город (в скобках число жителей)	Год проведения выборов	КПГ	СДПГ	Партия „центра"	Немецкая „народная" партия, Немецкая демократическая партия, Немецкая национальная народная партия	НСДАП
Мангейм (260 800)	1928	16,6	36,0	18,1	27,0	2,2
	1930	21,6	29,4	16,7	15,2	17,1
Карлсруэ (145 700)	1928	9,0	37,4	17,5	31,8	4,3
	1930	11,6	29,0	15,5	14,5	29,5
Фрейбург (90 480)	1928	3,7	24,6	43,7	26,6	1,5
	1930	5,5	20,2	40,8	16,2	17,4
Пфорцгейм (78 860)	1928	10,0	33,7	9,3	43,9	3,1
	1930	13,3	32,5	8,8	22,8	22,9
Гейдельберг (73 040)	1928	9,3	28,2	19,6	35,9	5,9
	1930	11,5	21,5	19,0	15,5	32,6
Оффенбург (16 610)	1928	4,6	17,1	56,3	18,9	3,2
	1930	7,5	13,1	47,3	9,3	22,9
Лёррах (16 010)	1928	19,9	30,4	22,0	25,5	2,2
	1930	25,1	19,1	17,1	12,8	25,9

Мы считали, что наибольший урон нацистам мы наносили тем, что разгоняли колонны штурмовиков и срывали их сборища. Ведь нередко случалось, что наци провоцировали нас самым подлым образом и затевали с нами драки. Само собой разумеется, мы не упускали возможности отплатить им.

До сих пор стоит у меня перед глазами карикатура в одном из иллюстрированных журналов. За столом сидит женщина и вяжет. Ее муж с большим трудом — на лбу видны

капли пота — втискивается в рыцарские доспехи. Под рисунком текст: «Пауль, что ты там копаешься?» — «Мне нужно на собрание!» Разумеется, художник сильно преувеличил, иначе это была бы не карикатура. Тем не менее бывали ситуации, когда мы бы не отказались от подобных доспехов, будь их размеры чуть побольше.

Это произошло 2 июня 1930 года. Задолго до этого нацисты устроили беспримерную по своим масштабам пропагандистскую шумиху вокруг предстоявшего массового мероприятия, на котором должны были выступать Йозеф Геббельс и Герман Геринг. Крупномасштабные плакаты, которые штурмовики наклеили где только могли, назойливо расхваливали тогда еще малоизвестного Геринга, бывшего, как и Геббельс, депутатом рейхстага с 1928 года, как «командира штурмовых отрядов Гитлера, отличившихся 9 ноября 1923 года», как «человека, имеющего большие заслуги перед отечеством», как «командира эскадрильи истребителей Рихтгофена». Тема сценария, по которому должно было идти это мероприятие, звучала так: «Марксизм — злейший враг немецкого рабочего». Таким образом, речь шла о крупномасштабной провокации нацистов, острие которой было направлено прежде всего против Коммунистической партии Германии. Для проведения этого мероприятия был выбран «зал Нибелунгов» в «Розенгартене». В то время «Розенгартен» был крупнейшим в Мангейме зданием, расположенным прямо на Фридрихсплаце, рядом с водонапорной башней. Это построенное на пороге нового века тяжеловесное и приземистое по внешнему виду сооружение в стиле модернизированного барокко (при его возведении использовался песчаник, добывавшийся в долине реки Майн) скрывало в своем «чреве», помимо всего прочего, два больших зала и множество других помещений, где устраивались различного рода концерты, танцы, митинги, собрания, лекции. Самый большой зал— «зал Нибелунгов» — вмещал 7 тысяч человек.

Руководство окружной организации КПГ приняло решение провести встречное мероприятие и тем самым продемонстрировать силу рабочего класса Мангейма. Одновременно предполагалось превратить запланированное нацистами мероприятие в митинг КПГ. Мероприятие должно было начаться в 20 часов 30 минут. Доступ в зал начался в 19 часов, а полчаса спустя зал на три четверти заполнили наши люди. Многие коммунисты и комсомольцы привели с собой друзей и приятелей, в симпатиях которых к нам они были твердо уверены. Остальную часть зала занимали члены гитлеровской партии или те, кто поддерживал ее.

Наша задача состояла в том, чтобы не дать Геббельсу произнести ни слова. Вместо него готовился выступить представитель руководства окружной организации коммунистов. До сих пор у меня перед глазами стоит эта картина. Вот вышел на трибуну Геббельс, его глаза вопросительно смотрели в зал. По-видимому, он ожидал, что сторонники и члены НСДАП встретят его неистовой овацией. Вместо этого раздались лишь жидкие аплодисменты, через мгновение потонувшие в оглушительном свисте и криках, с которыми ничего не могли поделать умиротворяющие жесты оратора. Зал продолжал свистеть, люди возмущенно топали ногами, раздавались громкие звуки клаксонов и велосипедных звонков. Короче, стоял такой шум, что не слышно было своих собственных слов. Для нас это был сигнал, по которому мы должны были начать прокладывать представителю компартии путь к трибуне. Но в тот же миг за нашими спинами распахнулись двери и в зал несколькими колоннами пошли штурмовики. Они пытались образовать узкий проход к трибуне, размахивая направо и налево кулаками и резиновыми дубинками.

Зал бурлил, опрокидывались столы и скамьи, в сторону сцены полетели пивные кружки. Наши люди защищались от ударов дубинок, подняв стулья. Все перемешалось: трудно было разобрать, где свой, а где чужой. Я уверен, что многие нацисты, не надевшие фашистской униформы, крепко пострадали от своих же, ибо штурмовики колотили всех подряд. Нам оставалось всего два-три метра до трибуны, но тут я получил такой удар по голове, что у меня все поплыло перед глазами. Я почувствовал, что двое моих товарищей подхватили меня под руки. Лишь на свежем воздухе я пришел в себя.

— Малыш, да тебе пробили голову. Кровь течет вовсю. Скорее к врачу!

Я было уперся, но к врачу нужно было идти. Вначале врач не проронил ни слова, он просто осмотрел рану и дал указания сестре. Пару раз укололи меня и наложили повязку. Все было в порядке. Правда, в голове продолжало еще шуметь.

— Был на «встрече» с Геббельсом?

— Разумеется.

— Так, так... Ну что, нацисты и на этот раз взяли верх?

Я еще не пришел полностью в себя, чтобы ответить. Мне был незнаком этот человек, и я его больше никогда не видел. Может, эти слова, которые врач бросил мимоходом, были насмешкой? А возможно, за ними скрывалась большая тревога за будущее? Возможно, он уже понял ту опасность, которую представлял собой поднимавший голову нацизм,

ту угрозу, которую нельзя устранить с помощью подобных сражений. Кто знает? Товарищи, которые помогли мне выйти из зала, проводили меня до Дальбергштрассе. Там они распрощались со мной, пообещав рассказать обо всем, что произойдет. Вечером того же дня я узнал, что штурмовики, на помощь которым пришли полицейские, стоявшие наготове за сценой, в ходе получасовой бойни сумели вытеснить наших людей из зала. В конечном счете штурмовики и полицейские составили ту аудиторию, которой Геббельс прочитал «лекцию о злейшем враге немецкого народа». Представителю коммунистов так и не удалось выступить, но и расчеты фашистов не оправдались.

В начале ноября 1930 года, незадолго до коммунальных выборов, Гитлер намеревался посетить Мангейм. В том же «зале Нибелунгов», где должен был выступать Гитлер, вывесили гигантский лозунг «Жить — значит бороться». Этот девиз гитлеровцев так хорошо запомнился мне, вероятно, потому, что мы по-своему претворяли его в жизнь. Мы намеревались устроить ему такой же «горячий» прием, с каким за несколько месяцев до этого столкнулись Геббельс и Геринг.

Как и в прошлый раз, нашим людям предстояло заранее заполнить зал. Примерно 50 человек из «Красного молодежного фронта» должны были незаметно держаться в одной из боковых улиц, а затем непосредственно перед самым началом быстро добежать до здания «Розенгартена» и в решающий момент как подкрепление появиться в зале. Мы вынуждены были делать все это крайне осторожно, поскольку организация «Красный молодежный фронт» была с 1929 года запрещена и в Мангейме она находилась на нелегальном положении.

Вначале все шло, как мы планировали, но, когда мы очутились перед «Розенгартеном», нас встретил плотный кордон из штурмовиков. В белых рубашках, с рукой, покоившейся на пряжке ремня, они образовали оцепление, сквозь которое пропускали только тех, у кого был соответствующий пропуск. Пройти мы никак не смогли, наши планы рухнули. Возможно, нацистам удалось что-то узнать о них, но не исключено и то, что они еще хорошо помнили о летнем поражении и потому заранее хотели исключить всякий риск.

Выступление Гитлера показало, что фашизм постепенно, хотя и медленно, обретал почву под ногами. В середине декабря 1930 года был сформирован новый городской совет Мангейма: среди 24 его членов были четыре нациста, а среди 84 депутатов городского совета насчитывалось 14 членов НСДАП. Нам предстояла тяжелая борьба.

ЗА ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ РАБОЧЕГО КЛАССА
(ноябрь 1930 г. — январь 1933 г.)

В конце 1930 года, вскоре после моего дня рождения, я стал членом Коммунистической партии Германии. Секретарь подокружного комитета партии пожал мне руку:

— Вот твой членский билет! Поздравляю! И дальше так держать!

Желание стать членом Коммунистической партии созрело во мне уже давно. Как комсомолец, я часто общался с коммунистами, и они нравились мне своей прямотой и честностью. Эти люди знали, чего они хотят. Я хотел быть в их числе.

Однако мне предстояло набраться терпения и подождать, потому что минимальный возраст для приема в партию в баденской окружной организации КПГ был тогда двадцать лет, в то время как в других округах в партию принимали шестнадцатилетних. Насколько я знаю, единого для всей партии положения о возрастном цензе тогда не было. Но вот я наконец член партии, и на душе у меня радостно и торжественно, хотя обстановка, в которой мне вручили партбилет, была скорее прозаической, нежели праздничной.

Десятилетия спустя я, как министр обороны нашей республики, не раз вручал партбилеты молодым солдатам и курсантам военных училищ Национальной народной армии. И каждый раз для меня было волнующим событием вместе с молодыми людьми пережить этот полный высокого значения момент их жизни и испытать при этом чувство уверенности в том, что дело, за которое десятилетиями боролась и приносила жертвы наша партия, в крепких и надежных руках.

Я был принят в партию во времена, которые были на редкость богаты политическими событиями и потребовали от нас, коммунистов, много сил. В середине сентября 1930 года состоялись выборы в рейхстаг, в ходе которых Коммунистическая партия Германии добилась — в том числе и в Ба-

дене — значительного прироста голосов. Так, если во время выборов в рейхстаг в 1928 году КПГ получила здесь 67 тысяч голосов, то теперь почти вдвое больше — 113 тысяч.

Однако одновременно значительно усилилось и влияние нацистов. Число проголосовавших за них в Бадене увеличилось с 26 300 человек в 1928 году до 226 660 осенью 1930 года. А теперь на очереди были выборы в органы коммунального самоуправления, и фашисты развили лихорадочную активность. Все яснее становилось, как важно для нашей партии усилить свое влияние в массах и с помощью единых действий всего рабочего класса устранить угрозу фашизма.

Для этого, помимо всего прочего, нужно было вновь продумать и изменить организационную структуру партии. Центральный комитет КПГ решил объединить округ Баден с расположенным на левом берегу Рейна соседним пфальцским округом в окружную организацию КПГ Баден — Пфальц. Не обошлось без возражений. Некоторые товарищи постарше высказывали по поводу этого решения сомнения и говорили, что его следует отменить. Наверняка здесь сыграли роль некоторые беспочвенные предрассудки, а также то обстоятельство, что Мангейм почти в течение столетия был отделен от Пфальца. В результате объединения численность окружной партийной организации выросла на 900 членов (число коммунистов в округе Баден в период 1926—1930 годов колебалось в границах 2200—3000 человек). Однако объединение породило также и определенные политические проблемы.

Уже свыше столетия Рейн был не только географической, но и административной границей между Баденом и Пфальцем. Известное исключение представляли Мангейм и расположенный непосредственно напротив него Людвигсхафен. Совместное пользование громадной территорией порта, мостами через Рейн, соединяющими оба города, многочисленные хозяйственные и личные связи между их жителями способствовали возникновению тесного контакта между баденским городом Мангейм и пфальцским городом Людвигсхафен.

В начале XIX века по Люневильскому мирному договору, заключенному между Францией и Австрией, часть Пфальца на левом берегу Рейна — так называемый Неккарпфальц — отходила к Франции, в то время как часть правобережного Пфальца была отдана Бадену. С этого момента Мангейм входит в Баден, который в 1806 году вступил в Рейнский союз и из маркграфства был преобразован в Великое герцогство. Во времена моей юности многое напоминало еще о минув-

шей принадлежности Мангейма к Пфальцу. Из трех больших мостов через Неккар средний носил имя «Курпфальцбрюкке». В названиях многих хозяйственных предприятий и культурных учреждений присутствовало определение «курпфальцский». Я уже не говорю о том, что пфальцское наречие было в Мангейме почти таким же своим, домашним, языком, как и в Кайзерслаутерне, Пирмазенсе или Ландау.

Со времени Венского конгресса 1814—1815 годов левобережный Пфальц вновь входит в состав Германии. Его бо́льшая часть была присоединена к Баварии. После первой мировой войны, с 1919 по 1930 год, Пфальц был оккупирован французскими войсками. Согласно Версальскому договору его западная часть, находившаяся до той поры под баварским правлением, была на пятнадцатилетний период присоединена к Саарской области. Вновь Пфальц стал игрушкой в руках германских и французских монополий, боровшихся за свои интересы. Стремясь спасти власть монополий от революции, сепаратистские силы партии «центра», и среди них будущий канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, уже в начале декабря 1918 года предприняли попытку создать Рейнско-Вестфальскую республику. Другие сепаратистские и националистические силы стремились к установлению автономии под защитой Франции. Французское правительство не только терпимо относилось к этим устремлениям, но и благосклонно поддерживало их, так как образование на левом берегу Рейна буферного государства представлялось французскому военному руководству весьма выгодным уже лишь по соображениям военно-стратегического характера.

Все это дало возможность пфальцскому помещику Гейнцу-Орбису беспрепятственно провозгласить 12 ноября 1923 года Пфальцскую республику и объявить себя ее президентом. Правда, на весьма короткое время. 9 января 1924 года Гейнц-Орбис был убит националистами, а месяц спустя пфальцская «револьверная республика», как ее именовала английская пресса, нашла свой конец.

Все политические и экономические махинации вокруг Пфальца в конце концов потерпели крах, но пфальцскому населению пришлось немало претерпеть от реакционной политики германской и французской монополистической буржуазии. Не удивительно поэтому, что лживая шовинистическая пропаганда нацистов, которая ловко использовала националистические настроения, существовавшие уже тогда, в 20-е годы, нашла наибольший отклик в мелкобуржуазных слоях населения Пфальца. Некоторые вожди нацизма уже

в начале 30-х годов имели основания считать Пфальц одним из своих наиболее надежных бастионов.

Этому немало способствовало реакционное баварское правительство во главе с реакционным политическим деятелем Генрихом Хельдом. Хельд был одним из руководителей баварской народной партии (БНП), баварского филиала партии «центра». Будучи откровенно монархистской и сепаратистской по ориентации, БНП поддерживала все акции, направленные против рабочего класса, его партий и организаций. Постоянно усиливая террор против коммунистов и других демократических и прогрессивных сил, представители БНП в баварском земельном правительстве играли на руку нацистам и вскоре уже действовали с ними заодно.

Своей экономической и социальной структурой Пфальц был во многом сходен с Баденом. Свыше половины активного населения было занято в сельском хозяйстве, чаще всего выращиванием винограда и фруктов, в то время как рабочий класс трудился главным образом на предприятиях швейной, металлообрабатывающей и химической промышленности.

После создания в январе 1931 года окружной организации КПГ Баден — Пфальц поле деятельности окружного комитета значительно расширилось. Как-никак, а Пфальц с его миллионным населением имел территорию почти в 5 тысяч квадратных километров, что составляло почти треть территории Бадена. Теперь территория округа была поделена на четыре «инструкторских округа»: инструкторские округа I—III — северный, средний и южный Баден и инструкторский округ IV — Пфальц с пятью подокругами — Кирхгеймболанден, Кузель, Кайзерслаутерн, Пирмазенс и Ландау.

Внутри округа структура партийных организаций в то время не соответствовала государственному и коммунальному территориальному делению. Например, с 1923 года Баден подразделялся на одиннадцать районов, объединявших в общей сложности 40 уездов. Наша же баденская окружная партийная организация делилась не на районы, а на подокруга. До 1930 года они территориально приблизительно соответствовали административным районам, но позднее были разукрупнены и включали в себя там, где были сильные партийные организации, один уезд, в остальных же случаях — два-три уезда.

После приема в партию я продолжал свою работу и в Коммунистическом союзе молодежи (в качестве политруководителя союза в Юнгбуше и на северо-западе центральной части города). В этом своем качестве я одновременно

входил в состав подокружного комитета КСМГ. Политруководитель — аналогичная должность имелась также и в партии — выполнял задачи первого секретаря. Ему помогал руководитель по оргвопросам (оргруководитель), что приблизительно соответствует должности сегодняшнего второго секретаря районного комитета городской партийной организации.

В 1930—1931 годах КСМГ, согласно ведомостям членских взносов, насчитывал в Бадене около 600 членов. В действительности же в наших собраниях участвовало гораздо большее число юношей и девушек. Так, например, в Мангейме было несколько молодежных групп, входивших в руководимую КПГ Революционную профсоюзную оппозицию. С этими группами мы поддерживали связь. Мы вовлекали в наши ряды новых членов и расширяли круг людей, приходивших на наши собрания, участвуя в работе спортивного рабочего союза «Чайка». И, наконец, в рядах «Красного молодежного фронта» и среди членов организаций атеистов также было много молодых людей, которые, не являясь членами КСМГ, шли за нами.

В общем и целом влияние на молодежь различных буржуазных молодежных организаций, особенно христианских союзов, католического и евангелического, было куда более сильным, чем наше или социал-демократов. В большинстве буржуазных молодежных организаций правого толка, как и в старые времена, насаждались идеи монархизма, причем в последние годы Веймарской республики заметно возросло влияние фашизма.

В противоположность этому в социал-демократических и находившихся под влиянием социал-демократов молодежных организациях усиливалась левая оппозиция. Многие молодые люди искали выхода из сложившейся ситуации. Молодежь относилась к тем, чье положение все более и более ухудшалось по мере продолжения экономического кризиса, сокращения занятости и роста безработицы.

Многие молодые люди потеряли работу и были вынуждены существовать на жалкие пособия по безработице, но большинство выпускников школ работы вообще не получали. Это означало, что юноши и девушки, окончившие в возрасте четырнадцати лет школу, были брошены на произвол судьбы: их не регистрировали на биржах труда, они официально не числились безработными и потому вообще не получали никаких пособий.

То, что некоторые буржуазные и социал-демократические политические деятели, скорчив презрительную гримасу,

называли «растущей радикализацией молодежи», было на самом деле не чем иным, как поисками выхода из этого отчаянного положения, попыткой найти политическую альтернативу, которую не могли указать молодежи вожди социал-демократии и функционеры социал-демократических молодежных организаций.

Но если б только это... Правое руководство социал-демократической партии не только терпимо относилось к политике чрезвычайных мер канцлера Брюнинга, но через министров социал-демократов в земельном правительстве активно помогало ее проведению, а лидеры социал-демократии пытались укротить растущую оппозицию в среде социал-демократической молодежи, свирепо подавляли ее. В особой мере это проявилось на съезде СДПГ, проходившем в Лейпциге в мае — июне 1931 года, когда были приняты решения, значительно ограничивавшие права организаций социалистической рабочей молодежи, и под давлением правления СДПГ была распущена организация «Молодые социалисты».

К нам тогда приходило немало молодых: они видели, что мы не смиряемся с социальными бедствиями, называем их причины своими именами и боремся с ними. Однако многие из числа молодежи попадали под влияние нацистов, принимая за чистую монету их лживые обещания, веря в их разглагольствования о «национальной революции». Но ряды сторонников нацистов пополнялись не только вследствие воздействия фашистской пропаганды на определенные категории людей. Многих в ряды нацистов привел голодный желудок. Рядом с несколькими из нацистских «штурмлокалей», например в квартале Н5 и на Гумбольдштрассе в Неккарштадте, были установлены полевые кухни, бесплатно выдававшие горячую пищу. После третьей или четвертой тарелки горохового супа кое-кто уже внимательнее начинал прислушиваться к речам нацистских ораторов.

С такими ребятами мы вели нелицеприятные дискуссии, поскольку среди них были и дети рабочих. Некоторые из них действительно околачивались около полевых кухонь только затем, чтобы набить себе живот, и не поддавались на удочку нацистской пропаганды. Но, как правило, это не могло долго продолжаться. Уже вскоре их гнали прочь, так как нацисты ждали от них «взаимности». Другие же не могли устоять и вскоре оказывались в колоннах фашистских громил.

В тот период было много совещаний с товарищами из подокружного комитета и немало горячих споров. Все яснее становилось следующее: одними лишь рукопашными схват-

ками с нацистами не справиться, необходимо было усилить наступление на идеологическом фронте. Прежде всего надо было усилить наше влияние на молодежь, довести до ее сознания, что бесконечные разговоры нацистов о «созидающих людях» и их борьбе против «загребущего капитала» нужны им только для того, чтобы перетянуть массы трудящихся на свою сторону. Мы должны были доказать, что национал-социалистская рабочая партия Германии — партия не рабочих и трудового народа, а партия хозяев концернов, финансируемая самыми реакционными группами монополистического капитала и стремящаяся установить кровавую диктатуру, направленную как раз против трудового народа.

В октябре 1930 года состоялся пленум Центрального комитета КПГ. Как сообщалось в партийной печати, выступивший на пленуме председатель партии Эрнст Тельман охарактеризовал НСДАП как партию, представлявшую собой орудие монополистического капитала и опиравшуюся преимущественно на массы мелкой буржуазии. Более подробно сущность и политические цели нацистской партии были вскрыты в «Программном заявлении о национальном и социальном освобождении немецкого народа», опубликованном Центральным комитетом КПГ 24 августа 1930 года в газете «Роте Фане».

Мы, конечно же, не могли пойти на то, чтобы просто повторять содержавшиеся в «Программном заявлении» определения сущности фашизма. В беседах и дискуссиях мы должны были учитывать конкретные проявления нацизма и конкретные действия нацистов в Мангейме, иначе бы нас никто не понял. Сегодня я бы сказал так: то, над чем мы тогда бились, порой безуспешно, так и не находя необходимых конкретных аргументов, не располагая нужными фактами, было выявление диалектической взаимосвязи между единичным и всеобщим.

Нацисты самым тщательным образом маскировали свои связи с монополистической буржуазией. Они даже ругались по поводу безработицы и господства капитала. В Мангейме неоднократно случалось, что нацисты по тактическим соображениям подхватывали лозунги с такими социально-политическими требованиями, под которыми могли расписаться даже коммунисты. Ни один из тех, кто бросался на нас с ножом или кастетом или даже стрелял в нас, не входил в наблюдательный совет «И. Г. Фарбениндустри» или какого-нибудь другого концерна. Чаще всего это были мелкие

служащие, разорившиеся ремесленники, обманутые подростки — в большинстве своем безработные.

Для того чтобы разоблачить сущность этой партии, нужно было показать, что ее целями являются подготовка и развязывание войны во имя реванша и установления господства в Европе и во всем мире. Нужно было знать, что рейнско-рурские промышленные магнаты, такие как Тиссен и Кирдорф, не жалея средств, финансировали НСДАП. Необходимо было провести грань между заправилами этой партии и попутчиками, которые в вопиющем противоречии со своими подлинными классовыми интересами маршировали под чужим знаменем и, сами того не зная, ковали свои собственные цепи.

Как раз этого — необходимости различного подхода к нацистам и их сторонникам — мы сначала никак и не могли понять. Кроме того, когда борьба идет не на жизнь, а на смерть, нет ни времени, ни возможности спросить: «Кто ты — фашист или только их попутчик?» Тот, кто шел за фашистами, в наших глазах сам был фашистом.

Несомненно, здесь сказывались левосектантские идеи, которые некоторые члены ЦК КСМГ — в частности, Курт Мюллер и Гельмут Реммеле — распространяли среди германских комсомольцев, вопреки сопротивлению Артура Беккера и других ленинцев. Левые сектанты были друзьями Гейнца Ноймана, который, будучи главным редактором газеты «Роте Фане», членом секретариата и кандидатом в члены политбюро ЦК КПГ, в течение ряда лет оказывал значительное влияние на идеологическую работу партии. Он и его сторонники в ЦК КПГ и ЦК КСМГ недооценивали опасность фашизма, заявляя: «Если когда-нибудь и будет «третий рейх» Гитлера, то он будет на глубине полутора метров под землей, а на земле у нас будет победоносная власть рабочих». Исходя из этой ложной оценки положения, сторонники Ноймана выдвинули лозунг «Бей фашистов везде, где только встретишь!» — на первый взгляд, весьма боевой и пролетарский по духу девиз, которому следовали многие товарищи.

Лишь много времени спустя, в конце лета 1932 года, после того как Нойман был выведен сначала из секретариата, а затем и из политбюро ЦК и сторонники его взглядов в руководстве КСМГ потеряли свое влияние, мы узнали, что еще в 1930 году подобные ошибочные взгляды были подвергнуты критике в руководящих органах партии. Мы и сами все в большей мере чувствовали, что, действуя в соответствии с такими установками, мы не только не мо-

жем ослабить влияние нацистов в массах, но и сами рискуем попасть в изоляцию. Все сказанное относилось и к нашей работе с молодежью, к ее формам и методам. Мы были попросту слишком прямолинейны и не всегда умели сочетать политическую борьбу с организацией развлекательных мероприятий, а ведь это как раз и могло бы привлечь в наши ряды больше новых членов и сторонников.

Но, как известно, путь познания нередко тернист, а порой и весьма болезнен. Подобных ошибок не избежал и я.

Летом 1930 года в подокружном комитете КСМГ и секретариате окружного комитета партии велись длительные и горячие дискуссии о проблемах работы с молодежью. Меня пригласили на расширенное заседание окружкома, где я отчитался за свою работу в качестве политруководителя. При этом я не умолчал о том, что мы хоть и сделали немало, тем не менее почти не привлекли новых сторонников. В прениях по моему докладу выступил Георг Лехлейтер.

В КПГ Георг Лехлейтер пришел после первой мировой войны из рядов НСДПГ. Позже он был избран секретарем мангеймской партийной организации. С 1924 по 1933 год он представлял КПГ в мангеймском городском совете и был одновременно председателем коммунистической фракции в баденском ландтаге. В период фашистской диктатуры вместе с Рудольфом Лангендорфом, Якобом Фаульхабером и группой других мужественных борцов он издавал в Мангейме нелегальную газету «Форботе» («Предвестник»). В феврале 1942 года он в результате предательства попал в лапы гестапо и 15 сентября 1942 года вместе с тринадцатью другими товарищами был казнен в Штутгарте. Живущий в ФРГ публицист Макс Оппенгеймер в своей книге «Дело предвестника» увековечил мужество мангеймских борцов Сопротивления, ядром которых была мангеймская организация КПГ во главе с Георгом Лехлейтером.

Здесь мне приходится, несколько опережая события, рассказать о случае, который в 1943 году свел меня с человеком, который, как это выяснилось позже, имел непосредственное отношение к Георгу Лехлейтеру в период антифашистского Сопротивления в Германии. В то время я был преподавателем антифашистской школы в Красногорске, недалеко от Москвы. В один прекрасный день там объявился немец Густав Зюсс. От советских товарищей мы узнали, что он коммунист, отсидел несколько лет в концлагере Дахау, а затем, став солдатом вермахта, перешел на сторону Красной Армии.

Как это ни странно, но у нас никак не получалось настоящего контакта с Зюссом. Помню еще, как Рудольф Линдау, в те времена также преподаватель красногорской школы, однажды сказал мне:

— Не могу понять, в чем дело. Ведь Зюсс — коммунист, но мне он неприятен. Он никогда не смотрит тебе в глаза. Странный парень!

Но разве это говорило о чем-нибудь?

Вскоре я потерял Зюсса из виду. Годы спустя мне рассказали, что в 1945 году по заданию Центрального комитета КПГ он вместе с другими товарищами был послан в Берлин для создания антифашистско-демократических органов самоуправления.

Не помню точно, то ли в 1946-м, то ли в 1947 году, одна мангеймская коммунистка встретила Зюсса в Берлине и узнала в нем одного из обвиняемых по судебному процессу против мангеймского коммуниста Георга Лехлейтера и его товарищей. Несмотря на то, что в 1942 году он в числе других был арестован гестапо, Зюсс странным образом так ни разу и не появился в зале суда. Не было его и в числе приговоренных. Всему этому имелось объяснение. В письме, которое перед казнью ему удалось передать на волю, Георг Лехлейтер сообщил: после досрочного освобождения из концлагеря Дахау Зюсс был завербован гестапо, а затем использован в качестве «подсадной утки» против Лехлейтера, которого знал еще с прошлых времен. Он и выдал Лехлейтера на расправу гестаповцам. Обо всем этом знала мангеймская коммунистка, с которой Зюсс неожиданно встретился в Берлине. Но, прежде чем она успела разоблачить предателя, тот исчез!

Однако вернемся к лету 1930 года. В своем выступлении в прениях по моему докладу Георг Лехлейтер высказал ряд интересных мыслей относительно работы с молодежью. Спокойно и деловито, но в то же время весьма энергично и решительно он указал нам на то, что с молодежью нужно разговаривать и работать иначе, чем со взрослыми:

— Не забывайте, что вы имеете дело с молодыми людьми. Им иногда хочется посмеяться и подурачиться, хочется повеселиться. Вы должны применять другие методы, чем мы в нашей партийной работе. Говорите с ребятами о том, что у них на душе, о том, что их интересует, а не повторяйте бездумно все, что слышите от старших на собраниях. Ясно, конечно, что вы должны сделать из молодых людей сторонников нашей политики, но сделать это так, чтобы они

поняли нас и пошли за нами. А ведь иной раз, слушая ваши речи, невольно думаешь: «Вот попугай!»...

Некоторые ворчали насчет «попугаев», но большинство было согласно с Георгом — помимо всего прочего, возможно, еще и потому, что Георга Лехлейтера ценили как испытанного партийца, который пользовался авторитетом не только в партии, но и немало значил прежде всего для нас, молодых.

Некоторое время спустя после этой дискуссии в окружном комитете я получил задание провести в начале августа антивоенный митинг мангеймской молодежи. Такие митинги, приуроченные к годовщине со дня начала первой мировой войны, мы проводили ежегодно. На этот раз мы хотели сделать его более масштабным и действенным, поэтому обратились к писателю Теодору Пливье, в то время близко стоявшему к пролетарскому движению. Он получил известность благодаря своему антивоенному роману «Кули кайзера», который до появления отдельной книгой печатался в газете «Роте Фане». В весьма впечатляющих эпизодах Пливье изображал восстание матросов императорского флота в августе 1917 года, показывал жестокость и античеловечность германского милитаризма.

По нашему замыслу после краткого вступления писатель должен был прочитать эпизоды из этого романа, посвященные вождям революционных матросов Максу Рейхпитшу и Альбину Кёбису, а потом рассказать о своей новой книге, над которой он тогда работал. Эта книга появилась год спустя под названием «Кайзер ушел, генералы остались».

Мы сняли зал на 500—600 человек. Его надо было заполнить. Сделать это было не так просто, но мы проявили изобретательность. Согласно старой народной пословице, мангеймец знает, что два плюс два четыре, но он знает еще, что тот же самый результат можно получить, имея три и один, — нужно лишь немного находчивости. Я проявил такую находчивость, решив устроить после выступления Пливье танцы. Таким способом наверняка можно расшевелить куда больше ребят, чем без танцев.

Расчет оказался верным. Зал был заполнен до последнего места. Пливье встретили очень хорошо.

Однако моя радость по поводу этого успеха длилась недолго. Уже на следующий день, когда я явился в комитет подокруга доложить о том, как все хорошо получилось, что мероприятие прошло по плану, мне сказали, что секретариат окружкома, который уже был в курсе дела, вовсе не в восторге от моих талантов на ниве организации культурно-

политических мероприятий. Более того, товарищи считали, что я, пожалуй, не в своем уме, если решился закончить антивоенное мероприятие не чем-нибудь, а именно танцевальным вечером. Неужели мне неизвестно, сколь серьезна обстановка? Такие методы, скорее всего, способны лишь создать представление, что милитаризм не так уж и опасен. То, что я сделал, — не что иное, как «социал-демократическая культурно-просветительная богадельня», не имеющая абсолютно ничего общего с революционной работой в массах.

На следующий день со мной беседовали сами товарищи из окружкома, и вновь я был подвергнут суровой критике. Я попытался оправдаться, но мои аргументы не были приняты. Единственным смягчающим обстоятельством товарищи признали то, что я еще совсем молодой член партии.

Когда несколько месяцев спустя в Мангейм прибыл инструктор Центрального комитета партии — его имени я уже не помню, — мой проступок обсуждался вновь. Этот товарищ уже не критиковал меня, а сказал даже, что как раз мы в нашем молодежном союзе должны постоянно изыскивать новые методы работы. Прежде всего необходимо найти пути подхода к молодежи, находившейся под влиянием социал-демократов, привлечь ее к совместным акциям. Это имеет решающее значение, и если мы добились этого с помощью своего мероприятия, то, стало быть, и методы были правильными. В то же время инструктор указал мне на то, что в будущем такого рода планы необходимо тщательно обсуждать в коллективе. Таким образом, спор вокруг этого случая получил окончательное разрешение, а я, как говорится, легко отделался.

Хотя по поручению подокружного комитета мне нередко приходилось работать и за пределами Мангейма, Юнгбуш и центральная часть города по-прежнему оставались главным полем моей политической деятельности. В Юнгбуше мне впервые удалось установить тесный контакт с социал-демократической молодежью и привлечь некоторых молодых социал-демократов к сотрудничеству. Эти контакты сыграли в нашей борьбе за единство действий и единый антифашистский фронт — особенно в последующие месяцы — весьма существенную роль, а также имели важное значение для моего личного политического развития.

Прежде чем продолжить рассказ о событиях того времени, я должен заметить, что в Бадене, так же как и в Пфальце, евангелическая и католическая церкви имели большое влияние не только на сельское население, но и на

городской промышленный пролетариат. В Юнгбуше, например, 50 процентов населения были евангелистами, а 40 процентов католиками. Влияние церкви сказывалось и на профсоюзном движении. Так, если Всеобщее объединение немецких профсоюзов, в которое входили свободные профсоюзы, насчитывало в Бадене 167 тысяч членов, то христианские профсоюзы имели в своих рядах 61 тысячу трудящихся. Члены СДПГ, исповедовавшие христианскую веру, создали в 1926 году собственную организацию «Союз религиозных социалистов», куда входили главным образом промышленные рабочие, а также представители мелкой буржуазии и средних слоев. В политическом отношении «Союз религиозных социалистов» был близок к левому крылу СДПГ и в решающих вопросах выступал на стороне группы Курта Розенфельда и Макса Зейдевитца, которые в 1931 году отмежевались от реформистской политики правления СДПГ и создали собственную Социалистическую рабочую партию Германии. В 1931 году «Союз религиозных социалистов» насчитывал 15—20 тысяч членов, рассеянных по всей Германии. Однако, насколько мне известно, больше всего их было на юге и юго-западе страны.

Председателем этого союза был евангелический священник Эрвин Эккерт, родом из мангеймского пригорода Неккарштадт, с 1927 года — священник церкви Святой троицы в Мангейме. Годом раньше Эккерт публично выступил за безвозмездную конфискацию имущества князей, из-за чего у него возник серьезный конфликт с церковным руководством. В 1928 году он призвал членов «Союза религиозных социалистов» к участию в референдуме по вопросу о строительстве крейсеров. За это на него обрушилось с упреками правление СДПГ, которому, однако, так и не удалось помешать Эккерту поставить свою подпись под требованием о проведении референдума.

В начале 1929 года в ходе подготовки к магдебургскому съезду СДПГ обсуждались основные направления политики в области обороны. Руководство СДПГ отрицало классовый характер веймарского государства и объявляло защиту «демократической республики» основной задачей германской социал-демократии. Оппозиционные силы выступили с социал-демократической альтернативной программой, представлявшей собой альтернативу буржуазной военной концепции правления СДПГ. Эккерт, в основном разделявший точку зрения левой оппозиции, активно включился в дискуссию. Его мысли по поводу военной программы были интересны прежде всего тем, что он стремился рас-

смотреть проблемы военной политики с пролетарских позиций.

Буржуазная республика объективно не способна защитить военными средствами классовые интересы пролетариата, констатировал Эккерт. Право на оборону имеет только сам рабочий класс, поэтому следует поддерживать пролетарскую самооборону Советского государства и последовательно отвергать военную политику буржуазной Веймарской республики, бороться с ней. СДПГ должна стремиться «отнять средства для возможного участия в новой войне у Веймарской республики, находящейся под определяющим влиянием буржуазных партий». Эккерт требовал «постепенной ликвидации» рейхсвера, систематического сокращения военных расходов, очищения школьных учебников и учебных материалов от националистических и милитаристских идей и, наконец, «внедрения в командный корпус и административный аппарат рейхсвера надежных с социалистической точки зрения республиканцев». Он считал, что принятие делегатами магдебургского съезда СДПГ резолюции, объявляющей войну вне закона и призывающей к решению международных конфликтов мирным путем, само по себе еще ни в коем случае не может создать надежной гарантии мира, пока монополистическая буржуазия располагает в лице рейхсвера сильными военными средствами принуждения и господства. Рассматривая рейхсвер как инструмент господства реакции, он считал его не способным защитить политические, экономические и социальные завоевания рабочего класса и «найти свое место в демократической республике в качестве обслуживающего ее элемента».

Конечно, мысли Эккерта нельзя считать абсолютно зрелыми, кое в чем они были не свободны от обманчивых иллюзий. Так, например, он верил в возможность осуществления пролетарской диктатуры на почве буржуазно-капиталистического государства одними лишь парламентскими средствами и исходил из того, что рейхсвер, военный инструмент принуждения в руках крупной буржуазии, можно шаг за шагом реформировать в социалистическом духе, не прибегая к глубоким социально-экономическим преобразованиям. Фактом, однако, является то, что Эккерт подходил к решению военной проблемы с позиций рабочего класса, с позиций трудящихся.

Несмотря на то что альтернативная программа опиралась на поддержку сильной оппозиционной группы во главе с Максом Зейдевитцем и Эрнстом Экштейном, съезд СДПГ отверг ее и 242 голосами против 147 принял реформи-

ское «Основные направления политики в области обороны».

Эккерт был также единственным из 210 делегатов Германского евангелического церковного собора, в то время высшего органа германской евангелической церкви, кто воспротивился «кампании молитв против Советской России», так как в лицемерной защите христиан в СССР, которым якобы что-то угрожало, он усмотрел в первую очередь антисоветскую акцию. Он был священником, который рассматривал свою христианскую миссию как задачу, не относящуюся к потусторонней жизни, а в упразднении буржуазного общества и установлении власти рабочего класса видел путь к ликвидации нищеты и страданий простых людей уже в этом, а не ином, потустороннем, мире.

Среди членов «Союза религиозных социалистов», а также среди своих прихожан Эккерт пользовался высоким авторитетом. За короткое время ему удалось привлечь на свою сторону многих юношей и девушек, для которых он в Юнгбуше регулярно устраивал чтения библии и «часы молодежи».

Мы знали, что пастор Эккерт разделял по некоторым вопросам нашу точку зрения и даже, как утверждали некоторые, симпатизировал КПГ. Поэтому мы и решили прийти на один из «часов молодежи». Мы хотели подискутировать с юношами и девушками, которых всегда было много на этих «часах», и попытаться привлечь их на нашу сторону.

Предварительно посовещавшись, мы решили не делать религиозные вопросы главным предметом нашего диспута, однако не собирались и скрывать, что мы, коммунисты, являемся последовательными атеистами. Мы считали, что тот, кто пойдет за нами, сам по себе скоро отойдет от христианской веры, ибо религия, по выражению Карла Маркса, «*опиум* народа» [1].

Здесь я должен заметить, что мое собственное материалистическое мировоззрение сформировалось не в родительском доме, а лишь позднее, в Коммунистическом союзе молодежи. Дедушка Байль, несмотря на свои обширные познания в астрономии, так и не избавился до конца от страха перед богом. Когда я родился, он категорически заявил матери: «Мальчика будем крестить! А потом пусть все решает сам!»

Так я и сделал: вскоре после моего вступления в КСМГ я порвал с религией. Но тут за меня принялась мать: «Мо-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 415.

жешь делать все, что считаешь правильным. Я ничего не хочу тебе навязывать. И все же ты должен подумать о старости, о том, чтобы, когда ты умрешь, тебя могли достойно похоронить!»

На это я отреагировал по-своему — стал членом атеистической организации. Мое участие в ней сводилось к тому, что я платил ежемесячно небольшой взнос, за что мне были гарантированы в определенный день приличные похороны. В остальном же эта организация мало меня интересовала. Я не ходил на ее мероприятия и потому не получал от нее никаких духовных импульсов. Последнее происходило в молодежном союзе. Там я впервые услышал о Чарльзе Дарвине и Эрнсте Геккеле. Мы прочли работу Августа Бебеля «Христианство и социализм» и вскоре пришли к убеждению, что человека создал не господь бог, так как его самого выдумали люди на ранней ступени общественного развития и под различными именами сделали предметом поклонения. В этом меня уже никто не мог переубедить, даже отец Эккерт, если бы такая идея пришла ему в голову.

Стройный, с резко очерченным умным лицом, Эккерт произвел на меня впечатление энергичного, дружелюбного человека. Для него не остались незамеченными изменения в его аудитории. Увидев нас, он сказал: «О, новые лица! Весьма рад!» Из этого следовало, что Эккерт считал нас принятыми в круг своих. Может быть, он хочет зачислить нас в свой союз? Перемигнувшись друг с другом, мы решили быть начеку. Несколько неожиданным было для нас то, что в коротком докладе Эккерта и в последовавшей за этим дискуссии библия и христианское учение почти не играли никакой роли. Эккерт говорил о Советском Союзе, о его усилиях, направленных на сохранение мира.

— Газеты лгут, приписывая Советскому государству военные планы. Это не что иное, как коварный отвлекающий маневр. В войне заинтересована лишь крупная буржуазия. И если мы не сумеем своевременно преградить дорогу нацистам и те придут к власти, тогда вряд ли удастся избежать войны. Тельман прав, неустанно предупреждая нас о фашистской угрозе... Для христиан-социалистов, — сказал Эккерт, — недостаточно лишь молиться за сохранение мира... Мы должны показать нашим братьям во Христе, кто на деле является угрозой для мира, — заключил Эккерт. — Для внутреннего мира необходим мир внешний. Ради него мы все должны что-то сделать. Это наш христианский долг.

Мы приняли горячее участие в дискуссии, подчеркивая при этом: мы, коммунисты, считаем, что нельзя последова-

тельно бороться за интересы рабочего класса и одновременно верить в бога. Эккерт внимательно выслушал наши аргументы, ничего, однако, не возразив на них. Он сказал лишь:

— Приходите еще! Можете прямо ко мне. По-моему, нам нужно еще раз основательно поговорить обо всем.

Я пришел. Казалось, Эккерт нисколько не удивился моему визиту:

— Ага, я так и думал! Заходи!

Я вошел и сел.

— Ну как? Все обдумал еще раз?

— Конечно!

— И как?

— Что значит «как»? Наше мнение мы уже вам сказали!

Эккерт подошел к книжной полке и, взяв с нее уже сильно потрепанную книгу, открыл ее:

— Послушай-ка.

Не сказав мне ни названия работы, ни автора, Эккерт прочитал:

— «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией. Проповедовать научное миросозерцание мы всегда будем, бороться с непоследовательностью каких-нибудь «христиан» для нас необходимо, но это вовсе не значит, чтобы следовало выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее...» [1]

Эккерт замолчал и испытующе посмотрел на меня.

— Ну, что скажешь по этому поводу?

— Типичный оппортунизм, — сказал я пренебрежительно. — Еще Маркс сказал, что религия — опиум народа, а Ленин назвал эту мысль Маркса «краеугольным камнем всего мировоззрения марксизма в вопросе религии». — Я был горд тем, что так быстро нашел ответ.

Однако на Эккерта мои слова, казалось, не произвели ни малейшего впечатления. Он даже кивал в такт моим словам как бы в знак согласия.

— Все правильно! Но только то, что я тебе сейчас прочитал, тоже написано Лениным. Вот, убедись сам!

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 146.

Недоверчиво я взял книгу. Нет, это невозможно. Но, действительно, это был сборник речей, работ и статей Ленина об отношении рабочего класса и его партии к религии.

— Вот видишь! — сказал Эккерт. — Ленин! Он-то все видел правильно. Возьми и почитай! Только ненадолго. Книга мне скоро понадобится!

Эту книгу я прочел тогда очень внимательно. Я никак не мог успокоиться из-за того, что не кто-нибудь, а именно священник преподал мне урок по части понимания марксистской стратегии и тактики. Цитата, зачитанная мне Эккертом, была из работы Ленина «Социализм и религия». При чтении я вновь нашел те аргументы, которые использовал в разговоре с Эккертом, но Ленин рассматривал проблему не только теоретически, но продумал ее до конца во всех ее практических последствиях и дал на нее ответ во всех аспектах, в то время как мы усвоили лишь половину всего этого. Ленин писал даже о том, что при определенных условиях членом революционной рабочей партии может стать и священник, если он признает ее цели и выступает за них.

Тогда, в начале 1931 года, я еще не знал, что у Эккерта уже созрела мысль вступить в Коммунистическую партию Германии. Мы лишь поддерживали контакт с ним и его молодежными группами, в частности, провели еще несколько интересных дискуссий, которые были полезны для обеих сторон и сблизили нас еще больше.

В последующие месяцы Эрвин Эккерт предпринял попытку усилить свое влияние на левые оппозиционные силы внутри СДПГ. Этим он надеялся предотвратить возникновение отдельной партии на базе оппозиции и хотел побудить ведущих деятелей и членов оппозиции к коллективному переходу в КПГ. Однако его усилия не увенчались успехом.

В марте 1931 года дело дошло до открытого конфликта между левыми оппозиционными силами в СДПГ и правлением этой партии. Девять депутатов рейхстага от СДПГ в нарушение партийной дисциплины проголосовали против правительственного законопроекта о дальнейшем финансировании строительства крейсеров.

В начале октября 1931 года Курт Розенфельд и Макс Зейдевитц, месяцем раньше исключенные из СДПГ, основали на учредительном съезде в Бреслау (Вроцлаве) Социалистическую рабочую партию Германии (СРПГ). Вновь созданная партия признавала необходимость диктатуры пролетариата и встала, правда с определенными оговор-

ками, на сторону Советского Союза. Она заявила о своей готовности участвовать в объединенной борьбе всех рабочих за защиту своих основных социальных прав, но одновременно провела резкую границу не только между собой и СДПГ, но также и между собой и КПГ.

Создание СРПГ дезориентировало многих левых социал-демократов, поскольку СРПГ, пусть даже ненамеренно, поддержала антикоммунистическую агитацию руководства СДПГ. Это осложняло задачу добиться единства действий рабочего класса, хотя позднее многие члены СРПГ вместе с коммунистами и социал-демократами участвовали в борьбе антифашистского Сопротивления.

Как и в ряде других мест, в Бадене также стали возникать организации СРПГ. Начиная с ноября 1931 года группы СРПГ были организованы в Мангейме, Карлсруэ, Гейдельберге, Пфорцгейме, а также в ряде рабочих поселков. Несмотря на то что вначале имел место определенный приток желающих вступить в эту партию, ее влияние осталось незначительным. Так, например, на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 года она собрала в мангеймском уезде 225, а по всей земле Баден — всего 1817 голосов избирателей. Во время следующих выборов в рейхстаг в ноябре 1932 года за СРПГ проголосовало в мангеймском уезде лишь 138, а в целом по Бадену — 734 человека.

Весной 1933 года в СРПГ произошел раскол: группировка во главе с Максом Зейдевитцем выступила за роспуск партии и возвращение ее членов в ряды СДПГ; другая часть партии, возглавляемая Куртом Розенфельдом, стремилась объединиться с КПГ. Некоторые члены СРПГ уже тогда вступили в КПГ, другие же после разгрома фашистской диктатуры стали членами Социалистической единой партии Германии и активно участвовали в антифашистско-демократическом строительстве, в создании социалистического общества в нашей стране, некоторые на руководящих постах. Среди них такие известные деятели СЕПГ, как Эдит Бауман, Ганс Зейгевассер, Макс Зейдевитц и Клаус Цвейлинг.

Эрвин Эккерт вступил в Коммунистическую партию Германии в начале октября 1931 года. В Мангейме, Карлсруэ, Штутгарте и Берлине состоялись массовые митинги, на которых выступил пастор Эккерт и рассказал о том, что побудило его к этому шагу. Решение Эккерта вызвало сильный резонанс далеко за пределами Бадена. Пролетарский священник стал коммунистом. То, что для баденской церковной верхушки было явным скандалом, для других было сенсацией. Одни задавали себе вопрос, возможно ли, чтобы

убежденный христианин — а Эккерт несомненно был им — вдруг признал и принял цели коммунистов. Другие же были шокированы тем, что КПГ приняла в свои ряды не кого-нибудь, а именно священника.

8 октября 1931 года Эрвин Эккерт выступил в Мангейме. Я участвовал в подготовке этого собрания и сам присутствовал на нем. К тому времени в Мангейме уже в течение нескольких недель существовал «Единый комитет социал-демократических и коммунистических рабочих». Его призыву принять участие в массовом митинге, на котором должен был выступать пастор Эккерт, последовали приблизительно 6 тысяч человек — коммунисты, социал-демократы, члены буржуазных партий и многочисленные беспартийные. Возможно, многие пришли просто из любопытства. Ведь, в конце концов, не каждый день можно увидеть и услышать священника, вступившего в компартию и теперь совершенно открыто, публично агитирующего за коммунистов. Но даже и таких Эккерт увлек и захватил. Он был блестящим оратором, умел говорить на языке простого народа, выражать свои мысли ясно и доступно для каждого. Тот, кто его слушал, ощущал: этот человек честно говорит то, что думает и чувствует. Мне особенно нравились в нем конкретность и оптимизм. Капиталистический строй «осужден и падет, что бы они ни делали», восклицал оратор. Однако чем труднее будет капитализму сохранить старый строй, тем больше он будет «пытаться удержаться у власти средствами физического насилия, используя государственный аппарат власти. И если в ответ на это все, кто страдает от капитализма, не объединятся в большой и могучий единый фронт, то нечего будет и думать о том, чтобы ликвидировать его».

Эрвин Эккерт сумел убедительно доказать, что руководители СДПГ, практически помогая проведению в жизнь чрезвычайных постановлений консервативного правительства Брюнинга, готовят тем самым почву для фашизма. СДПГ, подчеркнул Эккерт, давно утратила способность вести за собой пролетариат. Она несет вину за раскол рабочего класса, так как, проводя свою тактическую линию в политике, она отказалась от революционных социалистических традиций прежней социал-демократии и погрязла в ревизионистской тактике «наименьшего зла». Несмотря на это, сказал Эккерт, он, как член Коммунистической партии Германии, не станет углублять ров между КПГ и СДПГ. Его задача состоит «не в борьбе против СДПГ, а в острейшей борьбе против ее руководителей, потерявших способность

вести революционную борьбу». Его речь неоднократно прерывалась аплодисментами.

Затем он рассказал, почему решил стать членом Коммунистической партии. Крайнее напряжение и абсолютная тишина царили в зале, когда Эккерт заявил, что он вступил в КПГ не как священник, а как революционер-марксист, чтобы бороться за освобождение рабочего класса. Он сказал, что пришел в КПГ не потому, что, как и многие тысячи и миллионы, не может видеть, как несправедливость и подлость калечат жизнь людей. «Я пришел в КПГ, — заявил он, — потому, что верю; потому, что, опираясь на выводы марксистской науки и пламенную веру в силу добра, убежден в том, что только в коммунистическом движении всего мира объединяются силы, которые однажды будут в состоянии смести все сегодняшние безобразия и установить справедливый порядок... Я радуюсь предстоящему мне пути, — заключил Эккерт, — поскольку уверен, что нигде не найду лучшего применения своей жизни, чем у коммунистов. Они ведут борьбу за то, чтобы помочь массам, которые страдают, чтобы накормить детей, которые голодают, чтобы помочь женщинам, которые больны. Их цель заключается в том, чтобы привести страждущих к свету, а угнетенных путем борьбы — к победе. У моей жизни не может быть лучшего содержания, чем борьба в рядах пролетариата за свободу и социализм, за жизнь, достойную человека, за мир и единение на земле».

Когда под бурные аплодисменты Эккерт закончил свою речь, 65 участников митинга тут же заявили о своем желании вступить в КПГ. Почти все они были социал-демократы. Среди них был и Якоб Фаульхабер, позднее вместе с Георгом Лехлейтером погибший на гильотине по приговору нацистского суда. Как член окружного правления социал-демократической партии, он подписал воззвание «Единого комитета» и за это был исключен из СДПГ.

Политруководитель комитета КПГ округа Баден — Пфальц Карл Фишер разъяснил точку зрения партии относительно приема Эккерта в КПГ и в качестве обоснования привел ту же самую цитату из Ленина, что и Эрвин Эккерт в разговоре со мной.

Несколько дней спустя Эккерт по приглашению «Общества друзей Советского Союза» в составе рабочей делегации на несколько недель уехал в СССР. По возвращении он выступил более чем на 150 массовых митингах и собраниях в разных уголках Германии, в Австрии, Швейцарии, Голландии. Он говорил о проблемах создания единого антифашист-

ского фронта, рассказывал о своей поездке в Советский Союз.

После прихода к власти Гитлера Эккерт был приговорен к нескольким месяцам тюрьмы, выйдя из которой, он вновь принял участие в антифашистском Сопротивлении. Затем он был арестован гестапо и приговорен к длительному тюремному заключению «за подготовку государственной измены».

После окончания второй мировой войны Эрвин Эккерт был одним из тех, кто в тогдашних западных зонах Германии выступал за последовательное выполнение Потсдамских соглашений, за демократическое обновление Германии. Вплоть до запрета КПГ Эккерт был депутатом ландтага земли Баден — Вюртенберг от КПГ. В 50-е годы он играл видную роль во всемирном движении сторонников мира и в 1960 году за свои мужественные выступления против враждебной миру политики боннского государства был приговорен федеральным конституционным судом к девяти месяцам тюремного заключения. Умер Эрвин Эккерт в декабре 1972 года в возрасте 79 лет. Социалистическая единая партия Германии и Германская коммунистическая партия, отдавая умершему последнюю дань уважения и признания, охарактеризовали его как бесстрашного и несгибаемого борца за интересы рабочего класса и идеи Маркса, Энгельса, Ленина.

Мое знакомство с пастором Эккертом и, прежде всего, наш разговор о понимании Лениным отношения рабочего движения к религии имели для меня значение еще в одном плане. Я понял, что нельзя успешно вести политическую борьбу без основательных теоретических знаний. За время, прошедшее после этого разговора, я еще раз просмотрел «Капитал», прочел ленинскую работу «Империализм, как высшая стадия капитализма», а также «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Однако с течением времени учеба не становилась легче. Без основательного политического образования нам было трудно найти в работах классиков основное, связать это с современностью и сделать необходимые для нашей политической работы выводы. Куда легче читалась художественная литература!

В конце 20 — начале 30-х годов появились первые крупные произведения некоторых революционных немецких писателей — выходцев из рабочего класса, в том числе Вилли Бределя, Карла Грюнберга, Ганса Мархвицы. Их романы мы читали в газете «Роте Фане», где они печатались по ча-

стям с продолжениями, или же покупали их в киосках в виде брошюр из серии «Красный роман за одну марку». Часто приходилось наскребать эту сумму по пфеннигам. Если получаешь в неделю три-четыре марки пособия из социального фонда, то приходится считать буквально каждый грош.

Такие книги, как «Пылающий Рур» Грюнберга, «Штурм Эссена» Мархвицы, «Машиностроительный завод» или «Улица Розенхоф» Бределя (я назвал лишь некоторые), вызывали у нас особый интерес: в них художественными средствами изображалась наша жизнь и наша борьба, в них революционные пролетарские писатели ставили волновавшие нас вопросы и отвечали на них. Для нашего политического и мировоззренческого развития этот новый вид современной литературы приобрел большое значение: книги пролетарских писателей укрепляли нас в убеждении, что мы стоим на правильных позициях, поднимали наше самосознание и наполняли оптимизмом. Читали их и социал-демократы. Надо сказать, что путь, который избрали Эрвин Эккерт и многие члены СДПГ, был нетипичен. Как в Бадене, так и в других частях Германии социал-демократы в своей массе продолжали оставаться под пагубным влиянием правых лидеров. Баденское земельное правление СДПГ отклоняло одно за другим все предложения коммунистов о создании единого фронта, в том числе и тогда, когда опасность фашизма стала принимать все более угрожающие формы.

И сегодня, когда история давно уже вынесла свой справедливый приговор относительно роковой политики правых лидеров СДПГ в Веймарской республике, некоторым товарищам все еще трудно провести различие между теми членами СДПГ, кто к тому времени уже давно перестал быть революционером или вообще никогда им не был, и теми, кто в глубине души продолжал оставаться честным рабочим, но в такой степени был одурманен парламентскими иллюзиями и псевдодемократической фразеологией, что потерял чувство политической реальности. Для многих из этих честных социал-демократов, считавших себя продолжателями традиций Бебеля и Либкнехта, это нередко было связано с личной трагедией. Одним из примеров тому была судьба дедушки Байля.

После переезда в Юнгбуш меня порой тянуло в наш старый дом к деду и бабке, и я, когда удавалось, забегал к ним. Бабушка была такая же, как и прежде. Провожая меня, она часто совала мне что-нибудь в карман: она никак не могла смириться с тем, что я стал взрослым мужчиной и

уже давно могу обойтись без ее помощи в тысяче мелких повседневных вещей.

Но с дедом все обстояло иначе. Если ему в свое время не понравилось, что я вступил в комсомол, то, узнав, что я член КПГ, он был просто вне себя. Когда я приходил, он не отвечал на мои приветствия и, стараясь не замечать меня, ворчал на бабушку, постоянно повторяя одно и то же: «Вот уж и красные в моей квартире. Только этого не хватало!»

В ответ на это бабушка чаще всего бросала на него уничтожающий взгляд, а дед молча зарывался в свою «Фолькс-штимме», всем своим видом показывая, что меня для него не существует.

Иногда же у нас с ним были жестокие столкновения. В качестве повода было достаточно крохотной заметки из раздела «Местные новости» в его любимой газете, например, о том, что вновь имели место столкновения между нацистами и коммунистами и полиция была вынуждена вмешаться. В таких случаях дед взвивался.

— Ну, конечно же, и ты был опять в самой гуще! Нарушители порядка, хулиганы — вот вы кто, и больше ничего!

— По-твоему, мы должны были позволить нацистам безнаказанно избить себя? Они и без того наглеют с каждым днем!

— Тоже мне — нацисты! Помяни мое слово: пройдет еще немного времени — и ни одна собака не захочет взять из их рук кусок хлеба. Подожди только до следующих выборов! Раньше мы всегда говорили: «День выборов — день платы по счетам!» Этим-то мы уж покажем!

И чем дальше, тем больше дед, как говорится, входил в раж.

— Оглянись вокруг себя! Кто у власти? Не наци и не вы! У кого больше всех депутатов в муниципалитете? У нас — у социал-демократов! Кто обер-бургомистр? Геймерих — социал-демократ! Вам, коммунистам, это, конечно же, не нравится. Я-то знаю!

— Само собой, не нравится. Твои господа с изящными манерами, что сидят в ратуше, делают как раз то, что от них требуют предприниматели. Еще ты забыл полицию, ведь и там социал-демократы! Вам, конечно, не очень приятно, когда об этом говорят, но на совести у вашего полицай-президента в Берлине Цёргибеля свыше трехсот рабочих. А наша местная полиция? Разве не избивает рабочих?

Ты поймешь, что к чему, только после того, когда сам получишь от них как следует.

— Чтобы они меня били? Меня? Байля? Старого социал-демократа? Нет, дорогой мой! Своих-то они как-нибудь уж знают!

Таков был дедушка Байль: с одной стороны, все еще во власти революционных традиций старой германской социал-демократии, а с другой, в такой степени увлеченный идеями лассальянского правительственного социализма, что уже сама мысль о свержении буржуазной государственной власти казалась ему кощунственной.

— Нацистам так или иначе ничего существенного не добиться, а от других неприятностей мы уж как-нибудь избавимся!

Однако в один прекрасный день произошло нечто такое, что сначала поколебало, казалось бы, нерушимые убеждения моего деда, а затем и разрушило их, как карточный домик.

В Мангейме существовала старая традиция. В новогодний вечер многие жители Мангейма собирались на базарной площади и приветствовали наступление нового года песней «Ах, мой милый Августин, все прошло, прошло!».

Согласно этому обычаю 31 декабря 1931 года многие мангеймцы, в том числе и дедушка Байль, отправились на площадь. В этот раз на площади был оркестр дудочников и барабанщиков, а вместо «Милого Августина» прозвучал «Интернационал». Такого в Мангейме еще не бывало. Однако не бывало и того, что последовало вслед за этим. Полиция, находившаяся в готовности на прилегающих улицах, высыпала на площадь и, жестоко орудуя дубинками и кулаками, разогнала мирно настроенную толпу. Имелись раненые. Перепало и деду.

2 января в местной прессе появилось сообщение о том, что в новогоднюю ночь на базарной площади бесчинствовали радикальные элементы, однако полиция вмешалась быстро, достаточно крупными силами и моментально навела порядок.

Это уж было слишком даже для моего деда. Он направился в местное отделение редакции «Фольксштимме» и потребовал опровержения:

— Я сам был там. На площади никто не бесчинствовал. Но нас, однако, избили. Вот и спрашивается, где же справедливость?

Работник редакции, с которым говорил дед, дал ему понять, что он лично ничего не может сделать, и посоветовал

оставить все, как есть, и позабыть про этот случай. Это, считал газетчик, будет самое лучшее, но если это дело его посетителю кажется таким уж важным, то пусть он обратится в местное правление СДПГ.

Там моего деда пытались успокоить и уговорить: ведь известно же ему, какие трудные сейчас времена, часто полиции не остается ничего другого, как применить силу. Кроме того, некоторые из тех, кого полиция избила, отказывались выполнять ее распоряжения и оказывали ей физическое сопротивление. Короче говоря, газетное сообщение не является безосновательным.

Однако на этом дед не успокоился. Он направил в Берлин председателю СДПГ Отто Вельсу письменную жалобу. В молодости дед лично познакомился с ним и теперь был уверен, что тот восстановит справедливость. Прошли два, потом три месяца, пока дед наконец получил ответ. Ответ отрицательный.

Я ничего не знал об этом до того дня, пока однажды вновь не зашел к бабушке и деду, которого я застал в невиданном доселе состоянии. Он сидел на стуле согнувшись — сломленный, больной человек.

— Здравствуй, Карл! — устало поздоровался он. — Рад, что ты зашел проведать нас.

Я замер от неожиданности, так как уже давно отвык от таких приветствий. Бабушка вызвала меня из комнаты и рассказала, что произошло.

— Вчера из Берлина пришел отрицательный ответ от Вельса, на которого твой дедушка всегда так надеялся. Он не промолвил ни слова. Ушел из дома, а когда вернулся, сказал: «В правлении я швырнул свой партийный билет им под ноги. Почти тридцать лет я в партии, и так поступить со мной! Но я не дам этим подлецам испортить мою честную репутацию! Со мной это у них не пройдет!»

Я вновь вернулся в комнату и попытался ободрить деда. Мне было жалко его. Дед задумался на несколько мгновений и затем сказал:

— Может быть, ты правильно упрекал меня, Карл, не знаю! Но зато я знаю, что буду делать на следующих выборах в рейхстаг!

Несколько недель спустя дедушка умер. Он так и не смог оправиться от последнего, наверное, самого большого разочарования в своей жизни.

Эти дни и недели показали, что трудящиеся более чем когда бы то ни было готовы выступить против растущего произвола предпринимателей, непрекращающейся постепен-

ной ликвидации демократических свобод. Одновременно ощущалось, что буржуазия все откровеннее прибегает к грубому и жестокому насилию, используя при этом не только аппарат государственной власти, но и колонны фашистских громил-штурмовиков, а также другие реакционные «боевые союзы» и «организации самообороны».

Экономическое и социальное положение трудящихся ухудшалось с каждым днем. Если в 1930 году в городском округе Мангейма было зарегистрировано 26 тысяч безработных, то в течение 1932 года их число увеличилось до 34 500. Это означало, что каждый четвертый трудящийся города не имел работы. Первая окружная конференция КПГ округа Баден — Пфальц, состоявшаяся в ноябре 1932 года, определила количество безработных в Бадене и Пфальце в 270 тысяч. Следует сказать, что уровень безработицы в Бадене и Пфальце тогда был пока еще ниже уровня по стране в целом. В Германии в то время были зарегистрированы как полностью или частично безработные 67 процентов трудящихся, имевших специальность. Количество работающих на фабриках и заводах беспрерывно снижалось и нередко составляло лишь 10 процентов и даже меньше того от числа работавших на предприятиях до начала мирового экономического кризиса. Высокий процент работников с неполной рабочей неделей, а также чрезвычайные постановления правительства от 4 сентября 1932 года, дававшие право предпринимателям произвольно отменять тарифные соглашения и снижать предусмотренную ими заработную плату, привели к тому, что многие из тех, кто имел работу, приносили домой в конце недели не намного больше, чем безработные.

Как и по всей Германии, в Мангейме и других промышленных городах Бадена и Пфальца прошли многочисленные забастовки. Наибольшее число забастовок пришлось на сентябрь — ноябрь 1932 года. Всего же окружком КПГ зарегистрировал с января по ноябрь 1932 года 83 забастовочные акции, из которых почти половина завершилась успехом.

Значительную роль в этой забастовочной борьбе играла «Революционная профсоюзная оппозиция» (сокращенно РПО). Начиная с конца 20-х годов в эту организацию вливается наиболее сознательная часть членов Всеобщего объединения немецких профсоюзов и деятелей профсоюзного движения, исключенных из реформистских руководящих профсоюзных органов. Осенью 1930 года они начали объединяться для борьбы за единство профсоюзного движения, против монополистического капитала. Председателем окруж-

ной организации РПО Баден — Пфальц был депутат рейхстага от КПГ Вальтер Хемниц (арестован фашистами в апреле 1933 года, затем воевал в Интернациональной бригаде в Испании, где получил тяжелое ранение). В первую очередь по инициативе РПО были созданы многочисленные забастовочные комитеты, в которых в содружестве работали коммунисты, социал-демократы и беспартийные. Благодаря этому на ряде предприятий было достигнуто единство действий рабочих.

В целом же такие формы сотрудничества ограничивались рамками отдельных предприятий. Земельное правление СДПГ ставило на пути единства действий рабочего класса одно препятствие за другим, отклоняя все предложения наших партийных организаций о сотрудничестве. Неоднократно баденский министр внутренних дел — с лета 1931 года опять социал-демократ — даже использовал полицию, чтобы пресечь совместные действия коммунистов и социал-демократов.

Уже в 1931 году в некоторых районах Мангейма были созданы антифашистские комитеты по месту жительства, в которых сотрудничали коммунисты, социал-демократы и беспартийные. Созывая Единый конгресс социал-демократических, коммунистических и беспартийных рабочих, прошедший в Мангейме 16—17 января 1932 года, окружком КПГ опирался прежде всего на эти комитеты. Однако за день до начала конгресса министр внутренних дел социал-демократ Майер запретил его проведение и дал соответствующее указание полицай-президиуму Мангейма. В распоряжении организаторов осталось всего 20 часов, чтобы найти новое место заседания, и тем не менее это удалось. Как и было запланировано, конгресс состоялся 16—17 января, правда, не в Мангейме, а в Фирнгейме (земля Гессен). Однако прибыло лишь 700 из 1072 заявленных делегатов: известие о внезапном изменении места проведения конгресса до всех не дошло.

Так же как и во многих других городах Германии, в Мангейме летом 1932 года по инициативе Коммунистической партии была создана организация «Антифашистское действие». Это было массовое движение всех боевых антифашистов, имевшее целью противодействовать постепенной ликвидации тех демократических свобод, которые еще не были ликвидированы с помощью чрезвычайных постановлений, и преградить дорогу к власти фашистам Гитлера.

В единых комитетах, а также в отрядах самозащиты организации «Антифашистское действие», на массовых ми-

тингах, в ходе демонстраций и маршей протеста рождались и крепли контакты и товарищеские отношения между коммунистами, социал-демократами и беспартийными, особенно среди мангеймской рабочей молодежи. Как-никак, а летом 1932 года отряды самозащиты мангеймской организации «Антифашистское действие» насчитывали уже 1600 рабочих. Однако такие контакты между коммунистами и социал-демократами и их единичные совместные действия всегда ограничивались рамками низовых партийных организаций. Так, окружной комитет нашей партии неоднократно призывал созданную социал-демократами организацию «Железный фронт» к совместным действиям, однако социал-демократические руководители отвергали эти предложения, несмотря на их заявление о том, что «Железный фронт» — свободный союз СДПГ, организации «Государственный флаг», свободных профсоюзов и «Рабочего спортивно-гимнастического союза» — создан в целях устранения опасности фашизма.

В тот период нам не раз приходилось слышать о том, что члены СДПГ, принимавшие участие в наших акциях или работавшие в организации «Антифашистское действие», привлекались руководителями СДПГ к партийной ответственности, а в некоторых случаях даже исключались из партии. Становилось все яснее, что «Железный фронт» играл роль отводного канала, функцией которого было направить растущее стремление многих членов СДПГ к единству рабочего класса в одно определенное русло, а именно — больше изолировать социал-демократов от коммунистов, отгородить их от наших предложений о единстве действий. Раскол рабочего класса продолжал углубляться.

Конечно, и мы совершали тогда ошибки, которые позже, на VII конгрессе Коминтерна и Брюссельской конференции, партия подвергла критическому анализу. Сегодня, оглядываясь на прошлое, я прихожу к мнению, что не столько та или иная ошибочная оценка партийного руководства помешала нам привлечь к совместной антифашистской борьбе массы реформистски настроенных членов СДПГ. Само собой разумеется, такие неверные оценки и установки, как, например, то, что социал-демократия является «главной социальной опорой буржуазии», или то, что СДПГ представляет собой «социал-фашистскую» партию, не прошли для нас бесследно.

Но были и другие причины, мешавшие нам создать единый фронт борьбы против фашизма. Там, где нам по самой природе вещей предоставлялись наилучшие возможности проводить агитацию среди социал-демократов и привлечь их к совместным акциям (а именно на предприятиях), мы

как раз в то время имели весьма незначительное влияние. Хозяева предприятий вкупе с реформистски настроенными членами советов предприятий всегда стремились «оградить от красных» свои заводы и фабрики, и поэтому, конечно же, в период экономического кризиса они вовсю использовали массовые увольнения, чтобы избавиться от членов КПГ.

Изоляции коммунистов способствовали и сектантские тенденции среди членов партии. Так, например, случалось, что немногие коммунисты, оставшиеся в рабочих коллективах, во время выборов в совет предприятия выдвигали лозунг «Не хотим выступать одним списком с «социал-фашистами»!». Все это привело к тому, что политическое влияние КПГ на многих мангеймских предприятиях в тот период практически равнялось нулю. Большинство советов предприятий возглавляли социал-демократы.

И вообще, в то время в Мангейме везде и всюду, куда ни пойдешь, сидели чиновники и служащие из числа социал-демократов: в муниципалитете, в коммунальных учреждениях и т. д. В итоге решения о том, получить ли безработному работу или продолжать голодать дальше, нередко принимал социал-демократ. Уведомление безработным о снятии их с пособия или о его сокращении приходило от служащего муниципалитета, тоже, как правило, социал-демократа. Приказ об уплате долгов или постановление об аресте имущества задолжавший кругом ремесленник получал от юриста, также члена СДПГ. Все это питало и усиливало неприязнь многих жертв кризиса по отношению к СДПГ, хотя надо сказать, что среди полностью и частично безработных было много социал-демократов, в той же мере страдавших от нищеты, как и все другие их товарищи по несчастью.

Многие рабочие социал-демократы, даже функционеры СДПГ, были согласны с нами в том, что фашизм необходимо остановить. Все больше социал-демократов понимало, что нацисты всеми средствами будут стремиться к власти, а в случае успеха уже не остановятся ни перед чем. У многих еще звучали в ушах циничные слова Геббельса, произнесенные им на нацистском митинге в мангеймском «Розенгартене»: «Мы хотим прийти к власти совершенно легальным путем, а уж что мы будем делать с этой властью — это целиком и полностью наше дело».

В антифашистских комитетах по месту жительства, в забастовочных комитетах «Революционной профсоюзной оппозиции» — везде, где встречались рабочие, коммунисты и социал-демократы, царило единое мнение: нельзя допустить нацистов к власти! Но как только вставал вопрос о том,

какими средствами предотвратить фашистскую диктатуру, так начинались разногласия. Многие социал-демократы еще питали иллюзии, что борьбу можно вести одними парламентскими средствами, поскольку, по их мнению, нацистская партия и без того скоро потерпит крах. Помимо всего прочего, этим путем, полагали они, шаг за шагом можно прийти к социализму. Поэтому, говорили социал-демократы, вовсе не надо ломать буржуазный государственный аппарат и создавать, как этого хотят коммунисты, Советскую Германию.

Эта широко распространенная среди социал-демократов концепция, конечно же, возникла не без влияния систематически проводившейся с 1917 года антикоммунистической и антибольшевистской клеветнической кампании, с помощью которой создавались намеренно искаженные представления о положении в Советском Союзе. Используя эти клеветнические измышления и известный факт исторической отсталости царской России, правые лидеры СДПГ утверждали, что диктатура пролетариата повлечет за собой ухудшение политических, социальных и культурных жизненных условий для немецких рабочих.

На основании ретроспективного анализа и учитывая опыт антифашистско-демократических преобразований периода после 1945 года, следует признать, что наш тогдашний лозунг о Советской Германии, конечно, не соответствовал реальному соотношению сил и существовавшим возможностям.

И все же диктатуре монополий не было отвечавшей интересам трудящихся альтернативы, кроме такой Германии, где рабочий класс и его союзники, получив в свои руки государственную власть, обрели бы возможность создавать общество в соответствии со своими потребностями. В то время тому был один-единственный пример — Советский Союз. Именно это мы и хотели выразить нашим лозунгом.

Порой в беседах с социал-демократами, весьма поднаторевшими в дискуссиях благодаря парламентской работе, отрицательно сказывалась недостаточная теоретическая подготовка прежде всего тех членов КПГ, которые были приняты в партию лишь два или три года назад. На 1-й конференции окружной организации КПГ Баден — Пфальц, проходившей в конце 1932 года, в докладе окружного комитета указывалось, что 75 процентов членов организации и еще больший процент партийных функционеров приняты в партию лишь за последние полтора года. Помимо всего, среди новых членов КПГ было немало таких,

кто год-два назад еще состоял в СДПГ. Многих из этих бывших членов СДПГ их бывшие функционеры обвиняли в предательстве и нарушении партийной дисциплины, а они теперь были вынуждены ходить к своим бывшим товарищам по партии и привлекать их к совместным боевым действиям против фашизма. Безусловно, эти недостатки, трудности и проявления сектантства в нашей работе осложняли дело создания единого фронта. Но они были не причиной, как утверждают сегодня буржуазные и реформистского толка историки, а только следствием раскола рабочего класса, вина за который лежит на правых вождях социал-демократии.

В своем стремлении заранее пресечь любую совместную акцию коммунистов и социал-демократов, направленную против надвигающейся фашистской угрозы, лидеры СДПГ значительно усилили травлю Коммунистической партии. Особенно четко это проявилось во время кампании по выборам президента, которые были намечены на 13 марта 1932 года и где в качестве кандидата от КПГ баллотировался Эрнст Тельман.

Нацисты хотели провести в президенты Гитлера и тем самым получить в свои руки высшую государственную должность. Правление СДПГ отказалось выставить своего кандидата и призвало избирателей голосовать за бывшего генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга — кандидата правых буржуазных партий и переизбрать его президентом на второй срок. Гинденбург — единственная альтернатива Гитлеру, утверждали лидеры СДПГ, и каждый голос, отвоеванный у Тельмана и отданный Гинденбургу, является ударом по Гитлеру, по нацистам.

Хорошо помню, как во время предвыборной борьбы по улицам Мангейма ходили социал-демократические молодежные и пропагандистские группы, выкрикивая лозунг:

«Пусть каждый услышит этот совет:
Да — Гинденбургу! Гитлеру — нет!»

А Гинденбург хвастал тем, что всю свою «жизнь провел на службе у прусских королей и германских императоров». Во время первой мировой войны он был начальником генерального штаба сухопутных войск, а в 1918 году, после подавления ноябрьской революции, оказал поддержку тайному пакту Грёнера — Эберта и пытался оправдать военное поражение германского милитаризма с помощью им же самим сочиненной сказки о предательских ударах в спину. Будучи президентом и опираясь на пресловутую 48-ю статью веймарской конституции, он прямо-таки расчищал

дорогу нацистам в их стремлении установить свою диктатуру. И вот этот человек должен был, по мнению социал-демократов, гарантировать, что фашистам будет закрыт путь к власти!

Те же самые круги, что финансировали партию Гитлера, преподнесли Гинденбургу подарок в виде обширных земельных угодий стоимостью в несколько миллионов марок! Гинденбург ли, Гитлер ли — за спиной того и другого стояли одни и те же круги, заветной целью которых было нанести смертельный удар Веймарской республике, вновь запустить на полную мощность машину вооружений и, развязав новую войну, взять реванш за поражение в предыдущей, «смыть позор Версаля».

Коммунистическая партия противопоставила дезориентирующему, фальшивому предвыборному лозунгу социал-демократов в качестве своего лозунга серьезное предупреждение:

«Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера.
Кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну!»

Тем самым КПГ, единственная из всех политических партий Германии, доказала свою способность к точному научному анализу общественных явлений на основе глубокого проникновения в сущность происходящих процессов в области политики, экономики, военного дела.

Для того чтобы рабочий класс и другие демократические силы общества осознали, что перевыборы Гинденбурга на пост президента создадут для фашистов и их союзников возможность под прикрытием легальности установить фашистскую диктатуру, необходимо было развеять шовинистическо-патриотический миф о Гинденбурге, с помощью которого буржуазная пропаганда всех мастей пыталась возвести его в ранг «национального героя», сделать из него нечто вроде нового Бисмарка.

Мне вспоминались уроки истории в школе, на которых наш школьный директор возвеличивал «старика-фельдмаршала», именуя его «грозой русских» и «верным слугой отечества», восторгался им как «великим победителем в битве под Танненбергом», в которой Гинденбург, по словам директора, «сурово отплатил восточным народам за вопиюще несправедливое поражение» в битве при Грюнвальде в 1410 году, когда германский рыцарский орден почти на том же самом месте потерпел сокрушительное поражение. И ни слова о том, что победы в битве под Танненбергом и в последующих сражениях на Востоке ни в коей мере не были

обусловлены мнимым полководческим гением Гинденбурга, что эти операции по окружению противника не оказали решающего воздействия на ход войны и не спасли германские войска от поражения на Западе.

Целым поколениям крупных и мелких немецких буржуа внушали, что Гинденбург является воплощением «подлинного, верного и надежного германского мужа», который «объединяет в своем героическом облике все лучшие качества своего народа: преданность, прилежность, честность, добросовестность, стойкость». Наряду с разной другой чепухой, как саркастически отметил позже один буржуазный историк, нам, немцам, говорили, что Гинденбург «гигантского роста, силен, как Зигфрид, но добродушен, как ребенок, — грубая оболочка вокруг нежной сердцевины». Следует сказать, что в 1932 году Гинденбургу было уже 84 года.

В конце февраля 1932 года политруководителю окружного комитета КПГ Баден — Пфальц сообщили: 8 марта в Мангейм приезжает Эрнст Тельман. В «Розенгартене» должен был состояться большой митинг с участием председателя ЦК КПГ. Вместе с этой новостью мы получили конфиденциальную информацию о заседании Центрального комитета КПГ, состоявшемся в Берлине 20—23 февраля 1932 года. С докладом на пленуме выступил Эрнст Тельман. Он подчеркнул: политика единого фронта является «решающим звеном политики пролетариата в Германии», этим будет создана возможность уменьшить влияние нацистов на мелкую буржуазию и средние слои, и нет другого способа предотвратить грозную опасность фашизма.

С нетерпением ждал я приезда Эрнста Тельмана, так как до той поры знал его лишь по статьям в «Роте Фане» и фотографиям в «Арбайтер иллюстрирте цайтунг», а также по рассказам старших товарищей, встречавшихся с ним. Телевидения, с помощью которого каждый гражданин нашей республики может «в непосредственной близи» наблюдать наших государственных деятелей при различных важных событиях, в то время еще не было. В немом кино, в киносборниках «Новости недели», выпускавшихся кинокомпаниями, принадлежавшими крупной буржуазии, можно было увидеть все что угодно, но борьба рабочих не относилась к кругу освещавшихся тем.

Соответствует ли действительности тот образ Тельмана, который я сам для себя создал? Мое любопытство разгорелось еще больше после того, как я еще с несколькими товарищами получил задание сопровождать председателя ЦК партии во время его пребывания в Мангейме и обеспечивать

его безопасность. Мы, я и еще два товарища из секретариата окружкома, должны были встретить товарища Тельмана на вокзале, проводить его в окружком и затем постоянно находиться рядом с ним.

Задолго до прибытия поезда мы уже стояли на перроне, распределившись таким образом, чтобы не прозевать нашего гостя. Поезд прибыл точно по расписанию, но среди прибывших Тельмана не оказалось. Что же случилось? Может быть, в последнюю минуту он отложил свой приезд на более позднее время? Или что-нибудь стряслось? Мы перебирали все возможные варианты и не могли решить, ждать ли нам следующего поезда или возвращаться в окружком. Однако оказалось, что Эрнст Тельман все уже решил за нас. Вдоль платформы к нам торопился запыхавшийся человек с пунцовым лицом.

— Чего вы здесь торчите? Тедди уже давно на месте! Немедленно в окружком!

Как мы узнали, председатель ЦК партии прибыл намного раньше, чем ожидалось, однако не с главного вокзала, а с одной из пригородных станций. В предоставившуюся ему паузу он зашел в столовую, чтобы побеседовать с рабочими. Таким образом, наш тщательно продуманный «протокол» встречи рухнул. Немного смущенные, мы вошли в зал заседаний окружкома, лелея надежду, что, по крайней мере, теперь все пойдет по плану.

Эрнст Тельман попросил созвать секретариат окружкома, чтобы еще до митинга ознакомиться с положением дел в округе. Когда мы вошли в зал, выступал наш политруководитель Карл Фишер. Он рассказал о демонстрациях, контактах с некоторыми социал-демократическими группами и высказал мнение, что массовое пролетарское движение в округе за последнее время значительно выросло.

В качестве охранников мы заняли посты слева и справа от входной двери и хорошо видели товарища Тельмана. Он внимательно слушал секретаря окружкома, за все время ни разу не перебив его и ничем не выражая своего отношения к услышанному, так что нельзя было понять, удовлетворила ли его информация и согласен ли он с оценками докладчика. Когда Карл Фишер закончил, председатель ЦК партии попросил членов секретариата высказать свои мнения и поделиться опытом работы. После нескольких небольших дополнений воцарилось молчание. Наверное, все существенное уже было сказано.

Тогда слово взял Эрнст Тельман. Он рассказал о результатах февральского пленума ЦК. Все, что он говорил, было

посвящено одному-единственному вопросу: что нам нужно сделать, чтобы создать единый фронт против растущей угрозы фашизма? В заключение, вернувшись к докладу Карла Фишера, Тельман поставил целый ряд вопросов и проблем, требовавших уточнения и анализа. Каково положение на заводах фирмы «Бенц» и фирмы «Штребель»? На каких предприятиях у нас есть ячейки? Какова их численность? Где у нас есть коммунисты в советах предприятий? Какое влияние они оказывают на профсоюзы? Какие установлены контакты с рабочими социал-демократами и функционерами СДПГ? Каково наше влияние на селе, среди городской мелкой буржуазии и государственных служащих?

Не на все вопросы мы могли дать четкий ответ. Эрнст Тельман терпеливо слушал, однако сразу же перебивал выступающего, если замечал, что тот пытается возместить недостаточную компетентность или осведомленность общими фразами.

Мне понравилось, как в заключение дискуссии председатель ЦК партии произвел прямо-таки анатомическое вскрытие всего комплекса обсуждавшихся проблем, со всеми его многосторонними взаимосвязями, а затем, исходя из данных этого анализа, сформулировал важнейшие первоочередные задачи. Мысли его логически вытекали одна из другой, были четкими и понятными для каждого из нас. При этом было видно, что Тельман отдавал себе отчет в том, насколько трудны эти задачи. Он не поучал. Чувствовалось, что он сам все время ищет новые, лучшие пути, тщательно взвешивает каждую мысль, прежде чем произнести ее вслух. Снова и снова Эрнст Тельман возвращался к главной задаче — привлечь массы пролетариата и других демократических сил к борьбе против фашизма. Решению этой задачи надо было подчинить все остальное. Одновременно он указал на то, насколько важно всегда тщательно оценивать конкретную ситуацию и ни в коем случае не принимать желаемое за действительное. Тогда будет ясно, сказал он, что в настоящее время не может быть и речи о революционной ситуации и поэтому партия не имеет права ориентироваться на то, чтобы приступить к решению задач пролетарской революции.

В связи с этим Эрнст Тельман поделился с нами своими выводами после разговора с мангеймскими рабочими. Все мы, сказал он, должны еще лучше научиться ставить во главу угла то общее, что объединяет нас в борьбе против фашизма с нашими товарищами по классу, придерживающимися социал-демократических убеждений, и всеми демо-

кратическими силами. В борьбе за создание единого пролетарского фронта, подчеркнул он, партия не выдвигает никаких условий, кроме одного — готовности бороться против фашизма. Кто не понимает этого, кто слишком нетерпелив и отталкивает от себя людей только потому, что они не понимают нашей конечной цели, тот облегчает нацистам их преступную деятельность, наносит вред пролетарской партии и всему народу. Не называя имен, Тельман дал понять, что даже в Центральном комитете идет суровая борьба против определенных сектантских точек зрения.

В целом же, сказал в заключение Тельман, политическая линия партии правильна, несмотря на такого рода «коварные тормозящие моменты». Их нужно как можно быстрее преодолеть повсюду — даже в самых мелких производственных парторганизациях или партячейках по месту жительства. Иначе партия уподобится колесу, в котором не хватает спиц.

Сразу же после этого совещания начался митинг. Мы сопровождали Эрнста Тельмана в «зал Нибелунгов». Он был переполнен точно так же, как и «зал муз», и «рейнско-неккарский зал», где проходили параллельные мероприятия. Этот митинг Коммунистической партии Германии с участием председателя ее ЦК Эрнста Тельмана стал самой крупной антифашистской демонстрацией из всех, состоявшихся в Мангейме до той поры.

Эта первая и, к сожалению, единственная встреча с Эрнстом Тельманом произвела на меня неизгладимое впечатление. Его манера держать себя (простая и скромная, но вместе с тем и твердая), его чуткость и доверительность в разговоре с рабочими, в ответах на их вопросы — все эти качества в самых существенных чертах определяли личность Тельмана как коммуниста и вождя рабочих и придавали ей большую притягательную и воздействующую силу. Приблизительно таким, каким я воспринял Тельмана 8 марта 1932 года в Мангейме, я представлял себе и Ленина.

Я излагаю здесь свои тогдашние впечатления и мысли, хотя сегодня уже знаю, что сам Тельман неоднократно энергично протестовал против подобных оценок своей личности. И в этом плане он был схож с Лениным, который категорически отвергал любые попытки предоставить ему какие-либо привилегии или возвеличивать его.

Десятилетия спустя — уже в качестве министра обороны ГДР — мне не раз доводилось встречаться с пионерами-тельмановцами, наблюдать, как они учатся и играют, беседовать с ними об их планах и мечтах. И каждый раз меня глубоко

трогали уважение и любовь, с которыми наши пионеры говорили об Эрнсте Тельмане — о том, с кого они во всем берут пример; когда они заверяли, что будут жить и учиться по-тельмановски, что вырастут такими же хорошими и умелыми, как он. Каждый раз я испытывал радость от того, что, рассказывая о моей встрече с ним, я помогаю юным тельмановцам в какой-то мере познакомиться с ним как с живым человеком.

Выступления Эрнста Тельмана в Мангейме в марте 1932 года оказали существенное влияние на нашу работу. Дискуссия в секретариате окружкома с участием Эрнста Тельмана стала исходной точкой для критического пересмотра нашей работы в некоторых областях, помогла нам четче увидеть стоявшие перед нами задачи и дала новый импульс антифашистской борьбе.

В последующий период партия получила большое пополнение, усилилось ее влияние на трудовое население Бадена и Пфальца. Только за период с января по октябрь 1932 года в нашем округе в партию было принято 7600 новых членов. Число местных партийных групп увеличилось с 280 в декабре 1931 года до более чем 400 в октябре 1932 года. На многочисленных предприятиях, находившихся почти исключительно под влиянием правых социал-демократов и правых профсоюзных лидеров, несмотря на большие трудности, были созданы партячейки. Если летом 1931 года на предприятиях нашего округа функционировало около 40 коммунистических ячеек, то полтора года спустя их было уже 160. Аналогичная тенденция наблюдалась и в Коммунистическом союзе молодежи. Старая организационная структура союза, как говорится, трещала по швам. Возникла необходимость реорганизации. В городе Мангейме было 12 территориальных комитетов союза. Теперь же их число сократилось до четырех. В соответствии с увеличившимся объемом задач во главе этих комитетов были поставлены самые опытные товарищи. Это облегчало нашу работу.

В связи с ростом местных групп КПГ 12 подокружных комитетов, имевшихся в округе Баден — Пфальц до начала 1932 года, были уже не в состоянии справиться со всем объемом работы. Было создано девять новых подокружных комитетов. Теперь в округе Баден — Пфальц был 21 подокружной комитет: 16 в Бадене и 5 в Пфальце.

В нашем округе Коммунистическая партия превращалась в большую политическую силу, влияние ее непрестанно росло, причем не только среди рабочего класса. Особенно

наглядно говорят об этом результаты выборов в рейхстаг, состоявшихся 6 ноября 1932 года. КПГ набрала в одном лишь Мангейме 36 080 голосов, что составило 23,7 процента от всех голосов, признанных действительными. Почти такое же количество голосов получила и СДПГ. Обе партии могли бы составить могучую политическую силу, если бы удалось преодолеть ров, разделявший их, и начать совместную борьбу с фашизмом.

Результаты состоявшихся в 1932 году выборов в рейхстаг по городу Мангейму

Партии	31 июля 1932 г.	6 ноября 1932 г.
Коммунистическая партия Германии	34 083	36 080
Социал-демократическая партия Германии	37 027	34 296
Партия „центра"	24 054	22 510
Национал-социалистская рабочая партия Германии	45 352	38 686
Немецкая национальная народная партия	2 915	5 364

Мы были настроены оптимистически, так как нацистская партия потеряла значительное число избирателей как в нашем округе, так и в целом по стране. Только в Мангейме нацисты потеряли свыше 7 тысяч голосов. Но мы не предавались иллюзиям. И уж совсем нам было не до них после того, как 4 декабря 1932 года стало известно, что в Берлине создано новое правительство во главе с генералом Шлейхером, объединившим в своих руках посты рейхсканцлера и министра рейхсвера.

Курт фон Шлейхер с 1919 года занимал видные командно-штабные должности в рейхсвере, участвовал в качестве его представителя в выработке и осуществлении военной политики Веймарской республики. Он поддерживал тесные контакты с рейнско-вестфальскими монополистическими группами и был известен тем, что по мере своих возможностей способствовал все большему распространению влияния фашистов на рейхсвер. Партия предупреждала о том, что Шлейхер всеми средствами будет пытаться устранить последние препятствия для установления фашистской диктатуры.

Потери голосов нацистами на ноябрьских выборах, а также маневры правительства Шлейхера с целью найти воз-

можные пути установления военно-фашистской диктатуры (в частности, отмена или ограничение действия некоторых чрезвычайных законов в декабре 1932 года) возродили у многих социал-демократов иллюзии. При этом не последнюю роль играла следующая точка зрения, распространявшаяся социал-демократами: «развал национал-социалистского движения» уже идет полным ходом, нацистская партия «уже давно потерпела крах» в кругах крупнейших финансистов, хозяев тяжелой промышленности и крупных помещиков.

В эти зимние месяцы мы использовали каждую возможность, чтобы поговорить с людьми, сочетали наши предупреждения о растущей фашистской угрозе с непосредственной поддержкой кампании «Спасение от холода и голода», инициаторами которой были «Общегерманский комитет безработных» и движение «Антифашистское действие». В эти недели и месяцы в жестокие морозы прошли многочисленные демонстрации безработных и голодающих, в том числе и в Мангейме. В середине декабря в общине Раунгейм, в соседней земле Гессен, безработные даже захватили ратушу, вынудив таким образом выдать им талоны на питание.

В то же время нацисты и полиция усилили террор. И хотя в Мангейме до кровавых столкновений дело не доходило, сведения, поступавшие из других районов страны, наполняли наши сердца тревогой. В них мы видели практическое подтверждение вывода Эрнста Тельмана, сделанного им в начале декабря 1932 года: правительство Шлейхера представляет собой не что иное, как переходный кабинет, на который возложена задача подготовки коалиции с Гитлером или прихода его к власти.

Об этом свидетельствовали все более опасные провокации нацистов, например, состоявшийся 22 января 1933 года под охраной полиции большой парад штурмовиков на берлинской площади Бюловплац напротив Дома Карла Либкнехта — резиденции ЦК КПГ. Акты жестокого насилия со стороны полиции при разгоне демонстраций трудящихся, во время которых были убиты и ранены многие антифашисты, участившиеся нападения нацистов на антифашистские собрания, митинги и демонстрации, на делегатов окружных конференций КПГ не предвещали на 1933 год ничего хорошего.

ПУТЬ В ПОДПОЛЬЕ
(январь 1933 г. — август 1934 г.)

30 января 1933 года весь город, как молния, облетела весть о том, что рейхспрезидент Гинденбург поручил Адольфу Гитлеру сформировать новое правительство. На утро было назначено заседание окружного комитета КПГ. Мне, члену комитета первого промышленного района, в который входили центр Мангейма, район Шветцингер и предприятия на территории порта, было передано распоряжение немедленно явиться в окружком и ждать вызова.

В квартале S3.10 перед редакцией «Арбайтер цайтунг», газеты КПГ, издававшейся для Бадена, толпился народ. Неподалеку, в квартале R3.14, перед редакцией социал-демократической газеты «Фольксштимме» та же картина. Обе редакции оповестили о том, что готовится специальный выпуск.

Что скажут КПГ и СДПГ мангеймским трудящимся? Будут ли обе партии действовать совместно? Этот вопрос задавали себе не только коммунисты и социал-демократы, но и многие другие антифашистски настроенные граждане города — главным образом те, кто уже в течение нескольких месяцев участвовал в движении «Антифашистское действие» или входил в «Железный фронт». Среди ожидающих находились и партийные работники КПГ и СДПГ. Была выставлена охрана, ибо ожидалось, что нацисты организуют нападение на рабочие организации.

Люди постарше вспоминали, как фашисты пришли к власти в Италии. Там в октябре 1922 года около 40 тысяч фашистов предприняли «поход на Рим», и итальянский король Виктор Эммануил III спас свой трон только тем, что поставил во главе правительства главаря фашистов Муссолини. Замышляют ли нечто подобное и нацисты? Однако пока что в центре города все было спокойно. Специальный выпуск «Арбайтер цайтунг» вышел тиражом в 5 тысяч экземпляров. Его тут же расхватали. Под крупным заголовком «До-

лой Гитлера!» КПГ призывала рабочих всех мангеймских заводов немедленно начать политическую стачку. Специальный выпуск напоминал о том, что с помощью этого средства политической борьбы немецкий рабочий класс уже дважды наносил реакционным силам монополистической буржуазии чувствительные удары: первый раз в марте 1920 года, при подавлении капповского путча, и второй раз в августе 1923 года, когда рабочий класс прогнал ко всем чертям «инфляционного» канцлера Куно с его правительством.

«Неужели мы поступим с Гитлером иначе? — говорилось в листовке. — Завтра перед началом или во время работы созовите на предприятиях собрания! Примите решение о забастовочной борьбе против фашистского правительства Гитлера! Правительство Гитлера — Гугенберга не продержится и 24 часов, если на всех предприятиях, на всех биржах труда, во всех городах и поселках с помощью массовых забастовок, массовых демонстраций и массовых действий фашистской реакции будет противопоставлена классовая сила пролетариата!»

Тем временем секретариат нашего окружкома уже принял первые решения. Некоторые товарищи еще до окончания заседания секретариата были посланы в правления земельных организаций СДПГ и Всеобщего объединения немецких профсоюзов, чтобы вновь предложить и обсудить совместные акции.

Еще не было ясно, какой ответ даст земельное руководство социал-демократов, пойдет ли оно на забастовку и призовет ли членов своей партии принять в ней активное участие. Однако, как ни старались наши товарищи, руководители СДПГ и Всеобщего объединения немецких профсоюзов вновь отказались от каких бы то ни было совместных акций коммунистов, социал-демократов и профсоюзов. Мы вынуждены были действовать в одиночку.

Готовилась вторая листовка с призывом окружной организации КПГ округа Баден — Пфальц ко всеобщей забастовке. Уже ночью эти листовки должны были быть переданы распространителям, с тем чтобы агитационная работа в коллективах предприятий могла быть начата по возможности уже перед утренней сменой.

Никто не знал, когда начнется ожидавшаяся волна нацистского террора, как долго еще партия сможет работать легально. Было решено принять меры для охраны руководящих деятелей партии и помещений, где проводились партийные собрания. Затем поступило сообщение, что штур-

мовые отряды мангеймских нацистов, усиленные штурмовиками, прибывшими из окрестностей города, в 20 часов соберутся в походные колонны во дворе замка. Мы решили, что фашисты готовят демонстрацию, однако одновременно учитывали возможность нападения на наших функционеров и помещения, где проводились партсобрания.

Некоторое время спустя мы узнали, что штурмовики готовят факельное шествие из замка через центр города к рыночной площади. Там должен был состояться митинг с участием окружного инспектора штурмовых отрядов Ветцеля.

Партия решила сорвать этот план. Коммунистам, комсомольцам, членам «Красного молодежного фронта» и рабочих спортивных организаций были указаны пункты сбора на улицах, прилегающих к маршруту нацистского шествия. Мы хотели расчленить колонну нацистов и разогнать их факельное шествие еще до того, как фашисты выйдут на рыночную площадь. Первую атаку мы предприняли сразу же после того, как коричневорубашечники начали движение, вторую — на рыночной площади, в тот момент когда местный фюрер штурмовиков Ветцель выкрикнул в толпу своих приспешников фразу о том, что теперь и в Мангейме начался «заключительный этап борьбы с красным сбродом». Мы привели штурмовиков в сильное замешательство: им так и не удалось пройти стройными рядами по городу и с триумфом провести заключительный митинг на рыночной площади.

Однако между нами и штурмовиками постоянно вклинивались цепи полиции, находившейся в готовности на месте событий. Поскольку мы пытались воспрепятствовать факельному шествию нацистов, стремились помешать им продемонстрировать свою силу, полиция обращалась с нами как с «нарушителями порядка», и мы были вынуждены защищаться не только от ударов штурмовиков, но и от полицейских дубинок. С той и другой стороны были раненые.

То ли потому, что нацистские фюреры были смущены тем, что их первое официальное выступление в Мангейме столь мало походило на триумф, то ли потому, что кто-то из штурмовиков получил пару раз полицейской дубинкой, но, во всяком случае, на следующий день нацистская газета «Хакенкройцбаннер» поносила мангеймскую полицию за то, что она в недостаточной мере была на стороне штурмовиков. Нацистские лидеры требовали от полиции в будущем «разумеется, не только объективности и терпимости».

Что касается сегодняшней мангеймской полиции и военизированной полиции западногерманской земли Баден — Вюртемберг, то неонацисты не могут сделать ей такого упрека. Пока на съезде земельной организации неонацистской национально-демократической партии, проходившем 17 сентября 1978 года в зале мангеймского «Розенгартена», фюреры этой партии демагогически требовали обеспечения «безопасности и порядка в стране» и передачи власти «сильной личности», за стенами зала 1200 полицейских жестоко, садистски избивали 2 тысячи антифашистов, собравшихся на демонстрацию.

В ночь на 31 января мы начали распространять наш призыв ко всеобщей забастовке. К утру мы должны были раздать 200 тысяч экземпляров. Спешно была организована курьерская служба. Нам помогали товарищи из четырех мангеймских промышленных районов, комсомольцы, члены рабочего спортивного союза «Чайка», а также беспартийные. Нарасхват были те из них, у кого был велосипед или мотоцикл, так как воззвание нужно было распространить по всему округу. И это нам удалось. Рано утром 31 января нашу листовку читали не только на заводах Мангейма и Людвигсхафена, но и в Гейдельберге и Карлсруэ, в Кайзерслаутерне, Пирмазенсе и Лёррахе.

С призывом «Всеобщая забастовка против фашистской диктатуры!» организация КПГ округа Баден — Пфальц обратилась ко всем антифашистским силам: к рабочим и крестьянам, служащим и чиновникам, ремесленникам и интеллигентам, к коммунистам и социал-демократам, к членам союза «Государственный флаг» и профсоюзов, к верующим. Все они призывались принять участие в свержении фашистской диктатуры с помощью всеобщей забастовки и массовых демонстраций, объединиться с этой целью в мощный единый антифашистский фронт. Потому что, говорилось в листовке, фашистская диктатура — «это удар по революционному пролетариату, удар по всему немецкому трудовому народу».

В эту ночь никто не помышлял о сне. И после того как были отправлены последние листовки, мы не могли отдохнуть. Была дорога каждая минута, потому что мы хотели уже перед началом смены быть на предприятиях. Мне досталось несколько мукомольных предприятий, и я еще до рассвета вышел в направлении порта. По дороге я мысленно пытался привести в порядок все, что знал об обстановке.

Итак, правление СДПГ и руководство Всеобщего объединения немецких профсоюзов опять отклонили предложение

КПГ о совместных действиях. Но как воспримут наш призыв ко всеобщей забастовке рабочие на предприятиях? Удастся ли, несмотря на все, привлечь их к совместной борьбе? Коммунистические ячейки имеются далеко не везде, на большинстве заводов и фабрик тон задают социал-демократы. Следовательно, в сложившейся ситуации очень многое будет зависеть от советов предприятий и профсоюзных функционеров. Как-никак, а в мангеймское отделение Всеобщего объединения немецких профсоюзов входило 26 отраслевых профсоюзов, насчитывавших свыше 45 тысяч членов, из которых в одном лишь «Немецком профсоюзе металлистов» состояло 12 тысяч рабочих.

Мнения о том, что нужно сейчас делать, расходились. Большинство социал-демократических профсоюзных функционеров занимали выжидательную позицию, поскольку до сих пор не было никаких указаний ни от правления партии, ни от руководства профсоюзов. Лишь некоторые коллеги были за всеобщую забастовку. Большинство рабочих находились в нерешительности, ожидая «сигнала сверху». Некоторые, хотя и заявили, что готовы сотрудничать в забастовочном комитете, если дело дойдет до всеобщей забастовки, сказали, однако, что сначала должен высказать свое мнение совет предприятия.

Те члены производственных советов из числа социал-демократов, которые не отмалчивались, а высказали свое мнение о ситуации, приводили те же самые аргументы, которыми накануне оперировали правления СДПГ и Всеобщего объединения немецких профсоюзов, отклоняя предложения наших товарищей о совместной борьбе против фашистов. Они считали, что единственно правильным в данной ситуации является выжидание. Разве ноябрьские выборы не показали со всей ясностью, что успехи нацистов уже пошли на убыль? Еще немного, и они так или иначе потерпят крах. К этому рабочий класс должен готовиться уже сейчас, поэтому не следует сходить с позиций легальности. Каждое опрометчивое, преждевременное действие ставит организацию под угрозу. Нацисты только и ждут акций протеста, чтобы получить удобный повод и применить насилие против рабочих. Поэтому надо сохранять спокойствие и не поддаваться на провокации! Кроме того, партия Гитлера пришла к власти легальным путем, и это заведомо исключает использование средств внепарламентской борьбы.

Так или приблизительно так рассуждало большинство членов советов предприятий, однако далеко не все рабо-

чие-мукомолы разделяли точку зрения своих представителей в этих профсоюзных органах.

Помню также аргументы пожилого рабочего, который сказал, обращаясь ко мне и еще двум коммунистам:

— Вы коммунисты, я социал-демократ. Наш опыт больше и богаче! Вспомните Бисмарка! Разве его закон о социалистах не был своего рода диктатурой? А чего он этим добился? Ничего! Напротив, мы стали еще сильнее! К тем, кто вел себя спокойно и не устраивал спектакля, они не могли придраться. Результат? Через двенадцать лет Бисмарк уже не знал, что делать дальше. Все это уже известно, все уже было. Со временем и вы поймете!

Мы возразили ему, что социал-демократы в период действия закона о социалистах вели себя отнюдь не спокойно, а мужественно и умно, ловко и находчиво вели подпольную борьбу за интересы рабочих и сохранение партии. Но старик лишь отмахнулся от нас:

— Вы еще вспомните мои слова!

И действительно, порой я вспоминал слова этого старого социал-демократа, поскольку он был не единственным поборником идеи о том, что надо подождать «краха нацистов». Что касается двенадцатилетней продолжительности действия закона о социалистах и двенадцатилетнего существования нацистской диктатуры, то это лишь одно из самых странных случайных совпадений, которые знает история! Но выжидательная, нерешительная позиция многих социал-демократов, их иллюзии относительно безобидности нацистов были в такой же степени не случайны, как и зверские преступления нацистов, замучивших в своих застенках и концлагерях многих и многих коммунистов и социал-демократов. От скольких страданий был бы избавлен немецкий народ и другие народы Европы, сколько человеческих жизней было бы спасено, если бы немецкий рабочий класс смог бы добиться единства действий, союза со всеми антифашистскими силами и не допустить установления фашистской диктатуры!

Одни коммунисты, конечно же, не могли сделать этого. Только народный фронт был в состоянии сорвать захват власти фашистами, однако призывы лидеров СДПГ и руководства Всеобщего объединения немецких профсоюзов к сдержанности парализовали большую часть трудящихся. На некоторых предприятиях Мангейма состоялись кратковременные забастовки, но в целом так и не удалось повести за собой на забастовочную борьбу сплоченные рабочие коллективы. Сыграли свою роль скачкообразно выросшее

влияние нацистов после создания правительства во главе с Гитлером и верноподданнический образ мыслей, глубоко укоренившийся в среде мелкой буржуазии. Так что во многих местах фашисты даже сумели укрепить свои до того времени еще не очень прочные позиции.

По требованию правительства Гитлера рейхспрезидент фон Гинденбург распустил рейхстаг и назначил на 5 марта 1933 года новые выборы. КПГ надеялась, что на выборах нам удастся нанести нацистам поражение. Беседы с рабочими на заводах и с безработными на биржах труда свидетельствовали о том, что мангеймские промышленные рабочие не очень-то симпатизируют нацистам. Конечно, встречались попутчики нацистов и даже их активные сторонники. Были и колеблющиеся, которые не знали, можно ли верить фашистам. Мы же прежде всего хотели довести до их сознания, что НСДАП не является партией людей труда, что она служит классовым интересам монополистических кругов. Одновременно мы стремились доказать, что нацисты вовсе не так сильны, как хотят показать. Фашисты, говорили мы, должны почувствовать, что мы не будем безучастно наблюдать за тем, как они распоясываются, и не позволим запугать себя.

5 февраля НСДАП проводила в Мангейме так называемый районный съезд, после которого должен был состояться марш через рабочие кварталы. Под лозунгом «Штурмовые отряды покоряют Мангейм!» нацисты вознамерились продемонстрировать свою твердую решимость раз и навсегда сломить волю антифашистских сил к сопротивлению. Фашистский листок «Хакенкройцбаннер» выступил с неприкрытой угрозой: «Легионерам московского иностранного легиона мы покажем, что настало время, когда хозяевами на немецких улицах будут немцы и немецкое движение, а не безродное отребье...» Уполномоченные НСДАП бесплатно раздавали флажки со свастикой, призывали население украсить ими свои дома, а также приветствовать шествие коричневорубашечников, выстроившись шпалерами на тротуарах.

Встреча нацистам была устроена, однако не та, на которую они рассчитывали, а революционная, пролетарская.

Местом сбора нацистов была площадь Месплатц рядом с вокзалом в Неккарштадте. Было сформировано несколько колонн штурмовиков и эсэсовцев, которые были усилены несколькими сотнями членов организации «Стальной шлем», призванными со всей северной части Бадена специально для участия в этой демонстрации фашистской мощи.

Вместе с несколькими товарищами я по мосту Юнгбушбрюкке, а затем по Бюргермейстерфуксштрассе направился на Ридфельдштрассе. Здесь нацистское шествие должно было быть остановлено. Громадная толпа людей запрудила перекресток и прилегающую часть Ридфельдштрассе. На Ридфельдштрассе — море знамен, среди которых, однако, почти не было видно знамен со свастикой. Зато масса пролетарских знамен. Попадаются также черно-красно-золотые флаги Веймарской республики. Между флагами и знаменами — транспаранты с антифашистскими лозунгами, с эмблемами организаций «Антифашистское действие» и «Железный фронт».

И вот на Ридфельдштрассе показалась первая колонна нацистов. Они, кажется, уже заметили, что рабочие, стоящие справа и слева вдоль улицы, пришли сюда вовсе не для того, чтобы приветствовать их. Штурмовики сдвинули ремешки фуражек под подбородки и отстегнули кожаные портупеи. «Долой Гитлера!», «Смерть фашизму!», «Мангейм остается красным!» — скандировали антифашисты. Один из руководителей штурмовиков прорычал какую-то команду, и первая нацистская колонна рассыпалась. Как свора спущенных с цепи кровожадных псов, набросились штурмовики на стоявших по сторонам людей, молотя куда попало дубинками и портупеями, тыча ножами.

Были раненые, и сначала показалось, что нам не устоять. Но тут мы получили «поддержку с воздуха»: из окон трех- и четырехэтажных многоквартирных домов на коричневорубашечников обрушился настоящий град цветочных ящиков и горшков с геранью, ночных горшков, разного домашнего хлама. Из мансардных квартир летели тяжелые предметы. Этот «огневой налет» настолько ошеломил нацистов, что их охватило замешательство, и нам в конце концов удалось заставить их отступить. Насколько стройно и по-военному четко они пришли сюда, настолько беспорядочным и похожим на бегство было их отступление.

Итог «марша покорителей Мангейма», вовсю разрекламированного фашистской пропагандой, был совсем не тот, на который рассчитывали его инициаторы. Коммунисты и социал-демократы, старые профсоюзные активисты и молодые рабочие, бойцы «Антифашистского действия» и члены «Железного фронта» стояли плечом к плечу и дали нацистам почувствовать, что они не примут фашистское господство без сопротивления. «Красный Мангейм» жил и боролся.

Из газет «Арбайтер цайтунг» и «Роте Фане» мы узнали,

что своими решительными действиями антифашисты дали отпор нацистам также и в других городах: в Любеке удалось организовать всеобщую забастовку; в Берлине, Брауншвейге, Бреслау и многих других крупных городах Германии состоялись антифашистские митинги и демонстрации протеста. В преддверии предстоящей избирательной кампании все это вселяло в нас оптимизм.

Однако мы также прочитали, что 4 февраля, то есть за день до провалившегося нацистского марша в Мангейме, было издано постановление «О защите немецкого народа», в котором объявлялась наказуемой любая критика нацистского правительства, предписывались запреты газет и собраний. Расчет был сделан на то, что все это предрешит исход избирательной борьбы в пользу нацистов.

До выборов оставался месяц. Это были недели напряженнейшей работы, бесед и дискуссий на биржах труда и (насколько это было для нас, безработных партийных функционеров, возможно) в рабочих коллективах некоторых мангеймских предприятий. Мы распространяли листовки, вывешивали плакаты и охраняли места проведения партийных собраний в центральной части города. Штурмовики постоянно пытались разгромить помещения, где проводились наши партсобрания (в Юнгбуше и, прежде всего, в Неккарштадте), или же запугать хозяев кафе, которые арендовались нами. Начиная с середины февраля не было такой ночи, которую бы мы не провели в пути. Спать приходилось три-четыре часа в сутки.

Через несколько дней после того, как нацисты потерпели поражение в Неккарштадте, генеральный прокурор Германии отдал первые приказы об аресте руководителей окружной организации КПГ округа Баден—Пфальц. В течение нескольких недель полиция пыталась разыскать депутата рейхстага от КПГ Франца Долля, политруководителя (первого секретаря) нашей окружной организации. Полиция земли Баден искала также оргруководителя (второго секретаря) нашей окружной организации Карла Шнека. Однако оба наших товарища своевременно ушли в подполье.

Франц Долль (подпольные клички Генрих Якоби и Антон Новацкий) руководил нашей окружной организацией до апреля 1933 года. Благодаря помощи и предусмотрительности многих товарищей он несколько раз в самый последний момент избегал ареста. В апреле 1933 года по решению партии его перевели из Бадена в Рурскую область, где ему

был поручен новый участок работы. Позднее он был там убит фашистами.

Наш оргруководитель Карл Шнек и член окружкома Карл Фишер были арестованы еще в феврале и приговорены к тюремному заключению. После своего освобождения из концлагеря Карлу Шнеку посчастливилось эмигрировать в Советский Союз, а Карл Фишер умер в заключении.

Чем ближе были выборы, тем больше препятствий чинили нам в нашей работе. На расклейку плакатов и распространение листовок мы выходили небольшими отрядами, так как, имея перевес, нацисты никогда не упускали случая напасть на наших товарищей.

В Юнгбуше, Неккарштадте и других районах Мангейма мы в эти дни тесно сотрудничали с товарищами из социал-демократических молодежных организаций. Они осуждали позицию руководства своей партии, продолжавшего выступать против всякого сотрудничества с коммунистами.

Травля и преследования коммунистов фашистами достигли своей наивысшей точки после того, как 27 февраля в нацистской прессе и других буржуазных газетах появилось сообщение о том, что в Берлине в Доме Карла Либкнехта, резиденции ЦК КПГ, найдены «Директивы о гражданской войне в Германии и убийстве ведущих политических деятелей». А уже на следующий день газеты трубили о том, что коммунисты подожгли рейхстаг. Это известие обошло город в течение нескольких часов. Одни сомневались в его достоверности, другие приняли за чистую монету, и лишь немногие мангеймцы с самого начала усмотрели в нем провокационную фальшивку.

Встретив недалеко от моста Фридрихсбрюкке продавца нацистской газеты «Хакенкройцбаннер», выкрикивавшего заголовок сенсационного сообщения «Рейхстаг в огне! Поджог — дело рук коммунистов!», я вначале не поверил своим ушам.

Я знал: наша партия не могла этого сделать. Здесь постарались те, кому было нужно представить нас, коммунистов, как разбойников и поджигателей. Фашистам нужен был предлог, чтобы с помощью насилия сломить антифашистское сопротивление в немецком народе и жестоко расправиться с КПГ.

Уже на следующий день мы расклеивали плакаты, разоблачавшие нацистов как зачинщиков неслыханной провокации. Окружком выпустил листовку под названием «Рейхстаг в огне». Ее автором, как мне стало известно тридцать лет спустя, был товарищ Ганс Маасен, с начала января

1933 года секретарь нашего окружкома по пропаганде и агитации. Я познакомился с ним позже, в Испании, так как вскоре после описываемых событий Ганс Маасен был арестован и брошен в концентрационный лагерь. В 1935 году ему удалось бежать в Саарскую область. Во время гражданской войны в Испании он воевал в составе 13-й Интернациональной бригады и работал диктором на «Немецкой радиостанции свободы». В 1939 году в Валенсии фашисты Франко отдали Ганса Маасена под суд военного трибунала и до 1946 года продержали его в испанских тюрьмах и концлагерях. В нашей республике Ганс Маасен приобрел известность как писатель и публицист, в первую очередь как автор книг об испанских событиях «Месса Барсело» и «Сыновья Чапаева», а также книги о Гансе Баймлере «В час опасности».

Вернемся, однако, к событиям 27 февраля 1933 года и последующих дней. И на этот раз мы распространяли листовки и расклеивали плакаты. Комсомольцы и товарищи из Союза социалистической рабочей молодежи, коммунисты и члены организации «Государственный флаг» работали плечом к плечу. Каждую акцию приходилось тщательно подстраховывать. Стоило нам лишь чуть-чуть зазеваться, как нацисты рвали наши плакаты на мелкие кусочки, едва мы отходили от них на несколько шагов.

День спустя после провокационного поджога рейхстага Гинденбург издал еще одно чрезвычайное постановление «О защите народа и государства». На основе пресловутой статьи 48 веймарской конституции в целях «борьбы с угрожающими государству коммунистическими актами насилия» отменялись такие элементарные права и свободы, как свобода печати и право на создание союзов и коалиций, а также тайна почтовой переписки. Антифашистская деятельность запрещалась под страхом смертной казни. 2 марта баденское правительство пошло еще дальше. Отдел печати при министерстве внутренних дел Бадена сообщил, что по ходатайству имперского министра внутренних дел «до дальнейших распоряжений запрещаются все коммунистические периодические издания, а также все коммунистические собрания и шествия, включая собрания в закрытых помещениях». Одновременно было отдано распоряжение «немедленно арестовать и конфисковать все коммунистические печатные произведения».

Теперь за нашими листовками и плакатами охотились уже не только нацисты. Баденская земельная полиция уничтожала предвыборные призывы голосовать за избирательный

список № 3, закрывала кафе и помещения для собраний, если становилось известно, что там собираются члены КПГ. Таким образом, за три дня до выборов была запрещена и объявлена наказуемой любая коммунистическая предвыборная пропаганда. Практически это уже означало для нашей партии нелегальное положение, хотя официально КПГ еще не была запрещена.

В квартирах функционеров КПГ баденская земельная полиция провела обыски, а ранним утром в субботу 4 марта почти по всему Мангейму началась волна арестов. Были арестованы почти все коммунисты. Их доставили в следственную тюрьму, находившуюся в мангеймском замке, а некоторых в земельную тюрьму в Герцогенрид. Через несколько дней после выборов большинство арестованных было до поры до времени выпущено на свободу. Очевидно, с помощью арестов нацисты надеялись изменить результат выборов в свою пользу. Понятно, что тот, кто сидел за решеткой, не мог проголосовать против них в воскресенье, в день выборов.

Однако их расчеты не оправдались, несмотря на фашистский террор и колоссальные финансовые средства, вложенные в предвыборную кампанию. Позже выяснится, что крупные суммы на предвыборную кампанию нацистов выделили промышленные магнаты Рура и Рейнской области. Как им было не раскошелиться, если 20 февраля 1933 года на своей встрече с представителями крупного германского капитала по поводу финансирования выборов Геринг хвастливо заявил: «Жертва, о которой мы просим, вероятно, будет для промышленных кругов не столь тяжела, если они будут знать, что выборы пятого марта будут последними на период последующих десяти, а может быть, и ста лет».

Нацистам не удалось ни получить большинства в две трети голосов, к которому они стремились, ни нанести сокрушительное поражение коммунистам. За КПГ проголосовало 4,8 миллиона избирателей, что составляло 12,3 процента всех признанных действительными голосов. В Мангейме мы набрали даже 19 процентов, хотя в день выборов с самого утра у входов в избирательные участки были поставлены полицейские и штурмовики, в результате чего функционеры Коммунистической партии, а также другие известные коммунисты и антифашисты не смогли участвовать в выборах, поскольку их могли арестовать прямо у избирательной урны. Именно этим в основном и объяснялось, что из всех партий наша потеряла наибольшее число голосов по сравнению с ноябрьскими выборами 1932 года.

Однако, учитывая все вышесказанное, число голосов, собранных КПГ вопреки развязанной нацистами кампании запугивания и террора, следует расценивать как значительно более высокий результат, чем тот, который отражен в цифрах и процентах.

Результаты выборов в рейхстаг, состоявшихся 5 марта 1933 года, в сравнении с аналогичными выборами 6 ноября 1932 года (в процентах)

Партии	Мангейм		Баден		Вся Германия	
	5.3 1933 г.	6.11 1932 г.	5.3 1933 г.	6.11 1932 г.	5.3 1933 г.	6.11 1932 г.
КПГ	19,0	23,7	9,8	14,2	12,3	16,9
СДПГ	22,0	22,7	11,9	13,0	18,3	20,4
Партия „центра“	14,4	14,9	25,4	27,8	14,0	15,0
НСДАП	33,5	25,7	45,5	34,1	43,9	33,1
Немецкая национальная народная партия		3,5	3,6	4,0	8,0	8,6

Добившись в Мангейме прироста числа голосов в 7,8 процента по сравнению с ноябрьскими выборами, нацисты все же значительно отстали от общего количества голосов, поданных за КПГ и СДПГ.

Часть описываемых далее событий, имевших место непосредственно после мартовских выборов, произошла вне Мангейма. О них мы в основном узнавали из прессы. Тем не менее о них я должен рассказать, ибо они играли свою роль в наших дискуссиях и оказывали влияние на нашу работу.

Чтобы зримо продемонстрировать свой «успех на выборах» и подтвердить свои притязания на единоличное господство, на следующий день в Карлсруэ и других городах Бадена нацисты вторглись в правительственные здания и ратуши и вывесили на них флаги со свастикой. Это событие заслуживает упоминания только потому, что оно привело к первой и единственной пробе сил между нацистским руководством и находившимся в то время у власти баденским земельным правительством. После реорганизации, происшедшей 10 января 1933 года, правительство Бадена состояло лишь из представителей двух партий — партии «центра» и немецкой национальной народной партии, поскольку в конце 1932 года из-за спора о так называемом конкордате развалилась коалиция между партией «центра» и СДПГ. Речь шла о заключении договоров между баденским земельным

правительством с католической и евангелической церквами[1].

Наивно полагая, что фашисты будут соблюдать обычаи и традиции буржуазного парламентаризма, если только относиться к ним лояльно и уважать нового рейхсканцлера, президент и министр юстиции Бадена Шмидт (партия «центра») заявил 3 февраля в ландтаге, что его правительство будет поддерживать любое центральное правительство вне зависимости от его состава. Для того чтобы перед лицом своеволия нацистов продемонстрировать им авторитет земельных властей, баденское министерство юстиции предложило гаулейтеру НСДАП[2] компромисс: нацистские флаги остаются, но только — до наступления темноты. Одновременно земельное правительство направило Гитлеру и министру юстиции Германии Фрику следующую телеграмму: «Внезапно для нас на замке и уездном управлении в Карлсруэ вывешены флаги со свастикой. Национал-социалисты ссылаются на якобы имеющееся указание господина рейхсканцлера. Баденское правительство отдало приказ об их снятии. Во избежание кровопролития просим о соответствующих указаниях национал-социалистскому руководству в Бадене».

Испрашиваемое указание так и не поступило. Вместо этого Фрик несколько дней спустя объявил о смещении баденского земельного правительства и назначил баденского гаулейтера НСДАП Роберта Вагнера рейхскомиссаром Бадена. Это решение Фрик мотивировал в своей телеграмме смещенному земельному правительству тем, что «после перестройки политических отношений в Германии поддержание общественной безопасности и порядка в Бадене при теперешнем земельном правительстве более невозможно». Так в Бадене произошло то же, что и по всей стране: было распущено земельное правительство, что являлось одним из этапов процесса ломки конституции, процесса, для которого нацисты сразу же нашли в своем жаргоне соответствующее словечко — «унификация».

Вагнера считали основателем нацистской партии в Бадене. Еще в 1923 году он, в ту пору лейтенант рейхсвера, активно участвовал в фашистском путче Гитлера — Людендорфа в Мюнхене, за что был уволен из рейхсвера и приго-

---

[1] Конкордат — договор между руководством церкви и властями данной страны, определяющий взаимоотношения государства и церкви. — *Прим. пер.*

[2] Руководитель крупной территориальной организации нацистской партии. — *Прим. пер.*

ворен к полутора годам заключения в крепости. В августе 1940 года, после вторжения фашистского вермахта во Францию, Вагнер был назначен главой гражданской администрации в Эльзасе. В своем стремлении «онемечить» Эльзас Вагнер действовал с такой звериной жестокостью, что эльзасцы боялись его сотрудников, которых он набрал из баденцев, чуть ли не больше, чем эсэсовцев. В мае 1946 года французский военный суд приговорил его к смерти. В августе того же года он был расстрелян в Страсбурге.

В ответ на протест смещенного баденского правительства, подавшего жалобу в конституционный суд по поводу нарушения конституции, новоиспеченный рейхскомиссар Вагнер ответил созданием вспомогательной полиции численностью 500 человек, состоявшей почти исключительно из штурмовиков и эсэсовцев. После того как рейхскомиссар Вагнер был назначен еще и имперским наместником в Бадене и объединил таким образом в своих руках полномочия министра внутренних дел и президента Бадена, он 16 марта 1933 года отдал приказ о немедленном аресте всех депутатов ландтага от СДПГ и КПГ, а также депутатов рейхстага от обеих партий.

Случай, происшедший на следующий день, Вагнер использовал как повод для того, чтобы, как он выражался, окончательно покончить «с элементами распада и разрушения». 17 марта в городе Фрейбург двое служащих уголовной полиции силой ворвались в квартиру депутата ландтага от СДПГ Даниеля Нусбаума, чтобы арестовать его. Нусбаум воспротивился аресту, сославшись на свою депутатскую неприкосновенность. Разгорелся спор, во время которого Нусбаум схватил оружие и уложил на месте обоих полицейских. В связи с этим происшествием газеты партии «центра» в Бадене опубликовали данные медицинской экспертизы о том, что Нусбаум в связи с неизлечимым душевным заболеванием, которым он якобы страдал, подпадал под действие статьи 51 уголовного кодекса. Однако этим не удалось сдержать последовавшей за инцидентом волны арестов. Баденские места заключения и следственные тюрьмы стали заполняться антифашистами, которых нацисты цинично именовали «лицами, взятыми под охранный арест», поскольку их якобы необходимо было «охранять» от народного гнева или, как стали говорить позже, поскольку от них самих следует охранять национал-социалистское государство.

Для размещения «лиц, взятых под охранный арест», часто использовались неработающие фабрики или пустующие складские помещения, иногда даже старые крепости, так как

места заключения Веймарской республики уже вскоре были переполнены. При этом следует сказать, что в последние годы перед установлением фашистской диктатуры буржуазный суд не скупился на наказания, связанные с лишением свободы. Лишь в 1931 году на территории округа Баден — Пфальц состоялось 62, в основном политических, судебных процесса, на которых перед судом предстало в общей сложности 276 обвиняемых. В конце мая 1933 года в одном лишь Мангейме в заключении находилось свыше 100 коммунистов и социал-демократов.

Как и по всей стране, в Южной и Юго-Западной Германии уже были созданы первые концлагеря, в том числе концлагерь Хойберг в Швабской Юре, где позже, во время войны, в штрафных батальонах находились антифашисты, а также концлагеря Анкенбук и Кислау. Коммунисты и социал-демократы, профсоюзные деятели и члены рабочих спортивных союзов, даже члены союза «Государственный флаг» томились в этих лагерях без приговора суда недели, месяцы, а порой и годы. Нередко штурмовики использовали массовые аресты для того, чтобы свести личные счеты с инакомыслящими. Многих заключенных отдавали под суд и приговаривали к различным наказаниям, других же затем переводили в крупные концлагеря, такие, как Дахау или Нойенгамме, что часто было равносильно смертному приговору.

В этом смысле концлагеря в Бадене и Вюртемберге, число которых к концу нацистского господства достигло семидесяти четырех, были для многих антифашистов поистине «станциями на пути в ад», как назвал их в своей документальной работе, так им и озаглавленной, штутгартский антифашист Юлиус Шетцле. Над заключенными издевались, их били и мучили. Некоторых убивали охранники.

Особенно дурной славой пользовался концлагерь Кислау в районе Бад-Мингольсгейма. Крепость Кислау, построенная в XI веке, служила во время Великой крестьянской войны курфюрсту Пфальца местом казни восставших крестьян. В 1849 году, после поражения буржуазно-демократической революции, за ее стенами томились баденские борцы за свободу, а в 1933 году нацисты переделали ее в центральный концентрационный лагерь Бадена.

В этом концлагере сидели в заточении депутат рейхстага от КПГ Пауль Шрек, а также Георг Лехлейтер и председатель баденской окружной организации «Революционная профсоюзная оппозиция» Вальтер Хемниц. В крепость Кислау были брошены бывший министр внутренних дел Бадена

социал-демократ Адам Реммеле и депутат рейхстага от СДПГ Людвиг Марум, которого фашисты здесь же и убили в мае 1934 года. После того как в феврале 1943 года в Мюнхене были казнены студенты Ганс и София Шолль, сюда был доставлен их отец.

Приблизительно так же, как и с баденским земельным правительством, нацисты в эти мартовские дни расправились с деятелями муниципальных органов Мангейма — социал-демократами и коммунистами. За то что обер-бургомистр Мангейма социал-демократ Герман Геймерих не разрешил повесить на ратуше флаг со свастикой, нацисты разыграли с ним унизительный и жестокий спектакль. Они вытащили Геймериха на балкон ратуши и на его глазах под издевательские выкрики сожгли флаг Веймарской республики.

Обер-бургомистр Геймерих, умный и многоопытный деятель в области коммунальной политики, лояльный по отношению к коммунистам, был смещен и арестован. Вместо него были поставлены два комиссара, назначенные нацистской партией: крейслейтер[1] НСДАП и один мангеймский предприниматель. Последний стал позже обер-бургомистром Мангейма.

Еще в 1932 году ЦК КПГ провел определенную подготовку к переходу на нелегальное положение, в том числе и в нашем округе. Эту работу мы продолжили как в период перед мартовскими выборами, так и после них. Поэтому нельзя сказать, что мы были не подготовлены к предстоявшему повороту событий, когда фашисты все больше и больше стали ограничивать для нас возможности легальной работы. Мы заготовили явки для наших связных, подобрали малоизвестных полиции коммунистов и других надежных антифашистов, у которых в их квартирах, подвалах их домов или садовых домиках можно было печатать листовки. Для товарищей, которым угрожала непосредственная опасность, подыскивались новые квартиры, подбирались люди, у которых те, кому нельзя было появляться у себя дома, могли бы переночевать и получить горячую пищу. Такие квартиры мы именовали пунктами ночлега и питания.

Если нужно было передать лишь короткую информацию или небольшой материал, то это делалось, как правило, в одном из небольших ресторанчиков центра города или же на улице. Несколько из таких явочных пунктов, которые менялись нами по мере необходимости, я помню до сих пор.

---

[1] Руководитель районной организации нацистской партии. — *Прим. пер.*

В летние месяцы это были купальня Гершельбад в квартале U3 и остров Фризенхаймеринзель, а иногда различные укромные места на берегу Рейна и Неккара. Остальные явки, которыми я неоднократно пользовался, находились в квартирах товарищей по партии или беспартийных антифашистов, например, в Неккарау, в Вальдхофе (рядом с зеркальной фабрикой) и в Кефертале (рядом с полицейской казармой).

Я поддерживал связь между окружкомом и комитетом 1-го промышленного района. Приходилось выполнять большой объем текущей организационной работы. Поскольку многие товарищи уже были арестованы, а другие скрывались, необходимо было восстановить старые и установить новые связи. Кроме того, нужно было обеспечить сбор членских взносов и помогать семьям товарищей, арестованных нацистами.

В первые недели после прихода Гитлера к власти я еще жил в доме моих родителей. Пока ничто еще не говорило о том, что полиция следит за мной или разыскивает меня как функционера КПГ. Оживляя в памяти первое полугодие 1933 года, я вижу его как период, когда мы шаг за шагом вживались в подпольную работу. Понятно, что при этом у нас случались промахи и ошибки, поскольку порой мы сталкивались с трудностями, которые мы либо недооценивали, либо вообще не предвидели. Как часто бывает в жизни, мы сталкивались с тем, что предусмотреть было совершенно невозможно. Приведу пару примеров.

Несколько дней спустя после мартовских выборов ко мне пришел товарищ с Бекштрассе, находящейся в районе Юнгбуша. Его звали Карл Вецни. Несколько лет назад он был казначеем в одной из комсомольских десяток и сдавал мне собранные им членские взносы. Отсюда мы и знали друг друга. Карл сказал мне, что ему срочно нужно помещение, где можно надежно спрятать стеклограф и печатать листовки. Типографская краска так воняет, что ее запах не выветривается с кухни, где он печатает листовки, даже если на целый день открыть окно. Вчера полиция обыскивала соседнюю квартиру. Нельзя терять время.

Найти подходящее помещение для тайника, в котором в случае необходимости можно было бы и печатать листовки, не навлекая подозрения ни на себя, ни на других людей, не рискуя быть обнаруженными полицией, было не так-то просто. Наш выбор остановился на одном сарае, в котором лежала старая мебель и всякое барахло.

Несколько месяцев спустя один товарищ рассказал мне, что Карл и два его друга едва не попали в лапы полиции. Однажды вечером, придя в сарай, они обнаружили, что чемодана со стеклографом нет. На следующий день всех троих вызвали в полицию. После продолжительных допросов, в ходе которых все трое клялись, что впервые видят этот чемодан, они были отпущены.

Другой пример. У связных, которые впервые приезжали в Мангейм и не знали города, возникали немалые трудности в связи с тем, что кварталы в его центре имели буквенно-цифровые обозначения. Я был свидетелем нескольких случаев, когда товарищи, не знакомые с Мангеймом, часами впустую ждали на вокзале, полагая, что их встретят и проводят к месту назначения. Данные им адреса явок, например Т6.2 или К3.1, они принимали за пароль и ждали появления связного, вместо того чтобы самим прийти на явку. Казалось бы, пустяки, однако и это не следовало упускать из виду, иначе могли возникнуть опасные ситуации, чреватые непоправимыми последствиями, или же могли оборваться связи, для восстановления которых порой требовалось много дней.

В конце марта 1933 года Оскар Рау, мой старый товарищ еще по комсомолу, сказал мне, что он и еще один товарищ хотят укрепить на дымовой трубе теплоэлектростанции в Неккарштадте красный флаг. Им нужен был третий человек, так как вдвоем им не справиться. Не соглашусь ли я? Все уже подготовлено. Встречаемся ночью в 1.00 на углу Бунзенштрассе и Гельмгольцштрассе.

Я сказал, что согласен, и полчаса спустя после полуночи направился в восточную часть Неккарштадта. Электростанция находилась около порта Бонадис. За день до этого Оскар провел разведку, прикинув, как сподручнее забраться на трубу.

И вот мы у цели. Товарищ Оскара протянул мне полотнище флага и ножовку, показав жестом, чтобы я поднимался вслед за ним. Оскар, лучше всех знавший местные условия, остался внизу стоять на страже.

Не знаю высоты этой трубы. В детстве гигантские фабричные трубы казались мне сказочно высокими. Не раз я мечтал увидеть родной город с высоты птичьего полета.

И вот теперь такая возможность представилась — правда, в самое неподходящее время суток и в условиях, которые никак нельзя было назвать приятными: чем выше мы поднимались, тем сильнее стегал нас ветер. Холод пробирал до костей, а пальцы скоро окоченели и онемели.

Подъем показался мне бесконечным, однако мы его одолели. Я протянул наверх товарищу полотнище флага. Держась левой рукой за ступеньку, сделанную из толстого железного прута, я правой рукой поддерживал напарника, чтобы у него была достаточная опора и он мог бы закрепить флаг с помощью проволоки.

Но самая тяжелая часть нашей операции оставалась еще впереди. Было ясно, что с рассветом о флаге узнает полиция и он будет снят. Поэтому мы решили спилить несколько вделанных в кирпичную кладку железных ступенек, чтобы сделать невозможным подъем без специальных вспомогательных средств. Клацая от холода зубами, мы приступили к работе. Пока один пилил, второй пытался отогреть себе руки. Как квалифицированный рабочий-металлист, я умел обращаться с ножовкой, но фабричная труба, конечно, не верстак. В полувисячем положении сводило мышцы и быстро немели пальцы. Мы вынуждены были все чаще сменять друг друга. И все время одна и та же мысль: только бы не уронить пилу, а то весь труд окажется напрасным! Мы трудились как одержимые, одновременно обливаясь потом и коченея, пока не спилили четыре или пять железных кругляшей. Пожалуй, этого было достаточно.

Мы спустились. Были так обессилены, что не могли произнести ни слова. Когда я свернул на Дальбергштрассе, невдалеке на колокольне Либфрауенкирхе пробило четыре. Я поднялся по лестнице, вошел в квартиру и, все еще продолжая дрожать от холода, забрался в постель.

Вечером мать рассказала, что на одной из фабричных труб в Неккарштадте с утра до обеда развевалось красное знамя и лишь около полудня полицейские и пожарные сняли его. Я промолчал. Итак, пять — от силы шесть часов было видно знамя. Стоила ли игра свеч? И все же, и все же! Сколько людей видели наше знамя! По крайней мере, мы дали им знак: Коммунистическая партия живет и борется.

Своего друга Оскара Рау несколько месяцев спустя я потерял из виду. Это был верный, надеждый друг. После войны товарищи рассказали мне, что в 1939 году Оскара призвали на военную службу и позже послали на Восточный фронт. При попытке перебежать на сторону советских войск он был застрелен фашистским офицером.

Написано много воспоминаний, в которых борцы Сопротивления рассказывают о том, что им пришлось увидеть и пережить в борьбе против фашизма. Написано немало повестей и романов, в которых писатели увековечивают подвиги

борцов-антифашистов. Вспоминая теперь пережитое мною в годы подполья, я не вижу в нем чего-то особенного. То же самое выпало на долю тысяч других антифашистов. Так же, как и они, я радовался и обретал новые силы, когда очередной акции сопутствовал успех или когда в наши ряды приходил новый товарищ по борьбе. Так же, как и они, я боялся за безопасность и жизнь товарищей и был вне себя от горя, когда узнавал, что кто-то из них арестован. Так же, как и другие, я приходил в отчаяние, когда, проделав долгий путь в качестве связного и прибыв на место встречи, никого не заставал там и не знал, где бы передохнуть часок-другой в безопасности.

Это было так же неотделимо от повседневной жизни борцов антифашистского Сопротивления, как и наша вера, во имя которой мы шли на все, вера в то, что наша ненависть к фашистам справедлива и гуманна, что будущее за нами, рабочими, что оно принадлежит социализму и коммунизму, а не фашистам. Мы боролись за жизнь, достойную человека, за достойный человека общественный строй. И поэтому мы продолжали оставаться людьми — со всеми их мелкими заботами и большими чувствами, надеждами и желаниями, радостями и страданиями, слабостями и недостатками.

Мы не смотрели на себя как на эпических героев, которым уже в колыбель клали меч. Но мы вросли в классовую борьбу и уже не могли, не хотели в трудную минуту отступиться от борьбы за дело рабочего класса. Антифашисты этих трудных лет отличались тем, что заботу о будущем своего народа, борьбу за него они ставили выше собственного благополучия. Они не щадили себя, постоянно преодолевали свои слабости и не сдавались, продолжая сопротивляться фашистам в почти безвыходных ситуациях. Но и тогда они оставались прежде всего людьми с их потребностями и привычками, заботами и желаниями.

Об этом необходимо сказать вот почему. Когда автор стремится ограничить свои воспоминания самым существенным, у читателя может возникнуть одностороннее представление, будто бы автор только боролся и никогда не смеялся и не любил. Конечно же, это было не так, даже во времена борьбы против фашистской диктатуры.

Говоря словами Розы Люксембург, при необходимости мы были готовы бросить свои жизни на чашу больших весов судьбы, но и мы же были способны радоваться каждому погожему дню, каждому красивому облачку в небе.

Необходимо сказать еще вот что. Борьба против фашистской диктатуры была для нас в первую очередь борьбой классовой, которую мы, поскольку вросли в нее буквально с детства, не воспринимали как нечто необычное, и это обстоятельство, конечно, определяет, что́ именно приходит на память, когда начинаешь вспоминать то, что десятилетия спустя представляется достойным воспоминания.

У меня нет заметок или записей того времени. Мы вели их только в абсолютно необходимых случаях, потому что иногда даже крохотный клочок бумаги с именем или адресом мог сыграть роковую роль. Поэтому многие связи, которые я имел или установил в годы нелегальной работы, сегодня либо вообще не поддаются реконструкции, либо реконструируются с большим трудом. Многие товарищи, с которыми я знакомился, носили вымышленные имена. Я встречался с ними, а затем терял их из виду. Такова специфика конспиративной работы.

Так, два десятилетия спустя после описываемых событий во время разговора с Эрихом Хонеккером неожиданно выяснилось, что мы встречались с ним на нелегальной работе летом 1934 года в Мангейме и, весьма возможно, также еще один раз, годом раньше. Эрих Хонеккер рассказал, что он в те времена работал политруководителем Коммунистического союза молодежи Германии в Саарской области, а затем старшим консультантом по юго-западным округам КСМГ и неоднократно бывал по делам в Мангейме, в частности, для того чтобы обсудить меры по поддержке нелегальной работы в фашистской Германии.

Хотя для того или иного товарища условия работы и конкретная ситуация могли порой быстро меняться, в целом будни партийной работы были в известном плане монотонными: не каждая конспиративная встреча, не каждое совещание давали что-то новое или существенное; между отдельными акциями или совещаниями порой лежали дни и недели ожидания, поэтому сегодня бывший подпольщик вряд ли в состоянии точно отграничить друг от друга и соотнести по времени те или иные события своей жизни. Так что в последующем я вынужден буду ограничиться отображением лишь наиболее существенных эпизодов и впечатлений и не ставлю себе целью дать полный обзор моей жизни и деятельности в период антифашистской борьбы в Германии.

В первые недели и месяцы после захвата власти фашистами нашей работе благоприятствовало то обстоятельство, что нацисты в Мангейме были все еще относительно слабы

и им необходимо было немалое время, чтобы захватить прочные позиции в муниципальных органах города.

Главный архитектор при Гитлере, а позже министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер, приговоренный в 1946 году Международным военным трибуналом в Нюрнберге как фашистский военный преступник к двадцати годам тюремного заключения, в своих мемуарах, написанных им в тюрьме Шпандау, вспоминает об этом обстоятельстве. Вскоре после 30 января 1933 года Шпеер участвовал в одном из собраний мангеймской городской организации НСДАП. «Мне бросилось в глаза, — пишет он, — сколь незначителен личный и духовный капитал, собранный партией. «С такими людьми нельзя править страной», — подумалось мне, но это беспокойство оказалось беспочвенным. Старый чиновничий аппарат продолжал бесперебойно функционировать и при Гитлере».

В апреле и мае 1933 года в местной мангеймской прессе время от времени мелькали сообщения о том, что тот или иной служащий муниципалитета досрочно уволен на пенсию и заменен таким-то и таким-то членом НСДАП. Однако за окошечками мангеймских бирж труда в этот период еще продолжали сидеть почти исключительно старые чиновники — многие из них социал-демократы.

Точно так же обстояло дело и с мангеймской полицией, которая до начала марта все еще подчинялась социал-демократической администрации города. Воспитанные в духе неуклонного и добросовестного выполнения своего долга перед буржуазным государством, многие старые полицейские и при новых властителях продолжали чувствовать себя слугами государства. Лишь немногие поняли, что нацисты также и их враги. Некоторые опять же делали ставку на то, что правительство Гитлера все равно скоро потерпит крах. Зачем же тогда ссориться с нацистами? Наконец, среди старых служак из социал-демократов были люди, которые продолжали выполнять свои обязанности из страха перед безработицей, несмотря на то что внутренне они отвергали фашизм.

Для нацистов была выгодна эта столь различно мотивированная лояльность городских служащих. Кое в чем извлекали из этого пользу и мы. Так, благодаря этому мне до лета 1933 года без каких-либо осложнений удавалось регулярно, раз в неделю, получать свое пособие. Однажды служащий, подмигнув мне, шепнул: «На следующей неделе — в восемь часов, сразу же после открытия!»

В другой раз он велел мне прийти около двенадцати. Все

это делалось не без основания. Дело в том, что агенты политической полиции из Карлсруэ, одетые под безработных, регулярно появлялись в местах выдачи пособий, разыскивая там коммунистов и «другие элементы, представляющие опасность для государства». Служащие, выдававшие пособия, знали об этом и подсказывали нам, когда можно приходить. Одного моего старого друга из Юнгбуша, также члена комитета 1-го промышленного района, однажды предупредил мангеймский полицейский: «Немедленно смывайся! И не показывайся больше дома».

И действительно, на следующее утро за ним пришли двое из уголовной полиции. Но было уже поздно.

В первые месяцы после 30 января 1933 года благодаря помощи таких вот служащих из числа социал-демократов удалось избежать ареста ряду мангеймских коммунистов. Это утвердило нас во мнении, что мы можем рассчитывать на некоторых товарищей из СДПГ.

Летом 1933 года в Мангейме, так же как и в других местах, нацисты резко усилили репрессии в отношении всех тех, кто казался им опасным или подозрительным. Все чаще мы узнавали, что арестован такой-то товарищ или провалилась такая-то группа. Свою роль здесь играли порой злополучные случайности, а в отдельных случаях также и предательство.

Где-то в середине июля 1933 года раздался стук и в дверь нашей квартиры. К счастью, меня не было дома. Несмотря на сильный испуг, моей матери удалось сделать вид, что она ни о чем не догадывается. Сказав, что я уехал, она заверила обоих «господ», что завтра после обеда ее сын обязательно вернется. В тот же вечер я простился с матерью. Конечно, я уже давно учитывал возможность разлуки. Но вот теперь, когда пробил этот час, мне было куда тяжелее, чем я мог себе представить. С матерью я расстался с наигранным оптимизмом: «Будь здорова! Это ненадолго!»

В этот момент она, пожалуй, сильнее, чем я, почувствовала, сколь сомнителен этот прогноз. Еще раз, накоротке, я увиделся с матерью осенью 1933 года, а потом уже только в 1938 году, когда, после ранения, лежал в госпитале под Парижем.

Тогда я был не единственным, кто надеялся на скорое поражение нацистов. Мы чувствовали, что не одиноки в нашей борьбе. Даже в самых сложных и опасных ситуациях нам удавалось находить людей, которые помогали нам, а иногда даже были готовы оказать поддержку нашей антифашистской борьбе. Отнюдь не только коммунисты давали

нам убежище, разрешали печатать листовки в своих квартирах, своевременно предупреждали о полицейских облавах, передавали нам сообщения, помогали организовывать конспиративные встречи. Сотрудничество с товарищами из социал-демократической партии, с социал-демократической молодежью свидетельствовало о том, что и в СДПГ есть силы, которые хотели бороться вместе с нами. Все это давало нам уверенность, что, несмотря ни на что, нам удастся создать широкий антифашистский фронт и свергнуть диктатуру Гитлера.

Вспоминаю разговор с одним товарищем, который состоялся незадолго до того, как мне пришлось покинуть свой дом. Есть люди, сказал он, которые оценивают обстановку весьма пессимистично и считают, что теперь все не имеет смысла. Это неправильно, с такими мнениями нужно энергично бороться. О поражении не может быть и речи. Наоборот, мы можем рассчитывать, что все начнется со дня на день. Все товарищи должны знать это и находиться в готовности. Следует исходить из того, подчеркнул товарищ, что немецкий рабочий класс не потерпел поражения, а лишь временно отступил. Мы стоим на пороге революционной ситуации, а тогда уже свержение гитлеровской диктатуры будет делом нескольких дней.

Я размышлял над этими словами товарища. С одной стороны, они наполнили меня уверенностью, но, с другой, я спрашивал себя, с помощью кого и чего мы нанесем удар, если партия действительно подаст сигнал к выступлению. Всеобщая забастовка? Она не удалась нам ни до, ни после 30 января, а ведь с тех пор наше влияние на предприятиях ни в коей мере не возросло — во всяком случае, в Мангейме. Выступить против нацистов с оружием в руках? А есть ли оно у нас? Достаточно ли его?

Информация, которую мы черпали из «Роте Фане» и других нелегальных материалов, не давала возможности составить представление о положении вещей в широком масштабе. Возможно, положение в Рурской области, Тюрингии или Саксонии более благоприятно для нас, чем здесь, в Мангейме. Нужно было выжидать, не ослабляя наших усилий, пробуждать людей и вовлекать их в общую борьбу с диктатурой Гитлера.

При всем оптимизме нельзя было, однако, не видеть, что влияние нацистов на большую часть населения росло. Это объяснялось, в первую очередь, воздействием на многих людей их широковещательных обещаний, их утонченной демагогии, действенность которой подкреплялась, с одной сто-

роны, постепенным ослаблением экономического кризиса, а с другой — непрерывными демонстрациями грубого насилия со стороны нацистов и арестами антифашистов. Этим нацисты систематически запугивали не только массы мелкой буржуазии, но и часть рабочих.

Принимая созданное 13 марта 1933 года министерство агитации и пропаганды, Геббельс заявил: «Можно расстреливать из пулемета противника до тех пор, пока он не признает превосходство того, у кого пулемет... Но можно также преобразовать нацию с помощью духовной революции и врага не уничтожать, а привлекать на свою сторону».

Нацисты, стремясь запрячь немецкий народ в свою колесницу, делали и то и другое: фашистскую демагогию они сочетали с кампанией запугивания и физического террора, и, надо сказать, небезуспешно. Характерными в этом отношении являются действия фашистов, предпринятые ими в конце апреля по всей стране. О том, как это выглядело в Мангейме, можно судить по сообщению полиции, опубликованному накануне 1 мая: «В субботу в Неккарау на ряде улиц были разбросаны коммунистические листовки изменнического содержания; 27 человек, функционеров и членов КПГ, заподозренных в причастности к этому делу, доставлены в районную тюрьму».

Очевидно, нацисты ожидали 1 мая со смешанным чувством, опасаясь, как бы где-нибудь не возникли митинги и демонстрации, которые были в Мангейме, как и во многих других городах, глубоко укоренившейся традицией. Поражение, которое нацисты потерпели 5 февраля в Неккарштадте, только усиливало эти опасения.

Однако фашисты сделали то, чего не могли сделать ни кайзер, ни правительство Веймарской республики: они объявили 1 мая государственным праздником — Национальным днем труда. Рабочим и служащим мангеймских предприятий было велено собраться утром на заводских дворах. Тем, кто последовал призыву «Революционной профсоюзной оппозиции» остаться в стороне от «марша в унификацию[1] и рабство» и не явился на сбор, засчитывался прогул, так как в его карточке на проходной не было отметки контрольных часов.

В то 1 мая в массовом нацистском митинге, проходившем на мангеймском стадионе, участвовали 80 тысяч человек.

---

[1] Унификация — приобщение к нацистской идеологии в фашистской Германии. — *Прим. ред.*

Во всяком случае, так сообщила на другой день нацистская пресса. По улицам ходил оркестр штурмовиков, колонны коричневорубашечников и молодчиков из «Стального шлема» горланили песни «Германия, Германия превыше всего» и «Хорст Вессель». Вечером было объявлено, что правительство Гитлера приняло грандиозную программу, благодаря которой сотни тысяч рабочих получат работу и хлеб: будет построена гигантская сеть первоклассных автомобильных дорог общей протяженностью 6500 километров.

Это был первомайский пряник, а утром последовал удар хлыста: были конфискованы типография социал-демократической газеты «Фольксштимме» и все имущество потребительской кооперации. Штурмовики захватили «Народный дом» в квартале Р4 и перерыли все в служебных комнатах рабочего секретариата, комитета представителей советов предприятий и организации рабочей взаимопомощи. То же самое произошло и в квартале Т5. Там находились рабочие помещения профсоюза металлистов. Нацисты конфисковали все профсоюзное имущество, разграбили и поломали мебель и оборудование, подвергли издевательствам профсоюзных функционеров и арестовали их. Профсоюзы были разгромлены. Началась принудительная запись в фашистский «Немецкий трудовой фронт» — как в Мангейме, так и по всей стране.

Все это не могло не сказаться на населении. Росли подавленность, страх и неуверенность, но одновременно возникала и обманчивая надежда: может быть, Гитлер все же выполнит свои обещания в социальной области и простые люди заживут прилично? Многие рассчитывали на это не потому, что их убедила фашистская пропаганда, а потому, что продолжавшиеся годами экономический кризис, голод, заботы и лишения в семьях в такой степени измотали их, что они хватались за это как утопающий за соломинку в надежде получить работу.

Вспоминаю дискуссии, которые велись, когда в Мангейме стали продаваться в рассрочку первые так называемые «народные радиоприемники» с выплатой по 4 марки 40 пфеннигов в месяц. Правда, для того чтобы выплатить 76 марок, полную стоимость «народного приемника», нужно было платить почти полтора года. И все-таки! В Веймарской республике ничего подобного не было. «Все-таки они думают о простых людях», — рассуждали некоторые и не догадывались о том, что, принеся в свою квартиру «глотку Геббельса», они не только скрасят свои вечера после работы, но одновременно откроют двери фашистской пропаганде.

Постепенно в экономике и промышленности началось оживление, нижняя точка экономического кризиса была пройдена. Некоторым отраслям хозяйства требовалась рабочая сила. Количество безработных снизилось. Если в конце 1932 года в городском округе Мангейма было зарегистрировано 34 400 безработных, то год спустя их число сократилось до 27 300, а в конце 1934 года — до 17 400. Многие из тех, кто за это время нашел работу, видели в этом подтверждение того, что НСДАП выполняет свои обещания.

Влияние фашистов росло и среди сельского населения. Это было заметно и в Бадене с его сравнительно высокой долей мелкого и среднего крестьянства среди населения. Гитлер обещал «спасти немецкого крестьянина» и «восстановить рентабельность» сельскохозяйственных предприятий. Еще в 1933 году правительство рейха осуществило первые мероприятия в области аграрной политики: после того как кризис пошел на убыль, были установлены твердые цены на определенные сельскохозяйственные продукты. Этим было предотвращено падение цен. Введением обязательных поставок в определенном объеме крестьянам был обеспечен гарантированный сбыт их продукции. Это приветствовали прежде всего мелкие и средние крестьяне. Многие видели в новой политике цен выражение особой заботы Гитлера о сельском населении.

Конечно, все это не могло не отразиться на нашей работе. Когда мы пытались вступить в разговор с людьми, многие из них отмалчивались — частью потому, что боялись, как бы не попасть на заметку властей или, что еще хуже, не прослыть одним из тех, кто симпатизирует коммунистам; частью также потому, что сомневались в правильности наших мнений и оценок. Многие считали наши доводы преувеличением, говорили, что мы видим все «в черном свете», называли нас пессимистами. Чаще всего так было, когда мы заводили речь о жестокости и опасности фашизма.

Тем временем окружные организации КПГ были разукрупнены: вместо 28 партийных округов в конце 1934 года было создано 48, которые были сведены в 9 областей. В связи с этим изменилась также и структура руководящих органов бывшей окружной парторганизации Баден — Пфальц. Северная часть Бадена с вновь созданным окружным комитетом Баден — Мангейм и окружная партийная организация Пфальц — Кайзерслаутерн вошли в область «Юго-Запад», а остальная часть Бадена — в область «Юг».

Вначале связь между Центром — так мы тогда именовали Центральный комитет партии — и областями и округа-

ми осуществлялась старшими советниками и советниками (сегодня мы именовали бы их старшими инструкторами и инструкторами). Они направляли работу окружных организаций, давали указания и информацию, необходимую для нелегальной работы. Одновременно эти товарищи собирали для Центрального комитета материал о положении в отдельных округах, который частично использовался при написании листовок, нелегально провозившихся в Германию из-за границы.

До осени 1933 года деятельность нашего окружкома направлял Генрих Рау, работавший в то время по заданию Центрального комитета на юге и юго-западе страны. Приблизительно в то же самое время в Мангейме действовала и Клара Матиес. С ней в начале сентября у меня состоялась встреча на конспиративной квартире на Гумбольдштрассе в Мангейме. Много подробностей того времени изгладилось из моей памяти, но до сих пор я помню пароль этой встречи: «Я хотел бы поговорить с Амандой».

Мы были с Кларой приблизительно одного возраста. Я получил от нее задание подобрать несколько надежных квартир для юношей и девушек, которые направляются в Париж для участия 22—25 сентября 1933 года во Всемирном конгрессе молодежи против войны и фашизма и по дороге остановятся в Мангейме и Людвигсхафене.

Под именем Клара Матиес в действительности скрывалась товарищ Берта Карг. С ноября 1932 года она была членом ЦК Коммунистического союза молодежи Германии, по поручению которого помогала организовать антифашистскую работу в КСМГ и в других молодежных организациях в Бадене, на Среднем и Нижнем Рейне, а также в Тюрингии. Берта Карг установила контакты с католическими молодежными группами и сотрудничала с функционерами католического молодежного движения, например с капелланом доктором Юзефом Россентом, который позже был одним из обвиняемых на проходившем в 1937 году берлинском судебном процессе против католиков и был приговорен к тюремному заключению. В конце января 1934 года Берта была арестована гестапо и приговорена к пятнадцати годам тюрьмы.

Приблизительно во второй половине 1933 года в дополнение к связям, которые поддерживались с помощью инструкторов, были налажены связи через вновь созданные так называемые пограничные пункты (пограничные опорные пункты). Они были образованы по решению Центра на границах со Швейцарией, с Саарской областью, Голландией, Данией и

Чехословакией. Эти пограничные опорные пункты не являлись самостоятельными комитетами партии, а были своего рода вспомогательными органами партийного руководства, и они становились все более и более необходимыми для нашей работы. Через них мы получали все нелегальные печатные материалы, за исключением тех, которые могли изготовить сами, силами окружкома и работавших в Мангейме нелегальных групп. Окружная организация Баден — Мангейм имела связь с пограничным пунктом в Саарбрюккене, а затем и с пограничными пунктами в Саарлуи и Базеле, последний из которых вскоре был перенесен в Цюрих. На эти пограничные пункты мы посылали наших связных с целью передачи и получения информации, иногда же товарищи оттуда приезжали в Мангейм. Товарищей, уезжавших по решению партии в эмиграцию, перебрасывали за границу также через эти пункты.

Начиная с осени 1933 года я по поручению окружкома часто разъезжал в качестве связного: сначала ездил в южную часть округа — Гейдельберг и Карлсруэ, затем неоднократно в Саарскую область и однажды, летом 1934 года, в Швейцарию.

Бывало, что я по нескольку раз в месяц ездил в Саарскую область — чаще всего на поезде через Нейштадт-ан-дер-Вайнштрассе, Кайзерслаутерн, Ландштуль, Хомбург, Санкт-Ингберт до Саарбрюккена. Один приятель с улицы Дальбергштрассе, работавший в одном из мангеймских транспортных агентств шофером, знал о моих поездках, однако не был посвящен в их истинные цели. При возможности он брал меня с собой. Поездки на старенькой дребезжащей пятитонке хотя и занимали куда больше времени, чем на поезде, но были менее рискованны. В случае необходимости я выступал в роли водителя-сменщика и, кроме того, мог на обратном пути более-менее надежно запрятать свой «пакет с бельем» в кузове. В нескольких километрах от Хомбурга мы пересекали границу Пфальца и Саарской области.

Вскоре некоторые таможенники стали обращаться с нами как со старыми знакомыми: выкуривали с нами за компанию по сигарете, болтали о том о сем. Я рассказал им, что у меня в Саарбрюккене невеста, которая заботилась о моем белье. (Я хотел подстраховаться на всякий случай, если при таможенном контроле они обратят внимание на мой багаж.) В первые месяцы все проходило без сучка и задоринки. Моя «невеста», очевидно, интересовала таможенников куда больше, чем надоевшие им таможенные досмотры, которые, помимо всего прочего, почти всегда бывали безрезультатны.

Я же подбрасывал темы для разговоров, а они подтрунивали надо мной.

— Ну что, опять собрался к невесте? Ведь только недавно вернулся оттуда! Погоди, доживешь до моих лет, поубавишь пылу!

Моя многозначительная ухмылка как бы подтверждала их догадки. Ну, конечно же, кто ездит к невесте только для того, чтобы обменять грязные рубашки на свежевыстиранные? Небрежное «Пока!» — и мы на нашей колымаге беспрепятственно продолжали свой путь в Саарбрюккен.

Позже пограничный контроль был усилен постами жандармерии, а периодически он подкреплялся постами СС. Все чаще я пользовался поездом. Когда я ехал туда, то чувствовал себя более или менее уверенно. Информацию, которую я должен был передать связному в Саарбрюккене (чаще всего это были сведения о настроениях в коллективах мангеймских предприятий и контактах с товарищами из СДПГ), я хранил в своей голове, лишь несколько цифр были записаны на крохотном клочке бумаги, который в случае необходимости я мог незаметно выбросить. Куда опаснее был обратный путь. Я вез от восьми до десяти матриц газеты «Роте Фане», а иногда и весьма приличных размеров сверток с уже отпечатанными экземплярами газеты, так же как и во время моих поездок на грузовике замаскированный под пакет с бельем или вложенный в чемодан для белья.

Со временем я настолько поднаторел в этом деле, что чувствовал себя почти что уверенно — до тех пор, пока однажды пограничники не заставили меня выйти из вагона для досмотра. Что делать с пакетом? Взять с собой? Оставить? Сделать вид, что он не мой? Времени для раздумий не было. Эсэсовец, проводивший контроль, торопил:

— Давай, давай, пошевеливайся!

Я оставил пакет в багажной сетке.

— Молодой человек, молодой человек! — прокричала мне вслед пожилая женщина, ехавшая со мной в одном купе.

«Если она сейчас напомнит о пакете и этот тип из СС обратит на это внимание, то мне конец!» Я покрылся потом, однако эсэсовец торопился, и это спасло меня.

— Еще успеете наболтаться! — прикрикнул он и повел меня из вагона.

Меня привели в маленькую комнату. За широким столом сидел таможенник, который знал меня по моим поездкам на грузовике. Облегченно вздохнув, я кивнул ему. Два других таможенника и эсэсовец были заняты осмотром чемоданов, пакетов и сумок пассажиров. Багажа у меня с собой не бы-

ло, но они обратили внимание на мои оттопыренные карманы.

— Ну-ка, быстро все из карманов!

С легкой душой я выгреб все из карманов на стол, в том числе несколько пачек сигарет, купленных в Саарбрюккене, поскольку некоторые сорта табачных изделий были там дешевле, чем у нас, в Мангейме. «Мой» таможенник усмехнулся.

— Однако невеста неплохо тебя снабжает! Будет тебе наукой в следующий раз! Проваливай!

Меня отпустили. Я влетел в свое купе, мой «пакет с бельем» был на месте.

Не только «дорожный багаж» делал опасной работу связного. С риском была связана каждая конспиративная встреча. Где-то мог получиться «прокол», можно было привлечь к себе внимание или навлечь на себя подозрение необдуманным поведением, могло не хватить присутствия духа в неожиданной ситуации или хладнокровия, чтобы обмануть своих преследователей и отделаться от «хвоста». Иногда смешивали все карты совершенно банальные случайности, поскольку заранее продумать во всех деталях удавалось лишь немногие встречи. Если запланированная встреча срывалась, то ты «повисал в воздухе», и порой требовался не один день, чтобы восстановить связь и получить возможность продолжить работу.

Нечто подобное случилось со мной в канун рождества 1933 года. Через связного мне было приказано отправиться в Гейдельберг и передать там устную информацию. Кроме того, я должен был получить от гейдельбергских товарищей адрес, по которому мне предстояло обратиться, чтобы получить пристанище на время рождества. Моя следующая встреча была назначена в Мангейме на 28 декабря.

Около полудня я прибыл в Гейдельберг. Встреча должна была состояться во второй половине дня в маленьком кафе недалеко от гейдельбергского центрального вокзала. Итак, у меня еще было время, и я пошел побродить по улицам, полюбоваться украшенными к рождеству витринами магазинов. Интересно, что сейчас делает мать? Где она — дома или у бабушки? В прошлом году мы праздновали рождество все вместе.

Потом я пришел в условленное кафе, сел за стол и, заказав кружку пива, не в очень-то праздничном настроении стал поджидать товарища. Мне казалось, что время ползет как черепаха. Время встречи давным-давно миновало, а я все еще продолжал оставаться единственным посетителем в

маленьком зале. Товарищ не шел. Может быть, он арестован? Или гейдельбергские товарищи перенесли встречу? Я решил ждать дальше — ничего другого мне не оставалось. Хозяин начал ворчать. Он хотел закрыть кафе. В семь часов вечера я стоял на улице, на которой не было ни души. Все праздновали рождество. В окнах виднелись рождественские елки, слышались звуки рождественских песен.

Я пошел по главной улице, мимо университета до замка, а потом назад. Мне было холодно. Я искал какое-нибудь кафе, чтобы выпить чего-нибудь горячего, но все было закрыто. Про себя я проклинал товарища, бросившего меня «на произвол судьбы», хотя мне и было ясно, что могло возникнуть множество объективных причин, по которым встреча не состоялась.

К полуночи я вернулся на вокзал: решил, что это самое надежное. Если полиция обратит на меня внимание, то я смогу отговориться тем, что опоздал к последнему поезду на Мангейм. Ночь я провел на скамейке и ранним рождественским утром, усталый и голодный, отправился назад в Мангейм, где кое-как проболтался до 28 декабря, дня следующей встречи, ночуя в садовой беседке в Неккарштадте. В своем родном городе я оказался без пристанища.

Летом 1934 года я в качестве связного совершил длительную поездку в Швейцарию. В Цюрихе должно было состояться совещание окружных организаций КПГ Южной и Юго-Западной Германии. Мне было поручено передать в Цюрих информацию, необходимую для подготовки этого совещания, и представлять на нем рабочую группу «Юг» областной организации КПГ «Юго-Запад».

Товарищ, ожидавший меня недалеко от вокзала Вальдсхут, вручил мне паспорт на другое имя, а его «знакомый» переправил меня через границу в Швейцарию. От этого товарища я узнал, что такие швейцарские города, как Базель, Цюрих или Берн, далеко не безопасные места. Об осторожности там забывать не следует.

До того времени я был практически не знаком с политическим положением в Швейцарии. Я знал лишь, что некоторые товарищи, преследуемые гестапо, а также евреи, увидевшие в организованных фашистами «еврейских погромах» и в фашистских расовых законах смертельную угрозу, бежали в Швейцарию. Швейцарский парламент слыл органом буржуазной демократии, но исполнительная власть находилась в руках федерального совета, который был парламенту неподотчетен. Он проводил внутреннюю и внешнюю политику, служившую прежде всего интересам крупной швейцар-

ской буржуазии, которые существенно переплетались с интересами немецкого банковского и промышленного капитала. Некоторые банкиры и финансовые магнаты Швейцарии не скрывали своих симпатий к Гитлеру.

Жизнь эмигрантов в Швейцарии была тяжелой, полной лишений и отнюдь не безопасной, прежде всего для коммунистов. Они хотя и получали всестороннюю помощь от местных коммунистов, но никогда не были застрахованы от преследований швейцарской полиции. Так что в своей антифашистской работе они вынуждены были проявлять величайшую осторожность. Нередко швейцарская полиция арестовывала коммунистов или связных и, как говорили в Швейцарии, «выдворяла» их. Это означало, что их попросту высылали через границу, чаще всего во Францию. С некоторыми товарищами в течение короткого времени это случалось по десять — пятнадцать раз. Иногда же «выдворение» означало путь в фашистский концлагерь или в логово гестапо на берлинской улице Принц-Альберт-штрассе, так как агенты гестапо и СД шныряли и по Швейцарии.

В Цюрихе меня на несколько дней приютила супружеская пара средних лет. Был ли кто-нибудь из них членом компартии, я так и не узнал. Товарищ, который в районе Вальдсхута уверенно провел меня через границу, строго-настрого наказал мне ни с кем не говорить о политике, за исключением тех случаев, когда я буду точно знать, с кем имею дело. Я беседовал с моими приветливыми хозяевами обо всем на свете, но только не о политике — до тех пор, пока вечером накануне моего отъезда хозяин не полез в шкаф за бутылкой, чтобы налить мне и себе по рюмке водки. Когда он убирал бутылку в шкаф, я заметил там винтовку, подсумок и военную форму.

Меня это удивило, поскольку я знал, что мой хозяин — мелкий служащий какого-то коммунального учреждения в Цюрихе. Тут наш разговор сам собой соскользнул на политику, так как я просто не мог удержаться от вопроса: неужели в миролюбивой Швейцарии принято, чтобы граждане имели дома оружие и боеприпасы?

В разговоре со своими хозяевами я узнал некоторые интересные подробности о военной системе в Швейцарии, и прежде всего о федеральных вооруженных силах и их милиционном характере. В мирное время гражданин Швейцарии должен пройти двухмесячную действительную службу в так называемой школе рекрутов, а затем пройти в качестве бойца ландвера или ландштурма в течение шестнадцати лет восемь повторных сборов сроком в одиннадцать — четырна-

дцать дней. Продолжительность сборов для унтер-офицеров и офицеров федеральных вооруженных сил была соответственно больше. Личное оружие, обмундирование и снаряжение личный состав вооруженных сил имел при себе. Их состояние проверялось дважды в год. Кроме того, швейцарским ополченцам настоятельно рекомендовалось вступать в стрелковые общества по месту жительства и активно участвовать в добровольных учебных стрельбах и праздниках стрелков.

Я узнал также, что данная форма воинской службы для швейцарских граждан, сохранившаяся в своих существенных чертах до сегодняшнего дня, восходит к наполненному революционными событиями 1848 году. Однако ее исторические корни уходят еще дальше — в эпоху средневековья. Зарождение этой военной структуры можно обнаружить еще в законах о воинской повинности многих средневековых городов, жители которых уже тогда рассматривали гражданские права и воинскую обязанность как нечто неотделимое друг от друга.

Обо всем этом мой хозяин рассказывал со знанием дела и не без гордости, а когда он дошел до описания праздников своего цюрихского общества стрелков с бесплатным пивом и танцами до упаду, то в голосе его зазвучал восторг.

Слушая собеседника, я подумал о том, что милиционная военная структура дает возможность постоянно иметь оружие также и представителям рабочего класса, и это обстоятельство в случае революционной ситуации (которой тогда в Швейцарии, конечно же, не было) было бы, безусловно, выгодно для трудящихся. Лишь позже, основательно занявшись изучением военно-научных проблем, я познакомился, помимо всего прочего, с тем механизмом, при помощи которого буржуазная милиционная армия может задушить в зародыше любое революционное движение.

Однако в то время я еще не постиг всего этого. Кроме того, в тот момент мне нужно было обдумать куда более важные вопросы. Цюрихские товарищи сообщили, что совещание перенесено на более поздний срок, о котором нам своевременно сообщат. Таким образом, моя миссия в Цюрихе была закончена. Раньше предусмотренного срока я отправился в обратный путь — на этот раз, по указанию швейцарских товарищей, через Винтертур, Оссинген, в район Мамерна на берегу Унтер-Зе, южного рукава Боденского озера.

Там меня ожидал связной. Он переправил меня на лодке на германский берег и посоветовал все время держаться северного направления: идти через гору Шинерберг до реки Аах и далее на Зинген. Я торопился — до рассвета остава-

лось всего два часа. За это время я хотел выйти из пограничной зоны. Приблизительно через час, когда 700-метровый Шинерберг остался у меня за спиной, раздался оклик «Стой!».

Как из-под земли передо мной выросли двое таможенников. Они проверили мой паспорт и содержимое сумки, в которой почти ничего не было, кроме нескольких личных вещей, и безучастно выслушали мои объяснения (я сказал, что возвращаюсь из Эпингена, где был в гостях у тетки). Затем один из таможенников описал мне дорогу в Зинген, сказав, чтобы я строго придерживался этого маршрута, в противном случае у меня могут быть неприятности. «Кроме того, это самый короткий путь», — добавил он. Я поблагодарил и пошел дальше.

Удивленный столь неожиданно любезным обращением таможенников, я вскоре заметил трех человек в какой-то форме, шедших мне навстречу. Кто это был — таможенники, эсэсовцы или жандармы, я не разглядел в слабом утреннем свете. Но как бы там ни было, а нервы мои вдруг сдали, и я, перепрыгнув через кювет, бросился в густые заросли молодых деревьев, швырнул бумажник с фальшивым паспортом и побежал. Я мчался что было мочи. Когда я остановился перевести дух и прислушался, то услышал лишь щебетание птиц и ни одного постороннего звука.

Кажется, мне удалось уйти незамеченным! Но что делать теперь? Вернуться? Но найду ли я то место, где выбросил документы? Кроме того, можно нарваться на тех, от кого я бежал. Наверное, таможенники специально дали мне такой маршрут, где я должен был столкнуться с патрулем! Я решил идти дальше и без дальнейших происшествий добрался до станции Зинген.

У билетного окошечка я с ужасом обнаружил, что вместе с бумагами выкинул и часть денег. Тех, что у меня остались, едва хватило на билет до Виллингена. Я проклинал свою безрассудность. Если бы они меня поймали, то без документов мое положение было бы куда хуже, чем с фальшивым паспортом. Что будет, если кто-то найдет мои документы и передаст их в полицию? Постепенно до меня доходило, что я допустил очень скверную оплошность.

Мне пришлось выйти, немного не доезжая до излучины Дуная. Здесь в небольшой сельской общине Кленген жила сестра моей матери. В юности я несколько раз бывал па каникулах в Кленгене. Здесь я знал каждую тропинку и подружился с некоторыми ребятами. Но все это было несколько лет назад. Мне думалось, что визит к дяде и тете Гейслер

не будет связан с риском. Что, собственно говоря, могло со мной случиться в этой деревне? Я хотел как следует выспаться и занять немного денег, чтобы добраться до Мангейма.

Тетушка нашла, что я похудел, и на следующий день угостила меня прямо-таки царским завтраком. Когда я наслаждался великолепной едой, в дверь постучали, и вошел жандарм при полном параде. Если спросит документы, то мне конец! Однако события приняли совсем иной оборот.

— Это Карл из Мангейма. Сын моей сестры. Безработный, — представила меня тетка и сказала, что жандарм — ее зять.

Из оживленного разговора между обоими я узнал еще одну новость: мой двоюродный брат Фердинанд год назад женился на дочери кленгенского бургомистра. Ничего не скажешь, неплохие родственнички завелись у меня здесь!

Но, возможно, именно эти родственные узы и оградили меня от подозрений этих обоих деревенских начальников. Именно поэтому я и не возражал, когда тетушка предложила:

— Поживи у нас денек-другой. По крайней мере, поешь досыта!

Я остался: все равно мангеймские товарищи не ждали меня раньше следующей недели. Дядюшка Иоганн был доволен:

— Пойдешь завтра со мной! Надо как следует выпить. Ты так редко бываешь у нас, что это необходимо отметить.

По моему виду он, наверное, догадался, что меня это приглашение не слишком-то прельщает:

— Ты что? Не хочешь здесь никому показываться? Неужто ты до сих пор еще у красных?

Я ничего не ответил, и он истолковал мое молчание посвоему:

— Значит, завтра вечером!

Вот так я и оказался на следующий день вместе с дядей Иоганном в деревенском трактире. Постепенно зал заполнялся. Посетители — в основном крестьяне средних лет. Несколько человек постарше сидели в углу. Были здесь и пятеро молодых, чуть старше меня, парней в форменной одежде штурмовиков. Двоих из них я знал.

— Ага, Карл! Решил заехать к нам! Ну, как там дела в ваших краях?

Я с удовольствием ответил бы им грубостью. В сапогах со шпорами они гордо расхаживали по залу, как петухи по навозной куче.

Мне пришлось мобилизовать всю свою волю и самообладание, чтобы выглядеть как можно непринужденнее. Только не допустить ошибок и постоянно быть начеку! В более зрелом возрасте человек становится осмотрительнее, уравновешеннее и рассудительнее в своих отношениях с людьми, по крайней мере, так считается. Но в молодости мне порой не удавалось сдержать свой темперамент. Я быстро взрывался и говорил нелицеприятные вещи, даже если гораздо разумнее было бы проявить сдержанность.

Один южногерманский буржуазный краевед отметил, что эти черты характера свойственны жителям Франконии и Пфальца. Прежде всего, им присуще чувство собственного «я». Беседуя однажды с гидом в Гейдельбергском замке, этот исследователь спросил его, что тот думает о своей профессии. Гид дал следующий весьма характерный ответ:

— Мы для замка то же самое, что профессора для университета.

Как бы там ни было, но мне стоило больших усилий сделать вид, что для меня разговор со штурмовиками самая что ни на есть обычная вещь. Однако вечерние беседы за рюмкой водки, услышанные мной здесь, были для меня исключительно интересны и поучительны. Слушая их, я получал представление о результатах и последствиях аграрной политики фашистов — представление настолько наглядное, какое только можно пожелать.

По большинству крестьян было видно, что они многим недовольны и озабочены будущим. Больше всего были огорчены и раздражены те, кто постарше. Если еще год назад казалось, что экономическое положение мелкого и среднего крестьянства стало улучшаться, то теперь подобно многим другим лопнула как мыльный пузырь и эта надежда: цены на зерновые и корма поднялись, а закупочные цены на мясо и другие продукты животноводства остались прежними. Этот постоянно увеличивавшийся разрыв особенно губительно сказывался на здешних мелких и средних крестьянах, поскольку здесь, в Шварцвальде, они имели возможность заниматься только животноводством и вынуждены были подкупать зерно и корма, за которые крупные производители-капиталисты требовали все большую и большую цену. Многие крестьяне были вынуждены продать часть своего скота, а некоторые мелкие крестьянские хозяйства пошли с молотка за долги. Классовые противоречия в деревне заметно обострились, и не только здесь, в Кленгене.

Сидевшие за столом штурмовики — сами крестьяне — пытались успокоить своих односельчан: ведь в конце концов

«фюрер не может сразу же навести порядок» там, где другие годами «свинячили». Необходимо терпение и, прежде всего, доверие. У меня сложилось впечатлёние, что скептиков им так и не удалось переубедить.

Дискуссия приняла весьма ожесточенный характер, когда речь зашла о будущем порядке наследования крестьянских дворов. Образовались два фронта: с одной стороны, значительное большинство присутствовавших отвергали фашистский закон о наследственных дворах, а с другой — некоторые поддерживали новый закон, поскольку надеялись извлечь из него личную выгоду. Характерно, что не было единого мнения и среди пяти штурмовиков. И если бы двое из них в момент спора не были совершенно пьяными, то не избежать бы серьезной потасовки — штурмовики против штурмовиков!

Упомянутый «имперский закон о наследственных дворах» был издан нацистами в конце сентября 1933 года. Он был призван, как утверждали нацисты на принятом у них жаргоне, обеспечить «сохранение крестьянства — этого источника здоровой крови для всего немецкого народа, а также уберечь крестьянские дворы от долговой кабалы и дробления».

Во многих областях Южной и Юго-Западной Германии существовал обычай, по которому отцовский двор наследовал младший сын, а остальные наследники получали свою долю деньгами или же получали так называемую «обязательную долю» из наследственного имущества. В противоположность этому «закон о наследственных дворах» определял в качестве наследника старшего сына, а для всех остальных детей ничего не предусматривал, то есть они практически лишались наследства. До этого закона отец, переписавший двор на сына, получал в качестве «выдела» определенную сумму денег. По новому закону сын, ставший хозяином двора, мог выплачивать эту сумму продуктами или в форме других видов неденежной помощи. Таким образом, старикам крестьянам предстояло попасть в полную материальную зависимость от сыновей, унаследовавших их хозяйство, и эти сыновья могли использовать стариков как даровую рабочую силу, поступать с ними как заблагорассудится. Поэтому старые крестьяне не скрывали, что они собираются держать за собой двор столько, сколько смогут, а это, в свою очередь, разочаровывало и озлобляло их наследников, которые чувствовали себя обманутыми в своих надеждах побыстрее стать хозяевами.

Таким образом, хотя новый закон в какой-то мере и приостановил наблюдавшееся до этого дробление земельных наделов, хотя и дал единонаследникам кое-какие экономические

выгоды, но одновременно обострил социальные противоречия на селе. Оставшись ни с чем, младшие сыновья крестьян превращались в сельских пролетариев, пополняли ряды промышленных рабочих, шли на военную службу, а старики крестьяне, передавшие свое хозяйство старшим сыновьям, влачили жалкое, унижающее их достоинство существование.

Из-за всего этого и разгорелись в тот вечер в кленгенском деревенском трактире страсти, которые все больше и больше накалялись. Речь-то шла о наследстве, о деньгах. И было очень интересно наблюдать, как закоренелые нацисты поносят друг друга, хотя, по идее, они, все как один, должны были поддержать аграрную политику своего фюрера. Здесь я нашел подтверждение тому, что мелкие и средние крестьяне вовсе не так уж безраздельно и непоколебимо поддерживают нацистов, как это ежедневно утверждала нацистская печать. Союзников по борьбе с общим врагом мы могли найти и на селе.

Сначала я только внимательно слушал, ни во что не вмешиваясь, составляя свое собственное мнение. Но вскоре и меня втянули в спор.

— А теперь скажи ты, Карл. Хоть ты и не крестьянин, но как ты, однако, видишь все это со своей городской колокольни?

Теперь осторожность и еще раз осторожность! Я попытался выглядеть в этом споре нейтральным, однако дал понять тем, кто протестовал против высоких цен и нового закона о порядке наследования хозяйств, что мне не хотелось бы оказаться в их шкуре: не может быть хорошим закон, по которому один из членов семьи наживается за счет других и который прямо-таки толкает молодых на то, чтобы обижать и притеснять стариков. «Что-то здесь не так», — сказал я. Противники нового закона, которых было явно больше, были довольны, что получили поддержку.

На следующий день тетушка приготовила мне внушительный сверток с бутербродами. Я распрощался с Кленгеном и отправился в Мангейм, обогащенный новой интересной информацией.

Раздражение и разочарование по поводу политики правительства Гитлера в экономической и социальной областях распространились в эти месяцы не только среди крестьянства, но также и среди рабочего класса, мелкой буржуазии и средних слоев населения. То, что я наблюдал в Кленгене, было не случайностью, а выражением недовольства, особенно в тех группах населения, которым фашисты надавали больше всего обещаний и которые все больше и больше чувство-

вали себя обманутыми или же, в лучшем случае, испытывали разочарование. То же самое было и в Мангейме.

Конечно, многие безработные промышленные рабочие вновь получили постоянную работу и стали приносить домой деньги. Но зарплата по-прежнему оставалась низкой — во многих случаях ниже, чем до начала экономического кризиса. В Мангейме квалифицированный рабочий-металлист получал 77 пфеннигов в час, женщины-работницы — только 45 пфеннигов в час.

В конце сентября 1933 года началось строительство автострады на участке Франкфурт-на-Майне — Мангейм — Гейдельберг. Благодаря этому сразу же около 700 безработных из Гессена, северной части Бадена и Пфальца получили работу. Постепенно это число росло. Но в каких условиях работали люди! Им обещали платить 68 пфеннигов в час, а платили лишь 45. Многие рабочие получали в неделю всего лишь 18—20 марок, хотя в свое время женатым рабочим был обещан заработок 30 марок в неделю, а холостым — 26. Часть рабочих, приехавших из отдаленных районов, ютилась в бараках, часто не имевших самых примитивных гигиенических условий. Других же ежедневно доставляли к месту работы на грузовиках и автобусах, так что в дополнение к тяжелым земляным и бетонным работам люди вынуждены были по два-три часа в день трястись на машинах.

Нацисты издали закон о замораживании заработной платы, но цены на продукты питания, в том числе и основные, росли. Так, если в начале 1934 года мангеймцы платили за килограмм говядины 1,5 марки, то полтора года спустя он уже стоил 1,74 марки. Однако говядина и раньше не часто появлялась на столе в рабочих семьях, но и на продукты, которыми в основном питались рабочие семьи, например на маргарин, низкосортное суповое мясо, сельдь, цены почти удвоились. Что касается других продуктов питания, то, хотя цены на них повысились всего лишь на два-три пфеннига, для семьи из четырех-пяти человек, жившей на недельную зарплату в 20 марок, это все равно выливалось в существенный дополнительный расход.

Среди мелкой буржуазии и средних слоев также росло недовольство. Поскольку зарплата не повышалась, а цены росли, покупатели, составлявшие клиентуру мелких торговцев, часто не могли купить даже самого необходимого. В связи с этим оборот мелких магазинов, мастерских и других мелких предприятий продолжал оставаться мизерным или даже уменьшился. Прикрываясь необходимостью приостановить дальнейший рост потребительских цен, нацисты все

больше и больше срезали торговую наценку, то есть разницу между оптовыми и розничными ценами. В результате многие розничные торговцы и предприниматели разорились, другие же были арестованы якобы за искусственное взвинчивание цен.

Все это пришло мне на память по дороге в Мангейм, когда я, сидя в поезде, размышлял о том, что увидел и услышал в кленгенском деревенском трактире. Я знал также, что не каждый избиратель, голосовавший за Гитлера в марте 1933 года, был преисполнен симпатией к нацистам, несмотря на то что геббельсовская пропаганда буквально надрывалась. Однако означало ли это, что только в силу такого своего отношения к нацистам эти люди готовы были что-нибудь предпринять против них?

Конечно, многие были запуганы постоянной въедливой фашистской пропагандой, которая каждому, кто высказывал хоть малейшее недовольство, навешивала ярлык «нытика и критикана». Многие испытывали ужас после событий 30 июня 1934 года, когда по приказу Гитлера и под руководством Геринга и Гиммлера были схвачены и расстреляны начальник штаба СА Эрнст Рем, а также свыше тысячи членов СА (штурмовиков) и организации «Стальной шлем», в том числе многие высокопоставленные офицеры и чиновники. Почти никто не мог понять подоплеки этих событий. Неуверенность и страх оттесняли на задний план недовольство и сомнения. Привлечь таких людей к участию в антифашистских акциях было чрезвычайно трудно.

ЗА ЕДИНЫЙ АНТИФАШИСТСКИЙ ФРОНТ
(август 1934 г. — июль 1935 г.)

Несколько дней спустя после моего возвращения из Швейцарии Альберт (подпольная кличка Курта Мюллера, с начала 1934 года политруководителя нелегальной окружной организации Баден — Мангейм) передал мне, что на следующей неделе я должен буду направиться в Саарскую область и принять там участие в совещании по вопросам создания единого антифашистского фронта. Это совещание, проходившее 29—30 августа 1934 года в Саарбрюккене, вошло в историю партии как 2-я юго-западная конференция.

Ей предшествовали аналогичные встречи товарищей из Центрального комитета с политруководителями и другими членами руководящих органов нелегальных парторганизаций округов Гессен— Франкфурт, Баден — Мангейм и Вюртемберг — Север. В одном из этих совещаний участвовал Альберт. Он информировал меня в общих чертах о том, что там говорилось.

От него я узнал, что на заседании ЦК в конце июля 1934 года были приняты важные решения, содержавшие критическую оценку ситуации и выдвигавшие в качестве основной задачи борьбу за создание единого антифашистского фронта и восстановление свободных профсоюзов. Центр считал необходимым совершить «поворот во всей массовой политической работе». Альберт дал понять, что, возможно, еще в этом году состоится VII конгресс Коммунистического Интернационала. Последний пленум ЦК, а также совещания с участием руководителей партийных организаций юго-запада Германии следует рассматривать как этап подготовки нашей партии к конгрессу. Решение о переносе конгресса на 1935 год в целях более основательной политической и идеологической подготовки к нему Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) принял лишь 5 сентября 1935 года.

— В остальном, что касается наших взглядов на совместную работу с социал-демократами, мы на правильном пути, — сказал Альберт. — Вот увидишь, в этой области будет масса интересных практических идей.

Помимо этой скупой информации Альберта, личного опыта и опыта, которым поделились со мной некоторые из моих товарищей, я не располагал ничем, что позволяло бы считать себя подготовленным к этому совещанию, тем более что им, насколько мне было известно, должны были руководить товарищи из Центра. До той поры я лишь один-единственный раз собственными глазами видел руководящего товарища из Центрального комитета — Эрнста Тельмана, когда он в марте 1932 года приехал в Мангейм на встречу с рабочими. И хотя тогда я выполнял довольно важную задачу, я все-таки находился отнюдь не на первом плане. Теперь же мне предстояло держать ответ перед товарищами из Центра и доложить им нашу оценку положения в Мангейме. Я чувствовал себя неуверенно, испытывал напряженность и волнение уже задолго до того, как вышел из поезда в Саарбрюккене.

С той поры прошло больше четырех десятилетий, но и сегодня всякий раз перед выступлением в большой аудитории меня охватывает волнение, свойственное новичкам. Неприятное чувство! Возможно, это и неплохо, так как определенное внутреннее напряжение необходимо, чтобы на глазах у всех хорошо выполнить свою задачу.

Как было условлено, на вокзале в Саарбрюккене я встретился еще с одним товарищем из Мангейма. Это был Рудольф Маус. Он вошел в нашу организацию лишь недавно. Маус работал слесарем на заводе Штребеля и должен был рассказать на совещании о местной коммунистической ячейке. Рудольф вырос в Саксонском промышленном районе, расположенном вокруг Хемница, и приехал к нам в Мангейм совсем еще молодым человеком. О своей жене Берте и обоих сыновьях Тео и Руди он всегда говорил с какой-то трогательной любовью и нежностью. В душе я восхищался им. И то, что он, несмотря на всю свою привязанность к семье, постоянно подвергал себя опасностям, свидетельствовало о его мужестве и внутренней твердости. Мне, во всяком случае, были известны товарищи, которые с тех пор, как партия вынуждена была уйти в подполье, вели себя весьма пассивно, потому что не хотели доставлять лишних неприятностей своим семьям, причинять им горе.

Позже Рудольф Маус установил связь с Георгом Лехлейтером. В его квартире в мангеймском районе Вальдхоф

в сентябре и зимой 1941 года были отпечатаны первые выпуски нелегальной газеты — листовки «Форботе» («Предвестник»), распространение которых на заводе Штребеля он взял на себя. В начале марта 1942 года Рудольф Маус был арестован вместе с двадцатью восемью другими антифашистами, которые участвовали в издании и распространении подпольной газеты и были выданы на расправу гестаповцам уже упоминавшимся выше предателем Зюссом. «За подготовку государственной измены в совокупности с действиями, направленными на подрыв оборонной мощи», нацистский суд приговорил Рудольфа Мауса к смерти. 15 сентября 1942 года он был казнен.

Слова, обращенные Рудольфом Маусом к своим близким за несколько часов до казни, свидетельствуют о присущей ему простоте и скромности, о его непоколебимой верности своему делу, о любви к дорогим ему людям. «Мои часы сочтены, — писал он, — я непоколебимо верил, что самые жестокие страдания минуют вас. Возможно, для вас будет небольшим утешением, если я скажу вам, что без страха, не склонив головы, умираю за свои убеждения... Моя дорогая Берта, я знаю, тебе будет труднее всех. Прошу тебя об одном: постоянно думай о детях. Я убежден, что этим я оставлю тебе самое лучшее свое утешение».

Нас, участников совещания, состоявшегося в конце августа 1934 года, было около пятнадцати человек. Кроме Рудольфа Мауса, я никого не знал. Из сохранившихся протоколов этого совещания явствует, что три товарища представляли округ Баден — Мангейм, а четверо других — округ Гессен — Франкфурт. Присутствовали еще три товарища, которым только предстояло начинать работу в областной парторганизации.

Альберт оказался прав: на совещании присутствовали четыре товарища из Центра. Они представились: товарищи Франц, Вильгельм Мюллер, Макс Рихтер и Вальтер. За этими подпольными кличками скрывались товарищи Франц Далем, Вильгельм Флорин, Герман Шуберт и Вальтер Ульбрихт, которые уже в течение ряда лет принадлежали к числу руководящих деятелей партии, входили в политбюро. Совещание началось с доклада Германа Шуберта, в прошлом политруководителя парторганизации Гамбурга. Положения его доклада опирались на принятую Центральным комитетом в конце июля и опубликованную 1 августа резолюцию («Создание единого фронта трудящихся масс в борьбе против гитлеровской диктатуры»), а также «Письмо Централь-

ного комитета всем заводским, фабричным и жилищно-территориальным ячейкам».

Герман Шуберт подчеркнул, что Центральный комитет рассматривает массовые убийства, осуществленные нацистами под предлогом подавления якобы имевшего место путча штурмовиков, как «признак кризиса гитлеровской партии и гитлеровской диктатуры». Однако, отмечалось в докладе, это событие показало, что работа и влияние нашей партии среди трудящихся масс еще недостаточно эффективны, чтобы в такого рода ситуациях осуществить массовые действия против фашистской диктатуры. Один из важнейших выводов из событий 30 июня 1934 года состоит в том, чтобы как можно быстрее создать единый фронт рабочего класса. Далее говорилось, что начиная с весны 1934 года на западе и юго-западе страны возникло значительное число нелегальных социал-демократических групп. Необходимо как можно быстрее установить с ними связь и договориться о конкретных совместных шагах, так как можно предположить, что у многих товарищей социал-демократов в низовых парторганизациях значительно возросла готовность к заключению соглашений о совместных действиях.

Об этих вопросах прежде всего шла речь и на последовавшей за докладом дискуссии, проходившей частично на общем заседании, а частично в небольших группах. С нами, мангеймцами, беседовал Вальтер Ульбрихт, который до начала декабря 1932 года руководил окружной парторганизацией Берлин — Бранденбург — Лаузиц — Грецмарк, а начиная с 1932 года входил в высшее руководство партии. В разговоре с нами он сначала засыпал нас вопросами и давал нам возможность выговориться, а затем, задавая лишь изредка наводящие вопросы, умело направлял наше внимание на самые существенные проблемы. Так развертывалась оживленная дискуссия, от волнения не оставалось и следа, и мы, сами того не замечая, становились содокладчиками.

По замечаниям, которые время от времени делал Ульбрихт, было видно, что он хорошо знает положение дел в наших краях, а также располагает информацией, которой у нас не было. Я обратил внимание на то, что он оценивал политическое положение гораздо критичнее и серьезнее, чем Герман Шуберт в своем докладе. Вальтер Ульбрихт неоднократно подчеркнул, что нам следует освободиться от всяких иллюзий и признать горькую истину: германский рабочий класс не просто отступает, а потерпел тяжелое поражение. Чтобы перейти в наступление, необходимо организовать эффективную массовую борьбу. Для осуществления этой цели

партия считает целесообразным заключить с социал-демократами соглашения о совместных действиях, усилить работу в заводских и фабричных ячейках и, конечно же, в ячейках по месту жительства и таким путем усилить влияние на рабочих, прежде всего на рабочих оборонных и других крупных предприятий. В связи с этим необходимо добиться восстановления свободных профсоюзов — органов классовой борьбы.

Мы в Мангейме уже не раз дискутировали о том, возможно ли заново сформировать свободные профсоюзы, однако не имели конкретных представлений о путях достижения этой цели. По-настоящему эта проблема прояснилась для меня лишь после того, как в конце 1935 года я получил возможность обстоятельно познакомиться с документами VII конгресса Коммунистического Интернационала и Брюссельской конференции КПГ. Провозглашенная Георгием Димитровым на VII конгрессе тактика «троянского коня», совершенно очевидно, распространялась и на действия коммунистов в фашистском «Немецком грудовом фронте».

Уже вечером 30 августа я отправился обратно в Мангейм. Покинув Саарскую область, которая до 1935 года не являлась составной частью Германии и находилась, согласно Версальскому договору, под управлением Лиги Наций, я опять оказался в непосредственной досягаемости для лап гестаповцев, однако теперь я чувствовал себя намного спокойнее и увереннее, чем два дня назад. Я понимал, что в дискуссии не ударил лицом в грязь, и почувствовал себя увереннее. Это очень помогло мне в последующие недели.

Вскоре после моего возвращения из Саарбрюккена мы с Альбертом установили контакт с социал-демократами, у которых была связь с комитетом окружной организации СДПГ Среднего и Верхнего Бадена. Альберт был уже третьим по счету политруководителем нашей окружной парторганизации со времени перехода партии на нелегальное положение. После того как в апреле 1933 года партия направила Франца Долля в Рурскую область, его место занял бывший депутат рейхстага от КПГ Отто Вальтер. Руководителем по оргвопросам стал Ганс Либль. Однако уже в конце декабря 1933 года, то есть через четыре месяца после своего вступления в должность политруководителя, Отто Вальтер, носивший подпольную кличку Артур и числившийся в списке лиц, разыскивавшихся гестапо, как «Рыжий», был вместе с Гансом Либлем арестован во время конспиративной встречи. Фашисты приговорили Отто Вальтера к длительному тюремному заключению. Позже он был переведен в концлагерь Заксен-

хаузен, где стал одним из руководителей антифашистского Сопротивления. Вместе с другими узниками лагеря был освобожден в апреле 1945 года Красной Армией.

В начале 1934 года в Мангейм прибыл новый политруководитель — Курт Мюллер. Я был назначен руководителем по оргвопросам. Эта должность требовала, особенно в условиях нелегальной борьбы, таких личных качеств и навыков, которые присущи уже опытным революционерам. Однако разве могла Коммунистическая партия, которая вела подпольную борьбу в условиях фашистской диктатуры и постоянно несла потери, обеспечить себя в необходимом количестве такими кадрами? В этих условиях кто-то неизбежно должен был браться за незнакомую ему ответственную работу и выдерживать испытание.

Так же обстояло дело и со мной. Разумеется, на посту оргруководителя мне очень пригодились мой опыт работы в Коммунистическом союзе молодежи Германии, в партийном комитете промышленного района, личные контакты с товарищами из окружного комитета, непосредственно направлявшими работу мангеймского подокруга, а также, не в последнюю очередь, и мои знания местных условий.

Работа была масштабной и многообразной. Нужно было поддерживать связь с подокругами, организовывать конспиративные встречи и обеспечивать их безопасность, а в некоторых случаях выполнять и роль связного. Нужно было подыскивать надежные квартиры для прибывавших в округ инструкторов, распространять изданные нами самими или доставленные из других мест курьерами листовки. Нужно было и многое-многое другое. Чтобы решить эти задачи, часто приходилось выполнять колоссальный объем мелкой организационной работы, которая, помимо того что отнимала много времени, требовала еще исключительной точности, так как даже малейшая ошибка подвергала всех нас смертельному риску. Например, помню, как летом 1934 года я должен был ввести товарища Фридриха Дюрра (с которым я установил контакт еще в мае 1934 года) в круг его обязанностей в качестве казначея нашего округа. Прежде всего необходимо было связать «Фрица» с казначеями подокругов, для чего требовалось подготовить соответствующие встречи в Вормсе, Гейдельберге, Вейнгейме, Зеккенгейме, Шветцингене, Мангейме, Людвигсхафене и съездить с ним туда. Даже в легальных условиях на это ушло бы много времени.

Вместе с Альбертом мы начали подготовку к реализации августовской резолюции ЦК и указаний 2-й юго-западной конференции в нашем округе. Едва началось изучение и об-

суждение этих документов, как один из связных сообщил мне, что политруководитель арестован.

Это случилось 23 сентября. Об обстоятельствах ареста я так никогда и не узнал. В последующие дни я занимался в основном лишь тем, что проверял, «работают» ли известные мне связи, так как от этого зависела в будущем вся наша деятельность.

Не меньше проблем возникало у меня и в связи с предстоящим совещанием с социал-демократами. Я знал не всех товарищей из СДПГ и не всех связных, с которыми наш политруководитель в предшествующие дни и недели установил контакт. Одним из важнейших принципов нелегальной работы было сообщать каждому товарищу столько информации, сколько ему абсолютно необходимо для выполнения своих задач. Теперь же, после ареста Альберта, у меня возникли из-за этого дополнительные трудности. Я не знал, были или нет у политруководителя записи или какие-нибудь другие документы. Мне было лишь известно, что он жил на квартире у какой-то фрау Шайбле. С Альбертом мы договорились, что я могу прийти туда только в случае крайней необходимости. Мне казалось, что положение, возникшее после ареста Альберта, оправдывает этот шаг. На квартире у Альберта я нашел чемодан, содержимое которого очень помогло мне в дальнейшей работе, которую мы обязаны были продолжать, какие бы новые удары фашистов не ожидали нас в будущем.

В этой связи следует упомянуть, что в октябре 1935 года на Брюссельской конференции Вильгельм Пик констатировал в своем докладе, что за два с половиной года господства фашистов в Германии Коммунистическая партия понесла тяжелые потери, лишившись многих опытных, испытанных кадров, и в числе наиболее пострадавших отрядов партии назвал окружную парторганизацию Бадена. В апреле 1935 года нашу парторганизацию возглавлял уже восьмой (с февраля 1933 года) по счету состав окружного комитета. Это означает, что члены семи предыдущих составов руководящего органа были арестованы либо состав окружного комитета полностью или частично заменялся по соображениям безопасности.

Конечно, большие потери баденской парторганизации объясняются различными причинами. Не всегда были достаточными наши меры безопасности. Особую роль наверняка сыграло то, что в октябре и ноябре гестапо в районе Мангейма было усилено более чем десятью сотрудниками из Берлина, и это сразу же сказалось. В декабре гестаповцы аресто-

вали технического руководителя окружного комитета Ганса Шпиля, а затем и руководителя окружной организации Коммунистического союза молодежи Йозефа Гайгера, переведенного к нам по указанию партии из Саарской области в сентябре 1934 года. До февраля 1935 года, то есть в течение нескольких недель, гестапо арестовало в Мангейме и его окрестностях свыше двадцати функционеров КСМГ и Союза социалистической рабочей молодежи.

Среди арестованных был также и слесарь-механик из Мангейма Фриц Залм, которого я знал еще по работе в КСМГ. Нацистский суд приговорил Залма за его нелегальную деятельность к трем с половиной годам тюрьмы. Попытка бежать не удалась. После тяжких пыток в гестаповских застенках осенью 1938 года он был выпущен на свободу. Получив работу на заводе Ланца, он вступил там в коммунистическую ячейку и продолжил подпольную работу. В послевоенные годы Фриц Залм в течение многих лет являяся членом правления организации Германской коммунистической партии земли Баден — Вюртемберг. В своей документальной книге «Под тенью палача» он увековечил антифашистское движение Сопротивления мангеймских рабочих.

Одной из причин наших тяжелых потерь нередко был недостаточный опыт некоторых товарищей в нелегальной работе. Иногда кто-то из них нарушал правила конспирации и тем самым наводил гестапо на след. Относительно ведения подпольной работы мы получали советы почти в каждом номере нелегальной газеты «Роте Фане» в разделе, знакомившем читателя с некоторыми основными правилами конспирации. Но, конечно же, по соображениям безопасности эти советы не могли быть достаточно детализированными. Кроме того, никогда нельзя дать рецепты на все случаи жизни. Многое невозможно было предвидеть, немало зависело и от случайностей, и от самого подпольщика — от того, мог ли он перед лицом опасности сохранить хладнокровие, не потерять присутствия духа и побороть страх. Какая-нибудь операция могла удаваться много раз подряд, но однажды вдруг окончиться неудачей.

Чтобы обезопасить руководящих товарищей от подозрений со стороны гестапо и возможных провалов, партия вскоре стала практиковать смену руководителей окружных комитетов: после нескольких месяцев работы в одном месте их посылали туда, где их никто не знал. У этой тактики были как свои преимущества, так и недостатки. Примером является случай с Альбертом. Он прибыл к нам из Берлина и абсо-

лютно не знал ни местных условий, ни особенностей наших людей и уже только этим привлекал к себе внимание гораздо больше, чем уроженец Бадена или Пфальца. Да и с людьми ему было, конечно же, труднее находить общий язык, чем тем товарищам, которые знали Мангейм и его жителей еще с пеленок.

Однако, несмотря на эти трудности и усилившиеся, особенно с конца 1934 года, репрессии гестапо, нацистам так и не удалось заставить КПГ и другие антифашистские силы прекратить нелегальную борьбу. Своей цели — «полностью и окончательно искоренить марксизм также и в Бадене», — во всеуслышание провозглашенной еще в 1933 году, фашисты так и не достигли — ни в первые годы своего господства, ни во время войны. В своих служебных отчетах о положении в Бадене управление гестапо в Карлсруэ постоянно высказывало мнение, что баденская окружная организация КПГ существует и работает.

Так, например, в обнаруженном позже докладе начальника управления государственной тайной полиции в Карлсруэ министру внутренних дел Бадена от 30 мая 1936 года, то есть уже на четвертом году фашистской диктатуры, говорилось, что «после запрещения и разгрома коммунистических и марксистских партийных организаций деятельность этих движений ни в коем случае не прекратилась полностью... Уже заблаговременно, перед приходом к власти национал-социализма, Коммунистическая партия Германии, предвидя назревающий переворот в политической структуре государства, приступила к организации нелегального партийного аппарата. Как выяснилось теперь, создание и расширение этого аппарата осуществлялось неуклонно и с большим упорством. Эта деятельность ни в коем случае не прекратилась и на сегодняшний день».

Несмотря на большое количество дел, переданных в «народный трибунал», говорится далее, до сих пор так и не удалось «окончательно установить масштабы антигосударственной деятельности... Уже через некоторое время после того, как удавалось раскрыть и ликвидировать одну организацию и тем самым нарушить связи между отдельными нелегальными группами и ячейками, отмечались признаки создания новых групп».

Это относилось не только к КПГ, но — с определенными оговорками — и к различным социал-демократическим группам в Мангейме и Бадене. Хотя в первые месяцы своего господства нацисты и конфисковали финансовые средства СДПГ, а также закрыли социал-демократические газеты,

официально СДПГ и ее политическая деятельность были запрещены указом рейхсминистра внутренних дел Фрика лишь 22 июня 1933 года. Это обстоятельство вначале питало иллюзии многих функционеров и членов СДПГ относительно того, что все не так уж страшно и нужно лишь переждать какое-то время — до того момента, когда нацисты потерпят крах. Некоторые социал-демократы верили даже в то, что их партия может играть в гитлеровском государстве роль своего рода легальной оппозиции.

В отличие от КПГ Социал-демократическая партия Германии в годы Веймарской республики не подвергалась серьезным репрессиям и уж тем более не запрещалась. Если мы, коммунисты, нередко были вынуждены готовить себя к нелегальной работе и даже вести ее на практике, то большинство социал-демократов едва ли учитывало возможность того, что им придется уйти в подполье. А когда дело дошло до этого, это вызвало у многих из них нечто вроде шока.

Позже социал-демократ Эмиль Хенк, участвовавший в 1933—1934 годах в районе Гейдельберга и Мангейма в организации антифашистского движения Сопротивления, руководимой социал-демократами, следующим образом охарактеризовал ситуацию после захвата власти Гитлером: «Установление диктатуры, по правде говоря, ошеломило Социал-демократическую партию. Она была легальной партией и до 1933 года не имела представления о нелегальной деятельности. Трагедия заключалась в том, что она — в отличие от коммунистов — не была подготовлена... К моменту возникновения национал-социалистского государства сама партия была лишена руководства; ее функционеры и члены были предоставлены самим себе и не имели никаких указаний».

В этом объяснение того факта, что мангеймским и баденским социал-демократам, так же как и их товарищам по партии в других районах страны, потребовалось значительно больше времени, чтобы перестроить свою работу с учетом новых условий. К тому же у социал-демократической партии были иные организационные принципы, чем у нас. Так, например, мангеймская организация СДПГ подразделялась на организации городских районов, в которых, однако, в отличие от нашей партии не было заводских ячеек и ячеек по месту жительства. В нелегальных условиях это обернулось явным изъяном, так как деление районных организаций на производственные и территориальные ячейки создавало более благоприятные условия для нелегальной борьбы, позволяло организовать движение Сопротивления в маленьких и потому менее заметных группах, обезопасить определен-

ные операции и, таким образом, как можно меньше привлекать к себе внимание гестапо.

Но шаг за шагом товарищам из СДПГ удалось восстановить части своей организации и создать мелкие группы движения Сопротивления. Вскоре жители Мангейма стали обнаруживать в почтовых ящиках социал-демократические листовки и другие пропагандистские материалы, или же эти листовки вдруг вылетали с чердака многоквартирного дома в центре города. Так что гестапо заблуждалось, написав в своем докладе, датированном 31 августа 1934 года, что, по его оценкам, «СДПГ в земле Баден как организация полностью ликвидирована».

Когда в начале сентября 1934 года мы стали устанавливать связи с окружкомом СДПГ, у нас еще не было более или менее четкого представления о степени готовности социал-демократических руководителей к заключению соглашения о совместных действиях и о том, каким они мыслят это соглашение. Наши знания социал-демократов опирались почти исключительно на опыт общения с товарищами из СДПГ на местах, но уже и этот опыт говорил о том, что отдельные группы придерживались в данном вопросе самых различных точек зрения.

Часть баденских социал-демократов стояла в основном на политической платформе эмигрантского правления СДПГ, находившегося в Праге. (Насколько нам было известно, баденские социал-демократы имели связь с Прагой и получали оттуда нелегальные пропагандистские материалы, которые распространялись не только в Мангейме, но также и в среднем и южном Бадене.) Контакты, которые мы раньше установили с отдельными товарищами из СДПГ, пока не дали конкретных результатов, поскольку эти товарищи постоянно ссылались на то, что у них все еще нет «соответствующих указаний» от пражского эмигрантского правления партии.

Другая группа, связные которой работали частично в Саарской области, а частично в Швейцарии, отмежевалась от политики эмигрантского правления партии и резко отвергла его оппортунистическую позицию по отношению к заправилам фашистской Германии. Эта группа распространяла в Мангейме и Бадене свои листовки, частично отпечатанные силами группы, а частично доставлявшиеся из-за границы курьерами. Листовки призывали к сопротивлению гитлеровскому режиму. Из разговоров с отдельными товарищами, которые входили в эту группу или были близки к ней, мы знали, что хотя группа и выступает против возвращения к порядкам Веймарской республики, но к сотрудничеству

с нами, коммунистами, относится скептически — из страха, что и мы имеем по отношению к социал-демократам не вполне честные намерения. Насколько мне известно, руководителями этой группы были товарищи Рехберг и Засса (подпольные клички Хенка из Гейдельберга и Рюдигера Кальви из Мангейма).

В конце 1933 — начале 1934 года подпольные организации, возглавлявшиеся ими, сблизились и начиная с этого момента совместно осуществляли различные антифашистские акции. Однако уже в октябре 1934 года Хенка, Кальви и еще шестерых участников их организации, в которую, в частности, входило несколько членов союза «Государственный флаг», арестовало гестапо. Верховный земельный суд в Карлсруэ приговорил их к тюремному заключению.

В то время в Мангейме работала также довольно сильная группа созданной в октябре 1931 года Социалистической рабочей партии (СРП). В нее входили не только бывшие члены СДПГ, но и беспартийные рабочие. Во главе группы стоял Якоб Риттер, а после его ареста ее возглавили Август и Пауль Лохереры. Из Мангейма группа поддерживала связь с ячейками СРП в Южном Бадене и Вюртемберге. С этими товарищами мы также поддерживали контакт. Как и мы, они выступали за восстановление свободных профсоюзов и были готовы сотрудничать с нами в этом направлении.

Вот с каким положением мы столкнулись, когда в начале октября 1934 года приступили к переговорам с руководящими товарищами из СДПГ с целью подготовки первых шагов для совместной борьбы против фашизма.

Чтобы не подвергать риску участников переговоров, встречи проводились в течение нескольких недель с неравномерными перерывами и в различных местах. Обе стороны заменяли от встречи к встрече своих делегатов (как правило, их было трое-четверо). Это хотя и затрудняло ход переговоров, но было, по-нашему мнению, абсолютно необходимо, поскольку активность гестапо возрастала буквально с каждой неделей. В двух или трех совещаниях, проходивших в конце октября — начале ноября 1934 года, участвовал и я. Мы встречались чаще всего на окраинах города и на территории садовых участков на правом берегу Неккара, недалеко от главного городского кладбища.

Наши переговоры проходили без затруднений, так как 5 сентября 1934 года уже была достигнута договоренность о единстве действий между окружным комитетом КПГ Гессен — Франкфурт и окружным комитетом СДПГ Гессен — Нассау. Подписанное обоими окружными комитетами

воззвание призывало рабочих — коммунистов, социал-демократов и членов профсоюзов — создавать на своих предприятиях нелегальные профсоюзные комитеты, которые могли бы бороться против все усиливающейся эксплуатации трудящихся, за их жизненные интересы и приступить к восстановлению свободных профсоюзов. Общее воззвание призывало рабочих создавать повсеместно в рабочих жилых районах массовые организации пролетарской самообороны, а также единые комитеты за освобождение всех арестованных и заключенных в тюрьмы антифашистов. Завоеванное в этой борьбе единство действий, говорилось в воззвании, должно служить тому, чтобы «превратить каждодневную борьбу всех эксплуатируемых за повышение заработной платы, за хлеб в широкие массовые бои против фашизма и стоящего за его спиной своекорыстного класса эксплуататоров до их уничтожения пролетарской революцией, с тем чтобы затем с помощью диктатуры рабочего класса в союзе со всеми трудящимися построить подлинный социализм...»

Быть может, ориентация непосредственно на пролетарскую революцию и не отвечала возможностям того времени, но мы рассматривали соглашение о единстве действий как практическую платформу борьбы в соответствии с принципиальной установкой августовской резолюции.

Наши переговоры с товарищами из СДПГ шли полным ходом, когда прибыл инструктор — то ли из Берлина, то ли из Саарбрюккена, точно не помню. Он задал нам вопрос: понимаем ли мы, по крайней мере, что воззвание от 5 сентября — это насквозь «оппортунистический документ», что это «предательство по отношению к политике Эрнста Тельмана»? Инструктор сообщил, что политруководитель окружного комитета Гессен — Франкфурт уже смещен за правооппортунистический уклон.

Эта оценка действий наших товарищей из округа Гессен — Франкфурт поразила нас: ведь она находилась в вопиющем противоречии как с решениями политбюро от июля — августа 1934 года, так и с политической линией, выработанной на 2-й юго-западной конференции в конце августа. Подтверждение тому, что мы действовали правильно, мы нашли несколько месяцев спустя в январско-февральском выпуске подпольной газеты «Роте Фане». Под заголовком «Путь к победе!» газета приводила основные положения нашего соглашения с социал-демократами. «Роте Фане» рассматривала нашу договоренность о совместных действиях как «блестящий пример борьбы за единство действий коммунистов, социал-демократов и членов свободных профсоюзов». Мы гор-

дились этим, тем более что решение продолжать начатое дело далось нелегко.

Что же касается столь странной оценки, сделанной посланным в Мангейм инструктором, то ее подоплеку я узнал лишь в начале 1936 года в Москве в Международной ленинской школе. Там я впервые получил возможность основательно ознакомиться с документами и решениями Брюссельской конференции. Прочитав речи товарищей Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, Вильгельма Флорина, я понял, в каких резких дискуссиях и столкновениях приходилось руководству партии проводить в жизнь намеченную им в решениях от июля — августа 1934 года линию в области политико-массовой работы.

Эти трудности были обусловлены тем, что в новой ситуации, возникшей после захвата власти фашистами, партии, естественно, потребовалось время, чтобы оценить обстановку и внести ясность относительно того, как надо вести борьбу дальше. Именно этими обстоятельствами и следует объяснять выступление посланного к нам инструктора. Теперь я понимал и причину тех противоречий в оценках обстановки, которые давали Шуберт и Вальтер Ульбрихт, обратившие на них мое внимание во время 2-й юго-западной конференции в Саарбрюккене.

Однако я забегаю вперед. Приняв решение продолжить наши переговоры с товарищами из СДПГ и договориться о конкретных мерах, мы сделали только самый первый шаг в разработке нашей программы действий. Еще не были решены принципиальные проблемы, хотя в остальных вопросах, касавшихся конкретных действий, мы довольно быстро достигли согласия.

Мы договорились с товарищами из СДПГ, что наша совместная борьба в первую очередь должна быть направлена на ликвидацию фашизма. В этой области мы договорились о следующих действиях, к которым решили приступить немедленно, добиваясь на деле единства действий коммунистов и социал-демократов:

1. Общее сопротивление всем атакам предпринимателей на заводах и фабриках и создание на основе принципов непримиримой классовой борьбы совместных революционных групп на предприятиях как базы для будущих революционных профсоюзов.

2. Объединение всех политически сознательных рабочих на предприятиях и по месту жительства в организации массовой пролетарской самообороны, которые будут служить для защиты от фашистского террора и станут основой буду-

щей Красной армии, необходимой для свержения капитализма.

3. Совместная поддержка жертв антифашистской борьбы через организацию солидарности «Красная помощь».

4. Создание совместных оппозиционных групп во всех массовых фашистских организациях — прежде всего, в Немецком трудовом фронте, а также в СА[1] и национал-социалистской организации «Народное благоденствие».

5. Вести работу в молодежных организациях и выступать против фашистской молодежной организации «Гитлерюгенд» и введенной нацистами трудовой повинности.

6. Общая работа по разложению личного состава вооруженных сил и полиции, антимилитаристская работа на предприятиях военной промышленности как часть активной борьбы по предотвращению новой империалистической войны.

7. Безусловная защита политики Советского Союза.

Сегодня мы видим, что наша программа действий не была лишена недостатков. Конечно, необходимо и правильно было сосредоточить основные усилия на решающем участке — добиться единства действий рабочего класса — того силового поля, вокруг которого могли сплотиться все другие антифашистские и демократические силы. Однако при этом мы недостаточно учли, что, добиваясь единства действий коммунистов и социал-демократов, необходимо было одновременно крепить союз со всеми другими антифашистскими и демократическими силами. Нельзя было делать сначала одно, а потом другое. Обе задачи стояли на повестке дня и должны были решаться в рамках единого процесса.

В других вопросах мы, как говорится, пытались прыгнуть выше головы, явно переоценив свои возможности или не продумав до конца те шаги, которые хотели предпринять совместно. Наша ориентация на массовую пролетарскую самозащиту была, конечно, правильной, но следовало бы также предусмотреть, в какой форме или в виде каких органов воплотить в жизнь эту идею масс, тем более что здесь имелся определенный опыт, накопленный еще до 1933 года.

Однако наиболее проблематичным оставался вопрос относительно конечной цели нашей совместной борьбы. По поводу ликвидации фашизма и свержения капиталистического строя у нас царило единство. А что же дальше? Разумеется, социализм! Но вот в вопросе о том, как построить социализм, наши мнения резко расходились. Достаточно нам

---

[1] СА — организация фашистских штурмовых отрядов. — *Прим. пер.*

было употребить понятие «диктатура пролетариата», как товарищи из СДПГ выходили из себя:

— Вы что, хотите заменить коричневую диктатуру красной?

— Не ведете ли вы с нами нечестную игру? Не хотите ли вы нас, социал-демократов, просто потихоньку прибрать к рукам?

Раньше некоторые наши товарищи, ведя разговоры с социал-демократами, ставили соглашение о единстве действий в зависимость от их перехода в КПГ. Мы этого не делали, но наши партнеры по переговорам знали об этом и лишь с трудом подавляли свое недоверие к нам в этом вопросе.

Они постоянно подчеркивали: социализм может быть только демократическим. Мы придерживались такого же мнения, однако наши представления о демократии существенно расходились. Товарищи из СДПГ выдвигали следующие аргументы: демократия, практикуемая в Советском Союзе, у нас вообще неприемлема. Посмотрите, говорили они, как там поступили с капиталистами и кулаками: их экспроприировали и переселили. Нам так и не удалось убедить социал-демократов в том, что демократия, за которую нам предстояло бороться, ни в коем случае не должна быть буржуазной, а пролетарской, социалистической демократией, при которой ранее эксплуатируемое большинство трудового народа будет господствовать над меньшинством бывших эксплуататоров. А это значит, что рабочий класс должен подавить господствовавший ранее класс, лишить его политического и экономического могущества, поскольку иначе этот класс задушит революцию и тогда произойдет то, что было в Германии в 1919—1920 годах, если не худшее.

Мы напоминали социал-демократам о том, как была потоплена в крови Баварская советская республика, о поражении вначале столь многообещающих революционных движений в Венгрии, Чехословакии, Финляндии и Прибалтике в период после Великой Октябрьской социалистической революции. Не потому ли, в частности, несмотря на различные условия, в которых велась борьба, рабочие этих стран потерпели поражение и стали жертвами кровавого контрреволюционного террора, что они недостаточно решительно выступили против классового врага и так же, как некоторые вожди социал-демократии, надеялись умиротворить господствующий класс уступками, компромиссами и половинчатыми реформами?..

Конечно же, отрицательная позиция товарищей из СДПГ по отношению к нашим аргументам объяснялась не только

частично буржуазными и глубоко укоренившимися в них оппортунистическими представлениями о сущности демократии. В том, что между нами стояла стена, которую мы никак не могли преодолеть, безусловно, сыграли свою роль антикоммунизм и антисоветизм, которые в течение многих лет проповедовали и практиковали правые вожди социал-демократии.

Несмотря на это, в своем общем обращении, принятом нами и товарищами из окружного комитета СДПГ Верхнего и Среднего Бадена, мы назвали целью нашей совместной борьбы «завоевание политической власти рабочим классом, свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата, создание советского государства, осуществление социализма».

Товарищи из СДПГ поставили свои подписи под этим документом, хотя до последнего момента выступали против выдвинутой нами стратегической цели. Вот какова была их позиция: «Фашизм можно победить только в совместной борьбе, поэтому мы должны бороться против него совместно. Так давайте же предоставим решение о том, что будет потом, будущему!» И то, что товарищи социал-демократы из Бадена и Мангейма в конце концов решились на шаг, который дался им, конечно же, нелегко, свидетельствовало о том, что они — и это достойно внимания и уважения! — понимали необходимость совместных действий.

Достижение соглашения о совместных действиях свидетельствовало о силе и влиянии наших нелегальных партийных организаций, а также подтверждало на практике, что в СДПГ еще имеются силы, которые не полностью утратили революционный, марксистский дух. Сегодня мы понимаем, что в то время было нецелесообразно во что бы то ни стало стремиться достичь единства взглядов с социал-демократами относительно пути к социализму. Но разногласия в этом вопросе не помешали заключить соглашение о единстве действий, хотя, конечно, затруднили их достижение.

Для инструкторов, прибывавших к нам из Саарской области или Берлина, у нас была явка в Шветцингерштадте. Здесь Вольфганг Зайдель, член КПГ со стажем, и его жена содержали мелочную лавку. В ней можно было купить практически все, что требовалось для дома — от качанной капусты и гуталина до порошка для чистки посуды и маринованной селедки. Поэтому в лавке Зайделя постоянно были покупатели и приезжий здесь не бросался в глаза — даже в тех случаях, когда он спрашивал «рыбные консервы», а Зайдель ворчливо уточнял: «Североморские?» Для «покупателя»

это означало, что его уже ждут, а для Зайделя — что прибыл «гость». Примыкавшая к торговому помещению и забитая всякой всячиной комната была удобным местом, для того чтобы без помех обменяться информацией.

Некоторая шумливость и суматошность Зайделя, обычно не свойственная торговцу, давала ему возможность весьма уверенно держаться с окружающими. Люди говорили про него: «Заводной, крикун, но, по крайней мере, говорит то, что думает». Такая репутация была для Вольфганга Зайделя отнюдь не лишней: все были убеждены, что «заводной» — весь как на ладони!

В конце ноября — начале декабря 1934 года товарищ Зайдель известил меня, что прибыла Герта Майер и что он подготовил для нас встречу, которая состоится после закрытия лавки. Он сообщил также, что товарищ Майер пробудет у нас и в областной организации длительное время, для чего ей понадобится надежная квартира.

Герта Майер — подпольная кличка Марии Крольман, которую мы все звали Ма. С октября 1934 года она была старшим советником по областной партийной организации «Юго-Запад», а также отвечала за район Штутгарта и поэтому поддерживала связь и с нами, мангеймцами. Я знал ее со встречи непосредственно после ареста Курта Мюллера. Тогда я сообщил товарищу Крольман, что взял на себя обязанности политруководителя, а она спросила меня, не соглашусь ли я поехать на учебу в партшколу, возможно даже в Советский Союз. Что за вопрос?..

Поскольку Мария Крольман была, помимо всего, еще очень симпатичным и умным товарищем, я с особым нетерпением и внутренним напряжением ожидал нашу встречу. Что за новости она привезла?

Конспиративная квартира нашего бывшего политруководителя на Бургштрассе, 40 по-прежнему считалась надежной, и я договорился с товарищем Шайбле, что Мария Крольман поживет у нее несколько недель. Кроме того, для нее были подготовлены запасные квартиры в Вейнгейме, Гейдельберге и Унтертюркгейме. Поскольку в этих городах даже в зимние месяцы было много туристов, то там легче было остаться незамеченным и опасность привлечь внимание гестапо, на наш взгляд, была меньшей, чем в Мангейме.

Мария Крольман служила коммивояжером небольшого промышленного предприятия. И ее работа, хотя бы чисто внешне, оправдывала ее поездки, объясняла наличие у нее багажа: чемодана, портативной пишущей машинки, на которой Мария печатала свои отчеты Центру. Я очень хорошо

помню ее чемодан, потому что она открывала его в моем присутствии и вынимала из него все, до последней вещи, чтобы снять второе дно, под которым лежали печатные материалы. Насколько я помню, это были издававшаяся в Базеле газета «Рундшау» и газета «Роте Фане» (малого формата на тонкой бумаге), а также «Альбом марок 1935 года», изданный фирмой «Шаубек». Последний заголовок был маскировкой. На самом деле это было «Открытое письмо» нашей партии «К братьям по классу, социал-демократам, на предприятиях, в Немецком трудовом фронте, в городе и деревне». Товарищ Крольман передала мне даже несколько экземпляров «Коричневой книги», выделенных на наш округ.

«Коричневая книга о пожаре рейхстага и гитлеровский террор» была издана в Базеле еще в августе 1933 года по инициативе Всемирного комитета защиты жертв германского фашизма, возглавлявшегося профессором Альбертом Эйнштейном и английским лордом Марли. В числе авторов этой книги были Александр Абуш, Рудольф Фейстман (Фюрт), Вильгельм Коэнен и Альберт Норден. Другая «Коричневая книга» вышла в апреле 1934 года в Париже. Она называлась «Коричневая книга: Димитров против Геринга. Разоблачение подлинных поджигателей рейхстага» и опиралась на материалы Лондонского международного комитета по расследованию причин пожара рейхстага, а также Парижского международного антифашистского архива. Оба издания были закамуфлированы. Первая «Коричневая книга» — как сейчас вижу ее перед собой — внешне выглядела как «Валленштейн» Шиллера из серии популярных дешевых изданий фирмы «Реклам».

Уже на следующий день печатные материалы передавались нашими товарищами из рук в руки. Они содержали не только массу документальных материалов и свидетельств о пытках в застенках СА и СС, но также и материалы и мнения о политической подоплеке пожара рейхстага. Впервые мы узнали подробно о бесстрашном поведении Георгия Димитрова на процессе по делу о поджоге рейхстага, о том, как он из обвиняемого превратился в обвинителя фашистской системы, как он благодаря своей мужественной и решительной позиции разоблачил нацистов как преступников и одновременно дал новый заряд мужества германскому рабочему классу в его антифашистской борьбе.

Мария Крольман привезла еще и разоблачительные материалы о подготовке фашистов к новой войне, в частности о стратегическом значении строящихся автострад, а также данные о производстве продукции на некоторых ведущих

предприятиях германской военной промышленности. Сами мы могли узнать из этой области лишь немногое, а такого рода сведения были нам очень нужны в связи с тем, что, как нам стало известно, несколько месяцев назад среди рабочих мангеймского моторостроительного завода, предприятий фирмы «Ланц», а также среди строителей одного из участков автострады южнее Мангейма начались разговоры и споры на эту тему.

Свое недовольство политикой правительства Гитлера выражали там в основном рабочие-католики. Их возмущало, что нацисты всеми средствами пытались «унифицировать» многочисленные культурные и благотворительные учреждения католической церкви. Многие рабочие-католики были убежденными пацифистами. Агрессивные внешнеполитические заявления и действия гитлеровского правительства вызывали у них чувство негодования. Они опасались, что непрекращающиеся нападки Гитлера на Лигу Наций и Версальский договор приведут к ухудшению отношений Германии с западными державами, и прежде всего с Францией. Они говорили:

— Если Гитлер будет продолжать в том же духе, то дело дойдет до войны, и нам здесь, на границе, достанется в первую очередь.

Уже хотя бы поэтому конкретные данные о тайных военных приготовлениях нацистов были очень важны для нас: наверняка не остался в стороне от этих приготовлений и Мангейм. Так, например, в одном из цехов мангеймского моторостроительного завода уже в течение нескольких месяцев производились дизельные моторы каких-то совершенно особых габаритов. Их предназначение сохранялось в тайне. Об этом невозможно было узнать даже у мастеров. Скорее всего, речь шла о двигателях для подводных лодок. Это нужно было выяснить, так как чем конкретнее аргументы, тем выше их действенность, тем успешнее мы могли разоблачать военные приготовления гитлеровского правительства и мобилизовать массы на борьбу за мир.

До конца 1934 года я еще несколько раз встречался с товарищем Крольман. Я доложил ей о положении в округе, о деталях наших бесед с товарищами из СДПГ и получил от нее фактический материал для использования в нашем печатном органе «Фортрупп» («Передовой отряд») — информационном бюллетене, предназначенном в основном для функционеров-подпольщиков нашего округа. Мы печатали его сами два-три раза в месяц на матрицах.

Если в этих встречах участвовали и другие товарищи, например наш окружной казначей Фридрих Дюрр, то они про-

ходили не на квартире Иды Шайбле на Бургштрассе, а в другом месте, так как многочисленные и частые гости могли привлечь к себе внимание жильцов дома. Поручиться за каждого из них, что тот не побежит в полицию, Ида Шайбле, естественно, не могла. Для таких случаев она на несколько часов «одалживала» комнату у надежных знакомых в Шветцингерштадте, где мы могли без помех посовещаться.

Одну из хозяек, «одалживавших» нам комнату, я хорошо помню до сих пор. Ида Шайбле охарактеризовала ее как «надежного человека и преданную душу». Именно такой и была Августа Гемземер, приветливая женщина лет пятидесяти пяти, в квартире которой на Кляйне Вальштатштрассе мы встречались. Она, конечно, не знала, кого принимала у себя. Фрау Гемземер внимательно оглядела меня с ног до головы, отвела в сторону и предупредила:

— Вот что, молодой человек! Я хочу вам помочь, но если это что-нибудь политическое или безнравственное, то я не могу допустить это у себя в квартире. Говорю это, чтобы между нами не было неясностей.

В наших беседах и совещаниях я узнал товарища Крольман как опытного и образованного партийного работника. У нее я кое-чему научился. Член КПГ с 1920 года, она в 20-е годы работала на различных должностях в партии, комсомоле и в Революционном женском союзе. В 1930 году она была избрана депутатом от КПГ в гамбургский парламент. После окончания партийной школы имени Розы Люксембург в Фихтенау, под Берлином, и длительного пребывания в Советском Союзе товарищ Крольман летом 1934 года вернулась в фашистскую Германию. В течение непродолжительного времени она работала инструктором и руководителем подокруга в Лейпциге, а затем партия назначила ее старшим советником по областям «Юг» и «Юго-Запад».

2 или 3 января Мария уехала в Штутгарт. 5 января после обеда у нас была назначена встреча на квартире у Иды Шайбле. К тому времени я надеялся раздобыть и передать Марии данные о мангеймской военной промышленности. Такой материал срочно требовался для нелегальных выпусков «Роте Фане».

Я шел на встречу по Бургштрассе, опаздывая на несколько минут. Квартира семьи Шайбле была на четвертом этаже. Небольшое оконце туалета выходило на лестничную клетку. Цветочный горшок в этом окошке означал, что все в порядке. Об этом мы договорились за несколько дней перед тем и опробовали на практике. Но теперь в спешке я

не обратил внимания на условный знак, иначе бы заметил, что горшка на подоконнике нет.

Я уже было протянул руку к звонку, как оконце приотворилось и кто-то что-то прошептал. Я разобрал лишь одно слово «Полиция!». Моментально повернув назад, я как можно быстрее и бесшумнее покинул дом. Очутившись на улице, я понесся что было духу по Бургштрассе в направлении Шветцингерштрассе. Там я вскочил в проходивший трамвай, доехал до моста Фридрихсбрюкке, оттуда другим трамваем поехал в направлении замка, соскочил с трамвая, пересек Фридрихспарк, попетлял по территории порта и оказался затем на улице Эрленштрассе. Там у одной из сестер моего покойного отца у меня было пристанище на самый крайний случай. Тетя Лизель уже много раз помогала мне в подобных случаях. Помогла она и на этот раз.

Сначала нужно было убедиться, что я не привел за собой «хвоста», поэтому решил пока что никуда не выходить. Это были ужасные часы, их я не забуду до конца дней. Ни на минуту меня не оставляла мучительная мысль о том, что Мария Крольман могла попасть в лапы гестапо. Если она вовремя возвратилась из Штутгарта и без опозданий пришла на встречу, то она попала прямо в лапы фашистских ищеек.

На третий день тетя Лизель, у которой я скрывался, сообщила, что на квартире у матери, у бабушки и деда были обыски. Накануне мать вызвали на допрос, и она до сих пор не вернулась. Было ясно: меня ищет гестапо.

У меня была явка во Франкфурте-на-Майне. Может быть, исчезнуть из Мангейма на несколько дней? Но вначале нужно было узнать, что с Марией Крольман. В квартире на Бургштрассе появляться я не мог: можно было не сомневаться, что она под наблюдением полиции.

У Иды Шайбле, происходившей из семьи старых мангеймских рабочих социал-демократов, было два брата. Младшего из них, Йозефа Квика, я знал. До 1933 года он работал казначеем в редакции газеты «Фольксштимме». Мне было известно, что он вместе с другими товарищами из СДПГ, работавшими ранее в «Фольксштимме» — Альбертом Тромом, Иоганном Эммертом и своим племянником Петером Квиком,— занимался подпольной деятельностью. Йозеф Квик жил в квартале, именовавшемся «У казарм», недалеко от парка Герцогенрид. 8 или 9 января я зашел к нему и узнал, что товарищ Крольман, как я и опасался, арестована на квартире у Иды Шайбле.

О том, что произошло на квартире Шайбле 5 января после полудня, я более подробно узнал лишь много лет спустя,

после войны. На допросах и во время предварительного следствия перед судебным процессом против арестованного в сентябре 1934 года политруководителя Курта Мюллера и некоторых других товарищей гестапо все время пыталось получить более подробные сведения о каком-то Малыше. На допросах Мюллер «сознался» лишь в том, что ему неопровержимо доказало гестапо. В остальном же Курт разыгрывал из себя человека, которому мало что известно, утверждая, что получал задания от незнакомого ему товарища. 5 декабря 1934 года верховный земельный суд в Касселе приговорил его к шести годам тюремного заключения. А гестапо все еще продолжало разыскивать какого-то Малыша, явно полагая, что Малыш и не известный им товарищ Курта Мюллера — одно и то же лицо. Не исключено, что именно эта версия, хотя она и не соответствовала действительности, навела гестаповцев на мой след. Как им удалось раскрыть нашу явку на Бургштрассе — случайно или с помощью наблюдения — я не знаю и по сей день.

Во всяком случае, трое гестаповцев, ворвавшихся 5 января во второй половине дня в квартиру семьи Шайбле, пришли туда за мной. Мария Крольман попала в их лапы случайно. Один из троих гестаповцев увел Марию, двое остались ждать меня и несколько часов просидели в квартире. По ее просьбе они разрешили фрау Шайбле сходить в туалет, находившийся в конце коридора. Ида Шайбле сняла упомянутый цветочный горшок с туалетного оконца и в этот момент увидала меня у двери квартиры. Таким образом ей удалось предупредить меня буквально в последнюю секунду, благодаря чему я смог уйти прямо-таки из-под носа у поджидавших меня гестаповцев.

21 февраля Иду Шайбле арестовали, предъявив ей обвинение в том, что она разрешала жить в своей квартире «коммунистам без прописки в полиции». Нацистам, однако, так и не удалось доказать, что ей было известно о нашей принадлежности к политической партии, о нашей нелегальной работе, и за неимением доказательств они вынуждены были ее отпустить. Однако два месяца спустя Иду Шайбле вновь арестовали и в июле 1936 года приговорили «за подготовку акции государственной измены» к трем годам тюремного заключения, которые она отбывала в тюрьме Айхах в Верхней Баварии. В это время умер ее муж.

Однако и после отбытия срока тюремного заключения ее двое детей так и не дождались своей матери: фашисты не отпустили ее на свободу, а перевели в печально известный концлагерь Равенсбрюк, где пали жертвами фашистского тер-

рора 93 тысячи женщин, девушек и детей 23 национальностей. Товарищ Шайбле была среди тех 40 тысяч узников, которые 30 апреля 1945 года были освобождены Советской Армией. Возвратясь в свой родной Мангейм, эта несгибаемая коммунистка до преклонного возраста продолжала бороться за жизненные интересы людей труда.

У Марии Крольман гестаповцы нашли закамуфлированные пропагандистские материалы, денежные партийные документы и подписные квитанции «Роте Фане». Так они напали па след нашего окружного казначея товарища Фридриха Дюрра. Спустя несколько дней был арестован и он, а затем приговорен к трем с половиной годам тюрьмы. Он был в той группе заключенных концлагеря Дахау, которые организовали вооруженное восстание, чтобы помешать эсэсовцам эвакуировать лагерь до прихода американских войск. 28 апреля 1945 года товарищ Дюрр был расстрелян эсэсовцами — за день до освобождения лагеря союзными войсками.

Мария Крольман 4 октября 1935 года была приговорена «народным трибуналом» в Берлине «за подготовку государственной измены» к пятнадцати годам тюрьмы и до 1945 года находилась в заточении. Вольфганг Зайдель также попал в лапы гестапо и был приговорен к лишению свободы.

Продержав мою мать под арестом в течение двух суток, гестаповцы отпустили ее после нескольких безуспешных допросов. Никто не хотел ей верить, что она пе знает места моего пребывания. Но именно так оно и было.

Обыск в квартире матери ничего не дал гестаповцам. Когда летом 1933 года я покинул свой дом, то уничтожил все личные документы, за исключением одной фотографии, сделанной летом 1928 года во время похода нашей комсомольской группы по Оденвальду. Эту фотографию гестапо и полиция использовали в розыске. Во время одного из допросов гестаповцы почти до бесчувствия избили товарища Фрица Залма за то, что он без конца повторял, что впервые в жизни видит изображенного на фотографии парня. В середине января 1935 года в зале ожидания вокзала во Франкфурте-на-Майне я увидел объявление о моем розыске, подписанное прокурором. С него на меня смотрел мой юношеский портрет.

Рано утром 10 или 11 января я покинул Мангейм. Мне нелегко было проститься с родным городом: здесь жили мои близкие родственники, здесь я вырос и ходил в школу, был учеником на заводе, стал комсомольцем, вступил в партию. Ни с кем из моих товарищей или родственников я не мог попрощаться, даже с матерью, бабушками и дедом.

Пусть моя жизнь в этом городе, особенно за последние полтора года, была нелегкой, но у меня сжалось сердце, когда, кое-как примостившись в кузове грузовика, я смотрел с противоположного берега реки на Мангейм. Я знал, что предстоит длительная борьба, которая потребует новых жертв, пока простые люди на том берегу реки, в моем родном городе, смогут жить свободно. И все равно, если бы в этот час мне кто-нибудь сказал: «Посмотри еще раз на свой Мангейм! Когда ты увидишь его через много лет, он будет разрушен», я не поверил бы. В этом городе жило столько прекрасных и мужественных людей, которые ежедневно рисковали свободой и жизнью во имя демократической и социалистической Германии! Многие мангеймцы смело и решительно боролись и в годы фашистской диктатуры, и позже, после второй мировой войны, когда пришла пора извлечь уроки из истории. И сегодня мангеймцы — коммунисты, члены профсоюзов и другие демократические силы—стоят в боевом строю тех, кто выступает за мир, демократию и социальный прогресс, решительно борется за интересы людей труда.

Эта борьба еще не завершена. Однако ясно одно: рабочий класс и поддерживающие его демократические силы сплотятся и своим ясным разумом, своими сильными руками решительно повернут колесо истории. Тогда и в Мангейме, городе на Рейне и Неккаре, будет осуществлено завещание тех, кто отдал жизнь в борьбе с фашизмом, тогда и рабочие на Рейне и Неккаре будут в числе тех, кто одержал величайшую в истории человечества победу.

Голодный и промерзший, я с облегчением вздохнул, когда в Вормсе наконец смог покинуть грузовик и продолжить свой путь во Франкфурт-на-Майне уже на поезде. Прибытие во Франкфурт прошло благополучно: меня разместили, и я стал ждать указаний о моем дальнейшем использовании.

Несколько дней спустя один товарищ передал мне задание съездить в качестве связного в Рюдесгейм и передать там информацию. На следующий день мне надлежало вернуться во Франкфурт и явиться в назначенное время на указанное место встречи — на одной из улиц на западной окраине города. Там меня будет ждать связной, который проводит на совещание руководящих товарищей областных комитетов «Юг» и «Юго-Запад».

Свое задание в Рюдесгейме я выполнил быстро. Обратный путь — шестьдесят — семьдесят километров по железной дороге до Франкфурта — я мог проделать за несколько часов вечером. Поэтому я не торопился, бродил по старинному городу, пытаясь представить себе, как прекрасно здесь летом

или осенью в солнечную погоду, когда собирают урожай винограда. Я знал, что рюдесгеймские вина принадлежат к числу лучших рейнских вин, что они известны далеко за пределами Германии. Хоть бы разочек побывать на празднике виноделов! Но была зима, а на это время года для жителей Рюдесгейма и его гостей было предусмотрено другое шумное и веселое развлечение — карнавал.

К вечеру улицы городка стали заполняться костюмированными парочками. Некоторые из них были уже навеселе. Из кафе и ресторанов доносились звуки танцевальной музыки и веселые песни подвыпивших компаний. Обратный билет до Франкфурта уже лежал у меня в кармане, а оставшихся денег как-нибудь могло хватить на бокал вина. Последний поезд на Франкфурт шел поздно вечером, и у меня еще было немало времени. И я решил посмотреть карнавал.

В атмосфере всеобщего веселья, царившего кругом, никто никого не спрашивал, кто ты и откуда. Не успел я оглянуться, как какая-то девушка пригласила меня к столу и подвинула мне бокал вина. И вот я уже свой человек в веселой компании. Возможно, сказалось нервное напряжение последних дней, но как бы там ни было, а после второго или третьего бокала я был уже такой «веселый», что мое желание отправиться во Франкфурт вечерним поездом все больше и больше ослабевало, пока наконец совсем не пропало.

Когда я, как в тумане, направился на рюдесгеймский вокзал, постепенно до моего сознания стало доходить, что уже через час я должен быть во Франкфурте. И тут весь хмель как рукой сняло. Я понял, что ни при каких обстоятельствах не успеваю на встречу. Имело ли вообще смысл идти к назначенному месту? Нет, я должен попытаться. Вдруг, на мое счастье, товарищ еще ждал меня!

Мои надежды не оправдались. Я вернулся в свою франкфуртскую квартиру и решил на следующий день использовать запасную явку. Но из этого ничего не вышло! Больше недели я висел между небом и землей. Я внушал себе, что вовсе не обязательно с этим связано что-то серьезное. На память приходили мои злоключения во время рождества 1933 года. И все же беспокойство мое росло: ведь сразу оборвались все связи. Что все это значило?

Наконец через восемь — десять дней связной сообщил:

— В понедельник утром в зале касс главного вокзала тебя будет ждать товарищ Геделер. Его легко узнать — у него одна рука. Тебя ожидают в Берлине! — А затем последовал вопрос: — Почему ты на прошлой неделе не явился

на встречу? Знаешь, что все товарищи, с которыми ты должен был участвовать в совещании, арестованы?

Все это звучало как упрек. Я попытался объяснить товарищу, почему не пришел на встречу, но тот в ответ только пожал плечами:

— Итак, не забудь — в понедельник!

Получилось так, что мои карнавальные приключения, из-за которых я опоздал на встречу во Франкфурте, спасли меня от ареста и застенков гестапо. Мне было ясно, что в подобных случаях партия не только имеет право, но и должна самым тщательным образом проверить все обстоятельства. По опыту было известно, что, даже если те или иные подозрения не подтвердятся, это дело все равно очень неприятное. В ходе партийной проверки я мог бы сказать, что лично мне было известно лишь место встречи, то есть промежуточная явка, что самого места совещания я не знал, а следовательно, и выдать его не мог. И все же, все же... Кому я мог объяснить все это? Я проклинал Рюдесгейм вместе с его карнавалом и свою пьянку.

Вместе с Вальтером Геделером, товарищем из Штутгарта, мы несколько дней спустя прибыли в Берлин. Встретившая нас пожилая женщина сказала, что мы будем жить на разных квартирах и в ближайшие дни получим дальнейшие указания. Нас обоих посылали в Москву на учебу в Международную ленинскую школу, и потому мы полагали, что задержимся в Берлине ненадолго. Однако сейчас на деле все выглядело так, что нам придется пробыть здесь некоторое время.

Мое первое пристанище находилось на улице Баумшуленвег, недалеко от канала. Через два-три дня ко мне пришел связной и сказал, что нужно сменить квартиру. С трудом скрывая разочарование, я спросил: а что же дальше? Он в ответ лишь пожал плечами. Мне не оставалось ничего другого, как собрать свой узелок и направиться в район Пренцлауер Берг. Там, как сказал товарищ, недалеко от Фридрихсхайна, на Браунсбергерштрассе (теперь Ганс-Отто-штрассе) живет одна пожилая женщина. К ней я должен обратиться, и она приютит меня.

Кто читал захватывающий роман Ганса Фаллады «Каждый умирает в одиночку», тот имеет представление о том, как выглядела в те времена эта местность по обе стороны Грейфсвальдерштрассе: абсолютно прямые улицы с бесконечными рядами четырехэтажных, серых многоквартирных домов. За исключением соседнего Фридрихсхайна — почти

никакой зелени. Что и говорить, малопривлекательный городской ландшафт.

И тем большим было мое удивление, когда, разыскав наконец нужный мне дом и войдя в него, я очутился в таком роскошном подъезде, подобные которому мне приходилось видеть лишь в домах зажиточных буржуазных семей в восточной части Мангейма. Справа и слева от входа висели зеркала в позолоченных рамах, а над ними — почти в натуральную величину — орел с острым клювом. Входившему в дом представлялось самому решить, защищает его орел или, наоборот, угрожает ему — это зависело от фантазии. В бельэтаж вели мраморные ступени и украшенные резьбой деревянные перила. Может быть, я попал не туда? Рабочие семьи здесь уж точно не живут. А может быть, как раз в этом и вся хитрость? В таком шикарном буржуазном доме куда безопаснее. Вряд ли гестаповцам могло прийти в голову искать здесь конспиративные квартиры коммунистов.

Моя хозяйка, приветливая и предупредительная пожилая дама, уже ожидала меня. Она показала мне мою комнату и заверила, что у нее я могу чувствовать себя как дома. Хозяйка сказала, что живет одна и работает директором магазина фирмы «Карштадт» — берлинского филиала крупнейшего германского концерна универсальных магазинов.

Интересным для меня было то, что эта образованная, обеспеченная директриса, придававшая большое значение этикету и утонченным манерам, выражавшая свои мысли изысканным языком, совершенно не скрывала своего враждебного отношения к Гитлеру. Не исключено даже, что она входила в одну из буржуазных организаций движения Сопротивления. Об этом она ничего не говорила, но заявила мне со всей определенностью и ясностью:

— Я знаю, вы коммунисты и боретесь против Гитлера. Нацистов нужно прогнать. В этом мы с вами едины. Но с Германией, соответствующей вашим представлениям, я никогда не смогу согласиться!

Ее знакомый фабрикант из берлинского района Далем, до 1933 года член немецкой национальной народной партии, несколько раз приходивший в гости, высказался еще откровеннее:

— Если здесь у вас возникнут трудности, то перебирайтесь ко мне. Там вас никто искать не будет. Но, чтобы между нами не было непонимания... Я предлагаю вам свою помощь, потому что вы — противник Гитлера. Но я не коммунист и никогда им не стану. Неужели вы серьезно считаете, что у коммунизма в Германии может быть будущее?

Даже если вас не поймает гестапо и вы переживете этого маляра из Браунау[1], то неужели вы не понимаете, что мы не станем безучастно наблюдать, как вы будете экспроприировать промышленность и закрывать церкви, чтобы создать свою, советскую Германию?..

Этот берлинский фабрикант с националистическим образом мыслей был подтверждением тому, что КПГ могла найти союзников по борьбе с Гитлером также и в определенных кругах германской буржуазии. Но его платформа свидетельствовала также о том, какие идеологические и политические проблемы могли возникнуть после свержения диктатуры Гитлера. А ведь многие антифашистски настроенные представители буржуазии наверняка были еще консервативнее в своем мышлении, еще более закоренелыми антикоммунистами...

Прошло несколько недель, а я так и не получил никаких известий. Несколько раз я пытался установить контакт с товарищем, направившим меня на квартиру в Браунсбергерштрассе, но безрезультатно. Я не знал, находится ли Геделер еще в Берлине.

17 марта на фешенебельной берлинской улице Унтер-ден-Линден я стал свидетелем милитаристского спектакля по случаю введения накануне правительством Гитлера всеобщей воинской повинности. До того времени официально действовали положения Версальского договора, по которым численность германских вооруженных сил ограничивалась 100 тысячами кадровых военнослужащих в сухопутных войсках и 15 тысячами в военно-морских силах и была запрещена всеобщая воинская повинность.

Теплый день ранней весны, голубое безоблачное небо. На Унтер-ден-Линден играют несколько военных оркестров. Необозримая толпа штурмовиков выкрикивает «Хайль!». Националистическая и милитаристская пропаганда дала свои плоды. «Нет армии — нет защиты — нет чести!» — таков был лозунг реваншистов в период Веймарской республики. Теперь германский рейх вознамерился обзавестись таким же «сверкающим оружием», как и во времена кайзера Вильгельма. Эта идея привела в восторг даже те буржуазные и мелкобуржуазные круги, которые до сей поры скептически взирали на действия распоясавшихся штурмовиков.

У Люстгартена и на Унтер-ден-Линден были установлены громкоговорители, по которым из зала Немецкой государст-

---

[1] Имеется в виду Гитлер, родившийся в городе Браунау и одно время пытавшийся стать художником. — *Прим. пер.*

венной оперы транслировалась речь министра рейхсвера фон Бломберга, недавно возведенного в ранг военного министра рейха и назначенного верховным главнокомандующим вермахта. Вермахт, требовал Бломберг, должен стать «школой нации», где молодежь будет воспитываться «в духе воинского мужества и беззаветной любви к отечеству». Бломберг лицемерно уверял, что немцы не хотят реванша, который им не нужен, так как «за четыре года войны они снискали достаточно славы в грядущих веках». Но необходим «новый порядок в Европе», чтобы «миролюбивая Германия» могла жить «в умиротворенной Европе». Ссылаясь на дух и завет двух миллионов павших немецких солдат, генерал фон Бломберг сказал, что немецкий народ сможет возблагодарить их, только «вновь завоевав право на оборону». В таких напыщенных выражениях Бломберг восславлял бессмысленную массовую гибель ради интересов нацистов.

Засунув руки в карманы, я стоял немного в стороне и наблюдал весь этот балаган. Совсем рядом стояли две женщины, выражавшие свое одобрение в прямо-таки истерических выкриках. Я не вопил «Хайль!» и не поднимал руки в фашистском приветствии, и это бросилось в глаза моему соседу, пожилому мужчине со значком нацистской партии на лацкане пиджака. Резким тоном он спросил меня, знаю ли я вообще, чем обязан фюреру. Но, слава богу, теперь покончено с таким бесчестным образом мыслей, продолжал он. Таких, как я, которые ничему другому не научились, как только околачиваться на перекрестках, кое-где уже ждут. Самое время вылечить молодежь от «духовного размягчения костей» и привить ей на военной службе дисциплину и любовь к порядку. Я постарался исчезнуть как можно быстрее. В моем положении столкновение с нацистом на улице на виду у всех было бы непозволительной роскошью.

Вот уж и прошла пасха, а новостей все не было. Мое пребывание в Берлине затягивалось. Почему же товарищи не привлекают меня к подпольной работе? Позже я узнал, что для этого были серьезные основания. 27 марта гестапо удалось арестовать товарищей Макса Маддалену, Адольфа Рембте и Роберта Штамма. Они были членами подпольного партийного руководства, направлявшего подпольную партийную работу в масштабах страны. Понятно, что берлинским товарищам пришлось дважды и трижды перепроверить и подстраховать каждую связь, а для этого необходимо было время.

В эти дни ожидания я много читал, в том числе и нацистские газеты. Несмотря на то что информация, которую мож-

но было извлечь из давно уже «унифицированной» буржуазной прессы, везде была одной и той же фабрикации, она все же давала возможность судить о политическом положении в фашистском германском государстве, а также о его внешнеполитических намерениях и целях. Хозяйка регулярно приносила «Фёлькишер беобахтер». Из него я узнал о суде над Фите Шульце, одной из самых близких соратниц Эрнста Тельмана в дни гамбургского восстания 1923 года. Ненависть фашистского суда к этой несгибаемой коммунистке поистине не имела границ: ее трижды приговорили к смертной казни и, сверх того, еще к 260 годам тюремного заключения.

Уже несколько дней спустя после милитаристского разгула на Унтер-ден-Линден нацисты продемонстрировали первые плоды «вновь завоеванного права на оборону». В берлинском районе Кройцберг состоялось первое крупное учение по противовоздушной обороне и светомаскировке: как «уверяли» жителей столицы, «вне всякой связи со всеми другими военными мероприятиями». Это учение послужило поводом для того, чтобы угостить берлинцев целой серией репортажей об условном воздушном нападении на Кройцберг, которые были написаны — как бы сказали сегодня — в ярко выраженном стиле фронтовых корреспонденций. Я помню фотографии в газетах: развороченные мостовые, глубокие ямы с горами песка вокруг (что должно было изображать воронки от авиабомб), горящая легковая автомашина перед домом с горящей крышей (чтобы продемонстрировать действие зажигательных бомб).

Кто из берлинцев, ставших очевидцами этой зловещей военной игры, кто из них, чьей «дисциплинированностью» в течение нескольких дней никак не могла нахвалиться пресса Геббельса, кто мог тогда предвидеть, что всего через несколько лет эта игра обернется в тысячу крат более жестокой действительностью? В городе с населением в 4,3 миллиона после войны осталось лишь 2,3 миллиона жителей. Свыше 45 500 тонн взрывчатки и зажигательных веществ сбросили в течение войны на Берлин английские бомбардировщики. Из 1 562 тысяч квартир, имевшихся в Берлине в начале войны, остались пригодными для жилья лишь 370 тысяч. Общий объем руин и развалин равнялся 75 миллионам кубометров. Из них можно было бы построить насыпь шириной 35 и высотой 5 метров, которая бы протянулась от Берлина до Рурской области. Специалисты совершенно серьезно прикидывали: не экономичнее ли вновь выстроить город на новом месте?

Незадолго до праздника троицы мне наконец сообщили,

что связной доставит меня и товарища Геделера к чешской границе. Нас ждут в Праге. В субботу накануне троицына дня мы встретились на Силезском вокзале (сейчас Восточный вокзал) и поехали в разных вагонах в Цитау через Гёрлиц, а затем уже вместе по узкоколейке до небольшого климатического курорта Йонсдорфа, расположенного в живописнейшей горной местности.

Сопровождавший нас товарищ знал местность как свои пять пальцев: здесь он провел детство. По дороге из Йонсдорфа в Вальтерсдорф он рассказал нам, что Йонсдорф, Вальтерсдорф и Гросс-Шёнау — три самых известных поселка ткачей в Верхней Лужице. Надомное ткацкое ремесло возникло здесь в начале XVIII века. В те времена в Вальтерсдорфе было уже свыше 500 ткацких станков — почти по два в каждом доме. Сейчас, продолжал товарищ, оберлаузицкая шторная ткань и тик изготовляются фабричным способом. Уже пять-шесть лет, как надомное ремесло исчезло.

Как ни был интересен рассказ нашего проводника, я слушал его невнимательно. Мне припоминались мои злоключения на швейцарской границе летом прошлого года. Хоть бы в этот раз все обошлось хорошо!

В Вальтерсдорфе царило веселое оживление. И мал и стар развлекались на праздничном гулянье: на каруселях, в тирах, толпились у разного рода ларьков. Мы выпили по кружке пива и пошли через толпу. Нам, уроженцам Южной Германии, было забавно слушать оберлаузицкий говор. Особенно непривычен был для нас звук «р» — полураскатистый, полумурлыкающий. С видом беззаботных туристов мы покинули гулянье, направились в горы и беспрепятственно вышли к границе. Слева от нас была гора Лауше — высшая точка горного массива. Никем не замеченные, мы пересекли границу и, выйдя на чешскую территорию, облегченно вздохнули. На следующее утро поезд доставил нас в Прагу.

После довольно беспокойной ночи, проведенной в какой-то малопривлекательной гостинице, нас на следующий день разместили по квартирам. Мое очередное пристанище находилось в Холешовице, севернее старого города, в середине полуострова, образуемого излучиной реки Влтавы, отклоняющейся здесь далеко на восток и омывающей этот район Праги с трех сторон. Хотя моя хозяйка ни слова не говорила по-немецки и мы с ней объяснялись с величайшим трудом, она проявляла обо мне трогательную заботу. Я ни в чем не испытывал недостатка, тем более что она помимо полезных советов снабдила меня не менее полезными чешскими кронами.

Хозяйка рекомендовала мне как можно быстрее сходить в чешское эмиграционное бюро и подать под вымышленным именем заявление о выдаче удостоверения эмигранта. Не исключено, что, назвав свою настоящую фамилию, я помогу нацистам вновь напасть на мой след. По опыту других, удостоверение получают без длительной проверки в течение нескольких дней.

Однако, предупредила она, в последнее время чехословацкая государственная полиция опять стала проявлять интерес к немецким эмигрантам, иногда по нескольку дней держала их в полицейской тюрьме и подвергала допросам. Несмотря на это, хозяйка посоветовала мне в первый же день узаконить свое пребывание в стране: хотя виза на въезд в Советский Союз уже была заказана мне в советском посольстве, до ее получения пройдет некоторое время, поэтому мне нужно стать на учет в полиции.

Чехословацкая республика возникла в 1918 году на обломках монархии Габсбургов. Это было буржуазное многонациональное государство, в котором проживали 7,4 миллиона чехов, 2,3 миллиона словаков, 3,2 миллиона немцев, 700 тысяч венгров, 550 тысяч украинцев, 81 тысяча поляков. В 1920 году рабочий класс и другие прогрессивные силы потерпели поражение. Левое крыло чешской буржуазии поставило во главе страны пражского профессора философии Томаша Масарика, ставшего президентом республики. Он проводил ярко выраженную политику буржуазных реформ с целью укрепления классового господства буржуазии и отвлечения рабочего движения от революционного пути.

Эта линия Масарика, его ориентированная на империалистические западные державы внешняя политика и его антисоветизм не только принесли ему симпатии в кругах монополистической буржуазии в стране и за рубежом, но и облегчили консолидацию фашистских сил.

Так, приблизительно с конца 1930 года во всех районах Чехословацкой республики стали усиливаться фашистские тенденции. Фашистское движение под руководством бывшего чешского генерала Гайды, одного из создателей так называемого чешского легиона, воевавшего на стороне Колчака против большевиков, привлекло многочисленных сторонников. Хотя попытка фашистского путча, начавшегося штурмом казармы в городе Брно, и была быстро подавлена, опасность фашизма не была устранена. Наибольшей активностью отличался «Отечественный фронт судетских немцев» во главе с Конрадом Генлейном, развернувший безудержную античешскую пропаганду. Финансируемые гитлеровским правитель-

ством генлейновцы, переименовавшие в апреле 1935 года свой «Отечественный фронт» в судетско-немецкую партию, выступили с требованием автономии, а затем и присоединения земель судетских немцев к рейху. Под влиянием судетско-немецкой партии оказалось большинство немецкого населения Чехословакии.

Все это я узнал впервые и понял, почему антифашист на территории Чехословакии не мог чувствовать себя столь уверенно, как нам казалось вначале. С одной стороны, чехословацкая полиция боролась с фашистскими элементами и поэтому с особым недоверием относилась к любому немцу, прибывавшему из рейха. Но, с другой стороны, нельзя было исключить, что замаскированные фашисты уже сидели на ключевых государственных должностях и поддерживали связь с партией Генлейна или с гитлеровским гестапо. Во всяком случае, разумнее всего было не попадать на особую заметку в полиции. Подозрение, что ты — засланный из Германии фашист, могло оказаться таким же роковым, как и информация о тебе, переданная каким-нибудь чешским чиновником нацистским агентам.

Понятно, почему я пришел в пражское эмиграционное бюро с разноречивыми чувствами. Я представился как Гейнц Рот, сказал, что работал слесарем на одном из мангеймских военных заводов, что меня преследовала полиция по подозрению в распространении на заводе «Коричневой книги». Имя Гейнц Рот так и осталось моей подпольной кличкой вплоть до 1945 года. Фамилия Рот принадлежала сестре моего отца, тете Лизель. Она жила в Мангейме и, когда мне было четыре-пять лет, не раз оставалась со мной, когда родители были на работе. За десять лет моей жизни в эмиграции я так привык к имени Гейнц, что так с ним и не расстался.

Мне не задали никаких дополнительных вопросов и сказали, что через три дня я могу забрать свое удостоверение. Я с облегчением вздохнул, но все получилось иначе. Вместо того чтобы вручить мне в обещанный срок документ, меня проводили к сидевшему несколькими дверями дальше чиновнику, который заставил меня еще раз подтвердить свои данные, а затем заявил, что все это сплошная выдумка, и посоветовал говорить правду. Мои клятвенные заверения, что все сообщенные мною данные истинны, не помогли. Час спустя я сидел в общей камере пражской полицейской тюрьмы в компании десяти — двенадцати других заключенных, производивших весьма жалкое впечатление и задержанных, скорее всего, за бродяжничество.

Пражская полицейская тюрьма входила в большой тюремный комплекс Панкрац на юге города. Тот, кто читал «Пражский Питаваль» Эгона Эрвина Киша, может себе представить, какое жалкое существование влачили узники этой тюрьмы во времена габсбургской монархии. Кое-что из тех времен, казалось, сохранилось и при буржуазной республике: мрачные, загаженные камеры, изрыгающие проклятия надзиратели, не скупящиеся на толчки и тычки. Некоторое время спустя, в период фашистской оккупации Чехословакии, в гестаповской тюрьме Панкрац томились чехословацкие коммунисты и антифашисты. Многих из них доставляли из дворца Печека, где тогда размещалось пражское гестапо, уже зверски избитыми фашистскими палачами. В тюрьме Панкрац написал свой всемирно известный «Репортаж с петлей на шее» член подпольного Центрального комитета КПЧ известный чешский журналист Юлиус Фучик, арестованный гестапо в 1942 году. «Репортаж» кончается словами: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!»

В тюрьме я просидел три дня. Не зная за собой никакой вины, я сразу же начинал громко протестовать, как только к камере приближался какой-нибудь надзиратель. Но никто из тюремных стражей не реагировал на это. Может быть, они понимали только по-чешски? На третий день меня наконец опять доставили к чиновнику, назвавшему меня обманщиком. Тот вновь повторил вопросы, на которые я не мог ответить иначе, чем три дня назад. Свой допрос чиновник закончил словами:

— Мы проверили ваши данные. Абсолютно ничего не сходится. Предприятие, на котором вы якобы работали, выпускает автомашины, а не военную продукцию. Но подождите, мы вас еще раскусим! Вот, забирайте!

Я не поверил своим глазам: передо мной лежало мое удостоверение. Вероятно, полицейский чиновник просто хотел «взять меня на пушку», делая вид, что располагает основательной информацией, или же он перепутал моторостроительный завод с предприятием фирмы «Бенц».

Чуть не прыгая от радости, я примчался на квартиру моей хозяйки. Скорее бы получить визу! Этот город на Влтаве полон очарования и достопримечательностей, но антифашист здесь не был застрахован от подозрений полиции и ее проверок, о которых никогда нельзя было знать, чем они закончатся.

Однако мне пришлось подождать еще некоторое время. Вальтер Геделер, с которым мы время от времени виделись, тоже беспокоился. Надо сказать, что он избежал «спецпре-

бывания» в полицейской тюрьме, вероятно, потому, что не сообщал сведений о тайной военной промышленности третьего рейха и, стало быть, не привлек к себе внимание чешских секретных служб.

И вот наконец мы держим в руках свои визы. И опять вместе отправляемся в путь; я еду под именем Александра Иванова. Прага — Брно — Острава — несколько часов езды по железной дороге, и мы на территории Польши.

На одной остановке на пути к Варшаве в вагон села группа молодых евреев, учеников школы раввинов. Разбитные ребята, на мой взгляд, чересчур бойкие для будущих священников. Немного спустя они стали молиться хором то ли на еврейском, то ли на польском языке: мы не понимали ни слова. Обращаясь к Вальтеру Геделеру, я сказал, что не плохо было бы, чтобы сей молитвенный час побыстрее закончился — в конце концов, здесь находятся еще и другие люди. Геделер подмигнул мне вроде бы шутливо, но в то же время и предостерегающе: сиди, мол, тихо. Однако его мудрый совет запоздал: тотчас же монотонная молитва обратилась в возбужденные, яростные выкрики. Хотя мы и не понимали ни слова, по выражениям лиц и недвусмысленным жестам будущих священников мы догадались, что они крыли нас отнюдь не ласковыми словами. Если бы не пришел проводник, которому с трудом удалось успокоить возмущенную компанию, и не пересадил бы нас в другой конец вагона, мое необдуманное замечание могло бы выйти нам боком.

К нам подсели еще два пассажира — Бруно и Оскар Штарк. Мы разговорились.

— Разве ты не понял, — спросил Бруно, — что эти благочестивые юные мужи — ученики школы раввинов? Будучи евреями, они в каждом немце предполагают фашиста. Всему миру известно, как подло обращаются с евреями в гитлеровской Германии...

Вот так кладовая моего опыта обогатилась еще одним познанием. Оказывается, для многих иностранцев достаточно того, что ты немец, чтобы относиться к тебе с презрением. Этого было трудно избежать. Ведь не написано же у нас на лбу, что мы — те немцы, которые не только не имеют ничего общего с фашистской Германией, но и являются ее злейшими противниками!

Несколько часов пребывания в Варшаве мы посвятили прогулке по Старувке — древнейшему району польской столицы.

Мы прошли улицу Подвале, пересекли Замковую площадь со знаменитой колонной Сигизмунда — древнейшим па-

мятником Варшавы и вышли к рынку старого города, возникшему еще на рубеже XIII и XIV веков и бывшему вплоть до XIX века центром хозяйственной и общественной жизни города. По узкому, живописному переулочку мы спустились к Висле и с ее берега смотрели на промышленное, рабочее предместье Варшавы — Прагу, лежащую на противоположном, восточном, берегу.

Известно, что для того, чтобы иметь возможность наслаждаться изобразительным искусством, нужно сначала научиться видеть. Я считаю, что это относится и к восприятию памятников архитектуры и городов. Нас же никто этому не учил, не пробуждал в нас интереса к искусству, так что мы наверняка просто не заметили некоторых замечательных культурных памятников. Но, несмотря на это, Варшава с ее внушительными строениями, дворцами в стиле барокко и старинными жилыми домами произвела на нас большое впечатление.

Тем больнее было видеть Варшаву 31 декабря 1945 года, когда я возвращался из Советского Союза в Германию. Старый город, ставший в августе и сентябре 1944 года центром Варшавского восстания, нельзя было узнать: руины, сплошные руины, куда ни бросишь взгляд.

«Палачом Варшавы» прозвали поляки группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Гейнца Рейнефарта, который со своей пресловутой «боевой группой» в течение двух месяцев до такой степени разрушил Варшаву, что в ней буквально не осталось камня на камне. В ноябре 1944 года в одной из фашистских газет он похвалялся тем, что в результате его действий в Варшаве погибли 250 тысяч польских мужчин, женщин и детей.

В 60—70-х годах я в качестве министра обороны неоднократно бывал в польской столице. И каждый раз вновь и вновь мое воображение поражало то, с каким вдохновением, любовью и чувством глубочайшего уважения к достижениям культуры прошлых веков польский народ восстановил свою столицу. Этот подвиг как бы стал символом новой, социалистической Польши.

Во время прогулки по Варшаве мы узнали, что Бруно и Оскар Штарк тоже едут в Москву. Их так же, как и нас с Вальтером Геделером, направили на учебу в Международную ленинскую школу.

В последующие годы я получил возможность высоко оценить достоинства Оскара Штарка как политически сознательного борца и хорошего товарища.

Он родился неподалеку от саксонского города Бургштедта,

В 1927 году вступил в Коммунистический союз молодежи Германии, а год спустя — в КПГ. Весной 1933 года Оскар на некоторое время уехал в Чехословакию, а затем был направлен в Рурскую область. Там до начала 1935 года он участвовал в антифашистской борьбе. Подлинное имя Оскара — Альберт Гесслер — я узнал лишь много лет спустя.

Проехали Барановичи и через полтора часа пересекли польско-советскую границу. Негорелое — первая остановка на советской территории. Над железнодорожными путями возвышалась широкая арка, сделанная из деревянных балок и увенчанная советским гербом и пятиконечной звездой. Никто из нас не знал русских букв и не смог прочитать укрепленный на арке лозунг «Привет трудящимся Запада!». Однако мы сразу же поняли, что нас принимает страна, где мы, немецкие коммунисты, можем чувствовать себя абсолютно уверенно и спокойно — на перроне вокзала маленький оркестр играл «Интернационал».

Орша — Смоленск — Вязьма — Москва... И вот мы в Москве, в столице первого в мире социалистического государства. Когда по пути с Белорусского вокзала мы проезжали по Охотному ряду — сегодня проспекту Маркса, — с портала московского Дома Союзов нам сияла гигантская римская цифра «семь», а по обе стороны транспаранта были надписи на четырнадцати языках. Одна из них — на немецком. Мы прочитали: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Через две недели здесь должен был начаться VII конгресс Коммунистического Интернационала.

В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЕ
(июль 1935 г. — июль 1936 г.)

Первые дни моего пребывания в Москве доставили мне немало волнений и были, пожалуй, совсем не такими, как я себе представлял. Нас разместили в небольшом трехэтажном домике в конце Гоголевского бульвара. Дом, построенный в грузинском стиле, был окружен ухоженным садиком и выглядел очень гостеприимно. Нас сначала устроили и накормили, а затем мы увиделись с другими товарищами. Взаимные попытки познакомиться увенчались, однако, очень скромными результатами: мы объяснялись друг с другом с большим трудом. Товарищи говорили по-польски, по-чешски, некоторые — по-французски и по-английски.

На следующий день начались собеседования с кандидатами в Международную ленинскую школу. Приехала комиссия. Нам объяснили, что она состоит из работников отделов кадров Коминтерна и Международной ленинской школы. Нас вызывали по одному. Немолодой седовласый товарищ руководил беседой, в то время как другие члены комиссии время от времени задавали вопросы через переводчика.

Я полагал, что меня ожидают экзамены. Но мои знания, казалось, никого не интересовали, чего нельзя было сказать о моем жизненном пути. Я рассказывал о Мангейме, о родителях, о дедушках и бабушках, о своей деятельности в Коммунистическом союзе молодежи Германии и КПГ, вспоминал эпизоды из своей нелегальной работы. Сам того не замечая, я увлекся рассказом, и моя первоначальная неуверенность улетучилась. Меня спросили о моем школьном образовании, знании иностранных языков и поинтересовались, какие работы Маркса, Энгельса и Ленина я уже изучил. Я перечислил несколько работ: «Манифест Коммунистической партии», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Государство и революция» и, разумеется, «Капитал», первый том которого мама подарила мне в день моего шестнадцатилетия. Об этом я также не забыл упомянуть.

Мой собеседник внимательно посмотрел на меня и улыбнулся:

— Даже «Капитал»? Вот это да! Хорошо, что ты его прочел! Скажи-ка мне, товарищ, что же в нем произвело на тебя самое сильное впечатление?

Что я мог на это ответить? Вспомнил, как шестнадцатилетним подростком я мучительно пытался постичь теорию прибавочной стоимости, но в конце концов с разочарованием отложил книгу в сторону. Мне припомнились забастовки за повышение зарплаты во время моего ученичества на мангеймском моторостроительном заводе и беседы с Георгом из коммунистической заводской ячейки. Он в двух словах разъяснил мне тогда «тайну» капиталистической эксплуатации, объяснил, как образуется прибавочная стоимость и что в основе любой эксплуатации лежит частная собственность на орудия и средства производства.

Я рассказал все, что удержал в памяти с тех пор, кое в чем запутался и в конце концов сам почувствовал, что до теоретических высот мне еще далеко. Члены комиссии, однако, сделали вид, будто ничего не заметили. Возможно, они большего и не ожидали. Жизнь в условиях антифашистского Сопротивления предоставляла отнюдь не самые лучшие условия для штурма высот науки.

Мне сказали, что мои данные будут проверены и мне пришлют ответ. В течение последующих дней мои товарищи один за другим покидали дом на Гоголевском бульваре, пока я не остался там единственным обитателем, если не считать тугого на ухо старичка, который был вахтером и одновременно выполнял по дому различные мелкие работы, так что явно входил в состав «постоянного персонала».

Что же мне делать? Оставалось только ждать, хотел я этого или нет. С одной стороны, я так радовался тому, что наконец в Москве и в безопасности, но все же свое пребывание здесь я представлял себе совсем иначе. По мере того как безрезультатно проходил день за днем, мое нетерпение возрастало. Как долго еще продлится это ожидание?

Однажды утром я встретил в холле человека, который проводил со мной собеседование. Ведь от него можно было кое-что узнать! Не знаю, понял ли он мой вопрос, но мне показалось, что он точно знал, чего я от него хочу. Он успокаивающе положил мне руку на плечо:

— Ну хорошо, товарищ, все будет, будет!

И я по-прежнему остался в неведении относительно своего будущего.

Я выждал еще два дня, раздираемый надеждой и сомнениями. Никаких вестей! Наконец я решил, что надо что-то предпринять. Если меня не примут в Международную ленинскую школу, то работа уж, конечно, найдется. Если члены приемной комиссии, проводившие со мной беседу, были из отдела кадров ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала), то тогда лучше всего действовать через Коминтерн. Там я найду кого-нибудь, кто сможет мне помочь. Но, разумеется, это было легче сказать, чем сделать — я не знал ни слова по-русски, да и город был мне незнаком.

Хотя мне и не разрешалось покидать дом, тем не менее вахтер нисколько не возражал, когда я объяснил ему, что хотел бы прогуляться. Несколько раз я спрашивал у прохожих, как пройти к зданию Коминтерна, но те либо вообще не понимали меня, либо их ответы не понимал я. Моим спасителем оказался милиционер. Он сначала с подозрением осмотрел меня, но затем с готовностью пришел на помощь. Он указал рукой вдоль Гоголевского бульвара и, отчаянно жестикулируя, многословно описал дорогу.

Не поняв, разумеется, ни слова, я просто пошел в указанном направлении и уперся в здание в виде башни, у входа в которое стоял часовой. От здания по направлению к Кремлю шел мост. Наискосок справа я увидел наконец-то здание Коминтерна.

Не успел я войти, как какой-то человек в гражданском громовым голосом окликнул меня:

— Куда, товарищ? Пропуск! Документ!

Пожимая плечами, я пытался объяснить ему, что мне надо в отделе кадров поговорить с немецкими товарищами. Но куда там!

— Пропуск! Документ!

У меня не было ни того, ни другого. Но, поскольку я не уходил, человек рассердился, схватил меня за руку и попытался отвести в сторону:

— Нет документов? Тогда проходите!

Наш спор мы продолжали отнюдь не шепотом. Шум привлек внимание двоих товарищей, только что вышедших из здания. Я не замечал их до тех пор, пока один из них, взяв меня за рукав, не спросил по-немецки:

— Куда тебе нужно, товарищ?

Я живо обернулся, услышав немецкую речь, и остолбенел от изумления. Этот голос? Это лицо? Где-то мы уже встречались. Мой визави был, по-видимому, того же мнения:

— Мы не знакомы?

Ну конечно! Теперь я вспомнил: товарищ Вальтер! Это он год назад беседовал с нами, рабочими из Мангейна, в Саарбрюккене, когда мы устанавливали в Бадене первые связи с социал-демократами. Вот так случай! Встретиться здесь, в Москве! Я был вне себя от радости, что наконец-то нашел кого-то, кому я смогу довериться и кто мне, возможно, сможет помочь.

Вальтер Ульбрихт, фамилия которого мне тогда была неизвестна, стал расспрашивать меня: откуда, куда и т. д. Это долгая история, ответил я, и еще не известно, как дальше пойдут дела. Но тут его товарищ, прервав поток моих слов, сказал:

— Ты поезжай, Вальтер! А я разберусь с этим делом и приеду попозже.

Он махнул мне рукой, приглашая следовать за ним, и я вошел в здание Коминтерна — без пропуска и «документа». По мнению охраны, с таким сопровождающим мне не требовалось удостоверения личности. Если бы я знал, что прохожу мимо часовых с Вильгельмом Пиком, который был тогда членом ИККИ и одним из самых видных и опытных работников нашей партии, то это меня уже не так бы и удивило. Но об этом я узнал лишь спустя несколько дней.

Вильгельм Пик привел меня в свой кабинет, попросил принести чаю и предложил мне рассказать суть дела. Я изложил все детальнейшим образом — точно так же, как и членам приемной комиссии. Вильгельм Пик внимательно выслушал меня, не перебивая. Его способность терпеливо выслушивать собеседника я не раз отмечал про себя и в дальнейшем. Очень ценное качество, которым должен обладать каждый коммунист. По крайней мере, каждый коммунист должен стремиться развить в себе это качество, хотя это и не так просто, особенно в тех случаях, когда он сам привыкает много говорить и давать руководящие указания. Один мудрый француз как-то написал: «Слово — это то, что сильные мира сего весьма неохотно уступают другим. Они предпочитают слушать самих себя, вместо того чтобы слушать других».

Выслушав мое повествование, Вильгельм Пик заметил:

— Тебе повезло дважды подряд. Иначе ты сейчас не сидел бы здесь. И все же, несмотря на все счастливые обстоятельства, ты должен понять, что в Рюдесгейме вел себя неправильно. А сейчас иди к себе в общежитие. Завтра, самое позднее послезавтра, тебя известят.

Уже на следующее утро пришел товарищ Горский, который был тогда начальником отдела кадров Международной ленинской школы. Кстати сказать, это он несколько дней назад проводил со мной собеседование. С ним был переводчик, и не успел я опомниться, как над моей головой разразилась настоящая гроза.

Хотя он и делает скидку на мою молодость, сказал Горский, но все-таки у него складывается обо мне мнение как о крайне недисциплинированном человеке. Вопреки четким указаниям, взять и просто так уйти из дома — без документов, не зная ни слова по-русски, а затем прийти в Коминтерн, где мне, вообще говоря, нечего было делать — это ли не высшее проявление недисциплинированности? И такой человек хочет поступить в Ленинскую школу!

— Собирай вещи! Едем!

Через секунду я сидел в машине, спустя еще несколько минут мы вошли в небольшое двухэтажное здание на улице Воровского. В настоящее время в нем находится Литературный музей имени А. М. Горького, но в то время там размещалась Международная ленинская школа. Итак, меня все же приняли! Теперь все будет в порядке.

Вскоре начались занятия. Мы прослушали две вводные лекции, на которых нас ознакомили с учебной программой и целями нашей подготовки.

В те дни, а точнее, 25 июля 1935 года открылся VII конгресс Коминтерна. От каждого землячества было выделено по нескольку человек, которые в качестве гостей могли присутствовать на открытии конгресса. Одним из таких счастливчиков оказался и я.

Открытие конгресса состоялось вечером 25 июля. Чем ближе мы подходили к зданию Дома Союзов в Охотном ряду, тем больше встречалось нам народу на улице: шли делегаты, пришли целыми семьями москвичи, чтобы поприветствовать делегатов в столице первого в мире социалистического государства.

Через боковой вход мы вошли в празднично украшенный Колонный зал. Стена за ложей президиума была украшена красными знаменами и портретами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Где-то я читал: именно здесь представители народов СССР и международного рабочего движения прощались с Лениным. Мне вспомнился Мангейм, мост Фридрихсбрюкке и минута молчания в день траура по Ленину. Вспомнилось, как мать в тот же самый вечер рассказывала мне о Ленине. С тех пор прошло одиннадцать лет.

Если бы она могла видеть меня в Москве или, по крайней мере, знать, что я здесь!

Зал уже полон: вот на трибуну поднимается человек и от имени ИККИ объявляет конгресс открытым. Я не верю своим глазам и все же — обознаться невозможно: оттуда, с трибуны, говорит тот самый товарищ, который два дня назад привел меня в здание Коминтерна и помог поступить в Международную ленинскую школу. Мне сказали: это Вильгельм Пик. Раздаются звуки траурного марша «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Делегаты встают и минутой молчания чтят память всех товарищей, отдавших жизнь в революционной борьбе, в борьбе против фашизма и войны.

Затем избирается рабочий президиум. Раздаются возгласы «ура», гремят аплодисменты, когда избранные члены президиума под звуки «Интернационала» занимают свои места. Впервые в жизни я вижу руководителей партии Ленина и многих других компартий. Среди них такие известные коммунисты, как Иосиф Сталин, Дмитрий Мануильский, Отто Куусинен, Георгий Димитров, Морис Торез, Пальмиро Тольятти и Гарри Поллит. Слово берет первый секретарь Коммунистической партии Франции Морис Торез. От имени коммунистических партий Франции, Великобритании, Италии, Польши, Чехословакии и Южной Америки он предлагает избрать почетным председателем VII конгресса товарища Эрнста Тельмана, по-прежнему томящегося в фашистских застенках. Снова возгласы «ура» и бурные, долго не смолкающие аплодисменты.

В ложе президиума находятся также почетные гости конгресса во главе с женой и соратницей В. И. Ленина Надеждой Константиновной Крупской и его сестрой Марией Ильиничной Ульяновой. В зал торжественно входят представители крупных московских предприятий и школ и зачитывают приветствия делегатам. Была уже почти полночь, когда мы ушли из Дома Союзов.

На следующий день с докладом о деятельности ИККИ выступил Вильгельм Пик, а 20 августа Георгий Димитров произнес заключительную речь. Я должен признать, что богатство мыслей и теоретическую глубину речей Вильгельма Пика и Георгия Димитрова я понял лишь тогда, когда мы приступили к интенсивному изучению материалов конгресса и усвоению выработанной на нем стратегии и тактики коммунистических партий в борьбе против фашизма и войны, за мир, демократию и социализм. Меня потряс дух единства, царивший на конгрессе, восхитила решимость делегатов продолжать борьбу.

До сих пор я присутствовал лишь на партийных собраниях в Мангейме, но ни разу не участвовал в окружных партийных конференциях. Сейчас же я впервые в жизни был на конгрессе, на который собрались коммунисты со всех уголков земли!

Полтора года провел я на нелегальной работе в фашистской Германии, поддерживая непосредственный контакт с тремя, самое большее с четырьмя, товарищами. К тому же связь с ними часто нарушалась, а налаживание ее было долгим и кропотливым делом. Хотя мы и знали, что не одиноки в своей борьбе, но могли лишь смутно догадываться, частью какой могучей силы мы в действительности являемся. И вот я в зале, в котором свыше пятисот делегатов, представляющих 65 компартий и другие секции Коминтерна, объединившие в своих рядах свыше трех миллионов коммунистов из всех частей земного шара.

До этого времени руководители ВКП(б) и международного рабочего движения были мне знакомы лишь по именам. Я только знал, что в течение десятилетий революционной борьбы они снискали любовь и уважение масс и вели большую, ответственную работу. А теперь я видел их перед собой, слышал их речи. Эти впечатления были настолько сильными, что я с трудом подавлял искушение броситься к ним и пожать им всем руки.

Заседания VII конгресса продолжались, но нас увезли из Москвы. До начала занятий в школе нам необходимо было отдохнуть. Дело было не в том, что кто-то из нас был болен; просто советские товарищи знали, что жизнь на нелегальном положении ни для кого не проходит бесследно. Несмотря на свою молодость, многие из нас выглядели утомленными и нервными, и у большинства, как мы шутили, остались только кожа да кости.

Примерно в 25 километрах к югу от Москвы, неподалеку от Дома-музея В. И. Ленина в Горках, находился дом отдыха Международной ленинской школы. Обширные лиственные леса так и манили побродить в них. Мы купались в хрустально чистой Пахре, притоке Москвы-реки, много занимались спортом, и нас вдоволь кормили добротной едой, приготовленной по традиционным русским рецептам. В наш ежедневный рацион входила большая миска гречневой каши на молоке, такой густой, что в ней стояла ложка. Хотя мы со временем и привыкли к ней, мы бы не возражали, если бы нам давали ее пореже. Правда, мы забыли о том, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и не приняли во внимание точку зрения нашего лечащего врача, который

не только тщательно нас обследовал, но и смотрел за тем, чтобы каждый полностью съедал свою порцию гречневой каши. Услышав нашу просьбу, он рассмеялся:

— Революционеру необходимы силы, выносливость и крепкие нервы. Поэтому гречневая каша — это именно то, что вам нужно.

Итак, мы продолжали есть кашу, хотя порой она и не лезла нам в горло. Отдохнувшие и окрепшие, мы в конце августа вернулись в Москву.

Прежде чем я перейду к описанию своих личных впечатлений и расскажу обо всем пережитом в Международной ленинской школе, мне бы хотелось рассказать об истории создания школы и ее значении. Со дня своего основания Коминтерн рассматривал хорошую политическую и теоретическую подготовку кадров как одну из важнейших своих задач, поэтому уже к середине 20-х годов в Советском Союзе было создано несколько учебных заведений, которые работали под непосредственным руководством ИККИ и где обучались сотни коммунистов из стран Европы, Азии и Латинской Америки.

К подобным учебным заведениям относились основанный в 1921 году Коммунистический университет трудящихся Востока и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. Спустя четыре года открылся университет имени Сунь Ятсена, а в апреле 1926 года на основе решения конгресса Коминтерна были созданы Международные ленинские курсы, которые через два года были переименованы в Международную ленинскую школу (МЛШ).

Сам факт создания коммунистических учебных заведений свидетельствовал о том огромном значении, которое придавал Коминтерн идеологической работе, направленной на укрепление коммунистических партий. Вместе с тем в этом проявлялся интернационализм ВКП(б), которая как в идеологическом, так и материальном отношении сделала чрезвычайно много для того, чтобы коммунисты из многих стран мира могли в действительно прекрасных условиях овладеть знаниями марксистско-ленинской науки и получить в свои руки могучее оружие для практической революционной борьбы. И это в то время, когда Советский Союз только-только приступил к созданию собственной системы народного образования и воспитания, чтобы ликвидировать то тяжелое наследие, которое оставил царизм, особенно в духовной и культурной жизни народа. Вряд ли тогда где-нибудь, кроме Советского государства, существовали условия для глубокого и систематического изучения в учебном заведении иде-

ологии рабочего класса, хотя отдельные легально работавшие коммунистические партии и имели учебные курсы для подготовки руководящих работников. Так, КПГ, крупнейшая коммунистическая партия капиталистического мира, организовала в Фихтенау, возле Берлина, многомесячные учебные курсы и имела, кроме того, широкую сеть марксистско-ленинских кружков. Однако большинство коммунистических партий в странах капитала вынуждены были работать в нелегальных условиях и имели крайне ограниченные возможности для необходимой политической и теоретической подготовки своих руководящих кадров. С 1933 года в таких же условиях оказалась и КПГ. Так, в конце лета 1935 года, когда я приступил к занятиям в МЛШ, в Коминтерн входили 76 коммунистических партий и организаций, из которых 50, то есть две трети, были вынуждены бороться в подполье. В тех странах полиция буквально охотилась за коммунистами, с особой свирепостью преследуя тех, кто побывал за границей.

Само собой подразумевалось, что в таких условиях необходимо было сохранять в тайне факт существования МЛШ, и нам все время со всей строгостью внушали, чтобы мы не вступали в контакты с незнакомыми людьми. Насколько обоснованными были эти и другие меры предосторожности, подтверждает, например, тот факт, что отдельные сотрудники аккредитованных в Москве посольств капиталистических государств неоднократно пытались получить точные данные о характере деятельности МЛШ. Возможно, к этому приложили руку и империалистические разведслужбы, и шпионские организации, пытавшиеся прежде всего узнать, не обучаются ли в МЛШ коммунисты из их стран. Нескольким болгарским коммунистам это стоило жизни: когда они после завершения учебы вернулись в фашистскую Болгарию, их немедленно арестовали и вскоре казнили. Подобные трагические случаи убедили нас в том, что строгое соблюдение конспирации — непременное условие нашей безопасности, в том числе и личной.

Особая ценность нашего обучения и воспитания в МЛШ состояла, несомненно, в том, что мы усваивали идеологию рабочего класса в тесной связи с жизнью и строительством социализма. Мы усвоили прежде всего то, что необходимо знать революционеру, ведущему классовую борьбу. Не было ни малейшего противоречия между теорией и практикой. И это не только позволило нам избежать бесплодных теоретических мудрствований, но и помогло проверить на практике некоторые теоретические положения, а в ходе учебы

четко уяснить себе задачи, которые стояли перед Советским Союзом, строившим социализм.

В нашу учебную программу входили диалектический и исторический материализм, политическая экономия, история немецкого и международного рабочего движения и история ВКП(б), вопросы стратегии и тактики интернациональной и национальной борьбы рабочего класса, вопросы партийного строительства и профсоюзной работы. Проведя несколько недель производственной практики на одной из московских текстильных фабрик, мы ознакомились с основами социалистической экономики предприятия и управления производством. Во время поездки по Северной Осетии изучили практические вопросы советской национальной политики. Нам также предоставили возможность овладеть основами военного дела. В палаточном лагере мы занимались огневой подготовкой, топографией, ознакомились с основными принципами тактики, работали с рацией. Иными словами, в соответствии с разными формами классовой борьбы — как мирными, так и немирными — разносторонней была и наша подготовка. Враги социализма использовали и используют это обстоятельство, чтобы очернить МЛШ и представить ее в виде центра подготовки «подпольщиков для большевистской мировой революции» и «специальных агентов Кремля». Во время учебы мы, конечно, изучали, да и не могли не изучать, формы и методы партийной работы в нелегальных условиях борьбы. Необходимость этого диктовалась горькими уроками истории, когда не одна компартия, не сумевшая своевременно перейти к нелегальным формам борьбы, расплачивалась за это тяжелыми потерями.

Более того, авторы подобных антикоммунистических клеветнических утверждений намеренно замалчивают тот факт, что рабочий класс сам не выбирает формы классовой борьбы, их ему навязывает буржуазия, а это вынуждает рабочий класс и его партию тщательно готовиться к любым формам классовой борьбы, включая и вооруженные. Так было тогда, так обстоит дело и сегодня!

В МЛШ преподавали выдающиеся педагоги, сочетавшие глубокие знания с богатым опытом революционной борьбы, нередко накопленным в течение десятилетий. Я имею в виду прежде всего ректора МЛШ товарища Клавдию Ивановну Кирсанову, закаленную в борьбе коммунистку, которая уже в семнадцать лет стала членом РСДРП и в дни революции 1905 года вела активную политическую деятельность. Клавдия Ивановна была простой, скромной и в то же время очень энергичной женщиной. Твердая и последовательная в

своих требованиях, она тем не менее относилась к своим ученикам с полным пониманием и прямо-таки материнской любовью—сама была матерью пятерых детей—и пользовалась большим уважением как у слушателей, так и у преподавателей. Мы почитали ее и восхищались ею.

Однажды мы посетили Музей революции на Тверской (теперь улица Горького) и обнаружили среди экспонатов старый русский пулемет, с помощью которого Кирсанова в 1918 году отразила попытку прорыва белогвардейцев на фронте под Пермью. Эта умная и бесстрашная женщина еще в юности поняла, что революционный авангард рабочего класса, если он хочет победить, должен быть готовым к вооруженной борьбе. И она постаралась овладеть оружием так же хорошо, как владела искусством убеждать и воспитывать бойцов революции.

Когда в 1906 году царские жандармы схватили руководство боевого комитета РСДРП в Перми, Кирсанова возглавила подпольную боевую группу рабочих и руководила их боевой подготовкой. Под руководством Свердлова она установила связь с военным гарнизоном Перми и организовала среди военнослужащих первые социал-демократические ячейки.

Не удивительно, что царские палачи пускались на все, чтобы схватить опасную революционерку. Ее неоднократно приговаривали к длительному тюремному заключению, а в 1913 году сослали в Якутск пожизненно. Без малого десять лет провела в тюрьмах и ссылках эта мужественная, несгибаемая женщина. В 1917 году ее вместе с Григорием Константиновичем Орджоникидзе (Серго) и Емельяном Михайловичем Ярославским, женой которого она стала, вызвали в Москву. Во время революции Кирсанова была избрана председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов, а позднее, в годы гражданской войны, сражалась на многих фронтах и даже была председателем Военного совета округа. За высокие заслуги в деле строительства и защиты социалистического Отечества ей в 1933 году вручили высшую награду СССР — орден Ленина.

Являясь руководителем и начальником различных марксистско-ленинских курсов при ЦК ВКП(б) и коммунистических университетах, Кирсанова зарекомендовала себя блестящим пропагандистом. Ее четкая, доходчивая и убедительная речь подкупала слушателей. В МЛШ она часто собирала записи своих учеников, тщательно их просматривала и бережно хранила. Когда ее однажды спросили, для чего она это делает, она ответила:

— Тот, кто хочет стать хорошим пропагандистом, должен постоянно контролировать себя и проверять, пробудили ли его слова в слушателях правильные мысли.

В годы Великой Отечественной войны Кирсанова неутомимо вела пропагандистскую работу и нередко бывала на передовой. Одновременно она играла выдающуюся роль в международном женском движении. Еще до того, как разразилась вторая мировая война, ее избрали членом исполнительного комитета Международной демократической федерации женщин. После победы над фашизмом она возглавила первую зарубежную делегацию советских женщин. Клавдия Ивановна умерла в октябре 1947 года, не дожив до своего шестидесятилетия. С ее смертью ВКП(б) потеряла одного из своих самых способных и энергичных борцов, выдающуюся женщину, которая всю свою жизнь бескорыстно и бесстрашно служила делу рабочего класса и социализма.

В 1935 году, когда я приступил к занятиям, в МЛШ насчитывалось до 500 учащихся, большинство которых проходили годичный или двухгодичный, а некоторые и трехгодичный курс обучения. Учащиеся были объединены в так называемые секции, которые состояли из групп, организованных по национальному или языковому принципу. Всего было тринадцать групп, объединенных в четыре секции: русскую, немецкую, английскую и французскую. Немецкая секция (секция «А») состояла тогда из трех кружков, или классов, в каждом из которых было от 12 до 15 учащихся. В двух первых обучались главным образом те, кто был послан на учебу в СССР по решению КПГ, а в третьей — посланцы Коммунистического союза молодежи Германии.

В этой группе с 1936 года вместе с другими занимался товарищ Вальдемар Фернер (партийная кличка Руди), который за свою активную деятельность в рядах КПГ был арестован в 1933 году фашистами за «подготовку антигосударственного заговора». Позднее он нашел политическое убежище в СССР. После окончания МЛШ он по решению партии до 1945 года вел подпольную работу в организации КПГ в Дании, устанавливал и поддерживал связь с датским движением Сопротивления и принимал участие в создании национального комитета «Свободная Германия». После разгрома фашистской Германии Вальдемар Фернер активно участвовал в строительстве новой, демократической Германии и внес выдающийся вклад в дело вооруженной защиты нашей республики и создания Национальной народной армии, работая сначала начальником управления морской пограничной охраны, а позднее командующим ВМС ГДР.

С 1959 года он — заместитель министра Национальной обороны и начальник главного политического управления ННА. Свыше двадцати лет нас связывало тесное и плодотворное сотрудничество.

Старостой немецкой секции был товарищ Фред Эльснер. Он был тогда первым немцем, получившим «красную профессуру». Он читал нам курс политической экономии. При постоянной помощи и поддержке нашего классного руководителя товарища Рудольфа Линдау мы изучали историю немецкого рабочего движения. Рудольф Линдау еще до первой мировой войны активно участвовал в революционном движении рабочей молодежи Гамбурга. Вместе с Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом, Кэте Дункер и другими революционными социал-демократами он 1 января 1916 года принимал участие в работе первой конференции «Группы Спартака» (группа журнала «Интернационал»), на которой было решено выпускать «политические письма» за подписью «Спартак». Историк-марксист Рудольф Линдау внес немалый вклад в дело составления «Иллюстрированной истории революции в Германии», которая вышла в свет в 1929 году. С 1934 до 1945 года он жил в СССР как политэмигрант, а после войны, в 1948—1950 годах, работал ректором Высшей партийной школы при ЦК СЕПГ.

С лекциями в МЛШ часто выступали руководящие работники Коминтерна, члены ЦК ВКП(б) и КПГ. Я до сих пор помню лекции товарищей Мануильского и Ярославского, Тольятти и Димитрова, Пика, Ульбрихта, Аккермана и других.

Таким образом, мы наряду с изучением работ классиков марксизма-ленинизма непосредственно знакомились с самыми актуальными проблемами и опытом борьбы международного рабочего движения и овладевали бесценными теоретическими и практическими знаниями, которые должны были оказать нам действенную помощь во всех ситуациях классовой борьбы. Но наша интернационалистская подготовка и воспитание никоим образом не ограничивались освоением идей и опыта борьбы только на лекциях и самоподготовке. Вся наша жизнь проходила в атмосфере тесного общения с молодыми коммунистами — представителями разных стран. Например, во время коротких докладов, общих встреч и бесед английские, французские или финские товарищи знакомили остальных с условиями борьбы компартии и трудящихся в своих странах, а мы, немцы, делились опытом, приобретенным нами в антифашистском движении Сопротивления. Нам часто давали поручения, для выполнения которых од-

новременно привлекались представители различных национальностей. Так, например, редколлегия нашей стенной газеты, членом которой одно время состоял и я, была по своему составу интернациональной. Хотя в школе было несколько столовых залов, мы сидели за столами, как говорится, вперемешку, не разделяясь на национальные группы. Все это существенно способствовало тому, что все мы очень быстро перезнакомились, узнали друг друга, завязали дружбу и так же близко принимали к сердцу проблемы наших товарищей из других стран, как и свои собственные. Дух пролетарского интернационализма определял и формировал всю нашу жизнь.

Выпускниками МЛШ были многие руководители и заслуженные деятели международного, а также и немецкого рабочего движения. Некоторые из них и по сей день стоят во главе партии и государства или занимают в нашей стране ответственные посты: Эрих Хонеккер, Эрих Мильке, Ханна Вольф и другие. В борьбе с гитлеровским фашизмом геройски погибли верные своему интернациональному долгу выпускники МЛШ Альберт Гесслер и Ирена Восиковски.

Первые недели пребывания в МЛШ дались большинству из нас нелегко. Строгая, почти военная дисциплина, которой теперь подчинялась наша жизнь, сначала тяготила: безработные и подпольщики привыкли сами устанавливать распорядок своего дня, а теперь у нас все было четко расписано по часам. Три дня в неделю нам разрешалось выходить за пределы школы: по средам и воскресеньям — до 10 часов вечера, а по субботам — до 12 часов ночи. Каждый, кому в жизни приходилось следовать такому четко установленному распорядку дня, знает, как трудно привыкать к нему. Однако нам удалось быстро перестроиться.

Большие трудности поджидали нас и в первые недели учебы. Ведь у нас не было ничего за плечами, кроме, в лучшем случае, восьми классов общеобразовательной школы. Как члены Коммунистического союза молодежи Германии, а затем и КПГ, мы, конечно, изучали, а сказать точнее, читали некоторые труды классиков марксизма-ленинизма. Но только теперь нам пришлось вырабатывать умение изучать теоретические труды сосредоточенно, систематически, в течение долгих часов вырабатывать способность самостоятельно улавливать взаимосвязи и запоминать главное. И умению учиться тоже нужно учиться.

В центре внимания было изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, а также сочинений и речей Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина. При изучении

истории мы также использовали почти исключительно первоисточники. Дополнительная литература имела второстепенное значение. Я убежден и по сей день в том, что это было правильно. Тот, кто пренебрегает изучением трудов классиков и читает книги о Марксе, Энгельсе и Ленине, вместо того чтобы читать их книги, тот никогда не сможет постичь богатства идей и проникнуть в глубину нашего мировоззрения, тому никогда не раскроются ясность и красота их языка, пламенная сила их слова.

Последнее, по моему мнению, совсем не мелочь. Некоторые статьи и научные труды во многом выиграли бы и читались с бо́льшим интересом, если бы их авторы еще больше учились у наших классиков умению образно и с блеском излагать свои мысли.

Часть времени на самоподготовку отводилась чтению известных произведений мировой литературы. Я прочитал «Страдания молодого Вертера» Гёте, «Тараса Бульбу» Гоголя, «Капитанскую дочку» Пушкина, «Преступление и наказание» Достоевского. Передо мной раскрылся новый мир.

В интересах повышения самодисциплины при самостоятельной работе и в зависимости от степени трудности изучаемого произведения нам были установлены твердые нормы: за час мы должны были успеть прочитать 4—5 страниц из трудов Маркса или Энгельса, 6—7 страниц из трудов Ленина, 7—8 страниц из трудов Сталина и 20 страниц художественной литературы. Подобного рода нормы, на первый взгляд, могут показаться формальными. Но нам, еще только учившимся читать труды классиков, воспринимать их понятия и сравнения, вникать в смысл иностранных слов, они с самого начала помогали контролировать себя. И все же «соприкосновением с истиной» был для нас семинар, поскольку только там выяснялось, как мы разобрались в проблемах современной классовой борьбы и их сложных взаимосвязях.

Преодолев с бо́льшим или меньшим трудом первые барьеры в учебе, мы стали уделять больше времени другим занятиям. Огромное значение в школе придавалось спорту. Мы занимались тяжелой атлетикой, играли в футбол и волейбол, причем сражались с ожесточением, так как часто наши противники были сильнее или искуснее нас. Мы состязались и с советскими командами, но чаще всего с земляками с других курсов. Особенно выделялись Альберт Гесслер и Эрих Мильке, наш инструктор по спорту. Оба сильные, ловкие, они к тому же вели себя и в спорте как джентльмены.

Эрих Мильке (с 1957 года — министр государственной безопасности ГДР) к тому времени уже окончил МЛШ и был аспирантом. Он был старше и опытнее нас и делился с нами ценным опытом, приобретенным в ходе учебы. Эрих делал это охотно, а мы доверяли ему и следовали его советам. Ведь мы же знали, что Эрих сам отлично владеет тем, что он нам советовал или требовал от нас. Все ценили и уважали его. Он был для нас образцом во многих отношениях и не только как спортсмен.

Если спортом мы занимались с большим энтузиазмом, то известие о том, что мы впредь дважды в месяц обязаны посещать театр или концерт, восприняли без особого воодушевления. Дело было не в деньгах, так как билеты в оперу и на концерты оплачивала школа, а за билеты на спектакли каждый платил из своих карманных денег. Хотя я и уроженец Мангейма, жители которого широко известны даже за пределами Германии своей традиционной любовью к театру и музыке, этот мир для меня был бесконечно далек, несмотря на несколько уроков игры на скрипке, полученных мною в юности, несмотря на то, что я прочел шиллеровских «Разбойников» и «Вильгельма Телля». В моей жизни не было никого, кто бы смог пробудить во мне интерес и любовь к театру и опере. К тому же у нас не было ни денег, ни приличной одежды для посещений праздничных представлений. Театр и опера нам казались роскошью. Да и какие рабочие семьи могли себе это позволить?

Точно в таком положении было большинство моих товарищей, поэтому в первый раз мы отправились в театр без особой радости. Если бы нам кто-нибудь тогда сказал, что уже через несколько месяцев мы будем с нетерпением дожидаться следующего посещения театра, а иногда даже буквально «драться» из-за билетов, то мы бы только посмеялись над ним. Однако именно так все и вышло. Балет «Лебединое озеро» был нашим первым большим театральным событием. Сначала меня очаровали только грациозные и отточенные движения изящных балерин, но вскоре я стал все больше вслушиваться в музыку. Мелодия восхитительного танца маленьких лебедей слышалась мне еще несколько дней.

То, что вначале казалось нам тягостной и неизбежной повинностью, очень скоро стало нашим лучшим отдыхом, дарящим радость и наслаждение. Мы слушали оперы Пуччини, Бизе и Верди («Тоску», «Кармен», «Риголетто») и 9-ю симфонию Бетховена. Каждый вечер, проведенный в театре, будь то Большой, Малый, Художественный, или в

консерватории, становился большим событием. Про себя я часто думал: «Каждый трудящийся должен получить возможность наслаждаться всеми этими сокровищами». Но в какой стране, кроме Советского Союза, тогда это было возможно? Со временем мне стало ясно, что сначала нужно научиться умению наслаждаться искусством. Наставники МЛШ помогали нам в этом, за что я им благодарен и по сей день.

Субботы чаще всего предназначались для субботников. Мы жили довольно тесно, и поэтому было решено построить новый жилой корпус. И мы принимали в этом деле активное участие. Стройка находилась на юго-западной окраине города, между Воробьевыми горами и Калужским шоссе. Теперь названия «Воробьевы горы» мы уже не найдем на карте города. На месте деревушки в 50-е годы здесь возник совершенно новый городской район, над которым возвышается, подобно гигантской башне, 240-метровое здание университета имени Ломоносова на Ленинских горах — одна из главных достопримечательностей столицы. Сегодня уже трудно себе представить, что когда-то на этом месте была пустошь...

Мы очень гордились тем, что помогли возвести новое жилое здание МЛШ. И вот весной 1936 года настал долгожданный час. Мы переехали в новый дом и, так сказать, пожинали плоды своего труда: современно обставленные комнаты на двоих, ванные и душевые.

Но сначала я должен рассказать о двух встречах осенью 1935 года, которые я считаю самыми значительными и памятными того периода моей жизни. С 25 сентября по 11 октября в Москве проходил VI конгресс Коммунистического интернационала молодежи. По этому поводу И. В. Сталин пригласил на беседу в Кремль молодежную делегацию примерно из 40—50 человек. Среди делегатов от МЛШ был и я.

В первый раз в жизни вошел я в правительственное здание в Кремле. В тот день у нас, разумеется, не было достаточно времени, чтобы полюбоваться кремлевскими дворцами и соборами. Мы целиком были поглощены предстоящей встречей и ни о чем другом думать не могли. Нас провели в зал. Вскоре появился Сталин. Я уже видел его однажды: издалека, в день открытия VII конгресса Коминтерна. Теперь же он сидел среди нас, беседовал с нами и задавал нам вопросы. Сталин был одет в простой китель. Он курил трубку и расспрашивал нас о наших московских впечатлениях. Нам предложили несколько коробок папирос, которые

передавали из рук в руки. Я тоже взял папиросу, не желая обидеть хозяина, хотя в то время терпеть не мог табака.

У меня создалось впечатление, что Сталин уделял политическому положению в фашистской Германии особое внимание. На его вопрос, сколько товарищей приехали из Германии, откликнулись четверо или пятеро. И каждого, включая и меня, Сталин попросил рассказать о своем опыте и обо всем пережитом. О чем я мог рассказать? Я описал обстановку в Мангейме в последние месяцы и недели своего пребывания там, перед тем как мне чудом удалось избежать ареста. Сталин внимательно и с интересом выслушал каждого, задавая короткие вопросы и ограничиваясь краткими замечаниями. Он показался мне серьезным и уверенным в себе человеком. Его личность произвела на меня сильное впечатление, и я очень гордился тем, что разговаривал со Сталиным.

Примерно в это же время в Москве начались приготовления к празднованию 18-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В честь этого события у нас в школе состоялся торжественный вечер. Среди наших гостей были товарищи Димитров, Мануильский, Ярославский, Ворошилов и Буденный. Когда они вошли в зал, аплодисментам, казалось, не будет конца. После торжественного собрания гости пришли побеседовать с нами. Димитрова, Мануильского и Ярославского я знал еще по VII конгрессу Коминтерна. А по «Краткому курсу истории ВКП(б)», написанному Ярославским, мы занимались. Легендарные полководцы Ворошилов и Буденный вызывали у меня особый интерес, тем более что я уже много раз слышал о них. Ворошилов был в то время Народным комиссаром обороны СССР, а Буденный — инспектором кавалерии Красной Армии. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР обоим незадолго до того было присвоено звание «Маршал Советского Союза». Я знал, что оба они командовали армиями и отличились в гражданскую войну и в боях с интервентами, Буденный — во главе прославленной 1-й Конной армии.

Я представлял себе Буденного рослым, стройным человеком. В действительности же он был среднего роста, крепкого телосложения. Когда он говорил, то обычно подкручивал свои роскошные усы. Буденный рассказал нам, как красная кавалерия била Деникина и Краснова, а в 1920 году изгнала из Советской России польских интервентов. Каждое его слово было проникнуто любовью к военной профессии. Он был молодцеватым, лихим солдатом, настоящим

донским казаком, с молоком матери впитавшим любовь к коням и верховой езде. Не было для него ничего дороже его кавалеристов и их боевых скакунов, и нет ничего удивительного в том, что спорная, вызвавшая тогда горячие дискуссии книга Исаака Бабеля «Конармия» сильно рассердила его. Он не скрывал своего возмущения в открытом письме к Максиму Горькому.

В разгар вечера Буденный внезапно сорвался с места и сплясал казачок. На это стоило поглядеть. Как-никак, а Буденному было тогда уже 52 года, но своей силой и жизнерадостностью он мог заткнуть за пояс иного двадцатилетнего.

В начале 70-х годов я еще раз встретился в Москве с престарелым маршалом. «Ты кто?» — спросил он. Я назвал себя, напомнил ему о нашей первой встрече в октябре 1935 года в МЛШ, о том, как он восхитил меня своим огненным казачком. Буденный, разумеется, ничего этого не помнил, он только рассмеялся и заметил, что чувствует себя все еще превосходно. Ежедневная верховая езда, сказал он, сохраняет молодость. Буденный умер в октябре 1973 года в возрасте 91 года. Его похоронили на Красной площади у Кремлевской стены.

Весной 1936 года мы проходили производственную практику на московской текстильной фабрике «Красная Россия». Она продолжалась несколько недель и сочетала практическую работу на производстве с изучением различных вопросов управления и деятельности фабричной комсомольской организации. Я работал слесарем. Во второй половине дня или по вечерам мы слушали доклады и лекции; они помогали нам теоретически осмыслить наши впечатления, которые мы получали днем в процессе практической работы. Несколько недель практики оказались для всех нас очень полезными во многих отношениях. Впервые в жизни мы знакомились с производством на социалистическом предприятии. Работа и здесь была тяжелой, и ничто никому не давалось даром. Но тем не менее я с первых дней почувствовал принципиальную разницу в самой атмосфере труда здесь и на моторостроительном заводе в Мангейме, где я работал сначала учеником, а потом и рабочим.

По характеру своей работы в качестве слесаря-наладчика мне приходилось бывать в различных цехах фабрики, откуда я вынес массу интересных впечатлений. Меня особенно поразил тот интерес, с каким прядильщицы и ткачихи — «Красная Россия» была типично женским предприя-

тием — следили за моей работой и нередко помогали мне поскорее управиться с ремонтом и наладкой станков. Однажды я посоветовал одной наладчице воспользоваться паузой в работе, чтобы передохнуть, на что она рассердилась и спросила, не заметил ли я, что многие москвичи все еще не могут как следует одеться, так что надо торопиться.

Директором фабрики была женщина. Она часто беседовала с нами, приглашала на цеховые производственные совещания. На моторостроительном заводе в Мангейме уже начальник токарного цеха считался полубогом, которого лучше всего было избегать. А уж о директоре и говорить нечего! А эта советская женщина, руководившая работой многих сотен прядильщиц и ткачих, разговаривала с ними как с равными, расспрашивала о семье, о здоровье бабушки, об успеваемости детей в школе. Но это не мешало ей быть энергичным руководителем, нетерпимым к халатности. Давая задания, она так обстоятельно все объясняла, что ее нельзя было не понять. Так же добросовестно изучала она любое предложение. Каждый, кто с ней говорил, чувствовал, что его работу она ценит не меньше, чем свою.

Во время практики мы завязали и личные знакомства. Советские товарищи приглашали нас к себе домой, и мы смогли познакомиться с их бытом. Они вели довольно простой образ жизни и в ряде случаев жили беднее, чем мои соотечественники на юге Германии. И тем не менее повсюду нас, тельмановцев, принимали с такой сердечностью, с таким щедрым гостеприимством, которые были мне доселе неведомы. При этом семьям советских рабочих самим подчас не хватало самого необходимого. Лишь в октябре 1935 года были отменены карточки на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель. Все еще не хватало продуктов питания и отдельных товаров широкого потребления. Но советские люди щедро делились с нами всем, что имели сами, будь то чашка чая или тарелка гречневой каши.

Меня особенно поражал тот интерес, который простые советские люди, несмотря на все свои заботы, проявляли ко всему, что происходило вокруг них, начиная от судьбы своих близких и кончая крупными международными событиями. Я помню Мангейм в тяжелые годы мирового экономического кризиса. В бесконечно длинных очередях перед биржами труда и в рабочих семьях говорили в основном о том, где достать денег или что-нибудь из еды. Заботы о том, как бы только просуществовать, отодвигали все на задний план. В те годы многие люди в Германии стали равнодушными,

безразличными к политике, находились на грани прямо-таки отупения.

Тем сильнее поразила меня общительность советских людей — как молодых, так и старых. Меня постоянно расспрашивали о жизни рабочих в Германии, знаю ли я, в какой тюрьме держат Эрнста Тельмана, и нет ли возможности освободить его. Люди говорили о кинофильмах, новых книгах, интересовались моим мнением о различных театральных спектаклях. Их интерес не был пустой любезностью или дежурной темой для разговора, только чтобы занять гостя. Все по-настоящему занимало и волновало их. Это было сразу заметно. Я должен это еще раз подчеркнуть, потому что тесная связь с жизнью, прочная дружба с советскими людьми, то обстоятельство, что мы были крепким коллективом, руководимым опытными коммунистами, имели огромное значение для становления нас как личностей. Мы жили в Советском Союзе в политической эмиграции, в стране, где трудящиеся первыми в мире сбросили с себя ярмо капитализма и взяли власть в свои руки. Мы были счастливы и гордились этим, но нас отделяли тысячи километров от Германии, и мы не знали, когда мы вернемся домой. Мы не знали ни русского языка, ни обычаев и привычек, ни образа жизни советских людей. Но мы не чувствовали себя одинокими и покинутыми — и именно потому, что нас окружали товарищи, которые нас понимали и помогали нам, с которыми у нас была одна цель и одна дорога.

Насколько же иначе сложилась жизнь тех, кто бежал от фашизма во Францию, Швейцарию, Голландию, Англию и США! Ленин, на своем горьком опыте познавший «всю тяжесть измученной, постылой, болезненно нервной эмигрантской жизни» [1] в условиях капитализма, писал незадолго до первой мировой войны: «В этой среде больше нужды и нищеты, чем в другой. В ней особенно велик процент самоубийств, в ней невероятно, чудовищно велик процент людей, все существо которых — один больной комок нервов. Может ли быть иначе в среде людей замученных?» [2]

Через два года во время моего пребывания во Франции я встретил таких надломленных людей, утративших всякую связь с товарищами. Они жили только прошлым, не видели перед собой ни цели, ни будущего и в конце концов отчаивались и погибали. Только тогда я осознал, что значит для человека жизнь в социалистической стране, где ни при-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 90.
[2] Там же, с. 89—90.

быль, ни титул, ни красота, ни богатство, а только труд и его результаты, участие в борьбе за интересы трудящихся определяют меру уважения к человеку со стороны общества. Я был глубоко благодарен советским товарищам, сделавшим свою родину вторым для нас отечеством.

Не успели мы оглянуться, как первый год обучения подошел к концу. По этому случаю товарищ Кирсанова пригласила нас на пикник. Этот день, 18 июня 1936 года, хорошо запечатлелся в моей памяти, так как начался он радостно и беззаботно, а закончился получением печальных известий, после чего мы в подавленном настроении вернулись в школу.

Москва была по-летнему жаркой. Мы на грузовике отправились в Серебряный бор, где Кирсанова и ее муж Ярославский проводили лето на даче. Вскоре мы были на месте. Серебряный бор считался тогда любимым местом отдыха горожан. Свое название он, по-видимому, получил благодаря своей роскошной растительности: высокие березы, блестящие иглы сосен и елей, среди которых пряталось множество деревянных дач.

До революции этот прелестный уголок был летней резиденцией зажиточной московской буржуазии. После революции здесь разместился крупнейший в Москве приют для сирот, где в уютных деревянных домиках поселилось свыше 1600 детей рабочих. Под руководством 200 учителей дети учились и играли здесь, сами выполняли работы по дому. Это было в начале 20-х годов. Кстати сказать, Эдвин Гернле, известный деятель рабочего движения, написал об этом детском доме интересный, трогательный репортаж, в котором подробно описал жизнь детей.

Дача, куда нас пригласила Кирсанова, была окружена высокими деревьями. Дачный участок спускался к самому берегу реки Москвы. Празднично украшенные цветами накрытые столы манили закусками. Стоял чудесный день, который казался нам еще радостнее оттого, что мы успешно завершили первый год учебы и впереди нас ожидал отдых.

Мы пели, шутили и были в прекрасном настроении, когда в сад вышел товарищ Ярославский. У него было такое выражение лица, что мы сразу же замолчали.

— Умер Горький, — сказал он.

Умер Горький! Я никогда его не видел, но в тот момент я вдруг ясно осознал, какую тяжелую утрату мы понесли. Герои его романа «Мать» — Ниловна и Павел Власов были для меня не только литературными образами. Благодаря им Горький стал в моих глазах воплощением писателя, любившего людей от всего сердца и давшего им силу свершить,

казалось, невозможное. Его знаменитые слова «Человек—это звучит гордо» стали девизом всей моей жизни, убеждением и напоминанием о том, что жить и работать надо так, чтобы враги не смогли осквернить честь и достоинство рабочего человека.

Русские рабочие и крестьяне уважали и любили Горького, как и он их. Я знаю, что его смерть была очень тяжелым ударом для многих советских людей. До конца своих дней не забуду, как горько плакали, взявшись за руки и прислонившись к дереву, Кирсанова и Ярославский. Боль утраты подкосила даже этих старых большевиков, которые за многие годы, проведенные в царских застенках и ссылках, наверняка научились стойко переносить горе и страдания.

Мы решили вернуться в школу. Кирсанова и ее муж попрежнему стояли неподвижно, а потом запели песню, слова которой, насколько я знаю, приписывались Горькому и в которой оба революционера, очевидно, находили утешение в тяжелые годы ссылки. Песня начиналась со слов «Солнце всходит и заходит»; в ней поется об узнике, томящемся в крепостной темнице, который днем и ночью слышит только шаги своих тюремщиков и страстно мечтает о свободе.

Мы возвратились в школу. Из репродукторов звучала траурная музыка, которая время от времени прерывалась сообщениями о смерти Горького. Москва оплакивала великого сына русского народа...

Когда я говорил о дисциплине в школе, это совсем не означало, что в нашем коллективе не было противоречий, всякого рода проблем и разногласий. По своим убеждениям мы были революционерами, но не всегда образцовыми учениками. Кроме того, мы были молоды, любили порой делать все по-своему, нам хотелось веселиться и танцевать. Но МЛШ отнюдь не предназначалась для этого хотя бы уже потому, что в ней совсем мало училось представительниц прекрасного пола.

Мне нравилась одна девушка, которую все мы ценили как хорошего товарища. Однажды в субботу я пригласил ее (в школе она была известна как Хельга) на танцы. Мы оказались в кафе на Арбате. Здесь часто собирались иностранцы, и это кафе было одним из немногих, которые были открыты после полуночи. Мы и не задумывались над тем, можно ли нам, слушателям МЛШ, вообще посещать это кафе. Но вот поздно вечером в кафе появился товарищ Горский, начальник отдела кадров школы. Он запомнил меня еще со времени моего самовольного визита в Коминтерн. Горский больше всего на свете ценил честность. Когда речь шла о правде, он был

неколебим и не признавал никаких шуток. Ученикам школы вменялось в обязанность без особого на то приглашения докладывать ему о любом происшествии не позднее следующего дня. Он внимательно выслушивал наши коротенькие или длинные «исповеди», педантично вникая во все подробности, и в конце говорил: «Хорошо, считаем согласованным», что означало: «Хорошо, с этим покончено!» Иногда, правда, у него была склонность выискивать безнравственность там, где ее и в помине не было. Так случилось и на этот раз. Горский быстро посмотрел по сторонам и, заметив нас, подошел к нашему столику.

— А, Хельга тоже здесь. — И, повернувшись ко мне, спросил: — Твоя любовница?

Не успел я ответить, как Хельга взвилась:

— Немедленно возьмите свои слова назад!

Это было чересчур для нее — считаться моей любовницей, тогда как в действительности ничего между нами не было.

Горский попытался успокоить Хельгу и стал извиняться перед ней, а потом спросил, как мы вообще можем находиться в столь «малокультурном окружении»? Он, во всяком случае, не может здесь больше оставаться и ждет, что мы не позже чем через пять минут уйдем отсюда. Завтра в 10 утра я должен быть у него.

— Хельге не нужно, — добавил он, так что Хельга отделалась легко.

Прежде чем я перейду к изложению нашего разговора, который состоялся на следующее утро, мне хотелось бы сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Хельги, о которой я узнал лишь спустя много лет после окончания второй мировой войны. Ее настоящее имя было Ирена Восиковски. Успешно окончив летом 1937 года двухгодичные курсы в МЛШ, она уехала в Париж, где работала в газете «Дойче Фольксцайтунг». После нападения фашистской Германии на Францию ее интернировали и отправили в лагерь около местечка Гюр на юге страны, откуда ей в июле 1940 года удалось бежать в Марсель. Находясь там, она вместе с другими антифашистами помогала участникам борьбы за свободу Испании, которых правительство Виши держало в концлагерях.

В ноябре 1942-го гитлеровцы оккупировали и Южную Францию. Хельга нашла контакт с группой борцов Сопротивления, которая взяла на себя трудную задачу вести разведывательную работу среди военнослужащих вермахта. Работая под псевдонимами Мари-Луиза Дюран и Полетт Монье, она установила контакты с немецкими солдатами и офицерами.

Много месяцев все шло хорошо. Группе удалось не только найти сочувствующих среди военнослужащих вермахта, но и подобрать людей, готовых распространять антифашистские листовки в своих гарнизонах. Выполняя это опасное задание, Хельга познакомилась с одним немецким матросом, который обещал сотрудничать с ней, взял у нее листовки, а потом выдал ее гестапо. Ее арестовали в Марселе 26 июля 1943 года. Из рассказов очевидца, одной французской коммунистки, стало известно, что Хельгу зверски пытали, стараясь добиться признаний. На работе ей удалось завязать много важных связей, кроме того, она знала многих французских коммунистов. Одно ее слово — и всю группу борцов Сопротивления постигла бы, вероятно, та же участь. Применялись самые изощренные пытки, но Хельга держалась стойко. С тех пор знавшие ее французские патриоты называли ее почетным именем La femme allemande (германская женщина).

В зловещей парижской тюрьме Фрэсн, перед гамбургским «народным трибуналом», а затем в каторжной тюрьме в Плётцензее фашисты все еще пытались склонить Хельгу к измене, обещали ей даже свободу, если она заговорит. Но единственное, что фашистские палачи узнали от нее, было то, что в четырнадцать лет она была уже членом Коммунистического союза молодежи Германии, а с 1930 года стала членом КПГ и что имена Мари-Луиза Дюран, Полетт Монье и Хельга были ее псевдонимами. 27 октября 1944 года в возрасте 34 лет Ирена Восиковски умерла на гильотине в берлинской тюрьме Плётцензее.

Необходимо добавить, что в 1948 году удалось разыскать и матроса, который выдал Ирену гестапо, и одного из ее палачей. Один жил в Куксхафене, а другой в Гамбурге. Главный прокурор города Штаде и генеральный прокурор отказались привлечь их к суду, аргументируя это тем, что оба не нарушали закона и действовали «по инструкции, выполняя свой долг».

Однако вернемся к Горскому. У него был только один вопрос, сказал он, начиная свой разговор на следующий день: Зачем мы пошли в кафе, посещение которого было для нас, слушателей МЛШ, нежелательным? И вообще, почему я вел себя так недисциплинированно? Я пытался объяснить ему, «почему» и «как», но он сердито прервал меня и напомнил, что мне, коммунисту, надлежит знать, что прежде всего необходимо искать причины.

— Коммунист всегда спрашивает «почему?»

Что я мог ответить? Горский между тем продолжал наседать.

— Ты, разумеется, читал Энгельса, — сказал он, — и наверняка помнишь: «Все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову; но какой вид принимает оно в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств» [1].

Горский долго убеждал меня, что именно в моих мыслях, и нигде больше, следовало искать причины моей недисциплинированности, и я должен серьезно задуматься над своим поведением.

Возможность задуматься над ним представилась мне гораздо скорее, чем мне бы хотелось. Случилось это так: во время обсуждения проекта Конституции СССР, который был принят Чрезвычайным VIII съездом Советов в конце 1936 года, Сталин в одном из своих выступлений говорил о том, насколько улучшится жизнь советских людей в ближайшие годы. Он сказал среди прочего, что улицы и площади советских городов и сел будут выглядеть намного красивее и наряднее.

Я был тогда членом редколлегии стенной газеты МЛШ и получил задание написать статью, посвященную обсуждению проекта Конституции. Статья должна быть актуальной, и в ней непременно надо отразить практические вопросы — так сказал мне Пауль Вандель, секретарь партийной организации. В своей статье, озаглавленной «И наша улица должна стать красивее», я взял за отправную точку несколько важнейших положений из речи Сталина и начал распространяться о том, что в школе и то, и другое, и третье необходимо улучшить. Мои коллеги по стенной газете нашли статью дельной, да и мне самому она понравилась, и я считал ее вполне революционной.

Не успела она провисеть и сутки, как было созвано собрание, за которым вскоре последовали еще два. И ни одного из них я не забуду! Обсуждалась наша статья в стенной газете. Огонь критики обрушился прежде всего на ее содержание. Мы, по словам выступавших, выдвинули слишком смелые требования и, вообще, потребовали больше того, что было возможно в тех условиях, забыв о том, каких усилий стоит советским товарищам создавать для нас хорошие условия для жизни и учебы.

Скольких жертв стоила победа в гражданской войне над иностранными интервентами, над голодом и неурожаем! Как трудно создавать условия для построения социализма в одной из самых отсталых стран Европы! А мы не упомянули об этом ни слова, полагая, что это разумеется само собой. Мало-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 308.

помалу мы стали понимать, что поместили необъективную статью, что мы, хотя и непреднамеренно, забыли о великих исторических истинах и стали выискивать не столь уж важные недостатки, делая проблемы из таких вещей, которые в общем и целом были несущественны. Мне стало стыдно, когда я осознал это.

Но так просто дело для нас не кончилось. Нас вызывали по одному и требовали, чтобы мы изложили причины нашего заблуждения. Не был принят во внимание мой довод, что мы не продумали вопрос и были слабо информированы об усилиях советских рабочих и крестьян и их партии. Не стесняясь в выражениях, товарищи доказывали нам, что у нас в голове какая-то путаница.

— Вы вели себя как жалкие обыватели и мещане, — говорили нам, — которые обо всем и всегда судят на основании поверхностных явлений, руководствуются только эмоциями и склонны часто бросаться из одной крайности в другую. А именно обыватели и мещане в Германии орали «хайль» и толпами бежали вслед за фашистами.

Меня как обухом по голове ударили. Больше всего на свете я ненавидел фашизм, а теперь нас чуть ли не ставили на одну доску с этим сбродом. Во мне стала закипать ярость: на товарищей, которые обвиняли меня во всех смертных грехах; на самого себя и злополучную статью, доставившую одни только неприятности.

Через некоторое время я осознал смысл критических замечаний и понял, что никто из товарищей не хотел нас оскорбить или назвать «фашистами». Но нам со всей определенностью заявили, что у коммуниста и интернационалиста мелкие бытовые неурядицы будней не должны заслонять главного. И в этом товарищи были правы.

Вполне возможно, что в ряде случаев наши тогдашние споры не обходились без перегибов, но в общем и целом они помогли нам твердо усвоить одно: настоящим коммунистом может быть только тот, кто способен критически оценивать свои поступки и быть безоговорочно честным перед партией и самим собой. Критика и самокритика — вещи непростые, и начинаются они с собственных ошибок, больно бьют по самолюбию каждого человека и порой воспринимаются им очень болезненно. Кто может оставаться безучастным, когда тебя критикуют и указывают на твои слабости и промахи? И потом каждый пытается объяснить свою неудачу в первую очередь всякого рода «объективными причинами и трудностями», а не недостатками воспитания и характера. Ведь этим никому не причинишь вреда — ни себе, ни другим! Но помо-

гает ли это тебе самому, пойдет ли это на пользу делу, если ты пытаешься выйти из затруднительного положения таким вот «удобным» для тебя путем? Не кроется ли за всем этим самообман? И разве так можно найти путь в лучшее будущее?

Я задавал себе вопрос за вопросом, пока наконец не осознал, насколько прав был старик Горский, когда он мне напомнил слова Энгельса.

Спустя несколько недель мы получили возможность на практике ознакомиться с успехами социалистического строительства и ленинской национальной политики. Наша учебная группа в составе около десяти человек выехала на Северный Кавказ.

По ряду причин политического, географического и частично этнического характера завоевания социалистической революции были здесь еще далеко не столь ощутимы, как в других частях РСФСР. Все это сделало нашу поездку особенно интересной и поучительной и помогло лучше разобраться во многих вопросах, о степени сложности которых мы до той поры даже не имели представления.

Первую остановку мы сделали в Пятигорске, в предгорьях Большого Кавказа. Город насчитывал в то время 60 тысяч жителей (в настоящее время — около 100 тысяч). Пятигорск расположен в живописной местности у пяти гор. Благоприятные климатические условия и, прежде всего, обилие углекислых, радоновых и сероводородных горячих источников, которые по исцеляющему действию почти не уступают минеральным водам Бад-Брамбаха, уже в XIX веке выдвинули Пятигорск в число наиболее известных курортов царской России. Некоторое время здесь жил великий русский поэт Михаил Лермонтов, здесь в возрасте двадцати семи лет он был убит на дуэли.

Из Пятигорска мы поехали в Северную Осетию, которая расположена на северных склонах Большого Кавказа. Ее площадь составляет примерно 8 тысяч квадратных километров, что соответствует территории округа Котбус, а население тогда составляло от 150 до 160 тысяч человек. В то время Северная Осетия называлась Северо-Осетинской автономной областью, а 5 декабря 1936 года была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику. С тех пор численность населения Северо-Осетинской АССР возросла в четыре раза. В 1978 году там проживало 603 тысячи человек.

После короткой остановки в долине Терека мы посетили аул, расположенный в глубокой горной долине на юге рес-

публики. Из этой долины открывалась панорама гор высотой в три-четыре тысячи метров, покрытых снегом и ледниками. Аул прижимался уступами к крутым склонам гор. Все дома были каменными, и часто встречались дома, вырубленные прямо в скалах. Как правило, в каждом дворе, окруженном прочной каменной оградой, была ветряная мельница. Эти ограды появились еще в те времена, когда осетины, или, как они сами себя называли, аланы, вели трудную борьбу с другими горными племенами. Позднее они пригодились при защите южных границ России от турок, после того как Северная Осетия в 1774 году была присоединена к Российской империи.

Товарищи из обкома партии ознакомили нас с бурной историей и особенностями развития Северной Осетии. Мы узнали, что предки осетин были иранского происхождения. В то время как большинство жителей приняли христианство, часть осетин придерживалась ислама. В отдаленных аулах все еще сохранялись некоторые обычаи и обряды, истоки которых надо искать в раннем средневековье, а в ряде случаев даже в эпохе язычества.

В конце 20 — начале 30-х годов в Осетии еще бытовали случаи кровной мести. Эти жестокие формы самосуда применялись враждовавшими семьями и родами еще в те времена, когда на территории современной Осетии не было никакой централизованной государственной власти. В прежние века кровная месть принимала, особенно среди кавказских горцев, такие острые формы, что отдельные роды, завещая месть от поколения к поколению, попросту искореняли друг друга. У некоторых племен кровная месть могла завершиться только по «божьему приговору», но другие со временем стали оплачивать «кровный долг» продуктами или деньгами. Некоторые обычаи и обряды восходили к эпохе патриархата. Так, например, на протяжении веков существовал обычай выкупа невесты у ее рода, которая затем становилась собственностью рода мужа и оставалась ею даже после его смерти. Советская власть предоставила женщинам и девушкам Осетии полное социальное равноправие с мужчинами. И все же в отдельных случаях еще можно было наблюдать у мужчин патриархальные замашки.

Почти все из того, о чем нам рассказывали товарищи из обкома партии во время нашего пребывания в Северной Осетии, уже относилось к области истории, но некоторые передаваемые из поколения в поколение традиции и обычаи оказались настолько живучими, что советской власти приходилось снова и снова вести с ними борьбу.

Тяжелое наследие оставил царизм осетинскому народу. Северная Осетия относилась к самым отсталым районам дореволюционной России. Только 10—12 процентов всего населения могли читать и писать. На рубеже XX века во всей России было только 17 осетин, обучавшихся в высших учебных заведениях. Сегодня их 20 тысяч.В процентном выражении это означает, что в Северо-Осетинской АССР доля студентов по отношению к общей численности населения в шесть раз больше, чем в таких развитых капиталистических странах, как ФРГ и Великобритания!

После Октябрьской революции реакционные силы Осетии в течение ряда лет оказывали советской власти ожесточенное сопротивление. Кулаки, которым принадлежало свыше 85 процентов земли, находившейся в частной собственности, рассчитывали на Деникина и всячески его поддерживали. На их стороне была и часть казаков, предки которых были переселены в Северную Осетию еще в XV—XVI веках. За несение военной службы им предоставлялись определенные привилегии. Контрреволюция пообещала сохранить им «старые свободы», чем привлекла на свою сторону многих бедных казаков. Белогвардейцев поддерживал и британский монополистический капитал. Его влияние нельзя было недооценивать, поскольку большинство металлургических заводов, появившихся в Северной Осетии во второй половине XIX века, финансировались английским капиталом. Все это доказывает, как трудно было советской власти в первые годы своего существования вести борьбу с отжившим миром. Даже после того как вопрос «кто кого» был в Северной Осетии уже давно решен в пользу рабочих и крестьян, все еще находились силы, которые враждебно относились к новой власти.

Получив так много интересной и поучительной информации, мы почувствовали себя вполне хорошо подготовленными к первому визиту в осетинский аул. И все же: не успели мы провести в ауле и двух часов, как меня постигла первая неудача, так как я не знал ни страны, ни ее людей.

Председатель местного Совета и старейшина в сопровождении группы наиболее уважаемых жителей встретили нас на окраине аула хлебом и солью. Для каждого из нас была приготовлена оседланная лошадь. К счастью, это были смирные создания, иначе таким горе-наездникам, как мы, пришлось бы плохо. Нас должны были разместить по отдельным дворам, и моя лошадь, на которой я чувствовал себя не совсем уверенно, пошла рысцой за своим хозяином и доставила меня прямо во двор. Осетин никогда не приходит к себе во двор пешком, а только всегда верхом на коне и считает оскорби-

тельным для своего гостя, если тот придет к нему пешком, особенно если это произойдет по недосмотру самого хозяина. На ломаном русском языке мой хозяин сказал: «Это твой дом!»

Мы уселись за стол. Правда, сели только мужчины. Женщины здесь ели отдельно. Во время обеда мой взгляд упал на стену, на которой висела великолепная медвежья шкура. От хозяина не ускользнуло мое восхищение столь ценным охотничьим трофеем. После еды он подошел к стене, снял шкуру и предложил принять ее в качестве подарка. Я стал отказываться и пытался объяснить ему, что не могу принять такую ценную вещь. Но хозяин настаивал, стал даже сердиться, и мне не оставалось ничего другого, как принять этот дар.

Потом обкомовские товарищи сказали мне, что если гостю понравилась какая-либо вещь в доме, то по старинному осетинскому обычаю он получает ее в подарок. Не принять ее — нанести смертельную обиду хозяину. Как бы я ни радовался полученному подарку, мне стало не по себе, когда я узнал об этом обычае. После этого я стал остерегаться проявлять свое восхищение, даже если мне что-то и очень нравилось.

В один из последующих дней председатель местного Совета пригласил нас на собрание. Жители аула хотели рассказать нам, как изменилась их жизнь за последние годы, а мы хотели поговорить с ними о борьбе трудящихся в капиталистических странах. Помещение, где происходило собрание, было переполнено. Каждому хотелось посмотреть на гостей и узнать их поближе.

Осетины уселись в строго установленном порядке: впереди сидели старейшие жители аула, за ними — мужчины среднего возраста и юноши, а в самом конце — женщины, некоторые под чадрой. Осетины, занимавшиеся в основном разведением овец и коз, с чувством собственного достоинства рассказывали о своей работе. Вот уже шесть лет, как они объединены в кооператив. Говорили главным образом мужчины. Только после того как мы выступили и попросили задавать вопросы, проявили активность две женщины. По выражению лиц мужчин, и прежде всего стариков, можно было видеть, что любознательность прекрасного пола пришлась им не совсем по душе. Некоторые смотрели неодобрительно и были бы довольны, если б мы оставили вопросы женщин без внимания. Осетины неохотно смирились с тем, что при советской власти женщин стали приглашать на собрания. А теперь они еще и заговорили! Это рассер-

дило мужчин. Видимо, они считали, что пробуждавшееся самосознание женщин нарушало правила приличия и добрые старые обычаи. Или чувствовали, что их патриархальные привилегии подвергаются все большей угрозе и постепенно сходят на нет. Трудно сказать. Но не требовалось большой фантазии, чтобы понять, как много еще предстояло сделать, чтобы осетинские женщины смогли получить равное с мужчинами положение в семье, в ауле и в общественной жизни.

Одним из наиболее памятных событий во время нашего пребывания в ауле было небольшое праздничное застолье, которое старейшина собрал в нашу честь. Я сидел между двумя стариками и был поражен, когда узнал, что это были отец с сыном, которым было 112 и 90 лет. А я бы им дал не больше 60—70 лет! Отец, который усердно налегал на терпкое осетинское красное вино, был отличным рассказчиком и сообщил мне, что у него есть брат, который, к сожалению, не смог принять участие в празднестве. Как-никак, а ему уже стукнуло 126 лет: ему все труднее ездить верхом, а еще тяжелее ходить пешком. Затем он с гордостью рассказал мне о том, что в молодости был отличным наездником и его взяли в отряд казаков, который в 1867 году по личному повелению царя Александра II был послан на первую всемирную выставку в Париже, чтобы продемонстрировать мощь русской державы. Старик не раз повторял мне, что это было самым значительным событием в его жизни.

Я рассказал соседям по столу, что в Германии редко доживают до столь глубокой старости. Сенсацию бы вызвали те, кому исполнилось 100 лет! Может быть, они знают секрет, как дожить до глубокой старости? Осетин рассмеялся и постучал по кубку с красным вином. Вино — вот что сохраняло ему молодость! Кроме того, необходимо быть умеренным в еде, так как толстяк не годится для езды верхом. Хочешь быть молодым — садись в седло! Он до сих пор верхом сопровождает стадо высоко в горы. Работа на свежем горном воздухе — вот что для него важнее всего! Ему не ведома скука, и поэтому у него нет времени думать о том, сколько ему лет и много ли ему осталось жить.

Несколько лет назад я читал о том, что на Кавказе и по сей день сравнительно много долгожителей. Из 19 тысяч граждан СССР, которым уже перевалило за сто лет, 5 тысяч живут на Кавказе. А между тем наука уже давно занимается проблемой долголетия. Геронтологи предполагают, что основные причины высокой продолжительности жизни следует искать в наследственности человека. А мне тем не

менее кажется, что в образе жизни старого осетина было много рационального.

Быстро промчались дни нашего пребывания в Северной Осетии. Мы отправились в обратный путь, сердечно простившись с нашими хозяевами, чувствуя, что приобрели много хороших друзей. В конце июля 1936 года мы возвратились в Москву.

«НО ПАСАРАН!»

(июль 1936 г. — июнь 1937 г.)

Мы еще были полны впечатлений от нашей поездки в Северную Осетию, когда до нас дошли первые сообщения о фашистском мятеже в Испании. В МЛШ мы постоянно следили за политическими событиями в Западной Европе. Особенно радовали нас быстрый рост влияния Коммунистической партии Франции и первые успехи Народного фронта. С восторгом мы встретили известие о том, что в середине января 1936 года в Испании также был создан Народный фронт, который победил на выборах 16 февраля 1936 года.

Хотя монархия была свергнута еще в 1931 году и в апреле того же года была провозглашена вторая Испанская республика, демократические силы страны еще не были достаточно сильны для того, чтобы последовательно осуществить буржуазно-демократическую революцию. Слабость и половинчатые решения республиканского правительства, состоявшего из либералов и социал-демократов, которое медленно и нерешительно проводило и без того немногочисленные демократические преобразования, не позволили нейтрализовать силы феодальной реакции. Реакционные силы использовали все свое влияние для того, чтобы на парламентских выборах в ноябре 1933 года победу одержали монархисты и фашисты. Разгул террора, направленного прежде всего против рабочего класса и всего демократического движения в целом, и постепенная ликвидация первых завоеваний буржуазно-демократического республиканского правительства встречали все большее сопротивление народных масс. По инициативе Коммунистической партии Испании в начале 1936 года был создан Народный фронт — союз рабочих и буржуазно-демократических партий.

Теперь перед лицом все более наглых притязаний германского и итальянского фашизма (Муссолини в октябре 1935 года крупными силами напал на Абиссинию, а Гитлер в марте 1936 года захватил ранее демилитаризованную Рейн-

скую область) победа Народного фронта в Испании имела огромное значение для развития политических событий не только на Пиренейском полуострове. Эта победа свидетельствовала о том, что, даже несмотря на длительное господство реакции, в стране имелись силы, которые были достаточно значительны, чтобы выступить против фашизма и мобилизовать народные массы на борьбу с реакцией. Но в то же время весной 1936 года стало ясно, что испанская реакция никогда не смирится с победой Народного фронта и не будет лояльной по отношению к демократическим органам власти. Старое правительство стало оспаривать результаты выборов и объявило о введении чрезвычайного положения, а профашистски настроенные генералы вынашивали планы военного переворота и свержения республики.

Но испанский народ оказался сильнее реакции: он добился ухода в отставку старого правительства. Народный фронт имел в парламенте 278 делегатов, в том числе впервые за всю историю Испании — 17 коммунистов. Таким образом, Народный фронт обеспечил себе абсолютное большинство, так как партии правого блока имели 134 места, а партии «центра» — 55. Было сформировано новое правительство, в состав которого вошли левые республиканцы и представители Республиканского союза.

Однако сформированное после победы Народного фронта правительство ничего не предпринято для того, чтобы очистить старый государственный аппарат от реакционных элементов. В армии фашистские офицеры, как и прежде, занимали командные посты. Враждебные народу элементы возглавляли работу и в полиции. Крупные землевладельцы также сохранили свои привилегии.

В одной лекции, которую мы прослушали в школе весной 1936 года, ситуация оценивалась так, что фашизм в Испании занимает довольно прочные позиции и стремится развязать гражданскую войну, чтобы помешать осуществлению программы Народного фронта.

С тревогой следили мы за угрожающим развитием событий, которые происходили в молодой Испанской республике, особенно после того, как узнали из прессы о высадке в районе Кадиса отборных испанских и марокканских частей. Газета «Известия» сообщила, что командир 2-й испанской дивизии перешел на сторону фашистов и поднял мятеж в Севилье. Однако, как отмечала газета «Правда» от 19 июля, «против мятежников выступили республиканские наземные, военно-морские и военно-воздушные силы». Спустя несколько дней выяснилось, что фашистские войска двинулись на

Мадрид. С огромным вниманием читали мы все, даже самые коротенькие, сообщения о событиях в Испании и обсуждали их с преподавателями. Нас с самого начала научили рассматривать и оценивать любое политическое явление с точки зрения борьбы международного пролетариата. Такой подход к оценке происходящих в мире политических событий стал нашим постоянным и незыблемым принципом. И теперь в наших разговорах и спорах на первом плане всегда был вопрос: какую наиболее действенную помощь мы можем оказать испанским антифашистам в их справедливой борьбе? Нас, немецких коммунистов, этот вопрос стал волновать еще больше, когда мы узнали о том, что заправилы фашистской Германии оказывали мятежникам не только политическую, но и военную поддержку. Они послали в Испанское Марокко транспортные самолеты и перебросили на них в Южную Испанию испанские и марокканские войска под командованием генерала Франко. Уже в конце августа 1936 года фашистские самолеты Ю-52 сбросили на Мадрид первые бомбы. Нас не оставляла в покое мысль, что в Испании действует тот же враг, против которого многие из нас боролись в Германии.

Тогда мы еще и не подозревали, какие огромные масштабы примет в ходе войны военная поддержка генерала Франко со стороны немецкого и итальянского фашизма. Но уже в начале 1937 года на испанской земле находилась целая итальянская армия в составе четырех полностью оснащенных дивизий. Даже располагая очень скудной информацией, мы поняли: контрреволюция всего мира объединилась для того, чтобы задушить молодую Испанскую республику.

На VII конгрессе Коминтерна в своем заключительном слове Вильгельм Пик отмечал, что буржуазия пытается найти спасение от революции в фашизме и войне и что от коммунистов и рабочего класса зависит, удастся ли буржуазии осуществить преступление. Поэтому борьба за усиление Народного фронта в Испании, борьба за спасение республики от фашизма самым тесным образом была связана с вопросом о войне и мире, с жизненными интересами всего миролюбивого человечества.

Фашисты были заинтересованы в Испании прежде всего по военно-экономическим соображениям, так как страна богата полезными ископаемыми: медью, цинком, вольфрамом, ртутью, свинцом и марганцем. В ходе подготовки к войне фашистские заправилы в Риме и Берлине остро нуждались в этом важном стратегическом сырье.

Кроме того, поддерживая клику Франко, фашистский

германский империализм преследовал также далеко идущие военные стратегические цели. В случае вооруженного столкновения с Францией и Великобританией географическое положение Испании приобретало ключевое военное значение. Об этом ясно свидетельствует документ, представленный командованием ВМС фашистской Германии министерству иностранных дел летом 1938 года, подготовленный Гельмутом Хайе, в то время капитаном 2 ранга, а позже адмиралом ВМС ФРГ и уполномоченным бундестага по военным вопросам. В июне 1938 года Хайе утверждал, что победа фашизма в Испании даст возможность:

— полностью отрезать Средиземное море от Атлантического океана и тем самым нейтрализовать английскую базу в Гибралтаре, занимающую выгодное в военном отношении положение;

— нарушить морские коммуникации Франции между Средиземноморским и Атлантическим побережьями;

— фланкировать в Атлантическом океане все коммуникации между Францией и Африкой и в значительной мере между Великобританией и Африкой;

— перебросить мост в Африку, который можно будет использовать для проведения военных стратегических операций против Северной Африки.

Эти тайные расчеты командования фашистского вермахта свидетельствуют о том, насколько справедливой была оценка международного положения Коминтерном, который считал, что быстрое подавление фашистского мятежа в Испании если и не сорвет полностью военные планы фашистской Германии, то, по крайней мере, существенно замедлит и затруднит их осуществление. С другой стороны, это означало бы выигрыш времени для рабочего класса и других демократических сил народов Европы, чтобы сплотиться в борьбе против антинародной и враждебной миру политики международной монополистической буржуазии и преградить путь силам войны.

Коммунистические партии подчеркивали поэтому необходимость сделать все, чтобы оказать действенную поддержку испанскому народу в его борьбе против фашизма. В первые августовские дни мощное движение солидарности с народом Испании охватило трудящихся Москвы и других областей Советского Союза. Нам стало известно, что уже многие партии Коминтерна, в том числе и КПГ, обратились в своих странах с призывом к имеющим военную подготовку коммунистам и антифашистам отправиться в распоряжение Народного фронта.

Наше землячество в МЛШ также провело совещание и приняло резолюцию, в которой мы выразили свою солидарность с испанским народом и высказали желание ехать в Испанию, чтобы с оружием в руках сражаться против фашизма. Правда, нам предстоял еще год учебы, а после завершения учебы вопрос о нашем дальнейшем использовании решался отделом кадров ИККИ по предложению и с согласия нашей партии. Работники отдела кадров уже провели беседы с большинством из нас, и в общих чертах мы знали о нашей предстоящей работе. Коминтерн, однако, не мог просто так, второпях, сунуть нам в руку паспорт и послать в Испанию, тем более что почти никто из нас, молодых коммунистов, не обладал практическим военным опытом, а нашей военной подготовки в МЛШ для этого было явно недостаточно.

Именно так и оценил ситуацию товарищ Горский, объяснив нам, что, принимая резолюцию, мы несколько поторопились. Конечно, мы продемонстрировали свой революционный боевой дух, но он только тогда чего-то стоит, когда сочетается с революционной дисциплиной. Однако, какими бы разумными ни были доводы Горского, внутренне мы их не могли принять. Чрезвычайная обстановка в классовой борьбе оправдывает и принятие чрезвычайных мер, говорили мы себе и с нетерпением ждали соответствующего решения. Горский даже отвел меня в сторону и спросил, не я ли был одним из инициаторов этой резолюции. Я ответил утвердительно, и Горский, улыбнувшись, заметил, что он так и думал. Стало быть, он уже не осуждал меня за мою прошлогоднюю провинность. У всех сложилось впечатление, что он хорошо понимал нас и с сочувствием относился к нашему страстному желанию выступить наконец-то против фашизма с оружием в руках.

Тем временем начался новый учебный год. Однажды мы узнали, что в начале сентября в Лондоне был создан Комитет по невмешательству, штаб-квартира которого находилась в Танжере. В этот Комитет, задачей которого было не допустить вмешательства иностранных держав во внутренние дела Испании, входило в общей сложности 27 европейских государств, в том числе Франция, Великобритания, Советский Союз, а также фашистская Италия и фашистская Германия. Может быть, по этой причине мы до сих пор не получили ответа на нашу резолюцию? Но мы быстро отбросили подобные мысли. Советский Союз стал членом Комитета по невмешательству, чтобы убедить другие государства предпринять соответствующие шаги против фашистских ин-

тервентов. Но очень скоро стало очевидно, что германские, итальянские и португальские фашисты самым наглым образом игнорировали решения Комитета. В газете «Известия» от 24 октября 1936 года сообщалось, что посол СССР в Великобритании товарищ Майский направил в Лондон заявление Советского правительства на имя председателя Комитета по невмешательству лорда Плимута, в котором отмечалось, что соглашение превратилось в пустую, разорванную бумажку и перестало фактически существовать. В статье говорилось далее: «Не желая оставаться в положении людей, невольно способствующих несправедливому делу, правительство Советского Союза видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании право и возможность закупать оружие вне Испании... Во всяком случае, Советское правительство, не желая больше нести ответственность за создавшееся положение, явно несправедливое в отношении законного испанского правительства и испанского народа, вынуждено теперь же заявить, что в соответствии с его заявлением от 7 октября оно не может считать себя связанным в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения» [1].

Советский Союз получил необходимую свободу действий, чтобы удовлетворить настоятельные просьбы законного правительства Испании о предоставлении военной помощи. Оказание этой помощи полностью соответствовало нормам международного права — факт, который империалисты и тогда, и сегодня старались и стараются замалчивать. Они распространяли самую злобную антисоветскую клевету и ставили на одну ступень законное правительство Народного фронта Испании, избранное в соответствии с буржуазно-демократическими нормами, и фашистских мятежников.

Как известно, империалисты и до настоящего времени извращают характер любой политической, экономической и военной помощи со стороны СССР и других социалистических государств революционному освободительному движению и молодым прогрессивно развивающимся странам, пытаясь изобразить эту помощь как «коммунистическую политику интервенции и экспансии», в то время как сами всеми доступными им средствами поддерживают контрреволюционные акции и насаждают реакционные режимы. Тем временем вопрос о нашей поездке в Испанию решился быстрее, чем мы предполагали. Наши заявления были рассмотрены, и с каждым кандидатом была проведена беседа. Однако,

---

[1] Цит. по: Майский И. М. Испанские тетради. М., 1962, с. 42.

когда первые кандидаты поделились с нами результатами собеседований, оказалось, что возникли новые препятствия. В Испании, прежде всего, нужны были люди, имевшие опыт войны или специальную военную подготовку. У меня не было ни того, ни другого.

Кто-то из товарищей рассказывал, что больше всего шансов поехать в Испанию было у тех, кто умеет водить автомобиль. Но и в данной области мои познания оставляли желать много лучшего. Правда, во время поездок в качестве курьера в Саарбрюккен мне приходилось два или три раза управлять автомобилем на наименее оживленных участках дороги. Я достаточно хорошо разбирался в тогдашних марках автомобилей, по крайней мере немецких, и был уверен, что смогу в случае необходимости заменить свечу зажигания. Но это уже было, наверное, пределом моих возможностей. Однако я внушал самому себе: в конце концов ты был квалифицированным слесарем-механиком и даже работал на моторостроительном заводе, так что, стоит тебе попасть в Испанию, ты, конечно, найдешь способ уйти на фронт. И на вопрос, смогу ли я справиться с автомобилем, я сам себе ответил «да».

Как мне помнится, уже наступил ноябрь, когда меня вызвали в отдел кадров и сказали:

— Ты едешь в Испанию. К завтрашнему дню будь готов!

Наконец-то! На следующий день — было серое неприветливое ноябрьское утро — мы выехали поездом из Москвы: несколько человек из МЛШ, в том числе Альберт Гесслер, и несколько новых товарищей, с которыми мы познакомились в пути. Мы были убеждены в том, что уже через несколько дней будем в Испании, и немало удивились, когда поезд повез нас не на северо-запад, в сторону Ленинграда, а в противоположном направлении. Проехав двести километров от Москвы на юго-восток, мы прибыли на место назначения — в Рязань, город на правом берегу Оки, в котором тогда насчитывалось 50 тысяч жителей.

Здесь нам предстояло провести следующие два с половиной месяца. Нас разместили за пределами города. Это была специальная школа Военной академии имени М. В. Фрунзе, и здесь мы получили необходимую военную подготовку. Подготовка была весьма разносторонней и проводилась в очень жестких условиях. Сначала была одиночная подготовка (мы изучали устройство и тактико-технические характеристики наиболее распространенных тогда образцов советского стрелкового оружия и приобретали навыки обращения

с ним), затем занимались тактической подготовкой в масштабе взвода и роты, решали тактические задачи на ящике с песком, изучали военную топографию и учились пользоваться средствами связи.

Нашими инструкторами в этой школе были опытные советские офицеры. Они не делали нам никаких поблажек, но помогали везде, где только могли, и буквально через несколько дней у нас с ними установились прекрасные отношения. Некоторые курсанты жили в Советском Союзе уже несколько лет, другие же прибыли совсем недавно, так что и русским языком мы владели в неодинаковой степени. Преподавание же велось преимущественно на русском языке, но у нас были переводчики, которые объясняли нам сложные военные и технические понятия и приемы.

Когда я сказал о том, что наша боевая подготовка в Рязани отличалась разносторонностью и суровостью, это вовсе не означало, что мы были в особом восторге от последней. Хотя в МЛШ мы уже были приучены к учебной дисциплине и твердо установленному распорядку дня, требования к солдату были неизмеримо выше, особенно в полевых условиях. Несмотря на то что у нас было твердое намерение в кратчайшие отведенные нам сроки приобрести знания и навыки военной подготовки, значение которой мы четко уяснили себе с политической точки зрения, нам тем не менее потребовалось некоторое время и, кроме того, большая сила воли, чтобы принаровиться к солдатской жизни. И только потом мы осознали, что суровые условия нашей подготовки были просто необходимы, чтобы суметь выдержать и победить в бою. Наши инструкторы это знали. И когда нам приходилось особенно туго, они подбадривали нас, напоминая знаменитые слова Суворова: «Тяжело в ученье — легко в бою».

Через несколько месяцев, уже в Испании, я на своем практическом опыте убедился в необходимости суровой боевой подготовки. Там я часто вспоминал Рязань, вспоминал, как, обливаясь потом и ругаясь, я полз со своим «максимом» по грязи и снегу. Такая закалка позволила мне позже легче справляться с трудностями, а многое я вообще смог вынести не столько потому, что был здоровым и сильным, сколько потому, что те немногие месяцы, проведенные в Рязани, по-настоящему закалили меня и научили стойко переносить лишения. Рязань для всех нас была трудной, но прекрасной школой.

Холодные зимние месяцы доставляли нам дополнительные тяготы. В отдельные дни термометр показывал —30°;

и в спальных помещениях было довольно холодно. Но по уставу не полагалось спать в одежде. Когда в шесть часов утра мы вылезали из-под влажных одеял и, стуча зубами от холода, бежали на зарядку, то часто вспоминали наши теплые комнаты в Москве.

Занятия начинались в семь утра, и до самого отбоя в десять часов вечера почти все наше время уходило на боевую подготовку.

В те немногие часы досуга, которые нам выпадали, мы изучали испанский язык. Он всем давался с трудом, тем более что он существенно отличается от немецкого. С каким упорством и настойчивостью изучал язык Альберт Гесслер, с которым я был в одной роте! Трудно представить себе менее совместимые вещи, чем саксонский диалект Альберта и испанский язык, но его природные способности и железная воля, которую я особенно ценил в нем, дали свои плоды. Очень скоро он добился таких успехов, что смог помогать другим. Альберт делал это охотно, и вся рота еще и поэтому уважала его как хорошего товарища и образцового солдата.

И вообще, в Рязани царила прекрасная атмосфера товарищества, которая очень помогла нам всем. Мы сплотились в монолитный коллектив, правда на короткое время, так как большинство моих товарищей по роте получили в дальнейшем назначения в разные места. Некоторых из них я встретил в Испании: Курта Швотцера — на базе Интернациональных бригад в Альбасете; Гуго Виттмана (настоящее имя — Эрнст Бушман) — в качестве командира роты пулеметчиков в батальоне имени Ганса Баймлера; Гюнтера Теннера, а также Альберта Гесслера, о котором еще пойдет речь дальше.

Что касается самой Рязани, то город я помню смутно, так как мы его почти не видели, если не считать посещений городского кинотеатра. Мы ходили в кино еженедельно, непременно строем, причем в голове и хвосте колонны шел взвод советских солдат, в задачу которых входило громким исполнением походных песен компенсировать наше слабое знание русских солдатских песен. Если не считать этого, то мы покидали лагерь только для полевых занятий, а увольнительных нам не полагалось. С юмором мы переносили спартанские условия жизни и нашу оторванность от внешнего мира, необходимую, конечно же, ради сохранения военной тайны.

Время пролетело быстро. К середине февраля наша подготовка закончилась, и нам присвоили офицерские звания.

Закончив курс с отличием, я получил звание лейтенанта с назначением в звено «рота — батальон» и возвратился в Москву. Уже на третий день я выехал из Москвы, теперь уже в Испанию, хотя и весьма окольным путем.

Товарищи, которые выезжали тогда в Испанию из Советского Союза, добирались двумя маршрутами — северным или южным. Северный маршрут, по которому в марте отправился и я, пролегал через Скандинавские страны, а южный — через Польшу, Чехословакию, Австрию, Швейцарию и Южную Францию. Так как большинство европейских государств были членами Комитета по невмешательству, а многие капиталистические страны, придерживаясь политики «нейтралитета» в отношении Испанской республики, нередко вели себя как двурушники, то направлявшиеся в Испанию товарищи вынуждены были принимать соответствующие меры предосторожности. Одна из этих мер состояла в том, что мы «путешествовали» в одиночку. У меня был заграпаспорт, и я играл роль туриста, возвращавшегося из Москвы к себе на родину. Мне выдали деньги на дорожные расходы. В дороге я должен был обновить свой скромный гардероб, чтобы и внешне ничем не отличаться от завзятого любителя путешествий. Из Москвы я ехал поездом через Ленинград и Выборг до Хельсинки. Остановку в Хельсинки я использовал для экипировки, а затем снова поездом продолжил путь — до Турку на юго-западном побережье Финляндии.

В то время население Турку насчитывало 60—70 тысяч человек, город считался вторым по величине в Финляндии (после Хельсинки). Широкие и прямые, как стрела, улицы города отдаленно напоминали мне родной Мангейм, если не считать того, что в Турку многие дома были выстроены целиком из дерева. Главное достоинство города состоит в том, что его порт не замерзает даже в суровую северную зиму и открыт для судоходства круглый год. В Турку я пересел на финский пассажирский пароход и отправился через Ботнический залив в Стокгольм. Первое в моей жизни морское путешествие доставило мне огромное удовольствие. В довершение всего, на корабле был буфет, достойный внимания самого Лукулла, и каждый мог вволю лакомиться весьма изысканными закусками.

Следующий этап моего путешествия: Стокгольм — Мальмё. В Мальмё я распрощался со Швецией и воспользовался железнодорожным паромом, который курсирует между Мальмё и столицей Дании Копенгагеном. Пока все шло без сучка и задоринки: мои документы ни разу не вызвали подозрений. Поэтому я поначалу вел себя совершенно невоз-

мутимо, когда датский портовый чиновник, кстати, прекрасно говоривший по-немецки, потребовал мой паспорт и, внимательно изучив его, положил к себе в карман, заявив, что я задержан. Пропустив мимо ушей мои протесты, этот страж закона предложил мне проследовать за ним в служебное помещение, где он вежливо, но настойчиво попросил меня объяснить, как могло так получиться, что я, если верить отметкам в паспорте, выехал из Советского Союза раньше, чем въехал в него.

— Здесь что-то явно не вяжется, — сказал он.

Документы, в которых были проставлены общие сведения о владельце (имя, место жительства и год рождения), я получил перед самым отъездом из Москвы и поэтому не успел заметить этой ошибки. Чиновник не принял моих объяснений, когда я пытался доказать, что речь идет о простой описке, и заявил, что должен передать меня полиции. Я снова стал протестовать, ссылаясь на то, что меня ожидают срочные дела, что я не могу впустую проводить время в Копенгагене только потому, что стал жертвой чьей-то ошибки или небрежности, и что, если меня задержат, я буду жаловаться в свое консульство.

Все это я выпалил довольно раздраженным тоном на чистейшем мангеймском диалекте. Вполне возможно, что мое баденское произношение и независимый тон в конце концов убедили датского чиновника в том, что я был настоящим немцем. Во всяком случае, мне разрешили продолжить свою поездку, хотя вплоть до аэропорта на острове Амагер под Копенгагеном меня сопровождали двое полицейских. Они не отходили от меня ни на шаг, пока я не поднялся на борт самолета. В самолете меня ожидал еще один сюрприз, на сей раз приятный. Среди пассажиров я увидел хорошо знакомого мне Герберта Вольтера, с которым я вместе учился в МЛШ и был на подготовке в Рязани. Мы понимающе переглянулись, но отложили взаимные приветствия до тех пор, пока не покинули пределы Дании.

Герберт Вольтер (настоящее имя — Рейнгольд Генчке), находясь в самолете, увидел меня в сопровождении «почетного эскорта» и с облегчением вздохнул, когда я один поднялся в салон. Сам он сел в самолет в Мальмё, а во время остановки в Копенгагене сказал, будто у него повреждена нога, и остался в салоне. Тем самым он без труда сумел избежать строгой проверки со стороны датской полиции, которая особенно тщательно проверяла людей, побывавших в Советском Союзе.

То ли мы взяли билеты не на тот рейс, то ли из-за погоды, которая заметно ухудшалась, но мы летели все дальше на юг, а не на запад. Когда же самолет приземлился, то мы оказались не в Амстердаме, как предполагали, а в Гамбурге, в «третьем рейхе». Можно себе представить, каково было у нас на душе, когда на борт самолета поднялся чиновник и стал проверять паспорта пассажиров. Но, к счастью, он, вопреки общеизвестной немецкой педантичности, едва заглянул в наши паспорта и пожелал нам приятного полета.

Окрыленные удачей, мы выходили из самолета в Амстердаме. И вот мы уже в комфортабельном купе скорого поезда, который вез нас через Брюссель в Париж — на Северный вокзал. Следуя совету голландских друзей, которые готовили нашу поездку во Францию, мы вручили проводнику спального вагона солидные чаевые и попросили не беспокоить нас до самого Парижа, объяснив ему, что мы уже проделали длинный путь, а впереди у нас напряженные дни.

Таким вот образом мы пересекли голландско-бельгийскую, а затем и французскую границу, и никто не потребовал для проверки наши паспорта.

Нашим сборным пунктом был маленький отель па Рю-де-Люэст в 14-м округе Парижа. Там мы встретили других своих соотечественников, которые прибыли туда с той же целью, что и мы. Среди них был и Антон Хаас (подпольная кличка Герман Тайхман).

Последний и решающий этап нашей поездки немецкие и французские коммунисты подготавливали сообща. Нам пришлось подождать, и мы воспользовались этим, чтобы осмотреть Париж. Те четыре или пять дней, что мы провели в Париже, произвели на нас неизгладимое впечатление, хотя нам удалось увидеть лишь малую часть достопримечательностей этого многомиллионного города на Сене, полного жизни и движения, славящегося своей великолепной архитектурой и прекрасными музеями.

Спустя несколько дней мы прибыли в Перпиньян, главный город одного из департаментов на юге Франции, у самого подножия восточных отрогов Пиренеев. От франко-испанской границы нас отделяло не более 20—30 километров. Здесь мы увидели совсем иную Францию, нежели ту, с которой познакомились в Париже: первые кипарисы, кое-где даже пальмы, а на юго-западе — покрытый дымкой серый массив Пиренейских гор со снежными вершинами высотой две и три тысячи метров.

Хотя никто из нас не знал французского языка, нам все же бросилось в глаза, что здесь говорят совсем не так, как в Париже. Бывшее французское графство Руссильон с главным городом Перпиньяном примерно с XII по XVII век принадлежало Арагонскому королевству, а потом некоторое время и королевству Мальорка. С тех пор и до наших дней сохранились следы испанского влияния: некоторые обычаи и обряды, а также многочисленные древние постройки в мавританском стиле, например живописно расположенный на холме небольшой замок Кастийе.

Через франко-испанскую границу нас должен был переправить проводник-француз, а до тех пор нам не стоило привлекать к себе внимание. В городе находились французский гарнизон и одна из пяти международных контрольных групп под командованием шведского офицера, которая должна была контролировать французские пограничные посты, расположенные высоко в горах. Товарищи из Парижа настоятельно советовали как можно меньше задерживаться в городе. Согласно имевшейся информации, французская полиция вела строгое наблюдение за пограничными городами и населенными пунктами. Были известны случаи ареста товарищей, направлявшихся в Испанию, и французский суд приговорил их к лишению свободы на различные сроки.

К востоку от Перпиньяна в шести-семи километрах находится Лионский залив. Мы пробыли там целый день и впервые в жизни искупались в Средиземном море.

В маленьком ресторанчике на окраине города мы напоследок наслаждались французской кухней. Владелец ресторанчика, прощаясь с нами, улыбнулся и пожелал нам счастливого пути. По его голосу можно было понять, что он догадывался о цели нашей поездки. Вероятно, такие гости, как мы, не были для него в диковинку.

Когда спустя много лет я читал автобиографическое эссе Генриха Манна «Обзор века», то вспомнил этот эпизод. Из заметок Генриха Манна можно понять, что когда он в сентябре 1940 года покидал Европу, направляясь в Калифорнию, то проделал очень сходный, быть может, тот же самый путь через Пиренеи, что и мы тремя годами раньше. Генрих Манн пишет о чувстве такта, присущем французам, о «добродетели ума», помогающей «отвести взгляд в сторону, не обронить ни одного лишнего слова, унижающего состраданием». Эти слова воскресили в памяти наш последний вечер в Перпиньяне. Мы вышли из города в сумерках, проехали часть пути в южном направлении и начали восхождение на Пиренеи, оставив позади маленькое селение с его

домами из белевшего в полутьме известняка. Утром мы должны были быть уже в Испании.

В нашей группе вместе с проводником-французом было всего пять человек: Антон Хаас, Рейнгольд Генчке, я и еще один товарищ, постарше (позже мне стало известно, что он ослеп после тяжелого ранения в голову).

Чем выше мы взбирались, тем труднее становился путь. Сначала мы шли по горной тропе, которой, вероятно, пользовались французские крестьяне, перегоняя коз на горные пастбища. Потом тропа внезапно оборвалась, и мы пробирались сквозь заросли, карабкались по каменным глыбам и смотрели в оба, чтобы не потерять друг друга в темноте. Изнурительное восхождение и перепад высот, который нам приходилось преодолевать сравнительно быстро, совсем нас измотали. Больше всех страдал наш пожилой товарищ, который присоединился к нам в Перпиньяне. Мы все чаще и чаще устраивали привалы. Проводник поторапливал нас. В конце концов нам пришлось попеременно помогать нашему уставшему товарищу добираться до вершины горы. Мы обливались потом, несмотря на пронизывающий, сыпавший снегом ветер. Наконец и граница. Позади остался самый тяжелый и опасный участок пути. Утром мы были в Фигерасе, в Испании. Это было 17 марта 1937 года.

Прежде чем рассказать о том, что мне довелось испытать и пережить в качестве офицера 11-й Интернациональной бригады, хотелось бы подчеркнуть, что я никоим образом не собираюсь писать историю гражданской войны в Испании. Это — задача наших военных историков. Я хочу описать лишь то, что пережил сам, и ссылки на историю, внутреннюю и внешнюю политику Испанской республики и развитие боевых действий на других участках фронта предназначены лишь для того, чтобы читатель мог лучше понять описываемые события.

Городок Фигерас, расположенный в долине провинции Херона, насчитывал тогда примерно 15—20 тысяч жителей. Над городком возвышался холм высотой примерно 150 метров. На нем стоял замок Кастильо-де-Сан Фернандо, мощная пятиугольная крепость, которая еще в XVIII и XIX веках считалась одним из сильнейших укреплений в Испании. Нас направили туда. В крепости находился небольшой испанский гарнизон, и она служила сборным пунктом для добровольцев.

Каждого прибывающего сначала подвергали тщательной проверке. Эта мера была необходима, так как среди прибывающих могли быть и авантюристы, и агенты противника,

которых забрасывали в испанскую Народную армию с целью шпионажа и подрывной деятельности. На моей памяти случай, когда двоих «добровольцев» разоблачили как агентов гестапо и приговорили к смерти. После этого был издан приказ, призывавший к повышенной бдительности.

Я никогда в жизни не забуду первую ночь, проведенную нами в Фигерасе. Нас, Рейнгольда Генчке, двух незнакомых нам товарищей и меня, назначили в караул, поставив перед нами задачу охранять 50 грузовиков, находившихся вблизи Кастильо-де-Сан Фернандо. Несколько дней назад они прибыли из Франции и предназначались для фронта. Автомобили не были военными, и на них не распространялось французское эмбарго на поставку оружия в Испанскую республику, на основе которого французское правительство сначала 25 июля, а затем повторно 8 августа расторгло все соглашения о поставках оружия республиканской Испании на сумму 20 миллионов фунтов стерлингов.

Никто из нашей четверки не знал, где проходит линия фронта и как далеко мы были от нее. Мы полагали, что находимся на вражеской территории, и каждый подозрительный шорох казался нам предвестником опасности. Уж и не помню, сколько раз в ту ночь я брал винтовку на изготовку, готовый в любую секунду открыть огонь. Но ночь прошла спокойно. Мы вздохнули с облегчением, когда нас на рассвете сменили.

В Фигерасе мы пробыли три или четыре дня. Здесь нас застали известия о первых успехах испанской Народной армии под Гвадалахарой. Начавшееся 8 марта 1937 года фашистское наступление на Гвадалахару было четвертой безуспешной попыткой Франко захватить Мадрид. В ноябре — декабре 1936 года фашисты впервые получили мощный отпор на северо-западных подступах к городу, в начале января 1937 года провалилось их второе наступление на Мадрид, в феврале они также не смогли добиться в боях на Хараме поставленных стратегических целей. И вот теперь франкистское командование надеялось взять Мадрид с северо-востока с помощью итальянских войск.

Благодаря перевесу в живой силе и технике им удалось в первые дни наступления прорвать оборону республиканских войск и продвинуться в юго-западном направлении примерно на 40 километров, но 18 марта началось контрнаступление республиканской армии по всему фронту. Части испанской Народной армии, в рядах которой сражались 11-я и 12-я Интернациональные бригады, нанесли фашистам сокрушительное поражение и, как позже Эрнст Буш пел в

одной из своих песен, заставили «великолепного Муссолини задать большого стрекача».

Несмотря на то что вооруженные силы Народного фронта Испании были вынуждены почти непрерывно вести ожесточенные оборонительные бои, им потребовалось всего лишь несколько месяцев, чтобы превратиться в грозную силу. Победа под Гвадалахарой убедительно доказала, что испанская Народная армия была способна не только противостоять фашистам, но и наступать, и наносить поражения противнику — настолько она окрепла за это короткое время.

Достаточно было посмотреть на карту, чтобы убедиться в том, как далеко от нас проходила линия фронта. Стало быть, несение караульной службы в первую ночь нашего пребывания в Фигерасе вовсе не было таким опасным делом, как мы себе представляли. Какое же мы получим назначение? С такой мыслью мы уехали из Фигераса и уже в форме бойцов испанской Народной армии, с эмблемой Интернациональной бригады поездом отправились в Барселону. В казармах имени Карла Маркса нас накормили и разместили на ночь, а на следующее утро мы продолжили путь на юго-запад.

От немецких товарищей, которые разместили нас в казарме и организовали нам дальнейшую поездку, мы узнали, что в Барселоне дислоцировались только испанские войска, в том числе штаб одной анархистской части. Стены его были увешаны красными флагами и лозунгами. Мы не смогли прочитать их, так как тогда наши познания в испанском не простирались так далеко. Один немецкий товарищ посоветовал нам вообще не читать этих самоубийственных лозунгов и пояснил, что анархисты призывают ликвидировать дисциплину и порядок.

На лекциях в МЛШ нам рассказывали об анархизме и, прежде всего, о той сокрушительной критике, которой Маркс и Энгельс подвергли взгляды Бакунина. Но все это оставалось для нас тогда только теорией, тем более что идеи анархизма никогда не играли сколько-нибудь заметной роли в немецком рабочем движении. Если говорить об этих лозунгах, то нам было попросту непонятно, как вообще может существовать воинская часть без дисциплины, не говоря уж о том, чтобы успешно воевать.

Спустя несколько месяцев я стал свидетелем того, как многие анархисты под давлением неумолимых законов войны отошли от своих лозунгов и быстро научились подчиняться воинской дисциплине. Некоторые из них показали себя надежными, храбрыми и дисциплинированными солда-

тами. Те же, кто не понял этих законов и продолжал с презрением относиться к воинской дисциплине, что проявлялось прежде всего в самовольных и несогласованных боевых действиях и отсутствии бдительности, расплачивались за это жизнью.

В Барселоне мы слились с другими бойцами Интернациональных бригад и направились в Альбасете по маршруту: Таррагона — Кастельон-де-ла-Плана — Валенсия. До сих пор воспоминания об этой поездке не изгладились из моей памяти. Где бы ни останавливался наш поезд, нас повсюду восторженно приветствовали испанские жители. Женщины, дети и старики с ликованием встречали нас, многие из них поднимали сжатые кулаки и скандировали:

— Свобода! Гвадалахара — победа!

На одной из таких остановок нас встретили пением марша Риего — «испанской марсельезы». Вот и Валенсия осталась далеко позади, и мы ехали по обширной долине Альбасете, окруженной голыми горами и обрывистыми скалами. Народ повсюду приветствовал нас. В этой части Испании деревни часто прячутся в лощинах плоскогорья, вдали от железнодорожных полустанков, которые представляли собой тогда плоское строение с билетной кассой и винным кабачком. И вот сюда, проделав немалый путь, толпами стекались испанские крестьяне, чтобы угостить нас хлебом и отличным вином.

По прошествии стольких лет нелегко рассказывать о тогдашних впечатлениях и чувствах, но твердо могу заявить, что воодушевление мужчин и женщин Испании передавалось и нам. Тысячи километров отделяли нас от родины и первого в мире социалистического государства, но мы не чувствовали здесь себя чужаками и иностранцами. Мы были защитниками испанского народа и хорошо понимали, что простые люди Испании считают нас верными союзниками и братьями по оружию. В те дни я впервые понял, что значит для солдата идти в бой за правое дело, когда он уверен в любви и симпатиях трудового народа. А испанские крестьяне из отдаленных горных долин Ла-Манчи с восторгом говорили о победе Народной армии под Гвадалахарой, радостно и сердечно встречали бойцов Интернациональных бригад, считая нас своими союзниками и солдатами республики. И хотя республиканское правительство слишком медленно проводило в жизнь программу Народного фронта, в жизни испанских крестьян уже в первые месяцы многое изменилось к лучшему.

В годы второй республики, несмотря на различные декреты земля оставалась в руках помещиков. Теперь же шаг за шагом осуществлялись конфискация помещичьих земель и их распределение среди крестьян. Только за первые пять месяцев своего пребывания у власти правительство Народного фронта распределило свыше 750 тысяч гектаров земли, в результате чего более 100 тысяч семей батраков и малоземельных крестьян впервые стали хозяевами собственного земельного надела. Для сотен тысяч людей, которые в своей жизни знали только унизительный подневольный труд на помещика, а часто и вообще не имели работы, это было первым шагом в новую жизнь.

Помещики выплачивали батракам нищенскую зарплату, составлявшую в среднем 5 песет и никогда не превышавшую 11 песет во время уборки урожая. По тогдашнему официальному валютному курсу это соответствовало 1,7 и 3,8 немецких марок. С началом реализации аграрной программы Народного фронта расценки стали повышаться. Только один этот пример дает возможность понять, почему защита республики стала делом всего трудящегося крестьянства.

После долгой и утомительной дороги мы приехали в Альбасете, один из крупнейших городов на кастильском плоскогорье, важный узловой пункт и значительный центр торговли и ремесел. Здесь, в казармах бывшей национальной гвардии, находилась база Интернациональных бригад. Сюда прибывали все иностранные добровольцы, чтобы получить назначение в одну из шести Интернациональных бригад или в одно из спецподразделений 35-й или 45-й дивизии. На базе в Альбасете проводилась непосредственная подготовка добровольцев для фронта и решались все важные кадровые вопросы. Поэтому для нас первой и самой важной задачей было найти отдел кадров, начальником которого был тогда товарищ Фернандо — немецкий коммунист Вильгельм Баник. Я пошел к нему, чтобы представиться, полагая, что это будет чистой формальностью и займет всего лишь несколько минут, но я не знал Фернандо. Он явно не торопился. Я представился ему как лейтенант Рот, который учился в МЛШ, но Фернандо был опытным партийным работником и хотел сначала получше узнать человека, прежде чем дать рекомендации по его дальнейшему использованию.

Член КПГ с 1923 года, Вильгельм Баник был сначала политическим руководителем одного из районных подкомитетов КПГ, затем членом окружного комитета партии в Магдебурге — Анхальте и, наконец, руководящим работником

военно-политического отдела ЦК КПГ. На этих постах он приобрел большие знания и опыт, которые особенно пригодились ему здесь, на его ответственной работе на базе Интернациональных бригад.

Фернандо был воплощением спокойствия. Крупный и несколько полноватый, заядлый курильщик трубки, он произвел на меня впечатление молчаливого, очень скромного и сдержанного человека. Он попросил меня рассказать о себе. Время от времени он задавал короткие вопросы, которые, казалось, имели второстепенное значение, но вместе с тем свидетельствовали о том, насколько хорошо Фернандо понимал собеседника и, как говорится, давал ему возможность выговориться. Есть люди, которые с первого взгляда внушают доверие и вызывают симпатию. К числу их относился и Фернандо. Он отлично разбирался в людях и, что важнее всего, был отличным бойцом и товарищем.

Весной 1938 года, когда я лежал в госпитале в Барселоне, мне сообщили, что Вильгельма Баника нет больше в живых. В марте 1938 года он, в то время офицер 1-го батальона 11-й Интернациональной бригады, был тяжело ранен в живот во время ожесточенных оборонительных боев в районе Бельчите. Чтобы дать своим товарищам, решившим вынести его, возможность спастись во время отступления, он покончил с собой. Вильгельм Баник умер так же, как и жил, — как коммунист, пожертвовав своей жизнью ради жизни товарищей.

По рекомендации Фернандо я получил назначение в 11-ю Интернациональную бригаду и для начала отправился в селение Мадригерас в качестве инструктора учебного батальона. Я надеялся попасть в 11-ю бригаду вместе с Рейнгольдом Генчке, но его направили в один из андалузских партизанских отрядов, действовавших в фашистском тылу. Когда же осенью 1937 года он вернулся к нам и был избран секретарем парторганизации 11-й бригады, я уже лежал в военном госпитале в Мадриде.

Мои обязанности в Мадригерасе состояли в том, чтобы обучать добровольцев умению обращаться со стрелковым оружием советского производства. Все дни были заполнены учебной стрельбой из пулемета «максим» и метанием ручных гранат. В Рязани я хорошо научился владеть этими видами оружия и с удовольствием передавал свои знания товарищам, так что моей надежде сразу же попасть на фронт пока еще не суждено было сбыться.

Моя служба в Мадригерасе продолжалась, однако, недолго. Уже в начале мая я получил приказ прибыть в Альба-

сете, на этот раз к генералу Гомесу. Товарищи в Мадригерасе сообщили мне, что Гомес — немец и командует 13-й Интернациональной бригадой. В Альбасете я узнал, что генерал Гомес — это немецкий коммунист и опытный военный специалист КПГ Вильгельм Цайссер.

Направляясь к генералу Гомесу, я встретил старого московского знакомого Эриха Мильке. Он работал тогда вместе с Цайссером. Из Мадригераса я уехал прямо с полевых занятий, даже не успев переодеться. У меня не было на это времени, да это казалось и ненужным. Я внушал самому себе, что, если с утра до вечера проводишь занятия в поле, трудно выглядеть иначе.

Когда Эрих Мильке увидел меня в запыленных высоких ботинках со шнуровкой, в измятом обмундировании и небритым, то сразу же посоветовал мне сначала привести себя и форму в порядок, иначе Гомес сразу выставит меня за дверь, если я предстану перед ним в таком виде. Я счел это предостережение излишним и тотчас же за это поплатился. Генерал Гомес, человек богатырского роста, выслушав мой рапорт и придирчиво осмотрев меня с головы до ног, скомандовал: «Вон!» Мильке только улыбнулся, когда я в бешенстве примчался к нему. Он знал своего начальника. Мне не оставалось ничего другого, как привести себя в порядок и снова предстать перед генералом. Он бросил на меня все тот же критический взгляд, а затем, будто ничего не произошло, сказал:

— Садись! Ты из Мадригераса? Ну как там у вас дела?

Гомес подробно расспросил меня о моих впечатлениях о Мадригерасе и попросил рассказать о ходе и результатах боевой подготовки добровольцев. Он заметил, что в Посо-Рубьо организована офицерская школа по подготовке командиров и комиссаров. Мне надлежало немедленно выехать туда и выполнять обязанности инструктора для немецких и финских товарищей.

Посчитав наш разговор законченным, я уже хотел идти, но Гомес задержал меня и спросил, понял ли я, за что он выставил меня за дверь. Мой ответ, судя по всему, показался ему не слишком убедительным, и он заметил:

— Немногие коммунисты нашей партии получили такую подготовку, как ты. Подумай хорошенько и ты поймешь, почему мы требуем высокой дисциплины именно от командиров! — С этим напутствием он отпустил меня.

Можно спорить о том, насколько целесообразными были тогда методы воспитания генерала Гомеса, но на меня они, во всяком случае, подействовали. Мне стало ясно, что дис-

циплинированность пролетарского солдата должна проявляться не только в высокой сознательности и добросовестном выполнении приказов, но и в его поведении и манере держаться, особенно на людях. Кроме того, на мой взгляд, те требования, которые входят в понятие «воинская вежливость», по сути своей вполне отвечают духу естественных норм поведения, принятых в среде культурных и хорошо воспитанных людей. Понятно ведь, что нет необходимости становиться солдатом, чтобы узнать, как вести себя по отношению к людям, которые старше тебя по возрасту и должности.

Обогатив таким образом свой жизненный опыт, я приступил к исполнению обязанностей инструктора в офицерской школе в Посо-Рубьо. Школа находилась в большом лесу неподалеку от Альбасете и размещалась в бараках. Мои обязанности почти ничем не отличались от прежних в Мадригерасе, если не считать того, что занятия носили преимущественно инструкторско-методический характер. Примерно через три недели истек срок моей командировки, и я получил приказ прибыть в распоряжение командира 11-й бригады. 11-я бригада дислоцировалась на том же месте, что и во время сражения под Гвадалахарой: штаб бригады и 3-й батальон имени Эрнста Тельмана находились в Каньисаре; 1-й батальон имени Эдгара Андре — в Торихе; 2-й батальон имени Ганса Баймлера — в Трихуэке и разведывательная и саперная роты — в местечке Ребольоса-де-Ита. В некоторых из этих городков и населенных пунктов война уже оставила свои следы: во время тяжелых мартовских боев эти местечки несколько раз переходили из рук в руки.

После победы под Гвадалахарой на центральном фронте наступило затишье. Проводилась реорганизация Народной армии. Это привело к организационным изменениям и кадровым перестановкам, которые затронули и нашу бригаду. Так, 11-я бригада была передана в качестве резерва только что сформированному 5-му корпусу под командованием Хуана Модесто. В начале апреля прежний командир 11-й бригады подполковник Ганс Кале был назначен командиром 17-й дивизии. На его место пришел бывший начальник оперативного отделения штаба бригады майор Рихард Штаймер. 26 марта из состава бригады был выведен известный своей доблестью 2-й батальон имени Парижской коммуны и включен в состав 14-й Интернациональной бригады. 14 апреля 1937 года, в день шестой годовщины Испанской республики, был заново сформирован 2-й батальон. В его состав вошли немецкие добровольцы, которые до этого сра-

жались в рядах 14-й Интернациональной бригады, испанские бойцы из состава прежнего 2-го батальона и одна рота и пулеметный взвод из бывшего андалузского батальона «Триана».

Эти бойцы снискали всеобщее уважение. Это они годом раньше, когда фашистский генерал Кейпо де Льяно двинулся на Севилью, в течение многих дней оказывали героическое сопротивление осаждавшим их марокканцам и иностранным легионерам. Когда же не осталось никакой надежды на снятие блокады и они вынуждены были отступить под натиском превосходящих сил фашистов, отважные бойцы прорвали их позиции и пробились к своим. Фашисты выместили свою звериную злобу на оставшихся в городе женах и детях республиканцев.

Командиром заново сформированного 2-го батальона стал капитан Гейнц Шрамм, а комиссаром — Эрнст Браун, социал-демократ и в прошлом председатель Союза социалистической рабочей молодежи в Саарской области. 1 мая 1937 года 2-й батальон получил почетное звание имени Ганса Баймлера — в честь члена ЦК КПГ, который сумел бежать из концлагеря Дахау и пал 1 декабря 1936 года в боях за Мадрид. 25 или 26 мая 1937 года я доложил о своем прибытии в штаб 11-й бригады в Каньисаре, а 27 мая получил назначение во 2-й батальон вместе с двумя соотечественниками и одним норвежцем по имени Рандульф Далланд. С земляками я был уже знаком. Это были Гуго Витман, которого я знал по МЛШ и Рязани, и Вилли Шварц (Герман Шульд), вместе с которым мы получали обмундирование в Фигерасе. Через несколько дней меня назначили комиссаром 2-го батальона, хотя официальное подтверждение из военного министерства пришло лишь в конце июня. К тому времени я уже получил боевое крещение.

Прежде чем перейти к описанию всего того, что я пережил и испытал вместе с моими товарищами по оружию из батальона имени Ганса Баймлера, необходимо сделать несколько замечаний о политической ситуации в Испании, прежде всего весной 1937 года. Эти события определяли стоявшие тогда перед нашей бригадой политические и военные задачи, а также те проблемы, которые нам нужно было обсудить. В декабре 1936 года ЦК Коммунистической партии Испании вновь дал тщательный анализ обстановки в стране после пяти месяцев войны. Исходя из того, что начавшиеся буржуазно-демократические преобразования могли успешно осуществляться только после разгрома самого опасного врага республики — фашизма, компартия выра-

ботала программу экстренных мер. В этой программе под заголовком «Восемь условий победы» излагались важнейшие требования, без выполнения которых, по мнению компартии, нельзя было выиграть войну.

Наряду с основными политическими и военно-экономическими задачами ЦК указал на необходимость ввести всеобщую воинскую повинность и создать единое военное руководство. Одновременно подчеркивалось, что необходимо соблюдать строгий порядок и дисциплину во всех тыловых районах республики (а не только на фронте) и мобилизовать все силы для фронта, для достижения главной цели — победы над фашизмом.

Несмотря на все усилия, испанским коммунистам не удалось добиться включения всех жизненно важных для республики требований в правительственную программу. Все их усилия наталкивались на сопротивление социалиста правого толка Ларго Кабальеро, премьер-министра и военного министра, который затягивал осуществление предложенных компартией мероприятий и тем самым систематически саботировал все усилия, направленные на повышение боевой мощи испанской Народной армии.

Примерно в то же время Ларго Кабальеро установил контакт с несколькими влиятельными руководителями анархистского движения, намереваясь постепенно вывести из состава правительства Народного фронта прогрессивных социалистов, республиканцев и обоих коммунистов и заменить правительство Народного фронта синдикалистским правительством. Возросла опасность раскола Народного фронта, что неизбежно привело бы к поражению в войне против фашизма и падению республики.

Стремясь использовать анархистское движение, в том числе его политические организации, и прежде всего троцкистскую объединенную марксистскую рабочую партию (ПОУМ) и иберийскую федерацию анархистов (ФАИ), в кампании против коммунистов и левых сил в своей собственной партии, Ларго Кабальеро предоставил анархистам полную свободу действий и не только терпимо относился к их растущей оппозиции Народному фронту и республиканскому правительству, но и кое в чем поддерживал ее непосредственно. Подобная политика способствовала росту влияния анархистского движения в некоторых областях страны, а именно в Пиренеях, на побережье Каталонии и в Арагоне. Это породило новую опасность для Испанской республики, так как анархисты, проповедовавшие «свободный коммунизм», не считали своей первоочередной задачей разгром

фашизма и победу в войне. Они хотели немедленно осуществить «социальную революцию» в соответствии со своими утопическими представлениями: отмена всей частной собственности, ликвидация государства и армии. Соответственно этому вели себя на фронте и командиры отдельных анархистских подразделений. Имели место случаи, когда анархистские подразделения оставляли на несколько часов свои позиции, чтобы развлечься в ближайшей деревеньке или поиграть в футбол.

Анархистский совет Арагона, который в декабре 1936 года был официально признан правительством Ларго Кабальеро (несмотря на протесты двух входивших в его состав коммунистов), приступил к принудительной коллективизации, обесценил деньги, ввел местную денежную систему, экспроприировал имущество мелких торговцев, ремесленников и даже парикмахеров и загнал их в анархистские организации. Сопротивлявшихся подвергали репрессиям и нередко издевательствам. Выдвигая лживый лозунг «Сдержать наступление контрреволюции», анархистские руководители систематически саботировали все усилия республики, направленные на защиту страны, и объективно помогали контрреволюции тем, что терроризировали население в контролируемых ими районах, восстанавливая его против республики.

Обстановка все больше и больше обострялась. 3 мая 1937 года троцкистская ПОУМ организовала мятеж. Три дня в Барселоне шли кровопролитные уличные бои. Волнения охватили и другие провинции Каталонии. Франко ликовал, полагая, что Каталония уже у него в руках, но вскоре республиканские войска стали хозяевами положения и подавили контрреволюционный мятеж.

К тому времени премьер-министр Ларго Кабальеро находился уже в политической изоляции. Чем откровеннее демонстрировал он враждебность к коммунистам и выступал против единства действий социалистов и коммунистов, тем быстрее падал его престиж. От него отшатнулось большинство членов Социалистической рабочей партии. 15 мая 1937 года кабинет Ларго Кабальеро был вынужден подать в отставку, а спустя два дня было сформировано новое правительство Народного фронта во главе с социалистом доктором Хуаном Негрином. Правительство наконец взялось за решение некоторых наболевших проблем, которые Коммунистическая партия Испании предлагала рассмотреть еще в декабре 1936 года, но решение которых все время затягивалось или саботировалось Ларго Кабальеро.

Но и теперь, разумеется, необходимо было преодолеть многочисленные препятствия. Создание испанской Народной армии проходило в трудных и сложных условиях. Из 17 тысяч офицеров, которые в 1936 году служили в испанской армии и в основной своей массе являлись выходцами из реакционных помещичьих семей, в республиканской армии осталось примерно 2 тысячи. Многие из них верно служили Народному фронту и во время войны проявили себя решительными командирами. Другие же, напротив, заняли выжидательную позицию и, придерживаясь консервативных взглядов, противились революционным преобразованиям в ходе организации Народной армии, не желая подчиняться недостаточно подготовленным в военном отношении командирам и комиссарам из рабочего класса и трудового крестьянства.

И, наконец, среди кадровых офицеров было немало таких, кто враждебно относился к республике, скрывая свои реакционные взгляды, и не только сознательно саботировал работу штабов, но и действовал в прямом сговоре с фашистами. К таким офицерам относились и те, кто в марте 1939 года сдал фашистам Мадрид. Эти контрреволюционные офицеры, которые внедрились и в министерство обороны, делали все, чтобы подорвать влияние Коммунистической партии Испании в вооруженных силах. Они упорно пытались, например, воспрепятствовать назначению коммунистов на должности военных комиссаров или, по крайней мере, затянуть решение этого вопроса.

Когда я в конце мая 1937 года пришел в батальон имени Ганса Баймлера и был назначен комиссаром, то мой командир заметил:

— Посмотрим, сколько тебе придется ждать приказа о назначении.

Его скептицизм не был безосновательным: приказ о моем назначении батальонным комиссаром пришел лишь через пять недель.

Командиры, вышедшие из рядов народного ополчения, до начала 1938 года не могли получить воинское звание выше майора, даже если они командовали бригадой или дивизией. Такие и подобные козни со стороны контрреволюционных и консервативных офицеров высших штабов создавали существенные трудности, тем более что бороться с ними приходилось в ходе войны.

В первые месяцы войны республиканская армия вела главным образом оборонительные бои с целью остановить и измотать противника. Таким образом, в лозунге «Но пасаран!» («Они не пройдут!») выражалась не только полити-

ческая, но и военная стратегическая цель той программы действий, которую в то время осуществляла республика. Сначала необходимо было выиграть время, чтобы сформировать регулярные вооруженные силы, создать единое главное командование, включить ополчение в состав Народной армии и обучить его, подготовить резервы и в достаточном количестве обеспечить вооруженные силы оружием.

Конечно, нельзя было сразу решить эти вопросы в военное время, а они не так просто решаются даже в условиях мира, тем не менее к весне 1937 года наметилась консолидация республиканских вооруженных сил. Республиканское главное командование могло теперь перейти к подготовке крупных наступательных операций. Это нашло свое отражение в лозунге «Пасаремос!» («Мы пройдем!»). И все же проводимые в дальнейшем наступательные операции как по размаху, так и по мощи намного уступали операциям первой мировой войны, не говоря уже о второй. Это относилось, впрочем, к обеим сторонам. Летом 1937 года общая протяженность линии фронта составляла примерно 1500 километров. Вследствие ограниченного количества сил и средств крупные наступательные операции могли проводиться только на отдельных участках и лишь в редких случаях сразу на нескольких. В ходе наступления достигался, как правило, лишь тактический успех. Недостаточная моторизация частей, снижавшая их маневренность и ударную мощь, а также невысокие темпы наступления почти всегда давали противнику возможность бросить резервы на направление прорыва, сдержать натиск и в сравнительно короткое время восстановить первоначальное положение. И в дальнейшем характер боевых действий не изменился.

С мая по июнь 1937 года задача 11-й бригады заключалась в основном в боевой подготовке вновь сформированных подразделений к эффективному участию в наступательных боях.

Кроме андалузских и немецких бойцов, переведенных в нашу бригаду из других частей, в начале июня в нее и во 2-й батальон влились австрийцы, скандинавы, голландцы и бельгийцы. Среди скандинавов было несколько норвежских и шведских моряков. Боевая подготовка давалась им с трудом. На ломаном немецком языке они пытались убедить Гейнца Шрамма и меня, что они всю жизнь провели в море и воевать хотели бы тоже на море и что для боевых действий на суше они не годятся. Мы, конечно же, не могли предоставить им такую возможность. Они вскоре освоились и ни в чем не уступали другим новобранцам батальо-

на. Многие из них оказались великолепными бойцами и хорошими товарищами и не раз отличались в последующих боях, проявляя стойкость и мужество.

Тот факт, что бригада состояла из бойцов многих национальностей, конечно, создавал в процессе боевой подготовки свои проблемы, особенно когда командиры подразделений не могли говорить на языке своих солдат. И мы очень обрадовались, когда командир бригады приказал образовать по роте из австрийцев, скандинавов и фламандцев, что чрезвычайно облегчило работу инструкторов.

Сохранившийся в моих бумагах распорядок дня батальона показывает, чем мы занимались тогда в течение дня:

6.00 — подъем.

6.05—6.20 — зарядка.

7.30—10.30 — тактическая подготовка (тема: отделение в наступлении).

10.30—11.00 — занятия в помещении.

11.00—11.30 — политзанятия.

15.00—17.00 — огневая подготовка и стрельбы.

17.00—18.00 — чистка оружия.

22.00 — отбой.

Наряду с боевой подготовкой бригаде в то время была дополнительно поставлена задача по охранению — вести постоянное наблюдение и осуществлять патрулирование района к северо-востоку от нас, вдоль шоссе Гвадалахара — Сарагоса, между деревушками Мудуэкс и Утанде. Слева по шоссе, примерно в полутора-двух километрах к северо-западу, местность круто обрывалась и переходила в глубокую, сравнительно узкую долину, как бы врезанную в гору, на скалистом и почти отвесном склоне которой фашисты занимали фланговую позицию. По-испански эта горная местность называется Альто-де-ла-Алькаррия. В ясную погоду фашистских солдат можно было различить невооруженным глазом. Хотя фашисты вели себя спокойно, нам приходилось держать ухо востро, так как шоссе Мадрид — Сарагоса было важнейшей коммуникацией, по которой осуществлялись перевозки между столицей и тыловыми районами республики и которую надо было надежно защищать. Очень скоро нам пришлось столкнуться с фашистами на гряде холмов по другую сторону долины.

До этого времени было известно лишь, что противник примерно на той же высоте, на которой лежали обе деревушки Мудуэкс и Утанде, оборудовал хорошо укрепленные позиции с долговременными оборонительными сооружениями и разветвленной системой траншей и ходов сообщения.

Кроме того, говорили, что фашистский «батальон-де-виктория», который занимал эти горные позиции, не отличался высоким моральным духом. Может быть, именно поэтому фашисты пока не беспокоили нас на этом участке.

В нашей тактической подготовке большое внимание уделялось изучению военно-научных публикаций. Так, например, начальник штаба бригады майор Людвиг Ренн в одном из номеров нашей бригадной газеты «Пасаремос» опубликовал статью «Бой в ночных условиях». В своей статье товарищ Ренн на основе личного опыта боевого офицера, принимавшего участие в первой мировой войне, развил несколько положений относительно проведения внезапной ночной атаки. В частности, он утверждал, что только небольшие подразделения (не больше роты) способны успешно осуществлять боевые действия в ночное время, так как более крупным подразделениям трудно обеспечить взаимодействие в таких условиях.

Я помню, что при обсуждении этой статьи разгорелись споры, так как мы знали, что Народная армия готовилась к проведению новых операций. Обсуждая различные конкретные варианты, мы не принимали во внимание возможность проведения ночной атаки на нашем участке, так как каждому было ясно, что одна рота, действуя ночью в трудных условиях местности, вряд ли способна выполнить поставленную задачу, даже с учетом момента внезапности, когда ей противостоит противник, намного превосходящий ее численно и занимающий выгодные позиции на Алькаррии.

8 июня 1937 года в состав нашей бригады вошел еще один батальон, составленный преимущественно из испанцев и австрийцев. Спустя несколько недель он получил номер «4» и почетное звание имени 12 февраля — в честь восстания пролетариата Австрии против клерикально-фашистского режима Дольфуса в феврале 1934 года.

На следующий день, 9 июня, вечером нас подняли по тревоге, и мы выехали из Трихуэке по Сарагосскому шоссе в северо-восточном направлении. Почти весь день лил дождь, а к вечеру поднялся туман. Словом, погода стояла собачья. В полночь командир нашего батальона Гейнц Шрамм получил указание прибыть на 87-й километр шоссе. По возвращении он сообщил мне о наших предстоящих действиях.

Перед нашей бригадой была поставлена задача предпринять неожиданную ночную атаку и овладеть позициями фашистов в районе Алькаррии, вынудив противника бросить на этот участок крупные резервы и ослабив таким образом другие участки фронта. Задача бригады состояла в том, что-

бы силами 1, 2 и 3-го батальонов преодолеть крутой скат слева от Сарагосского шоссе, пересечь долину реки Бадиэль шириной несколько сот метров, продвинуться через деревню Утанде в северном направлении и еще до рассвета выйти в район северо-западнее Утанде.

После этого главные силы бригады должны были повернуть налево и наступать в юго-западном направлении. 1-й батальон получил задачу обойти гряду холмов Алькаррии, а затем атаковать ее с севера. Одновременно 3-й батальон, усиленный одной ротой 2-го батальона, должен был подняться на вершины холмов Алькаррии с северо-востока, овладеть высотой 1020, оттуда ворваться на позиции противника, смять их и продвинуться примерно на четыре километра в юго-западном направлении до Пикарона, самой высокой точки Алькаррии. Наш 2-й батальон имел задачу тремя ротами также обойти Алькаррию с северо-востока, но затем продвигаться на север в направлении дороги Миральрио — Касас-де-Сан-Галиндо — Падилья-де-Ита и на участке между 94-м и 92-м километрами прикрыть бригаду, отразив возможные атаки противника с направления Миральрио. Если фашисты и могли подтянуть подкрепления, то только с этого направления.

В соответствии с приказом командира бригады Гейнц Шрамм решил усилить 3-й батальон 2-й ротой нашего батальона. С этой ротой я должен был атаковать противника в составе 3-го батальона, в то время как командир повел батальон в назначенный район охранения.

Часа в два ночи мы начали спускаться в долину, перешли речушку Бадиэль и без всяких происшествий вышли в назначенный район — к северо-западной окраине деревни Утанде. Отсюда для нас, действовавших в составе 3-го батальона, начинался самый трудный участок пути, так как мы должны были преодолеть подъем примерно в 150—200 метров.

Со стороны долины реки Бадиэль холмы Алькаррии оканчивались крутыми обрывами высотой примерно 200 метров, преодолеть которые могли только горнопехотные подразделения, но с северо-восточного направления подъем был намного легче. Крестьяне, населявшие долину, сделали там ступенчатые террасы, на которых выращивали фрукты и овощи. В стенах террас были закреплены камни, по которым можно было идти почти как по лестнице.

Постепенно рассветало, и мы могли уже лучше ориентироваться на местности, но подъем проходил чрезвычайно

медленно и мучительно, особенно для тех, кто нес пулеметы. Каждая терраса — это было новое препятствие, для преодоления которого требовалось много ловкости и силы. Как-никак, советский пулемет «максим» вместе со станком и щитом весил около 65 килограммов. Кроме того, расчету приходилось нести две или три магазинные коробки с пулеметными лентами, каждая весом 10 килограммов. Задача весьма нелегкая для троих, если учитывать характер местности.

В половине пятого утра мы ворвались на позиции фашистов. Нам удалось застать их врасплох. В траншеях началась страшная суматоха. Мы уничтожили гранатами несколько долговременных оборонительных сооружений, прежде чем фашисты смогли организовать оборону. В траншеях шел в основном штыковой бой. Мы взяли первых пленных. В то время как мы продолжали продвигаться в направлении горы Пикарон, наша артиллерия открыла огонь по населенным пунктам Падилья-де-Ита и Миральрио. До тех пор пока мы прочно не овладели холмами Алькаррии, надо было воспрепятствовать тому, чтобы противник смог подтянуть резервы. В то время у нас не было возможности узнать, занял ли батальон Гейнца Шрамма назначенный ему район охранения или нет.

Внезапно нас атаковали крупные силы противника с направления Падилья-де-Ита. На нас наступали «рекете», отборные войска Франко, отлично вооруженные и, главное, значительно превосходившие нас по числу пулеметов. Впереди бежал офицер, высокий и крепкий испанец. В правой руке он держал пистолет, в левой — сверкающее распятие и, подбадривая своих солдат, быстро двигался прямо на нас.

Вокруг меня было пятнадцать или двадцать солдат нашей 2-й роты. Мы заняли оборону, но постепенно стало сказываться численное превосходство противника. Ни справа, ни слева не было видно наших. Позже мы узнали, что за полчаса до этого был получен приказ отходить, но до нас он, по-видимому, не дошел. Мы старались сдержать натиск фашистов, но силы были неравные. Нам пришлось медленно, метр за метром, отходить. Так мы оказались на небольшой площадке в скале, откуда начинался крутой спуск в долину. Нас оставалось десять или двенадцать человек, и боеприпасы были на исходе. У меня не было другого выхода, как приказать отойти, но находившиеся рядом со мной солдаты и ухом не повели. Спокойно, безо всякой спешки они продолжали вести огонь. Один боец возле меня заряжал, прицеливался и стрелял по приближающимся фашистам с таким спокойствием и хладнокровием, словно был в тире. Про-

тягивая руку к последним патронам, он сказал мне, причем в его голосе явно прозвучал упрек:

— Прежде чем уйти отсюда, я уложу еще парочку фашистов!

Да, эти бойцы были не только убежденными коммунистами и антифашистами, но и опытными солдатами. Многие из них воевали еще в годы первой мировой войны или сражались с оружием в руках против классового врага в революционное послевоенное время. Впервые в жизни я убедился на собственном опыте, чего стоят в бою выдержка и инициатива. Бойцы поодиночке уходили от противника, а оставшиеся товарищи прикрывали их отход огнем.

Круто обрывавшийся склон горы некоторое время служил нам защитой, и огонь противника сначала не очень беспокоил нас. Однако фашисты продолжали вовсю палить нам вслед. Чем ниже мы спускались к долине, тем гуще становился град пуль. Я увидел, как слева и справа от меня упали несколько бойцов. Двое других, как и я, пытались короткими перебежками и петляя выйти из-под огня противника. Нигде никакого укрытия. Мне все же удалось спрятаться за маленьким холмиком. До реки Бадиэль оставалось еще шестьдесят метров. Чтобы уйти от наблюдения противника, нужно было добраться до кустарника на противоположном берегу реки. Но стоило мне только шевельнуться, как они снова ударили из пулеметов. Я опять прижимался к земле, затем снова вскакивал, бежал, петляя и спотыкаясь, а в голове была только одна мысль: «Вот сейчас они тебя подстрелят! Это конец!» Я чувствовал себя затравленным зайцем, спасающимся бегством.

После четвертой или пятой перебежки мне все же удалось добраться до противоположного берега реки. Под прикрытием кустарника я вполз в небольшую расщелину в скале. Мне удалось уйти от фашистов. Без сил, в полном изнеможении лежал я, тяжело дыша. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем ко мне вернулась способность трезво размышлять. Где остальные бойцы? Где находится наша рота? Чтобы лучше видеть, я вылез из расщелины и стал внимательно рассматривать долину и противоположный крутой склон. Никого. Из своего укрытия я наблюдал, как над ущельем пронеслось несколько фашистских самолетов. Во время второго захода они сбросили бомбы. Над деревней Утанде поднялось черное облако дыма.

Первым, кого я встретил по возвращении в расположение подразделения, был Гейнц Присс. Он был родом из Гамбурга, из рабочей семьи, а в батальоне занимал тогда

должность начальника штаба. Когда меня ранили в последние дни боев под Брунете, он вместо меня стал комиссаром батальона.

Гейнц Присс был с нами до конца на скале, но во время спуска мы потеряли друг друга из виду. Я узнал от него, что батальон имени Эрнста Тельмана и наша рота отошли по приказу и организованно. Но до нас приказ не дошел.

Командир бригады в одном из специальных приказов особо отметил наши действия у деревни Утанде. Командир дивизии подполковник Ганс Кале издал приказ, в котором говорилось: «Во время боя за цепь гор Алькаррия, который сегодня провели подразделения 11-й Интернациональной бригады, бригада оказалась достойной своих славных традиций, проведя смелый и искусный маневр, ошеломивший противника, и захватила свыше ста военнопленных и большое количество оружия и снаряжения. Пользуясь случаем, я, как бывший командир 11-й бригады, не могу не поздравить всех командиров, комиссаров, офицеров, унтер-офицеров и рядовых бригады за их великолепную выдержку и большое мужество».

Невозможно было точно установить потери противника (предположительно — от 200 до 250 убитых). Мы захватили 130 военнопленных. Что же касается потерь нашей бригады, то товарищ Густав Шинда, который был тогда командиром 1-го батальона, писал в своих воспоминаниях, что мы потеряли 130 человек убитыми и ранеными.

В числе раненых из батальона имени Ганса Баймлера был командир роты товарищ Альберт Гесслер. Подробности ранения я узнал от него, когда летом 1938 года встретился с ним в госпитале близ Парижа. В ходе боя Альберт Гесслер решил взять в плен фашистского офицера. Когда он приказал ему сдаться, тот мгновенно выхватил пистолет и несколько раз выстрелил ему в живот. Тяжелораненого Гесслера вынесли с поля боя товарищи. Альберт Гесслер никогда не любил много о себе говорить и окончил свой короткий рассказ горьким признанием: «Я не подумал о том, что даже побежденный враг не перестает быть врагом. И мне дорого пришлось заплатить за эту науку».

Цель ночной атаки была достигнута лишь частично. Осталось невыясненным, как могло получиться, что нам пришлось столкнуться с гораздо более сильным противником, чем первоначально предполагалось. Некоторые товарищи утверждали, что атака проводилась как раз в то время, когда происходила смена батальона противника, и что нам с самого начала противостояли два фашистских батальона, а так

как бой затянулся на несколько часов, то у противника было достаточно времени перебросить сюда еще и третий батальон из Падилья-де-Ита. Вполне возможно, что все произошло именно так или примерно так, но сейчас вряд ли можно установить истинное положение вещей.

Высказывались и некоторые критические замечания. Так, товарищ Генрих Рау, комиссар бригады, в серии статей, опубликованных в бригадной газете, писал, например, что одно из существенных упущений состояло в том, что КП бригады находился в нескольких километрах от района боевых действий и связь с подразделениями осуществлялась только через связных; им приходилось преодолевать долгий и трудный путь, и поэтому многие приказы и донесения доставлялись в подразделения и на КП бригады с опозданием, когда они уже теряли смысл. Он отмечал также, что, поскольку не было ни связи по радио, ни телефонной связи, нельзя было обеспечить надлежащее управление артиллерийским огнем.

Однако эти недостатки никоим образом не умаляли доблести наших бойцов, их мужества и наступательного духа хотя бы потому, что многие из них, а также некоторые командиры и комиссары приняли под Утанде свой первый бой, выдержали испытание огнем. Некоторые подразделения были сформированы лишь накануне боя и не получили материальных средств, имевших большое значение для правильной оценки обстановки и управления боем. Достаточно вспомнить о наших картах: это были бледные фотокопии, на которых с трудом удавалось прочесть отметки высот. У командиров рот имелись лишь от руки набросанные карты-схемы, на которых были обозначены три-четыре наиболее важных пункта. Тем не менее мы нанесли противнику значительные потери благодаря массовому проявлению решительности и храбрости наших бойцов. Одним из таких был товарищ Гейнц Бартель, который со своим «максимом» прикрывал наш отход. Расстреляв все боеприпасы, он стал вести огонь из пулемета соседнего расчета. Затем он привел в негодность оба пулемета и отошел вслед за нами в долину. За мужество и образцовое выполнение воинского долга ему и еще четырем испанским бойцам капитан Шрамм объявил благодарность во время торжественного построения батальона вечером 10 июня в Трихуэке.

Наша бригада была лишь одной из многих в составе испанской Народной армии, и, конечно, бой под Утанде, если рассматривать его в масштабе всего фронта, имел, безусловно, лишь небольшое значение. Тем не менее, как нам

сообщил Генрих Рау, многие испанские газеты напечатали сообщения о бое под Утанде. С полным сознанием того, что наша бригада с честью провела этот трудный бой, нанеся при этом противнику ощутимые потери, мы готовились к предстоящим сражениям.

ВПЕРЕД! МЫ ПРОЙДЕМ!
(июнь 1937 г. — июнь 1938 г.)

Во второй половине июня все чаще стали появляться сообщения о том, что обстановка на северном фронте значительно обострилась. 19 июня 1937 года пал Бильбао, и войска Франко угрожали городу Сантандеру. Было совершенно очевидно, что планы фашистов состояли в том, чтобы целиком захватить богатые сырьем северные провинции Испании с их промышленными центрами. В этом особенно были заинтересованы германские и итальянские концерны, производящие оружие, поскольку возможность эксплуатировать богатые полезными ископаемыми северные районы Испании была одной из главных причин, по которой Гитлер и Муссолини оказывали Франко военную помощь.

К тому же определенную роль играло то обстоятельство, что фашисты надеялись путем быстрой и легкой победы на севере взять реванш за свои неоднократные неудачные попытки захватить Мадрид и за поражение под Гвадалахарой. Кроме того, необходимо учитывать и то, что северные провинции Испании — Астурия и Страна Басков — были отрезаны от центральной части республики, имели очень слабую ПВО и были лишены возможности получать подкрепления и пополнять запасы военного снаряжения, поскольку западные державы, проводя политику «невмешательства», препятствовали доставке военных грузов через Пиренеи и Бискайский залив.

В связи с этим угрожающим развитием событий на севере готовилось наше наступление. Было важно и необходимо разумно использовать время, повысить боеспособность рот путем целенаправленной боевой и политической подготовки. Политическую работу поэтому чаще всего мы проводили в ходе боевой подготовки и во время перерывов путем индивидуальных бесед и бесед с небольшими группами. Таким образом работали батальонные и ротные комиссары, а также политуполномоченные в отделениях и взводах.

Должность военного комиссара была введена декретом правительства Народного фронта от 15 октября 1936 года. В своем подразделении или части военный комиссар являлся политическим уполномоченным правительства Народного фронта, нес ответственность за политическое воспитание солдат и офицеров, должен был разъяснять им значение и цель борьбы Испанской республики и лично показывать пример образцового выполнения воинского долга.

Коммунистическая партия Испании придавала чрезвычайно большое значение работе военных комиссаров в подразделениях и частях испанской Народной армии. Об этом свидетельствуют слова товарища Долорес Ибаррури: «Комиссары — это политическая душа нашей армии. Они воодушевляют солдат на героизм, формируют их мировоззрение, укрепляют их веру и плечом к плечу с командирами всех степеней ведут к победе. В такой армии, как наша, нельзя обойтись без комиссаров, нельзя приуменьшать их значение».

У меня, в батальоне имени Ганса Баймлера, с моей точки зрения как комиссара, были в этом смысле хорошие условия, так как в состав батальона входило сравнительно много коммунистов. Только среди говорящих на немецком языке бойцов-интернационалистов нашего батальона примерно две трети были членами либо Коммунистической партии, либо Коммунистического союза молодежи. Они представляли большую силу, и это позволило за очень короткое время добиться успехов в боевой и политической подготовке.

Когда я недавно просматривал документы того времени, то среди прочих материалов нашел свою собственную характеристику, в которой испанские товарищи отмечали «большую политическую активность лейтенанта Рота». Кому же не приятно читать о себе такие лестные слова! Однако, говоря о политической активности, всегда нужно иметь в виду следующее: такая активность только тогда по-настоящему эффективна, когда опирается на солидные знания и практический опыт (как политический, так и жизненный).

В первые месяцы работы мне пришлось многому учиться, несмотря на то что в Москве я получил хорошие знания, да и в практической политической работе уже имел опыт. А это было не всегда просто, потому что в то время в испанской Народной армии не было таких занятий или курсов для политработников, которые сейчас в армиях социалистических стран уже давно являются чем-то само собой разумеющимся. Первые постоянные курсы по политподготовке командиров и комиссаров открылись лишь в августе 1937 го-

да в Беникасиме на Средиземноморском побережье Испании. А до того времени единственным наставником военных комиссаров испанской Народной армии была практика.

Приобретать опыт практической работы начали с обсуждения такого вопроса, как воинская дисциплина в ходе боевой подготовки и в бою. Среди немецких бойцов едва ли с кем надо было вести беседы и дискуссии о сущности милитаризма, о насаждении слепого повиновения в армиях капиталистических государств. Бойцы старшего поколения хорошо испытали это, что называется, на собственной шкуре, но теперь, столкнувшись с очень похожими, часто теми же самыми элементами воинской дисциплины, например с дисциплиной строя и правилами отдания воинской чести, они пытались отвергать это как проявление старого милитаристского духа в армии. Приходилось терпеливо и по-дружески вести разъяснительную работу, добиваясь понимания того факта, что дисциплина теперь имела совершенно другое политическое содержание, что офицер Народной армии, требующий соблюдения строгой дисциплины, вовсе не «придира», а представитель правительства Народного фронта.

У испанских бойцов эта проблема принимала совершенно иные формы. Большинство из них быстро научились повиноваться приказам начальников, но такими приказами и командами, как, например, «В укрытие!» или «Окопаться!», многие испанцы сознательно пренебрегали, считая, что выполнять подобные приказы — значит проявлять трусость, а это несовместимо с понятием чести.

Трудно сказать, какие культурные, исторические или социально-психологические корни имеет распространенное в Германии выражение «Он горд, как испанец», но неоспоримо одно: причину подобного отношения испанцев к опасности следует искать не только в том, что они плохо представляли себе эффективность оружия, например пулемета, рассчитанного на уничтожение значительных масс противника, но и в ярко выраженном чувстве национальной гордости и воинственности испанцев, что проявилось еще в их борьбе с арабами, а позже — с армией Наполеона.

Именно эту национальную гордость своих соотечественников затронула «Пассионария», выступая перед трудящимися Мадрида в октябре 1936 года, когда она произнесла пламенные слова: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Многие испанские товарищи восприняли этот призыв Долорес Ибаррури буквально. Им казалось постыдным зары-

ваться в землю под пулями противника. Лицом к лицу хотели они встретиться с ненавистным врагом, но в бою это часто приводило к бессмысленным жертвам. Потребовалось много настойчивости и усилий, чтобы убедить испанских товарищей в том, что тем самым они оказывают делу свободы плохую услугу.

А между тем Коммунистическая партия Испании и лично Долорес Ибаррури с самого начала совершенно четко говорили о том, что успешно противостоять врагу и победить его можно только тогда, когда хорошо освоишь оружие и овладеешь военным делом как наукой. Выступая в октябре 1936 года на одном из собраний Народного фронта в Мадриде, товарищ Долорес Ибаррури, например, говорила: «Врага нельзя победить одним только энтузиазмом, одной только верой в правоту своего дела. Война — это искусство и наука, которыми надо овладеть. Несмотря на героизм антифашистских бойцов, враг сумел нанести им несколько ударов именно потому, что не хватало им правильной организации, дисциплины и знания военного дела. Надо восполнить эти пробелы, иначе враг сможет пройти. Не пройдет, если будет у нас воля к победе. Это значит — воля к организации победы» [1].

Для многих республиканцев авторитет католической церкви был непререкаем. Как в период предыдущих классовых столкновений, так и теперь церковь выступала на стороне господствующего класса, класса эксплуататоров. К тому же церковь оказывала решающее воздействие на взгляды сельского населения Испании. Далеко не каждый крестьянин посещал школу, а если и посещал, то руководимую церковниками. Когда испанские товарищи видели в бою франкистского офицера, шедшего в атаку с распятием в руке, многие из них испытывали мучительные угрызения совести: можно ли стрелять в такого набожного христианина?

В беседах с испанскими товарищами мы разоблачали методы фашистских офицеров, которые стремились использовать набожность людей в своих, антинародных целях. В то же время мы сами уважали религиозные чувства испанцев и вскоре добились того, что даже самые верующие испанцы нашего батальона стали задумываться и верить нам, коммунистам. Все это составляло важнейшую часть политики Народного фронта, без осуществления которой нельзя было победить.

---

[1] Ибаррури Д. Речи и статьи. М., 1938, с. 36.

Во время войны многие священники покинули свои общины и бежали к Франко. В результате на передний план в деревне выдвинулся алькальд, или бургомистр, который раньше занимал подчиненное по отношению к священнику положение. В своих руках он сосредоточил не только административную власть бургомистра, но и судебную, в частности, получил право регистрировать браки. Без его «благословения» даже самых пылких деревенских красавиц можно было склонить лишь на невинный флирт.

Один солдат из нашего батальона по уши влюбился в юную испанку из Трихуэке. Казалось, и она пылала страстью. «Но сначала тебе придется пойти со мной к алькальду», — заявила она с томным видом. Быть может, для них обоих было лучше, что через несколько дней мы навсегда покинули Трихуэке.

Чем больше мы узнавали привычки, обычаи и нравы испанского народа, его историю, тем лучше шла политическая работа. Однако одних этих знаний было недостаточно, необходимы были терпение, чуткость и понимание.

Опыт совместной работы с людьми других убеждений, в частности с социал-демократами, который я приобрел в конце 1934 года, теперь пригодился мне как нельзя лучше, тем более что и в нашем батальоне были члены Социал-демократической партии Германии и Союза социалистической молодежи. Некоторые взгляды и мнения, ставшие в Мангейме предметом бесконечных дебатов и споров, в армейских условиях утратили свое значение. Так, например, нам перестали задавать вопрос, верят ли сами коммунисты в то, о чем они говорят. Готовность солдат-коммунистов прийти на помощь товарищу, их личный пример в бою быстро заставили многих социал-демократов расстаться со своими предубеждениями. Мы стояли в одном строю, сражались с общим врагом. Это сплачивало нас, коммунистов, и социал-демократов, верующих и беспартийных. Здесь, на земле Испании, возникла частица Народного фронта Германии, выкованная в борьбе с армиями Франко, Гитлера и Муссолини.

К тому времени к моим постоянным обязанностям батальонного комиссара прибавились новые. Один из важных выводов, который мы сделали после вылазки под Утанде, состоял в том, чтобы как можно быстрее поднять уровень подготовки командиров отделений. В бою многое зависело от их знания военного дела, от осмотрительности и умения принимать решения. Однако почти все они имели ту же военную подготовку, что и их подчиненные. Мы ввели в батальонах учебные курсы для командиров отделений, на которых

занималось примерно 50 человек от каждого батальона. Программа обучения была рассчитана на десять вечерних занятий и должна была завершиться к концу июня.

Мне было поручено вести темы «Умей владеть винтовкой» и «Теория стрельбы», при отработке которых изучались устройство, тактико-технические данные и боевое применение винтовки, тактические принципы ведения одиночного и залпового огня и специальный раздел для снайперов.

Особенность нашего положения состояла в том, что в бригаде не было единого оружия: имелись старые образцы английского и французского производства и новые советские снайперские винтовки. Каждый образец оружия отличался своими тактико-техническими характеристиками, и поэтому мы изучали все виды в отдельности. Инструкторам приходилось очень тщательно готовиться к занятиям.

В конце июня мне случалось работать допоздна: Гейнца Шрамма некоторое время не было в части, и я временно исполнял обязанности командира. И вот в этот период со мной произошла одна история, которая могла бы закончиться очень плохо для меня. Она послужила мне хорошим уроком, хотя и не была лишена комизма. Я понял, что начальник, развивая у своих подчиненных инициативу, всегда должен направлять ее в нужное русло. Существует правило: «Вникай во все лично и не забывай о контроле». А вот об этом-то я как раз и забыл.

У нас в батальоне был старенький испанский легковой автомобиль. Мы по мере надобности использовали его то как штабную, то как грузовую машину. Особенно он нам пригодился в Трихуэке, так как мы находились в восьми — двенадцати километрах от штаба бригады и других батальонов. Однажды утром ко мне пришел водитель и заявил, что автомобиль пора свезти на свалку: чего только он не испробовал в то утро, но все бесполезно! В этом не было ничего удивительного, так как автомобилю порядочно досталось еще во время боев под Гвадалахарой и он почти весь состоял из заплат и скрепленных проволокой частей. Я согласился с предложением водителя, когда тот вызвался поехать в Мадрид или Валенсию (куда именно, не помню) и заменить автомобиль. На третий день утром водитель доложил о своем возвращении. На мой вопрос, все ли удалось сделать, водитель со смущенным видом промямлил что-то невразумительное, а потом под моим нажимом сообщил, что нам выдали почти новенький автомобиль, но прошлой ночью его по приказу командира дивизии забрали два офицера.

В это время связной из штаба бригады передал мне приказ немедленно прибыть в Ториху к командиру дивизии. Хотя 11-я бригада составляла резерв корпуса, она по-прежнему подчинялась командиру 17-й дивизии, бывшему командиру нашей бригады подполковнику Кале. Окончив кадетское училище, Ганс Кале в звании лейтенанта королевской прусской армии принимал участие в первой мировой войне. По возвращении из французского плена он стал журналистом, а вскоре связал свою судьбу с рабочим классом и в 1928 году стал членом Коммунистической партии Германии. В 1933 году товарищ Кале эмигрировал во Францию, где работал в организации «Красная помощь», а осенью 1936 года добровольцем уехал в Испанию.

Ганс Кале завоевал большой авторитет, командуя сначала батальоном имени Эдгара Андре во время обороны Мадрида в октябре — ноябре 1936 года, а затем и 11-й Интернациональной бригадой. Близко его знавшие товарищи отзывались о нем с величайшим уважением и ценили его как коммуниста и командира. Он с большой чуткостью и вниманием относился к солдатам и в тяжелую минуту всегда был впереди, чтобы на месте лично оценить обстановку и помочь товарищам. Все это было мне известно, и все же я ехал в Ториху со смешанным чувством.

Ганс Кале спросил, какое задание я дал водителю, а затем сообщил мне, что упомянутый водителем автомобиль был украден у... Долорес Ибаррури. Я не верил своим ушам и готов был провалиться сквозь землю. Затем командир дивизии добавил, что автомобиль давно возвращен, но это не смягчает тяжести моей вины, и мне придется держать ответ перед военным судом. Было бесполезно оправдываться. Неоспоримо было то, что из-за чрезмерной доверчивости я невольно стал соучастником происшествия. На следующий день выяснилось, что автомобиль не был украден водителем, что это дело рук банды воров и мошенников. По всей видимости, это обстоятельство и послужило причиной того, что Ганс Кале решил закрыть это дело, ограничившись внушением. А может быть, и Долорес Ибаррури замолвила за нас словечко.

Через несколько дней после этой благополучно завершившейся истории наша бригада была приведена в состояние повышенной боевой готовности. Стало известно, что нам предстоит участвовать в боевой операции. По указанию комиссара бригады мы провели 2 июля батальонное собрание и приняли резолюцию, полный текст которой мне хотелось бы привести, чтобы читатель получил представление о мыслях

ния.

«11-я бригада,
2-й батальон имени Ганса Баймлера
Комиссару 11-й бригады

Резолюция

Единогласно принята на батальонном собрании 2 июля 1937 года. Состоявшееся сегодня батальонное собрание было посвящено вопросу о необходимости предпринять наступательные действия против фашистов.

Мы знаем, что победим. Для этого имеются все предпосылки. У нас есть танки, самолеты и другая техника в большом количестве. Народ решительно поддерживает правительство Народного фронта. В наступлении еще больше укрепится международная солидарность. Мы, солдаты и офицеры 2-го батальона, готовы принести в жертву все, даже жизнь, ради Республики, ради свободы и независимости испанского народа. Мы обещаем поддерживать железную дисциплину, быстро и точно выполнять все приказы, хранить верность своему военному командованию и быть готовыми пожертвовать жизнью ради спасения командиров. Мы просим командование бригады сделать все, чтобы предоставить нам возможность участвовать в наступлении.

Все для наступления!
Все для победы над фашизмом!

Район расположения 2-го батальона,
2 июля 1937 года.

Комиссар Гейнц».

В тот же день мы покинули Трихуэке. 11-я бригада разбила полевой лагерь всего лишь в нескольких километрах к юго-западу от прежнего места расположения, рядом с дорогой Торижа — Вальденочес. Через три дня, 5 июля, мы получили новый приказ на марш и на грузовых автомобилях через Гвадалахару доехали до северной окраины Мадрида, откуда повернули на северо-запад в направлении Сьерра-де-Гвадаррама. По обе стороны дороги росли худосочные пробковые дубы. Эту местность кастильцы называли «пестрым лесом». Голые серо-желтые холмы сменялись скудными лугами, огороженными низкими каменными заборами, кое-где попадались валуны. Наконец перед нами появился расположенный на горном выступе Эскориал, тот самый знаменитый замок,

который на протяжении многих столетий служил летней резиденцией испанских королей.

Когда едешь на фронт и каждую минуту ожидаешь встречи с противником, то не до красот природы. В тот день Эскориал запечатлелся в моей памяти лишь как огромное прямоугольное сооружение из серого гранита с величественным куполом в центре и четырьмя угловыми башнями, окруженное садами и террасами. Спустя три недели после ранения я на несколько дней нашел прибежище в Эскориале, но даже и тогда мне не удалось поближе познакомиться со старинным замком, с его богатейшей картинной галереей и знаменитой библиотекой, в которой насчитывалось свыше 4 тысяч древних испанских и арабских рукописей.

Мы заняли запасные позиции в нескольких километрах к юго-востоку от Эскориала, на дороге в Вальдеморильо. В тот же день 11-я бригада вышла из состава 17-й дивизии и была включена в состав 35-й дивизии под командованием генерала Вальтера. Через два дня, утром 7 июля, мы предприняли марш в направлении Брунете и к полудню заняли позиции неподалеку от этой деревни [1].

Наше наступление началось в ночь на 6 июля. Цель этого самого крупного до той поры наступления испанской Народной армии состояла в том, чтобы нанести сокрушительный удар по фашистским войскам на центральном фронте, все еще угрожавшим Мадриду с запада и юго-запада, и одновременно заставить Франко снять крупные силы с северного фронта и перебросить их на центральный. Таким образом можно было бы облегчить положение на северном фронте, отрезанном от основной части республики, перегруппировать его сравнительно слабые силы и организовать отпор фашистским войскам, которые рвались к Сантандеру.

На первом этапе наступления командир 5-го армейского корпуса генерал Хуан Модесто и командир 18-го армейского корпуса полковник Хурадо получили задачу в ночь на 6 июля внезапным ударом прорвать фронт противника к северо-западу от Мадрида на участке Навалагамелья — Вильянуэва-дель-Пардильо шириной примерно 12—15 километров.

---

[1] Так как я в то время был только комиссаром батальона, то, разумеется, не могу дать полную картину сражения под Брунете. В качестве дополнительной информации о боевых действиях 11-й бригады во время сражения под Брунете я помещаю приложение, содержащее выдержки из журнала боевых действий командира 35-й дивизии генерала Кароля Сверчевского — Вальтера, составленного им самим на основе собственных наблюдений и записей офицеров штаба дивизии.

5-й армейский корпус, во втором эшелоне которого действовала в начале наступления наша 35-я дивизия, должен был наступать через населенные пункты Кихорна и Брунете, выйти в район севернее Севилья-ла-Нуэва и, выделив часть сил для обеспечения правого фланга ударной группировки, главными силами продвинуться в восточном направлении, форсировать реку Гвадаррама и овладеть Вильявисьоса-де-Одон. 18-му армейскому корпусу была поставлена задача: форсировав реку Гвадаррама, наступать восточнее 5-го армейского корпуса до рубежа Москито — Романильос. Таким образом планировалось перерезать пути снабжения фашистских войск, осаждавших Мадрид, а тем временем 2-й армейский корпус, развивая наступление из района Вильяверде в направлении Боадилья-дель-Монте — Алькоркон, должен был замкнуть кольцо окружения вокруг войск противника на центральном фронте. В центре направления главного удара находилась деревня Брунете. По имени этой деревни вся операция Народной армии стала позднее называться Брунетской.

Когда мы 7 июля около полудня заняли позиции в районе Брунете, наши передовые части продвинулись на 11—12 километров. Утром 6 июля 11-я дивизия под командованием генерала Листера овладела деревней Брунете, а затем, частью сил форсировав Гвадарраму, к вечеру того же дня захватила значительный участок на восточном берегу реки. Но противник еще оказывал ожесточенное сопротивление в районах Вильянуэва-дель-Пардильо, Вильяфранка-дель-Кастильо, а также на подступах к Кихорне. Необходимо было быстро ликвидировать эти очаги сопротивления на обоих флангах нашего прорыва. В противном случае возникала опасность, что противник нанесет с востока и запада фланговые удары по нашим главным силам и окружит их.

Гейнц Шрамм был ранен и передал мне командование батальоном. Во второй половине дня я узнал в штабе бригады, что наши 1-й и 3-й батальоны придаются дивизии генерала Листера. В последующую ночь ему временно был передан также и 4-й батальон. Таким образом, у командира 11-й бригады к началу боя остался только батальон имени Ганса Баймлера.

Вскоре после полудня 8 июля я получил приказ занять с батальоном выжидательную позицию южнее Кихорны и подготовиться к атаке на этот населенный пункт. В приказе командира бригады от 8 июля (время подписания приказа 13.50) 11-й бригаде ставилась задача: в 16.00 атаковать деревню Кихорна с юга и юго-запада.

В приказе говорилось:

«Штабу, 2-му и 4-му батальонам, разведроте и истребительно-противотанковой батарее к 15.00 занять исходные районы в полутора километрах к югу от Кихорны. Во время артиллерийской и авиационной подготовки выйти на исходные рубежи для атаки в 300 метрах от переднего края обороны противника.

Противник занимает позиции на кладбище в 300—400 метрах южнее Кихорны; окопы отрыты от кладбища до западной окраины деревни. Атака будет поддержана танками: каждый батальон получит по 5 танков.

Согласовать с командирами танковых подразделений все вопросы взаимодействия, чтобы обеспечить максимально быстрое и решительное продвижение танков и пехоты. Два санитарных автомобиля будут находиться в лощине, где в настоящее время находятся КП бригады и 2-й батальон».

Одновременно Кихорну должны были атаковать части одной испанской дивизии с северного и северо-западного направлений.

Бодо Узе, служивший в 11-й бригаде, позже написал в своем романе «Лейтенант Бертрам»: «В этой стране всегда приходилось сражаться за кладбища. В бою за каждую деревню нам приходилось отдельно платить кровавую дань кладбищу. Прибежища усопших, которые превращались в поле битвы для живых, всегда располагались на возвышении, на склонах холмов, бдительно, как часовые, охраняя деревни, и были окружены прочными каменными оградами. Их невозможно было обойти».

Так же обстояло дело и под Кихорной. Именно по этой причине 11-я дивизия за два дня до этого обошла Кихорну, чтобы не снижать темпа наступления. Солнце палило нещадно. Мы расположились в лощине, не просматриваемой со стороны противника. 4-й батальон, который должен был атаковать справа от нас, еще не прибыл. Вероятно, именно поэтому время начала атаки дважды переносилось. В 17.45 наша артиллерия провела короткую огневую подготовку. И мы двинулись в атаку. Но как только мы вышли из укрытий, на нас обрушился убийственный шквал огня. Наши танки быстро ушли вперед. Пехота, однако, продвигалась медленнее. Так как местность была совершенно открытой, а мы не могли следовать непосредственно за танками, поскольку те двигались слишком быстро, то снайперы противника могли расстреливать нас на выбор. На левом фланге несколько бойцов приблизились к кладбищенской ограде. Фашисты заметили

их и забросали гранатами. Я собрался выяснить, почему на правом фланге нет продвижения, но вдруг почувствовал страшный удар. Глаза залило кровью. «Вот и конец», — мелькнула мысль. Несколько товарищей пробежали мимо, посчитав меня убитым, и были поражены, когда вскоре после боя увидели меня живым и почти невредимым. Рана внешне выглядела более опасной, чем была на самом деле: множество крошечных осколков попали мне в лицо и застряли под кожей. Врач батальона извлек их пинцетом. Впрочем, я был немало удивлен, когда спустя 40 лет мне попала в руки книга, в которой черным по белому описывался эпизод моего «тяжелого» ранения под Кихорной. Я наткнулся на него в первом полном издании книги Вилли Бределя «История 11-й Интернациональной бригады», которую мне в конце 1977 года прислала товарищ Май Бредель. Вероятно, так рассказали писателю историю моего ранения.

Наша первая атака на Кихорну закончилась неудачей. Понеся большие потери, мы были вынуждены отойти. В ходе атаки мы установили, что позиции на кладбище оборонялись марокканцами, которых побаивались, так как они отличались стойкостью и выносливостью в бою, а также жестокостью по отношению к военнопленным.

Для многих испанцев слово «лос морос» (мавры) стало символом ужаса после нескольких колониальных войн, которые монархическая Испания в борьбе за экономическое и политическое влияние вела в Испанском Марокко и в ходе которых неоднократно терпела жесточайшие поражения. После разгрома войск рифов под предводительством Абд-эль-Керима в мае 1926 года часть его солдат поступила на службу к французам и испанцам. Это были те самые марокканские войска, с которыми генерал Франко 17 и 18 июля поднял мятеж против республики в Тетуане и других гарнизонах Испанского Марокко и в конце июля 1936 года высадился на юге Испании.

Этнографически мавры были потомками арабов и берберов, изгнанных из Испании во время реконкисты. Многие из них ненавидели испанцев и хотели отомстить за все те притеснения, которым подвергались их предки и они сами. Во время гражданской войны франкистская пропаганда использовала подобные настроения марокканцев, извращая исторические факты и внушая своим марокканским наемникам, что они воюют против той Испании, которая принесла им и их предкам столько позора и страданий; сразу же после победы им разрешат вместе с семьями поселиться в Испании — так лицемерно обещали им франкисты.

Немецкие рабочие с большой симпатией относились к освободительной борьбе марокканцев под предводительством Абд-эль-Керима. Товарищи из мангеймской группы Коммунистического союза молодежи Германии еще раньше рассказывали мне, как они в 1925 году вместе с молодыми коммунистами из Людвигсхафена расклеивали антивоенные плакаты в оккупированном французами Пфальце, разбрасывали листовки и призывали французских солдат не стрелять в марокканцев и положить конец колониальной войне. Несколько молодых коммунистов из Мангейма были за это зверски избиты французской военной полицией и приговорены французским военным судом в Майнце к тюремному заключению.

Сегодня против нас выступали марокканские солдаты, которых ввели в заблуждение испанские фашисты, и это трагическое стечение исторических обстоятельств вновь подтверждало ту истину, что тот, кто дает империалистам запрячь себя в колесницу их агрессивной политики, всегда в конечном счете действует вопреки своим жизненным интересам.

Но наша атака не удалась, и мне было тогда не до рассуждений. Теперь все зависело от того, насколько быстро подойдет 4-й батальон, а 46-я дивизия начнет наступать с севера, в противном случае наша повторная атака на кладбище имела бы еще меньше шансов на успех.

Около 20.00 мы услышали позади себя шум моторов. Это нам в поддержку прибыли пять легких советских танков Т-26 (экипаж каждого танка состоял из трех человек: танк был вооружен 45-мм пушкой, спаренной с пулеметом). На первом танке сидел испанец, а рядом с ним высокий худощавый немец в очках. Это был майор Людвиг Ренн, начальник штаба нашей бригады. Командиром одного танка был товарищ Генрих Дольветцель, ставший впоследствии генералом Национальной народной армии ГДР. Товарищ Ренн прошел со мной к месторасположению нашего батальона. Я показал ему кладбищенскую ограду и объяснил, где находятся позиции противника. Деревня Кихорна не просматривалась с того места: она располагалась по другую сторону возвышавшегося над ней кладбища. Я обратил внимание начальника штаба на то, что мы находимся в секторе обстрела противника, но он, улыбаясь, махнул рукой:

— Ну и что? Мы оба слишком тощие для того, чтобы служить хорошей мишенью!

Майор Ренн дал указания танкистам, а мне приказал наступать под прикрытием танков, которые своим огнем должны были сковать противника. В 20.15 танки вышли из лощины и на большой скорости устремились вперед. Я подал

сигнал к атаке, но смертоносный огонь пехотного оружия противника снова прижал нас к земле. Мы пытались найти укрытие за каждым камнем, в каждой складке местности. В этот раз наступавшим на правом фланге бойцам удалось вплотную приблизиться к кладбищенской ограде, но наша атака с фронта и на левом фланге опять захлебнулась.

По непонятной для меня причине наши танки, описав перед самым кладбищем широкую дугу, повернули назад. Как и во время первой атаки, нам не удалось наладить с ними взаимодействие. До того времени у нас не было возможности отработать вопросы взаимодействия пехоты с танками, а то, что солдат не усвоил в ходе боевой подготовки, поздно постигать в бою. Мы снова понесли тяжелые потери. Наконец Ренн приказал мне прекратить атаку и отвести батальон на исходные рубежи. Уже стало смеркаться. Ночь мы провели, укрывшись в лощине.

Как и все мы, Людвиг Ренн был в подавленном настроении, но тем не менее я не услышал от него ни слова упрека. Он еще раз коротко объяснил мне, почему так важно овладеть Кихорной для дальнейшего развития наступления. Уже стемнело, когда он ушел от нас. В заключение он сказал, что утром мы должны быть готовы к новой атаке, и обещал лично проследить за тем, чтобы 4-й батальон, предназначенный для нашей поддержки, прибыл в ту же ночь. Встреча с Людвигом Ренном в тот вечер произвела на меня большое впечатление. Деловитый, рассудительный боевой командир, он к тому же умел понимать людей и сам излучал душевную теплоту. Все, что говорил Ренн, было тщательно взвешено и шло от чистого сердца. Один французский товарищ, близко знавший его, позже скажет о нем: «Товарищ Людвиг — это рыцарь без страха и упрека».

Людвиг Ренн (его настоящее имя Арнольд Фит фон Гольсенау) был выходцем из саксонской аристократической семьи, принимал участие в качестве боевого офицера в первой мировой войне, в конце 20-х годов порвал со своим классом и стал членом КПГ. Прежде всего, он считал себя коммунистом и жил согласно своим убеждениям, сражаясь за справедливость, общественный прогресс, гуманизм и социализм.

Когда в начале 1977 года в Красной ратуше в Берлине состоялся коллоквиум на тему «Социалистические вооруженные силы и социалистическое реалистическое искусство и литература», он писал: «Нет ничего страшнее солдата по ремеслу, которому нет никакого дела ни до всей остальной жизни, ни до искусства. Но не менее страшен художник, замкнутый в своем искусстве, которому также нет дела до

всей остальной жизни, который не желает понять армейскую жизнь и ратный труд».

Вскоре после ухода майора Ренна меня вызвали к командиру дивизии генералу Вальтеру. Генерал Вальтер (настоящее имя Кароль Сверчевский) был родом из Польши и имел репутацию опытного командира. Двадцатилетним юношей он принимал участие в Великой Октябрьской социалистической революции, был красногвардейцем и солдатом Красной Армии, а в 1927 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Осенью 1936 года он приехал в Испанию, где сначала был командиром 14-й Интернациональной бригады, а теперь командовал 35-й дивизией.

До встречи с ним я часто слышал, что генерал у всех пользуется большим авторитетом. Говорили, что у него светлая голова и что он владеет несколькими иностранными языками. Некоторые считали, что ему пальца в рот не клади и что он был непреклонен, когда речь шла о выполнении его приказов.

Я начал свой доклад, но он не дал мне закончить. Грохнув кулаком по столу, генерал, наливаясь кровью, заорал по-русски:

— Сукин сын, почему не взяли Кихорну?

Хотя форма обращения, надо прямо сказать, была не совсем лестной, но ее можно было и не принимать близко к сердцу, а вот вопрос, заданный мне, был отнюдь не из легких. Я кратко описал, как проходили обе атаки, сообщил данные о потерях и в заключение высказал мнение, что у нас с самого начала было недостаточно сил. Для проведения третьей атаки нам непременно нужны были подкрепления и более мощная огневая поддержка.

Только теперь я заметил, что в комнате находился кто-то еще. Какой-то широкоплечий офицер молча слушал наш разговор, а затем обратился к генералу Вальтеру. Я понял не все из того, что он быстро говорил по-русски, но уловил, что этот офицер хорошо знал обстановку под Кихорной и советовал возбужденному командиру дивизии дать нам подкрепления.

— Своими силами батальон не сможет взять кладбище,— сказал он.

Генерал Вальтер задумался и указал мне на стул:

— Ну ладно. Садись!

Он налил в стакан водки, пододвинул его ко мне и продолжал по-немецки:

— Вот, выпей. Говори, что тебе нужно. Завтра утром пойдешь в атаку. Листер пришлет вам четвертый батальон.

Получите шесть танков, артиллерийскую и авиационную поддержку. До двенадцати часов доложишь мне, что Кихорна взята. Иначе лучше не показывайся мне на глаза.

Сверчевский порылся в карманах брюк и, вытащив початую пачку сигарет, протянул ее мне:

— Бери! А завтра дай как следует прикурить фашистам.

Таким Кароль Сверчевский остался в моей памяти. Жесткий и требовательный командир, который, однако, хорошо понимал душу солдат и знал, как трудно им приходится. Насколько он был неумолим в критике каждой ошибки и каждого недостатка, настолько высоко ценил он успехи бойцов Интернациональных бригад. Об этом свидетельствует, в числе прочих фактов, его оценка 11-й Интернациональной бригады как «одной из самых стойких, надежных и боеспособных частей, состоящей из великолепных и дисциплинированных бойцов, которые своими решительными действиями во время войны в Испании и проявленным в боях героизмом продемонстрировали свою преданность делу борьбы против фашизма».

На другой день я узнал, что тот офицер, который поддержал перед генералом мою просьбу о присылке подкреплений, был советским военным советником, находившимся во время наступления в частях 5-го армейского корпуса. Это был Родион Яковлевич Малиновский, впоследствии Маршал и дважды Герой Советского Союза, который в годы Великой Отечественной войны командовал армиями и фронтами и добился больших заслуг на посту Министра обороны СССР в 1957—1967 годах.

9 июля в 7.45 началась артподготовка, а с воздуха Кихорну бомбили три самолета. Спустя пять минут мы двинулись в атаку: на левом фланге наступал 4-й батальон. Противник сознавал, насколько большой была ставка в этом бою, и на этот раз пустил в ход минометы. Но мы продолжали быстро продвигаться вперед. 2-я рота нашего батальона ворвалась на позиции противника — на территорию кладбища. Я увидел, как некоторые марокканцы стали покидать свои позиции. На левом фланге одна рота 4-го батальона вплотную подошла к находившемуся пониже кладбища населенному пункту. Огонь противника стал ослабевать. К десяти часам все было кончено. Мы спустились в деревню. Она представляла собой сплошные руины. Нигде никакого сопротивления. Кихорна была взята, но какой дорогой ценой!

В полдень связной передал мне приказ прибыть в штаб бригады к комиссару. Штаб по-прежнему находился возле Брунете. Я нашел Генриха Рау в укрытии, где палатка слу-

жила крышей. Товарищ Рау выслушал мой доклад о взятии Кихорны и поинтересовался состоянием дел в батальоне, делая при этом какие-то пометки в блокноте. Он лично знал многих людей в батальоне и стал меня расспрашивать о некоторых из них. Под конец он сказал:

— Теперь подкрепись и хорошенько выспись! Завтра утром будь у меня, а потом отправишься к себе в батальон.

Еще до моей встречи с ним мы получили приказ сразу же после взятия Кихорны приступить к оборудованию новых позиций, так как учитывалась возможность контратаки противника. Я сообщил об этом комиссару и стал доказывать, что мне некогда отсыпаться и что у меня дела на передовой. Генрих Рау отмел все мои возражения.

— Ты меня понял? Это приказ! Я уже дал указания товарищу Рихарду.

Я вынужден был подчиниться. Спал как убитый после огромного напряжения в течение последних суток.

Утром следующего дня я возвратился в батальон. По дороге раздумывал о последних событиях. Генрих Рау лично преподал мне еще один урок, показав, что главным объектом ответственности и заботы начальников, а тем более комиссаров, являются люди. Он был старше и опытнее меня и каждую боевую задачу рассматривал с точки зрения тех высоких требований, которые он должен будет предъявить к людям, своим солдатам. И делал это он всегда с тактом, учитывая психологию людей. В этом он намного превосходил нас, молодых коммунистов, и мы безоговорочно признавали его авторитет и учились у него.

В последующие дни мы занимали позиции юго-восточнее Кихорны. Нам была поставлена задача оборудовать запасную позицию. Помню, что в нашем батальоне из строя выбыли все ротные комиссары, да и в других батальонах в ходе последних боев имелись большие потери. Из сохранившихся документов по управлению видно, что к 11 июля 11-я бригада потеряла 101 человека убитыми, 296 ранеными и 35 пропавшими без вести.

Под палящими лучами солнца — а к полудню это пекло становилось невыносимым — мы оборудовали наши позиции. Лопата стала таким же важным оружием, как и винтовка. Нам приходилось работать посменно, так как не хватало шанцевого инструмента.

По различного рода признакам, противник оправился от первого потрясения, полученного им в ходе нашего наступления, и перегруппировывал силы. Это отвечало замыслам Народного фронта, который стремился вынудить фашистов

ослабить давление на отрезанные от республики северные провинции или, по меньшей мере, выиграть время. Мы же должны были готовиться отразить контрнаступление фашистов. Согласно разведывательным данным, на правом фланге участка нашего прорыва — в районе Навалагамелья и дальше на юг вдоль рекиOuntainOuntain Peralis — происходило сосредоточение крупных сил Франко, поэтому штаб бригады постоянно контролировал ход работ по оборудованию позиций. Командиры и комиссары получали самые суровые дисциплинарные взыскания даже за малейшую небрежность их подчиненных.

На левом фланге участка прорыва республиканские войска 10 июля захватили Вильянуэва-дель-Пардильо. Мы овладели также Вильяфранка-дель-Кастильо, но в тот же день вынуждены были оставить деревню. До нас доходили известия, что постепенно усиливается сопротивление противника в районе Романильос и Москито, где наступление вели 13-я и 14-я Интернациональные бригады.

Таким образом, нам не удалось замкнуть кольцо окружения вокруг фашистских войск, осаждавших Мадрид. Офицеры из штаба бригады сообщили, что 2-й армейский корпус 7 июля предпринял наступление в районе Вильяверде и продвинулся до Толедского шоссе, но затем вынужден был оставить эту территорию. Порыв, с которым республиканские войска начали наступление с 5 на 6 июля, стал ослабевать. Вместо наступления все чаще и чаще приходилось переходить к обороне.

Вечером 17 июля 11-я Интернациональная бригада получила приказ во взаимодействии со 108-й бригадой овладеть высотой 610 южнее Кихорны. Высота, которую уже дважды за неделю до этого безуспешно пытались взять подразделения вышеназванных бригад, имела форму полумесяца, и поэтому мы дали ей название «лунная высота». В этот раз главный удар должен был нанести батальон имени Эдгара Андре, правый фланг которого обеспечивал батальон имени 12 февраля. На левом фланге батальона должен был действовать батальон имени Эрнста Тельмана, соседом которого слева была 108-я бригада. Наш батальон находился в резерве и занимал исходное положение в овраге АрройоOuntain Peralis.

Атака должна была начаться в 18.00 после получасовой артиллерийской подготовки, но, когда подразделения стали занимать исходные позиции, противник повел по ним мощный огонь. Еще до начала атаки мы понесли большие потери и на исходные позиции вышли с опозданием. Правым флангом батальон имени Эдгара Андре подошел к траншеям про-

тивника на 200 метров, а его левофланговая рота залегла под огнем, после чего она была усилена нашим батальоном. Противник вел такой сильный огонь, что нам не удалось до наступления темноты прорваться на его позиции. Когда стало почти невозможно ориентироваться в наступившей темноте, мы получили приказ отойти. Мы снова понесли большие потери. Высота 610 осталась в руках противника.

С этого дня начало возрастать материально-техническое превосходство противника как на земле, так и в воздухе. В первые дни наступления республиканские военно-воздушные силы явно господствовали в воздухе, но затем все больше стало сказываться численное превосходство фашистов. Немецкие бомбардировщики «Хейнкель-111» и «Юнкерс-87», а также использовавшиеся в качестве бомбардировщиков самолеты «Юнкерс-52» легиона «Кондор» бомбили позиции наших войск и пути подвоза снабжения не только днем, но и ночью. Так как у нас было мало зенитной артиллерии, мы для борьбы с авиацией противника использовали пулеметы «максим», и нам даже удалось сбить несколько фашистских самолетов. Но это, конечно, не отразилось на превосходстве противника в воздухе.

В этой обстановке командование республиканских военно-воздушных сил решило найти способ борьбы с фашистскими бомбардировщиками в ночное время. Это было новшеством в истории воздушной войны. Советские истребители — бипланы И-15, которые испанцы называли «чато» (курносые), не были приспособлены для ведения ночного боя. Тем не менее двум советским пилотам — Якушину и Серову (в Испании они сражались под именами Карлос Кастехон и Родриго Матео) удалось на своих И-15 в ночном бою сбить по фашистскому бомбардировщику.

Скудная растительность к северо-западу от Мадрида создавала много трудностей. Во-первых, очень трудно было маскироваться. В немногочисленных оливковых рощах и под одиночными пробковыми дубами с трудом можно было укрыть от наблюдения противника даже санитарные машины. Во-вторых, мы нигде не могли найти тени. От раскаленного июльского солнца не было спасения. Многие из нас ходили лишь в трусах и касках. Не хватало питьевой воды, а когда она и была, то, постояв на солнце несколько часов, становилась не слишком аппетитной. Часто ее доставляли на позиции только ночью. Люди получали солнечные удары, были случаи кишечных заболеваний. Но все это не сломило наш боевой дух.

Утром 24 июля фашисты обрушили на наши позиции мощный артиллерийский огонь. В 6.30 нас атаковали фашистские самолеты, сбрасывая бомбы и обстреливая из бортового оружия. Но главный объект фашистского огневого налета находился, по-видимому, левее, в направлении Брунете. Там размещалась дивизия генерала Листера. Все это свидетельствовало о наступлении противника. Я находился в траншеях одной из рот своего батальона, когда кто-то внезапно закричал:

— Сзади фашисты. Мы отрезаны!

Для ясности необходимо сказать, что местность, на которой происходило сражение под Брунете, была изрезана многочисленными ручьями и лощинами, которые почти все тянулись с севера на юг. В системах наших траншей имелись большие бреши. Иногда мы оставляли лощины без прикрытия, выставляя в случае необходимости боевое охранение. Как раз на правом фланге нашего батальона такая лощина пересекала под прямым углом наши позиции и служила разграничительной линией с батальоном имени Эдгара Андре. Воспользовавшись этой лощиной, фашисты смогли скрытно выйти нам в тыл. Если бы противнику удалось подтянуть подкрепления, то это создало бы для нас и соседнего батальона серьезную угрозу. Надо было немедленно уничтожить просочившегося противника и ликвидировать опасную брешь.

Но, казалось, фашисты предусмотрели наше намерение и отвечали мощным огнем из пехотного оружия на все попытки блокировать участок вклинения и восстановить связь с соседним батальоном. Всем нам было ясно, что попытка преодолеть лощину означала игру со смертью. Некоторые вообще считали, что осуществить это в дневное время невозможно.

Я собрал всех коммунистов роты. Мы решили первыми преодолеть самый опасный участок и таким образом повести за собой других. Коммунисты, все без исключения, хотели идти со мной в атаку. Я должен был решать, кого взять с собой. Я назвал нескольких товарищей, и мы ринулись вперед. Нам удалось сделать, казалось, невозможное! Мы восстановили связь с соседним батальоном, и тут уж фашистам пришлось плохо: лишь немногим удалось спастись бегством. Потери противника: 29 убитых, 22 пленных, один станковый пулемет и 30 винтовок.

Спустя много лет во время беседы с молодыми военнослужащими Национальной народной армии меня спросили, когда мне случилось принимать самое трудное в жизни решение.

Вспоминая сегодня день 24 июля и тот бой южнее Кихорны, я снова и снова убеждаюсь в том, что самое трудное решение, какое только могло выпасть на долю коммуниста и офицера, мне пришлось принимать именно тогда. Выбрать людей для выполнения задачи, которая может означать для них гибель, — это одна из обязанностей командира на войне, но выполнять ее трудно, даже очень трудно. Человек со всеми своими радостями, надеждами и заботами живет лишь один раз. Тяжесть ответственности командира, которому приходится отдавать приказ, сознавая, что, быть может, через несколько минут человека уже не будет в живых, едва ли можно с чем-нибудь сравнить. Такую ответственность можно брать на себя и быть достойным ее лишь тогда, когда ты сам искренне готов рисковать своей жизнью наравне со всеми. Вероятно, мною руководило именно это чувство, когда я пошел впереди тогда, в бою под Кихорной. И по сей день я считаю свои действия тогда правильными, хотя, конечно, знаю, что место командира в бою не обязательно там, где его жизни угрожает наибольшая опасность.

Сразу же после уничтожения прорвавшихся фашистов противник предпринял новую атаку. Только до полудня мы отбили три или четыре атаки. Затем пришло сообщение, что противник перешел в контрнаступление по всему фронту и дивизия Листера была вынуждена отойти, оставив Брунете. С каждым часом усиливался на нас натиск фашистов. Я приподнялся над окопом, чтобы получше осмотреться, так как противник пошел в новую атаку. Впереди бежал высокий офицер в сопровождении двух солдат. Возможно, я и ошибся, но мне показалось, будто это был тот самый офицер, с которым я свел «знакомство» под Утанде. Я выстрелил в него и только успел увидеть, что он упал, как в тот же самый момент меня ранило. У меня было такое ощущение, будто меня разорвало на части.

Я потерял сознание. На санитарной машине меня отвезли в Эскориал, где находился один из двух госпиталей 35-й дивизии. Здесь уже были сотни раненых. У меня оказались тяжелые ранения ног и живота. Врач решил: «Немедленно оперировать!» Сестра, которая готовила меня к операции (она была чешка и говорила по-немецки), пыталась утешить и подбодрить меня:

— Тебе повезло, комиссар. Тебя будет оперировать сам шеф.

Мне было не до расспросов: лишь бы утихла боль, лишь бы меня подлатали и я не остался бы калекой. Больше ни о чем не мог думать.

Очнувшись от наркоза, я обнаружил, что лежу в светлом зале с высокими потолками. Вместе со мной там находились 80 или 100 других раненых. Я не мог пошевелиться и чувствовал себя ужасно. Ощущая полную беспомощность, я все спрашивал соседа по койке, где мое оружие и как обстоят дела на передовой. Каким-то образом этот эпизод стал передаваться из уст в уста, а кто-то записал и позже опубликовал эту историю, как пример неуемной жажды борьбы молодого бойца Интернациональной бригады. Но должен признаться, что в тот момент я вовсе не чувствовал себя героем. Еще не прошло действие наркоза, и мне, как в тумане, снова и снова виделись наступающие фашисты, и меня терзала мысль о том, как я буду обороняться, если им удастся прорваться.

На следующее утро я познакомился с врачом, который меня оперировал. Это был Бедржих Киш, который, как и его брат Эгон Эрвин Киш, получивший прозвище «неистовый репортер», приехал в Испанию и работал хирургом в системе медико-санитарной службы Интернациональных бригад. Одно время он был начальником полевого госпиталя имени Яна Амоса Коменского, на создание которого чешские коммунисты, социал-демократы и антифашистски настроенные представители буржуазии Чехословакии собрали свыше полумиллиона крон.

Через день или два после моего знакомства с доктором фашистские самолеты подвергли Эскориал бомбардировке. И по сей день у меня в ушах стоит вой самолетов и грохот взрывающихся бомб. К счастью, фашистские бомбы угодили в то крыло дворца, где не было раненых. Но взрывы бомб привели меня в такое паническое состояние, что я попытался встать. При этом я упал с кровати. Какое это отвратительное чувство — сознавать опасность, не имея сил противостоять ей или, по крайней мере, укрыться от нее.

Через три дня после ранения меня перевели в один из мадридских госпиталей. Там я услышал об окончании Брунетской операции. 28 июля фашистское контрнаступление захлебнулось, натолкнувшись на нашу упорную оборону. Войска Народного фронта укрепили свои позиции, которые проходили теперь южнее Кихорны в северо-восточном направлении через Вильянуэва-де-ла-Каньяда до Вильянуэва-дель-Пардильо.

Было бы неправильно оценивать результаты этой операции сорокалетней давности с точки зрения сегодняшней военной науки. С тех пор прошла жизнь целого поколения людей. За истекшие десятилетия велись ожесточенные клас-

совые бои, Советский Союз добился победы в Великой Отечественной войне, достигла расцвета мировая социалистическая система, и все это значительно обогатило сокровищницу военного опыта пролетариата. Военное дело и марксистско-ленинское военное искусство получили в Советском Союзе и других братских социалистических странах такое бурное развитие, что для управления военными процессами и их оценки были разработаны совершенно новые подходы и критерии.

Совершенно очевидно, что мы оказали бы плохую услугу истории, героической борьбе мужественного испанского народа и бойцов Интернациональных бригад, сражавшихся на его стороне, если бы оценивали события того времени, используя критерии современной военной науки. Однако и вернуться к уровню наших тогдашних познаний мы тоже не можем. Эту оговорку необходимо иметь в виду на будущее.

Сейчас можно говорить о том, что республиканских сил и средств, принимавших участие в Брунетской операции, было недостаточно для проведения широкомасштабного наступления. Отсутствовали крупные мобильные резервы. Республиканским войскам, действовавшим на направлении главного удара, в ходе наступления пришлось развернуть фронт под углом в девяносто градусов, а такой маневр нелегко осуществить даже в современных условиях и несравненно труднее было проделать его в то время, при низком уровне моторизации республиканских вооруженных сил и недостаточной подготовке командного состава и войск. Но все это ни в коей мере не принижает доблести бойцов, участвовавших в Брунетской операции.

Несомненно, что эта операция, несмотря на то что поставленная задача была выполнена не полностью, увенчалась частичными успехами: в ходе ее противник понес тяжелые потери и был вынужден па время снизить активность на северном фронте. Хотя к моменту завершения операции нам удалось отбить у противника не столь уж значительные участки территории, мы все же заставили его снять с северного фронта почти все военно-воздушные силы и значительную часть сухопутных войск и перебросить их на центральный фронт. Северным провинциям, которым угрожало фашистское наступление, это дало передышку и выигрыш во времени. Фашистам пришлось перенести сроки наступления на Сантандер, которое они планировали на начало июля. Им удалось захватить промышленные районы севера лишь в конце октября 1937 года.

Кроме того, испанская Народная армия в ходе этих боев

приобрела боевой опыт и стала боеспособнее. Как правило, во главе батальонов и бригад армии Народного фронта стояли теперь не кадровые военнослужащие, выходцы из среды буржуазии, а командиры нового типа, из рабочих и крестьян, которые к тому времени уже научились вести за собой в бой своих товарищей по классу. Это имело большое значение для укрепления прогрессивного характера армии, тем более что в штабах дивизий и армий и даже в самом министерстве обороны все еще было немало старых офицеров, которые нередко сотрудничали с фашистами.

Если поразмыслить над тем, что вооруженные силы Народного фронта, которые часто формировались и обучались наспех и, как правило, уступали противнику в оснащении и вооружении, тем не менее не только сумели остановить фашистов, но и нанести им чувствительные удары и тяжелые потери в ходе Брунетской операции, то станет ясно, сколь высок был моральный дух борцов за свободу Испании.

Впрочем, даже военные историки Франко впоследствии вынуждены были признать высокие боевые качества республиканских вооруженных сил во время Брунетского наступления. «В какой-то момент обстановка была чрезвычайно критической, — писал военный историк Мануэль Азнар, — и командование национальной армии вынуждено было посылать в этот ад батальон за батальоном, несмотря на то что в этих чисто оборонительных боях они подвергались угрозе уничтожения... Но войска противника не ослабляли своей активности и продолжали день за днем мощно атаковать, хотя мы буквально косили их автоматическим оружием».

«Необходимо признать, — писал он далее, — что правительство в Валенсии и его военное руководство хорошо подготовились к битве. Планирование, концентрация сил, сосредоточение материально-технических средств, выбор слабых участков обороны для нанесения удара, скрытность, оборудование исходных районов, построение боевых порядков, начальная фаза операции — все это заслуживает уважения и свидетельствует о значительном профессиональном мастерстве».

Из Эскориала меня перевели в Мадрид в госпиталь № 1. Он размещался в прежнем отеле «Паласио», который был в центре города на площади Пласа-де-ла-Кортес, неподалеку от здания парламента. Оба верхних этажа госпиталя были укреплены балками и забаррикадированы мешками с песком для защиты от артиллерийского огня противника. Расстояние до фашистских позиций, которые находились на западной окраине города в районе Каса-де-Кампо, едва превышало пять-шесть километров.

Пребывание раненого в госпитале нельзя назвать ни приятным, ни увлекательным, несмотря на все заботы медицинского персонала, и об этом вряд ли стоит писать. Мало интересного можно рассказать о последующих месяцах моего пребывания в Мадриде, а затем и в Барселоне, и все же нельзя совершенно не упомянуть об этом периоде, так как я познакомился тогда с интересными людьми, которые не только произвели на меня сильное впечатление, но и помогли мне выдержать все испытания, выпавшие на долю тяжелораненого, шансы которого на выздоровление были более чем сомнительны.

Лечивший меня испанский врач со всей серьезностью отнесся к моему ранению и — насколько я могу судить об этом и сегодня — сделал все, что было в его силах. Но вот вступить с ним в более тесное общение мне не удалось. Врач симпатизировал Франко и не скрывал своих убеждений. Он не признавал Народный фронт, а коммунистов считал своими политическими противниками.

Он, конечно же, знал из моих документов, что я был комиссаром одного из батальонов 11-й бригады. Но, к его чести, он проводил четкую грань между своими политическими убеждениями и этикой врача. Для меня этот человек остался загадкой. Я не мог понять, как он, профессия и смысл жизни которого заключались в помощи другим, мог быть приверженцем такой политической системы, как фашизм, глубоко враждебной истинному гуманизму.

Гораздо легче мне было найти общий язык с одной из медсестер. Ее звали Фелицией, до войны она была ревностной католичкой и монахиней в одном монастыре, а с началом войны стала медсестрой. Я и сейчас живо представляю себе, как она, вся в голубом, входит в палату. Она никогда не была угрюмой или бесцеремонной, а, наоборот, очень приветливой и для каждого умела найти теплое слово, от которого становилось легче на сердце. Фелиция жертвовала всем для раненых, и никакая работа не была ей в тягость. Словом, о такой медсестре могли только мечтать врачи и раненые. До сих пор жалею, что ничем не смог отблагодарить ее за самоотверженный труд и заботу.

Какой бы мучительной ни была моя вынужденная бездеятельность в первые месяцы после ранения, я никогда не чувствовал себя заброшенным. Мои товарищи из бригады, а часто и совершенно незнакомые люди своими посещениями постоянно напоминали мне: товарищи и партия помнят и заботятся о тебе. Меня навещали Гейнц Шрамм и Людвиг Ренн, Ханс Маассен и Ганс Шауль и многие другие, в том

числе и советские товарищи. Двое из них навсегда остались в моей памяти. Это Михаил Кольцов и Мария Остен.

Михаил Кольцов в 1936—1937 годах был специальным корреспондентом «Правды» в Испании. Этот талантливый журналист очень любил свою работу и, чтобы рассказать всю правду о героической борьбе испанского народа за свободу, готов был идти в самую гущу боев. Кое-кто считал, что он лучше знает испанскую Народную армию, ее солдат и офицеров, чем некоторые командиры. Его высокое мастерство и прекрасное знание обстановки позволили ему нарисовать реалистическую, захватывающую и совершенную в художественном отношении картину Испании тех дней. Его испанские репортажи принадлежат к числу наиболее ценных литературных хроник о войне в Испании. Илья Эренбург, который в то время тоже был журналистом в Испании, позже писал о Кольцове: «Маленький, подвижный, смелый, умный до того, что ум становился для него обузой. Кольцов быстро разбирался в сложной обстановке, видел все прорехи и никогда не тешил себя иллюзиями» [1].

Михаил Кольцов несколько раз посетил меня в мадридском госпитале. Он был увлекательным рассказчиком, остроумным и жизнерадостным человеком. От него я узнал некоторые интересные подробности об экономической и военной помощи Советского Союза Испании, о героической борьбе советских добровольцев в рядах испанской Народной армии. Кольцов любил людей, о которых писал в своих репортажах, не умалчивая при этом об их страданиях и жертвах. И тем не менее в каждом его слове звучал непоколебимый оптимизм, который передавался и мне, заставляя забыть о госпитале, и каждый раз после разговора с ним я ощущал, что, даже будучи раненным, я не оставался в стороне от борьбы за свободу Испании.

Михаил Кольцов был в числе тех трех тысяч советских коммунистов, которые откликнулись на призыв партии и приехали в Испанию, чтобы помочь Народному фронту в борьбе против фашизма. Он сражался пером журналиста, другие это делали в качестве военных советников и инструкторов в главном штабе, в штабах армий, дивизий и бригад испанской Народной армии, а также в качестве артиллеристов, танкистов, связистов, летчиков, моряков, военных инженеров и врачей.

Большое значение имели советские поставки продовольствия голодающему народу Испании, а также советского

---

[1] Эренбург И. Г. Собр. соч. М., 1967, т. 9, с. 132.

оружия для испанской Народной армии. С 1 октября 1936 года по 28 января 1939 года Советский Союз в общей сложности поставил: 648 самолетов, 407 танков и бронеавтомобилей, 1186 орудий, 20 486 пулеметов, 497 813 винтовок [1].

Огромная и всесторонняя помощь СССР имела для Народного фронта Испании жизненно важное значение, тем более что «политика невмешательства» империалистических держав и усиливавшаяся с каждым месяцем морская блокада не давали возможности закупать в других странах столь необходимые республике оружие, технику, продовольствие и сырье. Без щедрой поддержки Советского Союза Испанская республика, ее армия, весь испанский народ, конечно, не смогли бы выдерживать натиска фашистов в течение трех лет.

Правительство Советского Союза и весь народ первого в мире социалистического государства руководствовались идеями пролетарского интернационализма, о чем свидетельствует, например, телеграмма за подписью И. В. Сталина, направленная ЦК ВКП(б) генеральному секретарю Коммунистической партии Испании Хосе Диасу:

«Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества» [2].

Где бы я ни был в Испании — в Альбасете, Барселоне или на фронте, — я каждый раз чувствовал, что слова испанских трудящихся и солдат «Вива Руссия!» шли от чистого сердца.

Когда спустя тридцать лет, в январе 1966 года, мы проводили в нашей Военной академии имени Фридриха Энгельса научную конференцию, посвященную участию немецких коммунистов и антифашистов в национально-революционной войне испанского народа, то в числе приглашенных гостей был и генерал Игнасио Идальго де Сиснерос, командовавший республиканскими военно-воздушными силами.

С волнением слушали мы, с каким высоким уважением и благодарностью говорил о Советском Союзе старый генерал. Во время перерыва в работе конференции он рассказал нам, как осенью 1938 года премьер-министр Хуан Нег-

---

[1] См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 54.

[2] Правда, 16 октября 1936 г.

рин направил его в Москву для переговоров со Сталиным и Ворошиловым об оказании помощи испанскому народу:

— Советский Союз жертвовал многим ради испанского народа, и это было в то время, когда у него самого было много трудностей и ему угрожали враги, окружавшие его со всех сторон.

Через Михаила Кольцова я познакомился с Марией Остен, которая была дружна с ним и так же, как и он, работала в Испании журналисткой. У меня сохранились воспоминания о ней как о приветливом и чутком человеке. Мария Остен — ее настоящее имя Мария Грессхёнер — с начала 30-х годов жила в Москве, где одно время работала корреспондентом газеты «Дойче Центральцайтунг» — печатного органа немецких коммунистов, проживавших в Советском Союзе.

Как ни радовался я фруктам и сигаретам, которые она приносила мне в каждое свое посещение, самым дорогим для меня были наши увлекательные беседы. Мария была трогательно заботлива, полна сочувствия ко мне, но ее сочувствие никогда не было похоже на унизительную жалость. Наоборот! Она всегда умела направить беседу в такое русло, что все «больничные» темы отодвигались на задний план.

Мария Остен проявила большой интерес к юношескому периоду моей жизни. Она хотела узнать все подробности моей биографии, интересовалась, как я стал комиссаром батальона имени Ганса Баймлера. Часто мои рассказы казались ей слишком лаконичными, и она расспрашивала меня до тех пор, пока, по ее мнению, не узнавала все существенное. Однажды я спросил, к чему ей все эти подробности, и она ответила, что очень бы хотела написать книгу о немецком коммунисте, которого революционный путь привел в Испанию.

Смеясь, я возразил, что ей следовало бы поискать более интересного человека, испытавшего больше, чем я, что в моей жизни не было ничего такого, что отличало бы меня от многих молодых немецких рабочих, ставших членами Коммунистической партии.

— Вот именно поэтому я и хочу знать все так подробно,— не согласилась со мной Мария.— Нет лучших повестей, чем те, которые пишет сама жизнь.

Должно быть, почувствовав, что не вполне меня убедила, Мария Остен рассказала мне одну историю, взятую из жизни. Ее рассказ произвел на меня такое сильное впечатление, что я хочу привести его здесь хотя бы в самых общих чертах.

В сентябре 1933 года Михаил Кольцов получил от газеты «Правда» задание поехать в качестве специального корреспондента в Германию, чтобы освещать процесс о поджоге рейхстага. Однако фашистские власти отказали ему во въездной визе, и он поехал в Париж, чтобы оттуда, пользуясь помощью французских товарищей и коллег, писать о процессе. Его сопровождала Мария Остен, и, когда в октябре 1933 года судебный процесс на несколько дней был приостановлен, оба советских журналиста поехали в Саарскую область, чтобы познакомиться с борьбой саарских коммунистов против задуманного присоединения Саара к фашистскому рейху.

Они остановились в семье одного рабочего-коммуниста в Оберлинксвейлере, небольшой деревне неподалеку от границы. Десятилетний сын хозяев Губерт, член детской коммунистической группы, конечно, не мог знать, что журналисты, которые разговаривали с ним, как со взрослым, были из Советского Союза. Он расказывал им о жизни деревни, о насилиях фашистов, а также о том, как его отец вместе со своими товарищами борется за справедливость и жизнь без эксплуатации, безработицы и страха. Губерт по секрету сообщил своим гостям, что далеко на востоке, в Советском Союзе, все это уже стало действительностью. Он с воодушевлением говорил о Стране Советов, о Ленине, и Советский Союз был в его глазах чудом из самой прекрасной сказки.

Михаилу Кольцову и Марии Остен понравился смышленый и пытливый мальчик, который хотя никогда и не был в Советской стране, любил ее и мечтал о ней, и они предложили родителям взять его с собой в Москву, чтобы он своими глазами увидел эту страну. Так и было сделано. Мальчик из семьи саарского рабочего Губерт Лосте приехал в Москву и убедился, что социализм действительно существует — как чудо, созданное руками людей, граждан первого в мире социалистического государства.

Мария Остен положила эту подлинную историю в основу своей книги, которая в 1935 году вышла в Москве под названием «Губерт в стране чудес». Спустя три-четыре года я прочитал эту книгу в Москве. Она понравилась мне — не в последнюю очередь своим оригинальным оформлением, напомнив мне о памятном разговоре с прекрасным человеком — Марией Остен — в мадридском госпитале.

Осенью 1937 года я встретился и с Германом Тайхманом. Мы потеряли из виду друг друга в Альбасете после совместного перехода через Пиренеи. Герман Тайхман получил

назначение в батальон имени Чапаева, тоже участвовал в Брунетской операции и теперь с тяжелым ранением ноги лежал со мной в одной палате.

Ранней осенью 1938 года меня перевели в Барселону. Хотя мое выздоровление шло довольно успешно, врачи тем не менее сообщили мне, что для полного излечения необходима еще одна операция, но сделать ее не могли ни в Мадриде, ни в Барселоне, так как не было нужных для этого специалистов.

В те трудные для меня недели ко мне в госпиталь часто приходила подбодрить меня товарищ Кэте Далем. Когда ее муж Франц Далем по решению ИККИ в 1936 году уехал в Испанию работать в главной политической комиссии Интернациональных бригад, она последовала за ним и работала у него секретарем. Несмотря на занятость, она находила время и для заботы о раненых. Всегда буду помнить ее рейнский темперамент, неистощимый юмор, сочетавшийся с чуткостью и материнской заботой, особенно если учесть, что в то время у нее хватало своих проблем и волнений. Она жила в разлуке со своими двумя детьми, ее муж часто выезжал на фронт или по заданию ИККИ в Париж и Москву, а подобные поездки — я это знал по собственному опыту — были совсем не безопасны, особенно для таких видных партийных работников, каким был Франц Далем. Но Кэте и виду не подавала, что ей нелегко. Она всегда была бодра и полна оптимизма.

Однажды — должно быть, это было в мае или начале июня 1938 года — она сказала мне, сияя от радости:

— Франц считает, что есть возможность перевести тебя в Париж. У нас там есть связи с французскими коммунистами. Они помогут тебе!

НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ

(июнь 1938 г. — июнь 1941 г.)

В середине июня 1938 года меня перевели в Росас, городок километрах в тридцати восточнее Фигераса на побережье Каталонии. Там собирались получившие тяжелые ранения и надолго выбывшие из строя бойцы Интернациональных бригад и в одиночку или группами переходили испано-французскую границу. Для многих это означало возвращение к жизни политэмигранта. После восьми- или десятидневного пребывания в Росасе настал и мой черед. Вместе с одной немецкой коммунисткой и местным французским товарищем я вторично — на этот раз в северном направлении — преодолел Пиренеи, отлично сознавая, что во Франции нам вряд ли готовили официальную торжественную встречу. Нам приходилось опасаться французской полиции еще больше, чем весной 1937 года.

На границе два республиканских пограничника пожали нам руки и указали наиболее безопасный путь в Перпиньян. Все прошло благополучно. На следующий день меня встретили в Париже два французских коммуниста и привезли в больницу в городок Обонн, в нескольких километрах от Парижа. Больница в Обонне — она называлась «Саннуаз» — находилась в обширном ухоженном парке и имела современное медицинское оборудование. Как мне представлялось, здесь были созданы все условия для квалифицированного лечения больных. Меня приняла немолодая медсестра. Она произвела на меня впечатление энергичной, бойкой женщины и представилась как мадам Гитлер (она произносила свою фамилию: Итлэ́р). Мне показалось, что я ослышался.

— Мадам Итлэ́р, — шутливо добавила она,— порядочная женщина, а месье Гитлер — преступник.

Очень скоро я понял, что это была не просто шутка, сказанная для знакомства. В последующие дни я не встретил среди врачей и медсестер ни одного человека, который иначе оценивал бы Гитлера и фашизм вообще.

Мадам Итлэр проводила меня в палату и указала мою койку; я следовал за ней со смешанным чувством: я знал, что мне снова предстояла операция.

Каково же было мое удивление, когда, войдя в светлую и уютную палату на трех человек, я был встречен как старый знакомый.

— Гейнц, дружище! Ты жив?

Я не верил своим глазам. Больной, который с трудом поднялся в кровати, был Альберт Гесслер. Он, я и еще один югославский товарищ оказались соседями по палате.

Вначале я надеялся недолго пробыть в больнице, но уже через несколько дней понял, что мои надежды безосновательны. Заведующий отделением, швед по национальности, объяснил мне на ломаном немецком языке, что главный врач решил сначала показать меня своему английскому коллеге, специалисту с мировым именем, который, быть может, является единственным человеком, способным полностью поставить меня на ноги у себя в лондонской клинике. Вскоре после этого разговора я, в подавленном настроении, но все еще надеясь на благополучный исход, в сопровождении французского врача отправился в поездку, которая еще за несколько дней до этого показалась бы мне невозможной. На санитарной машине меня привезли в Кале, и уже через сорок пять минут после выхода парома из порта перед нами в дымке стали вырисовываться высокие меловые скалы Англии. Мы прибыли в Дувр. Туда же приехал английский профессор, чтобы осмотреть меня.

Его приговор был краток:

— Я могу вас прооперировать. Но излечить вас полностью? Это исключено! Решайте сами.

Сопровождавший меня французский врач, который принимал во мне большое участие, стал меня отговаривать:

— Такую операцию мы сможем сделать и во Франции. В любом случае мы испробуем все средства.

Мы возвратились в Париж. Альберт Гесслер пытался меня приободрить, хотя сам не меньше меня нуждался в утешении: его часто мучили сильные боли, но он старался не подавать виду. Возможно, что забота о своих товарищах в какой-то мере облегчала его собственную боль и способствовала скорейшему выздоровлению.

Осенью 1938 года Альберт Гесслер выписался из больницы «Саннуаз». Мы потеряли друг друга и лишь в июне 1942 года случайно встретились в Москве. Гесслер рассказал мне, что после выхода из больницы он в течение нескольких месяцев был одним из руководителей Союза свободной

немецкой молодежи, который летом 1938 года был основан в Париже немецкими коммунистами и антифашистами, и некоторое время работал корреспондентом в молодежной редакции «Свободной немецкой радиостанции». Весной 1939 года он возвратился в Советский Союз и вместе с другими участниками войны в Испании был направлен на крупнейший в то время в мире Челябинский тракторный завод, где стал рабочим-металлистом.

— Знаешь, Гейнц, — сияя, сообщил он мне.— В Челябинске я женился. Моя жена врач.

Мы были настроены оптимистично, хотя летом 1942 года военная обстановка была крайне напряженной и рассчитывать на скорое поражение фашизма не приходилось.

— Будь здоров, Гейнц! Держись, дружище! До встречи в Берлине!

Но все вышло иначе. Наша короткая встреча в Москве была последней. Уже давно закончилась война, когда я узнал, что Альберт Гесслер не дожил до победы. Подробности я узнал лишь через тридцать лет и при очень любопытных обстоятельствах, о которых не могу не рассказать.

Летом 1970 года члены Союза свободной немецкой молодежи и юные пионеры кружка «Юный историк» из средней школы в городе Бургштедте обратились ко мне с просьбой поделиться с ними воспоминаниями об Альберте Гесслере. Между нами завязалась интересная переписка, благодаря которой я в течение нескольких лет мог следить за тем, с какой любовью, старанием и изобретательностью молодые граждане нашей республики под руководством опытных товарищей собирают факты о жизненном пути несгибаемого немецкого коммуниста.

Возникли целые папки документов, были опубликованы письма Альберта Гесслера к жене Клавдии Семеновне Рубцовой. И, наконец, городок Бургштедт с его 16 тысячами жителей и расположенный в южной части Урала Челябинск, насчитывавший миллион жителей, обменялись делегациями дружбы.

Меня это тогда очень волновало еще и потому, что я таким путем узнал не известные мне раньше подробности о дальнейшей судьбе Альберта Гесслера.

Спустя несколько недель после нашей встречи в Москве в июне 1942 года Альберт Гесслер в качестве советского разведчика был заброшен в тыл врага в Белоруссии. Он имел задание проникнуть в Берлин и установить связь с созданной в 1938—1939 годах организацией Сопротивления Шульце — Бойзен — Харнак, входившей в так называемую

«Красную капеллу», которой гитлеровцы так боялись. Альберт Гесслер вместе с коммунистами Куртом Шульце и Хильдой Коппи передавал по радио важную информацию об экономическом и политическом положении фашистской Германии, а также о планируемых фашистским вермахтом военных операциях против Советской Армии. Но фашистам вскоре удалось разгромить эту группу Сопротивления. К концу августа 1942 года гестапо арестовало свыше 130 коммунистов и антифашистов, и в их числе был некий Гельмут Вигнер. Под этим именем действовал Альберт Гесслер. Сведения о его дальнейшей судьбе неполны и противоречивы. Предполагают, что он был среди тех семи бойцов организации Сопротивления Шульце-Бойзен — Харнак, с которыми гестапо расправилось во время допросов и тела которых были зарыты в безымянных могилах в окрестностях Берлина.

Мы не располагаем более точными сведениями, но одно ясно: Альберт Гесслер навсегда останется в памяти всех, кто знал и любил его, ярким примером верного своему долгу коммуниста! Он навсегда останется в наших сердцах как человек, целиком и полностью посвятивший свою жизнь делу рабочего класса и социализма.

«Мои мысли, — писал Альберт Гесслер в одном из своих последних писем к жене,— постоянно возвращаются к одному и тому же: наше с тобой личное счастье целиком и полностью зависит от того, счастливо ли общество, в котором мы живем. Если весь народ страдает и ради счастливой жизни готов пожертвовать кровью и жизнью своих лучших сынов, то мы должны всем сердцем, всеми мыслями, всеми фибрами души быть вместе с бойцами. Только тогда, любимая, сможем мы разделить счастье и радость победителей».

Насколько позволяли мне физические силы — в течение первых месяцев моего пребывания в Обонне меня несколько раз оперировали, — я старался следить за ходом войны в Испании и развитием политической обстановки в Европе. Но это оказалось довольно трудным делом, особенно вначале. Я плохо понимал по-французски, и, хотя шефствовавшие над нами по заданию партии немецкие товарищи иногда навещали нас, они сами располагали лишь отрывочными сведениями и не всегда могли приносить немецкие газеты. И тем не менее мы с нетерпением ожидали каждого их посещения, так как только через них могли поддерживать связь с партией и узнавать о событиях в мире. Благодаря постоянной заботе секретариата, нелегально действовавшего во Франции органа руководства КПГ, а также благодаря поддержке организации «Международная красная помощь» мы чувствовали

себя активными участниками рабочего движения даже в этой больнице под Парижем. С тех пор прошло свыше сорока лет, и невозможно припомнить имена всех тех немецких коммунистов и коммунисток, которые заботились о нас в Обонне, тем более что у многих из них имена были вымышленными. Я помню лишь Тею Зефков (я знал ее еще по МЛШ), Кэте Далем и Ирену Восиковски, которые олицетворяют для меня всех товарищей, заботившихся о нас. Именно через этих товарищей я спустя некоторое время стал регулярно получать журнал «Интернационал» и «Дойче Фольксцайтунг», которые стали моими главными источниками получения информации. Журнал «Интернационал», главным редактором которого в то время был товарищ Герхарт Эйслер, с 1919 года являлся теоретическим органом Центрального комитета Коммунистической партии Германии и продолжал нелегально выходить даже в те годы. Его можно сравнить с нашим сегодняшним журналом «Айнхайт»; в нем печаталась информация о важных решениях Коминтерна, публиковались статьи, посвященные проблемам международной классовой борьбы, и работы, освещавшие стратегию и тактику КПГ. Я не пропускал ни одной статьи и вообще лишь благодаря журналу «Интернационал» научился рассматривать отдельные факты в тесной связи с общей политической обстановкой в мире и правильно оценивать их.

Выходившая еженедельно с ноября 1937 года в Париже «Дойче Фольксцайтунг» также была органом Коммунистической партии Германии. Газета издавалась под непосредственным руководством секретариата, которым в 1938 году руководил товарищ Франц Далем. Являясь важным средством информации немецкого Народного фронта, газета давала оценку положения в фашистской Германии, разоблачала военные приготовления нацистов и рассказывала об антифашистском движении Сопротивления.

Помню, когда я впервые стал читать эту газету, меня несколько удивил ее стиль. В результате многолетнего изучения партийной литературы я привык к четким, общепонятным политическим оценкам, а вот их-то я и не находил в этой газете, причем именно в тех случаях, где речь шла о политике капиталистических держав, и прежде всего Великобритании и Франции. Чаще всего вместо них помещались очень умело подобранные цитаты из буржуазной прессы или из выступлений видных французских и английских государственных деятелей. Это было необходимо для того, чтобы перехитрить буржуазную цензуру, прежде всего французскую, так как «Дойче Фольксцайтунг» легально издава-

лась в Париже вплоть до начала второй мировой войны и распространялась более чем в тридцати капиталистических странах, в которых жили в эмиграции немецкие антифашисты. Однако очень скоро я научился читать между строк. Я часто радовался, когда журналистам удавалось поймать на слове премьер-министра Франции Даладье или министра иностранных дел Бонне и разоблачить их политику умиротворения фашистской Германии, направленную против Советского Союза, используя двусмысленные высказывания этих господ.

Из газеты «Дойче Фольксцайтунг» я узнал также о все более резких нападках Гитлера на Чехословакию. После того как в марте 1938 года свыше 200 тысяч солдат фашистского вермахта, за которыми шли части СС и полиция, оккупировали Австрию, все говорило о том, что Чехословакия будет следующей жертвой агрессивной политики германского империализма.

В партийной прессе появилось упоминание о том, что между Советским Союзом и Чехословакией в январе 1935 года был заключен договор о взаимной помощи, который явился результатом многолетней борьбы СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе. Кроме того, еще со времени Локарнской конференции в 1925 году Францию и Чехословакию связывал гарантийный договор, согласно которому оба государства должны были оказывать друг другу помощь в случае нападения со стороны других государств. У меня не было и тени сомнения в том, что Советский Союз готов выполнить свои обязательства по оказанию помощи, но политика западных держав представлялась мне, однако, неясной. Я задавал самому себе вопрос, был ли Народный фронт во Франции достаточно сильным и влиятельным, чтобы заставить правительство занять последовательную позицию по отношению к фашистским заправилам в Берлине.

До меня доходили лишь отрывочные сведения о повышенной дипломатической активности в первой половине сентября 1938 года, пока однажды утром волны этого политического кризиса не докатились до больницы «Саннуаз»: в помещениях больницы стало необычно оживленно — взволнованные врачи, медсестры и санитарки о чем-то возбужденно разговаривали, из чего я понимал лишь отдельные слова, и среди них снова и снова зловеще повторялось «война».

Поводом к этому послужило заявление премьер-министра Франции Даладье от 23 сентября. В нем говорилось, что Франция готова выполнить свои обязательства

по оказанию помощи Чехословакии, если она станет жертвой неспровоцированного нападения. Вскоре стало известно, что была произведена мобилизация значительной части резервистов всех возрастов и что части французской армии уже несколько дней стояли на линии Мажино в полной готовности. Линия Мажино представляла собой сплошную цепь неодинаковых по силе укреплений, которая была создана в 1928—1932 годах по решению военного министра Франции Мажино и проходила вдоль восточной границы страны от северных районов Эльзаса до Седана.

На следующее утро в больничном парке стали поспешно рыть щели для защиты от осколков бомб и зенитных снарядов. Поползли слухи о том, что в течение ближайших часов из больницы будут отправлены в лагеря и интернированы все немцы. Больным, и особенно тем, кто был прикован к постели, было не по себе при виде возбуждения людей, граничащего порой с истерией, но нам не оставалось ничего другого, как терпеливо сносить все это.

Когда улеглись первые страсти, уступив место трезвым рассуждениям, я был удивлен тем, что врачи и медсестры больницы по-разному реагировали на прямую угрозу возникновения войны. В то время, как одни впали в отчаяние и, не видя выхода, склонны были смириться с тем, что казалось им неизбежностью, большинство сохранили самообладание и оптимизм. У меня создалось даже впечатление, что многие с облегчением вздохнули при мысли, что разбойничьей экспансионистской политике гитлеровской Германии будет наконец поставлена преграда.

Одна медсестра (родом из Эльзаса, она настолько хорошо знала немецкий язык, что мы без труда могли разговаривать) однажды заметила:

— Давно пора дать этому Гитлеру хорошенько по рукам. Он может вызвать пожар во всей Европе. Анри, — добавила она извиняющимся тоном, — я знаю, что вы и ваши товарищи совсем другие. Но все ли немцы думают так, как вы?

К слову сказать, это была та самая медсестра, которая с негодованием восприняла слухи о нашем предстоящем интернировании.

— Отсюда никого не заберут! Ни одного! Только через мой труп!

После этого разговора в то же утро она принесла мне аккуратно сложенный листок бумаги и, сказав: «Тебе», выскользнула из комнаты. Я прочитал написанный по-немецки текст. В нем не известный мне тогда автор писал о том, что

летом был вместе с республиканской армией во время наступления на реке Эбро. Он видел немцев, которые сидели в «хейнкелях» и «юнкерсах», у них было численное превосходство; они летали над мирными деревнями, сбрасывая бомбы и превращая в пепел дома крестьян, сжигали посевы, но, как только в небе появлялись республиканские самолеты, они, не принимая боя, поспешно удирали к своему Франко. А на земле, на берегах реки Эбро, шли навстречу опасности батальон имени Эрнста Тельмана и другие немецкие батальоны. Они не ведали страха, сознавая, что плен означал для них смерть, и, продолжая выполнять свою задачу, наступали и побеждали. Они делились едой с беженцами из разрушенных деревень, заботились о детях, неся добро вслед за тем злом, которое причинили «юнкерсы».

«Это настоящие, достойные уважения немцы. Немцы, каких мы любим. Немцы, каких в Германии миллионы. Немцы, в которых мы уверены. Я приветствую этих немцев и проклинаю тех, других, сидящих в «юнкерсах», вместе с теми, кто прислал сюда этих трусов швырять бомбы...» — так писал американский писатель Эрнест Хемингуэй, слова которого незадолго до этого передавала «Немецкая свободная радиостанция», и медсестра, должно быть, записала их, чтобы подтвердить свою мысль о хороших и плохих немцах, высказанную ею утром.

Впрочем, большинство сотрудников больницы «Саннуаз» относились с симпатией к участникам боев в Испании. Причем почти все врачи и медсестры, с которыми в те месяцы у меня установился непосредственный контакт, были выходцами из буржуазных семей и в большинстве случаев придерживались буржуазно-либеральных взглядов. Если не считать одного врача, который, как я знал, был членом Коммунистической партии Франции, все остальные, по-видимому, не принадлежали ни к какой политической партии. Но мы чувствовали, что они уважали нас как антифашистов и коммунистов.

Профессор клиники, который несколько раз оперировал меня и имел обыкновение время от времени немного поболтать со своими пациентами, однажды спросил меня, на каком фронте я был ранен в Испании.

— Я не коммунист и никогда не стану им, — сказал он.— Но я ценю таких людей, как вы и ваши товарищи, которые отстаивают свои убеждения и добровольно рискуют жизнью.

Я помню одну медсестру по имени Жанетта, о которой говорили, что ее отец был полковником в Иностранном легионе. Она была скромна и очень сдержанна. Не было дня,

чтобы она не приготовила для раненых какой-нибудь маленький сюрприз, будь то яблоко или букет простых полевых цветов, как бы случайно оказавшийся на столике.

Я был глубоко тронут таким отношением к нам со стороны французских врачей и медсестер; ведь я знал, что далеко не все они разделяли наши политические взгляды и наше мировоззрение. Мне казалось, что, хотя клиника в Обонне и находилась в стороне от политических событий, я познакомился с частицей Народного фронта Франции.

В последнюю неделю сентября развитие политической обстановки в Европе приняло новый оборот, что вызвало у нас тревогу. Группа товарищей, здоровье которых восстановилось настолько, что им на несколько часов разрешалось покидать территорию больницы, побывали в Париже, где на улице Лафайет стали свидетелями того, как необозримая толпа возгласами ликования приветствовала возвратившегося из Мюнхена Даладье, чествуя его как спасителя мира. Говорили, что Даладье и британский премьер-министр Чемберлен смогли договориться в Мюнхене с Гитлером и сохранить мир в Европе.

Среди бойцов Интернациональных бригад не было никого, кто хотел бы войны. Но был ли мир действительно «спасен» в результате мюнхенского соглашения между Великобританией, Францией, Германией и Италией, как утверждали все французские газеты, за исключением «Юманите»? По существу, Франция не выполнила своих союзнических обязательств по отношению к Чехословакии. Но Советский Союз официально уведомил президента Бенеша, что готов помочь Чехословакии в соответствии со своими обязательствами, совместно с Францией и даже независимо от позиции Франции, если Чехословакия обратится в Лигу Наций с просьбой о помощи.

Буржуазное правительство Бенеша, проникнутое недоверием к Советскому Союзу, не приняло его помощи и не решилось поставить вопрос в Лиге Наций.

Жак Дюкло, который тогда был секретарем Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Франции, цитирует в своих мемуарах «извинения» министра пропаганды буржуазного правительства Чехословакии Гуго Вавречка: «Мы не могли допустить, чтобы помощь нам оказал лишь один Советский Союз, потому что это выглядело бы как большевистская война».

Подобная антисоветская позиция определяла также и политику Чемберлена и Даладье в Мюнхене, которые под предлогом умиротворения Гитлера согласились на аннексию Су-

детской области и тем самым продемонстрировали свое стремление направить агрессию фашистской Германии на восток, против первого в мире социалистического государства.

В первые дни октября вермахт оккупировал так называемую Судетскую область, в марте 1939 года последовал захват Богемии и Моравии и создание имперского «протектората», что означало ликвидацию буржуазной Чехословацкой республики. В результате этого германский империализм получил существенные экономические и стратегические преимущества. Для миролюбивых и демократических сил Европы, и прежде всего для народов Чехословакии, сговор в Мюнхене означал поражение, чреватое серьезнейшей опасностью.

Хотя в то время мы не располагали знанием многих фактов и не всегда могли уяснить себе их взаимосвязь, мы тем не менее в ходе обсуждений тех событий пришли к одному выводу: нельзя умиротворять фашистского зверя, время от времени бросая ему в пасть увесистые куски. Великие державы продали своего союзника Чехословакию и тем самым прямо-таки поощрили германский фашизм на новые захваты и грабежи. Мы спрашивали себя, какая европейская страна будет следующей жертвой фашизма после Испании, Австрии и Чехословакии.

Спустя несколько недель после трагических событий в сентябре 1938 года меня ждала приятная неожиданность: моя мать приехала из Мангейма в Париж, чтобы навестить меня в Обонне. Когда она узнала — не знаю только, от кого, — что я нахожусь в больнице во Франции, то вспомнила о своей сестре, которая вышла замуж за рейнского шкипера и уже много лет проживала в Эльзасе. С 1919 года Эльзас снова вошел в состав Франции, но фашистские власти не чинили особых препятствий тем, кто желал поехать туда. Возможно, они надеялись, что немцы, приезжавшие в Эльзас из рейха, окажут на немцев Эльзаса воздействие, выгодное нацистской пропаганде и заграничным организациям нацистской партии, но в случае с моей матерью они явно промахнулись. Как бы там ни было, но ей позволили без особых препятствий выехать в Эльзас в гости к сестре и зятю, а оттуда она добралась уже до Парижа.

Прошло пять лет с тех пор, как мы расстались в Мангейме летом 1933 года и в течение всего этого времени не получили друг от друга ни строчки. Мама не расспрашивала меня подробно, да и сама рассказывала мало. Она была счастлива, что я жив, рада была прижать меня к сердцу.

— Хорошо, что ты вовремя уехал, сынок. У нас в Мангейме, да и во всей Германии, все стало гораздо хуже. Многие считают, что скоро будет война.

Как мне хотелось расспросить маму о судьбе моих мангеймских друзей! Но большинство из тех, вместе с которыми я работал в подполье, были ей незнакомы. Соблюдение правил конспирации было как в ее, так и в наших интересах. Хотя прошло уже много времени с того дня, как я покинул Мангейм, но маму неоднократно допрашивали в гестапо, чтобы узнать мой адрес или получить от нее сведения о товарищах, с которыми я раньше поддерживал связь.

Быстро прошли те несколько дней, которые мама могла провести в Париже. Снова нам предстояла разлука. Она убедилась, что за мной хорошо ухаживают, но мы не знали, когда увидимся снова, как и тогда, в Мангейме.

В последующие недели выяснилось, что больница в Обонне не была таким уж надежным убежищем для бойцов Интернациональных бригад, как мы вначале считали. Однажды утром заведующий отделением сообщил мне, что из Парижа приехали два чиновника, которые просмотрели список больных и заинтересовались некоторыми лицами, в том числе и мной. Врач прибегнул ко лжи во спасение, сказав им, что я только что перенес операцию, но те ответили, что зайдут через неделю. В любом случае, сказали они, им необходимо лично поговорить со мной. Это был тревожный, если не сказать угрожающий, знак. Такого же мнения был и врач. Он дружески похлопал меня по плечу и, улыбаясь, сказал: «Но пасаран».

От немецких товарищей, время от времени навещавших нас, я узнал, что в те дни французская тайная полиция нередко арестовывала и допрашивала людей. Второе бюро, разведка и контрразведка французской армии, охотилось за немецкими шпионами, но сотрудники французской секретной службы проявляли не меньший интерес и к бывшим участникам войны в Испании, особенно если они являлись коммунистами. Один товарищ рассказал мне, что совсем недавно французская полиция арестовала одного немецкого коммуниста, возвратившегося из Испании, и тот бесследно исчез. Товарищ сказал, что есть все основания считать, что второе бюро, а также некоторые отделы тайной полиции сотрудничают с гестапо.

Активность французской полиции и секретных служб, и особенно развернувшаяся охота на коммунистов и активных деятелей Народного фронта отражали тот факт, что правительство Даладье уже давно отказалось от антифашистских

целей и что его политику все больше определял лозунг реакционных сил «Лучше Гитлер, чем Народный фронт».

Вечером того же дня, когда две таинственные личности нанесли визит в больницу, медсестра сказала мне:

— Анри, помни, что с сегодняшнего дня у тебя высокая температура. Об этом в больнице все предупреждены. Если кто-нибудь снова захочет с тобой поговорить, то мы воспротивимся этому. Но если нам не удастся отделаться от них и они все же войдут к тебе в палату, то не отвечай на их вопросы. Тебе очень плохо!

И действительно, через пять или шесть дней эта парочка снова явилась, но была вынуждена покинуть больницу несолоно хлебавши, после того как врач сунул им под нос внушающую серьезные опасения кривую моей температуры. Спорным оставался лишь вопрос о том, удастся ли при помощи этого трюка провести агентов секретной службы еще раз. Но все вышло по-другому.

Партия приняла решение о моем выезде из Франции и возвращении в Советский Союз. Когда в одно прекрасное солнечное утро в начале лета 1939 года я готовился навсегда покинуть больницу «Саннуаз», меня остановили у выхода мои «старые знакомые» агенты и потребовали предъявить удостоверение личности. Какой-то человек встал между нами и на ломаном французском языке стал им что-то объяснять, а затем вытащил из кармана паспорт с визой на въезд в СССР. Оба агента были озадачены и ретировались. По пути на вокзал я узнал, что человек, который принес для меня паспорт, был сотрудником посольства СССР в Париже.

Если бы не забота партии, не энергичная помощь советских и немецких товарищей, а также моих французских друзей в Обонне, то я рано или поздно стал бы добычей французской полиции или секретной службы, а может быть, и гестапо. Во французских лагерях для интернированных лиц и в военных тюрьмах томилось немало немецких антифашистов, а многих даже выдали нацистам.

Во второй раз за время своего пребывания во Франции я ехал в направлении Ла-Манша до Гавра, на этот раз в купе спального вагона. В гавани на якоре стоял советский пассажирский пароход, переоборудованный под госпитальное судно. Корабль вышел в море, имея на борту примерно двести пассажиров; почти все раненые — участники боев в Испании, среди которых были также и советские товарищи.

На пароходе за нами был организован великолепный медицинский уход. Тяжелораненых на борту находилось немного, и поэтому медицинский персонал сосредоточил все

свое внимание на нас. Другие товарищи уже успели в основном выздороветь и по возвращении в Советский Союз должны были поехать в дома отдыха или санатории. Нас же ждала больница.

Когда я покидал Обонн, профессор клиники наказывал мне серьезно продолжить лечение в Советском Союзе.

Остался позади Дуврский пролив, и мы в штормовую погоду взяли курс на Скагеррак, прошли Каттегат и в ясный солнечный день вошли в Балтийское море. Целыми днями я лежал в шезлонге, наблюдая за жизнью на палубе и любуясь игрой волн. Несколько раз эту мирную жизнь на борту корабля нарушали самолеты. Они неожиданно появлялись с юга, затем куда-то исчезали и вновь внезапно выходили прямо на корабль уже на бреющем полете. Затем они снова взмывали вверх и исчезали так же быстро, как и появлялись. На крыльях самолетов мы ясно различали черные кресты фашистских самолетов.

Я вспомнил Испанию и варварский налет легиона «Кондор» на баскский город Гернику. Лица всех находившихся рядом со мной товарищей выражали одно и то же чувство: ненависть и решимость когда-нибудь рассчитаться с этими убийцами.

Тем временем капитан корабля невозмутимо стоял на мостике и наблюдал за всем происходящим в бинокль. К нам подошла медсестра. Решив, что нас надо успокоить, она сказала:

— Фашистские самолеты не посмеют напасть на наш пароход.

А нами владело не столько чувство страха, хотя, конечно, было не очень приятно выступать в качестве парадной мишени, но действовало на нервы то, что эти фашистские убийцы летали у нас прямо над головой, а мы были бессильны что-либо сделать.

Дальше наше плавание проходило спокойно. Корабль пришел в Ленинград. В тот же день мы сели в санитарный поезд и покатили в Москву. Меня доставили в больницу имени Боткина, где мне предстояло продолжить лечение.

Если от Белорусского вокзала идти по Ленинградскому проспекту, который раньше назывался Ленинградским шоссе, в северном направлении, то налево пойдет Беговая улица, ведущая к Московскому ипподрому. Напротив ипподрома находится больница имени Боткина, которая в то время считалась одним из самых крупных и лучших медицинских центров Москвы.

К северо-западу от обширного больничного комплекса простирается огромное, тогда лишь частично застроенное Ходынское поле, отнюдь не достопримечательность, но для нас, обитателей больницы, оно было интересно тем, что в северной части этой обширной пустоши находились аэродром и многочисленные цеха, в которых, как нам говорили, строились и испытывались самолеты. Во всяком случае, рев моторов доносился оттуда в течение всего дня.

Этот участок земли в северо-западной части советской столицы связан с одной из самых драматических страниц в истории старой Москвы. В больнице я познакомился с одним советским товарищем, интересным рассказчиком и прекрасным знатоком истории Москвы. Он и рассказал мне, что при одном только упоминании о Ходынском поле многих старых москвичей охватывает чувство отвращения и ненависти к последнему русскому царю.

Когда в мае 1896 года была объявлена коронация Николая II и его жены Александры Федоровны, то на Ходынском поле по поводу этого события должно было состояться большое народное гуляние. Были выстроены сотни торговых лавок и палаток, в которых по повелению «великодушного» царя должна была производиться раздача народу памятных подарков и угощений. Среди многих тысяч людей, которые ожидали раздачи подарков, никто и не подозревал о том, что через четверть часа Ходынка из места празднества превратится в поле, усеянное трупами. В своем безразличии и презрении к «простолюдинам» генерал-губернатор Москвы не принял никаких мер предосторожности.

Когда по его указанию начали бросать царские подарки прямо в толпу, то началось столпотворение. Было затоптано и раздавлено множество мужчин, женщин и детей. Пересекавший Ходынское поле глубокий ров и колодцы, вокруг которых не было никакого ограждения, оказались буквально забиты телами погибших. Московская пожарная охрана весь день вывозила с поля мертвых и изувеченных. На соседнем Ваганьковском кладбище пришлось вырыть три братские могилы, чтобы похоронить тела только тех, кого опознать уже было невозможно.

Несмотря на строжайшую царскую цензуру, не удалось скрыть, что пышная коронация обошлась русскому народу в сотни человеческих жизней. Но, невзирая на это, царь дал указание продолжать празднование при дворе. Николай II повелел выплатить семьям пострадавших «компенсацию», а государство взяло на себя расходы по погребению. На этом царь посчитал инцидент исчерпанным.

Однако оставим эту черную страницу из истории дореволюционной России и обратимся снова к лету 1939 года, к моему пребыванию в больнице имени Боткина. Как-никак, а я пробыл в ней больше года. За это время там перебывало много других пациентов. Там я познакомился с несколькими интересными людьми, в обществе которых встретил роковые для Европы осенние месяцы 1939 года.

Если не считать двух немецких товарищей, которые сражались в рядах батальона имени Эрнста Тельмана и еще в 1936 году были тяжело ранены под Мадридом, в нашем отделении находились лишь советские товарищи. Моими лечащими врачами были профессор Фрумкин и доктор-женщина по фамилии Штейн. В начале нашего знакомства произошел один довольно забавный случай, о котором мне хотелось бы рассказать.

Во время пребывания в Обонне я с течением времени усвоил наиболее распространенные французские слова и разговорные обороты, наиболее часто употребляемые в больничном обиходе. И так получилось, что многие выражения, связанные с лечением больных и уходом за ними, я знал по-французски, а не по-русски. И я пробовал объясняться с доктором Штейн по-французски. Она тоже пыталась мне что-то сказать на этом языке, но для нее это было так же затруднительно, как и для меня, так что мы с трудом могли говорить лишь о самом необходимом. Это продолжалось довольно долго. Однажды во время утреннего осмотра доктор Штейн сделала мне очень больно, и я сквозь стиснутые от боли зубы обругал ее по-немецки: «Чертова ведьма!» Врач в изумлении отпрянула, затем громко рассмеялась и спросила на чистом немецком языке:

— Что я слышу? Ты говоришь по-немецки? Ты — немец?

Как затем выяснилось, она была из поволжских немцев и выросла в семье, где дома говорили по-немецки. Доктор Штейн не обиделась на меня за «ведьму», и с этого момента наши беседы стали куда более содержательными.

В конце июля или начале августа я впервые узнал из газеты «Правда» о территориальных притязаниях гитлеровской Германии к Польше. Нацисты требовали включения Данцига в состав рейха. По условиям Версальского договора Данциг получил статус «вольного города» под защитой Лиги Наций; таможенный контроль, железные дороги и речное пароходство были переданы, однако, в ведение Польши. Нацисты потребовали резкого сокращения числа польских чиновников в Данциге. Кроме того, они требовали передать им так называемый польский коридор между рейхом и Вос-

точной Пруссией. Судя по всему, Польша должна была стать следующей жертвой гитлеровской Германии. Я вспоминаю одну статью в газете «Правда», напечатанную в конце июля, в которой говорилось о том, что вторая империалистическая война, начавшаяся в различных частях света, грозила перерасти в мировую. Единый эффективный фронт сил, способный стойко и решительно отстаивать дело мира, — это единственное, что может противостоять натиску фашистских агрессоров. Страна Советов, говорилось в статье, внимательно следит за развитием событий, не пытаясь прятаться перед лицом военной опасности в отличие от трусливых буржуазных приверженцев политики «изоляционизма». «Правда» писала, что советский народ не боится войны. Ему не привыкать сражаться за правое дело. Статья «Правды» свидетельствовала о том, насколько серьезной считало правительство СССР сложившуюся в мире политическую обстановку.

В середине августа ТАСС сообщил о начавшихся в Москве военных переговорах между Советским Союзом, Великобританией и Францией. До сих пор помню, с каким интересом мы обсуждали это сообщение в последующие дни. Означало ли это шаг на пути к созданию антивоенного фронта, о котором говорилось в газете «Правда»? Даже опираясь на свой собственный опыт тех лет, мы, оценивая внешнюю политику западных держав, не могли не видеть, что германский империализм представлял собой растущую угрозу для экономических и политических интересов Великобритании и Франции. Не была ли поставлена на карту и сама безопасность этих держав?

Памятуя обо всем пережитом мною во Франции, я все же с трудом представлял себе, что правительства обеих крупнейших империалистических держав Западной Европы, внутренняя политика которых все больше склонялась вправо, могли столь внезапно и в корне изменить свое отношение к Советскому Союзу. Вполне возможно, что военные переговоры с Советским Союзом они вели только для вида, чтобы добиться от Гитлера уступок в пользу Запада и направить его агрессию против Советского Союза. А генеральный штаб вермахта, помня о поражении в первой мировой войне, наверняка стремился избежать войны на два фронта.

Размышления, предположения, вопросы. Кроме отдельных сообщений протокольного характера в прессе на эту тему вначале не давалось никаких подробностей, да в этом и не было ничего удивительного, если учитывать характер переговоров и напряженную политическую обстановку в мире.

21 августа последовало сообщение ТАСС о том, что во время экономических переговоров между Советским Союзом и Германией обе стороны изъявили желание предотвратить угрозу возникновения войны между двумя странами путем заключения пакта о ненападении. В связи с этим в самое ближайшее время ожидалось прибытие в Москву министра иностранных дел Германии Риббентропа для продолжения переговоров.

Спустя два дня, 23 августа 1939 года, между Советским Союзом и Германией был подписан пакт о ненападении, в котором говорилось, что «обе Договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами» [1].

В конце августа в советских газетах было опубликовано интервью, которое народный комиссар обороны маршал Ворошилов дал корреспонденту газеты «Известия». В этом интервью, в частности, говорилось, что военные переговоры между Советским Союзом, Великобританией и Францией были прерваны не потому, что СССР заключил с Германией пакт о ненападении, а потому, что переговоры с Великобританией и Францией зашли в тупик вследствие непреодолимого расхождения во взглядах.

Сегодня всем ясно, что Советский Союз старался избежать заключения этого пакта до последнего момента, но в конце концов был вынужден пойти на это, учитывая политическую обстановку в Европе и во всем мире. На Западе, как хищник в засаде, притаилась фашистская Германия, а на Востоке — империалистическая Япония, которая к тому времени уже оккупировала значительную часть Китая и Корею, вела агрессивные действия против союзника СССР — Монгольской Народной Республики и посягала на богатства советского Дальнего Востока. Более чем реальной была угроза возникновения войны на два фронта. Несмотря на свое поражение у озера Хасан, японские милитаристы в начале августа 1939 года снова стали сосредоточивать войска, на этот раз в районе Халхин-Гола. Их генеральное наступление было приурочено к началу войны в Европе, которую должна была развязать гитлеровская Германия.

Путем заключения с Германией пакта о ненападении Советскому Союзу удалось предотвратить намечавшееся со времени сговора в Мюнхене создание антисоветского блока крупнейших империалистических держав — как западных держав,

---

[1] Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1946, т. IV, с. 443.

так и стран «оси» — и выиграть время для экономического, политического и военного усиления первого в мире социалистического государства. Благодаря этому договору Советский Союз получил два года мира, что позволило существенно укрепить стратегическое положение страны и во многом повлияло на исход начавшейся второй мировой войны.

Наверняка именно так мыслили советские руководители в те напряженные августовские дни 1939 года; именно так мы оцениваем ту ситуацию и сегодня, рассматривая ее с дистанции в несколько десятилетий. Но совсем не так просто было дать правильную оценку этому событию мне, немецкому коммунисту, находившемуся на излечении в московской больнице. Поэтому я погрешил бы против истины, если бы стал утверждать, что я уже 23 августа постиг весь смысл и значение этого события. Чего не было, того не было. Насколько я помню содержание разговоров, которые мы вели тогда в больнице, большинство советских людей испытывали чувство облегчения, так как с заключением советско-германского пакта предотвращалась угроза фашистского нападения. Другое дело, на какое время? Но кто мог тогда это сказать?

Заключение этого договора советские люди рассматривали как продолжение и подтверждение внешнего политического курса, разработанного XVIII съездом ВКП(б) в марте 1939 года. На этом съезде Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин подтвердил неизменное стремление ВКП(б) проводить такую внешнюю политику, которая служила бы делу мира и установлению деловых отношений со всеми странами. Одновременно на съезде со всей решительностью было сказано, что следует остерегаться тех сил, которые привыкли загребать жар чужими руками. И далее подчеркивалось, что Советский Союз будет делать все, чтобы не дать провокаторам возможности втянуть себя в конфликт.

Эта позиция ВКП(б) была мне понятна. Но, несмотря на это, меня мучил один вопрос. не было ли у Советского правительства иного пути для сохранения мира? Когда в Германии установилась фашистская диктатура, Советский Союз стоял во главе всех прогрессивных сил мира, выступавших против фашизма и его агрессивной политики, за мир, демократию и социальный прогресс. И вот неожиданно Советский Союз заключил пакт о ненападении с сильнейшей фашистской державой, с государством, которое было инициатором создания антикоминтерновского пакта, являлось заклятым врагом Советского Союза и объявило своей целью установление господства в Европе и уничтожение социализма.

Мне вспомнился Сталин, каким я его видел в Кремле в 1935 году. Мне также вспомнилось, как нас посетили в Ленинской школе товарищи Ворошилов, Буденный, Ярославский и Мануильский. Я не мог представить себе, чтобы у них могли быть иллюзии в отношении гитлеровского фашизма и чтобы они не видели растущей угрозы со стороны германского милитаризма. Не могли они не знать, чего стоят торжественные заверения таких людей, как Риббентроп!..

Кроме того, говорил я себе, руководители Страны Советов, принявшие это серьезное и нелегкое для них решение,— это люди, которые все свои силы и знания отдавали делу защиты жизненных интересов трудящихся и безопасности социалистического государства. Какими бы соображениями они ни руководствовались, идя на этот шаг, они предприняли его в интересах Советской страны, в интересах своего рабоче-крестьянского государства, а также всего миролюбивого человечества. В этом я не сомневался.

Многие немецкие коммунисты, находившиеся в то время в Советском Союзе, думали примерно так же. Иногда меня посещали мои немецкие товарищи, которых я знал еще со времени обучения в МЛШ, и мы часто вели бурные дискуссии. Но как бы мы ни расходились во мнениях, мы твердо были уверены в одном: с первых же дней своего существования Советское государство всегда, даже в самых опасных ситуациях, возглавляло борьбу за мир, показывало яркий пример верности интернациональному долгу, делало все возможное для поддержания революционного рабочего движения в капиталистических странах и национального освободительного движения в колониях, для поддержания борьбы против империализма и фашизма. И так будет всегда!

Сознание этого факта и непоколебимое доверие, которое мы, немецкие коммунисты, в этой очень сложной обстановке питали к ВКП(б), позволили нам правильно, с классовых позиций, оценить проводимую ею политику, даже если нам не всегда были ясны лежащие в ее основе факторы.

Через несколько дней, 1 сентября 1939 года, фашистская Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. Она не явилась для меня неожиданностью, и я с волнением думал: «Как там теперь, в Германии? Что сталось с моими товарищами, с матерью? И как долго продлится война?»

Мое лечение продолжалось. Профессор Фрумкин пользовался репутацией отличного врача и хирурга. Он повторно оперировал меня и выразил твердую уверенность в том, что мое полное выздоровление — теперь вопрос времени. Будучи

прямым и откровенным, он не любил давать больным пустых обещаний, но умел ободрить их. Как-то он мне сказал:

— Когда все будет в порядке, я не знаю. Возможно, уже в этом году, возможно, лишь через два-три года. Но ты непременно будешь здоров. Тебе необходим покой, терпение и еще раз терпение.

Действительно, весной 1940 года я выписался из больницы здоровым человеком, и этим я обязан прежде всего замечательному деятелю советской медицины профессору Фрумкину и всем его сотрудникам — врачам и медсестрам, которые испробовали все средства, сделали все возможное, чтобы помочь мне снова стать трудоспособным и жизнерадостным человеком. Профессор Фрумкин учился в Тюбингенском университете, знал немецкий язык и охотно беседовал со мной о Германии. Меня всегда впечатляло, с каким уважением советский ученый отзывался о достижениях немецкой науки. Такие видные деятели медицины, как хирург Эрнст Зауэрбрух и терапевт Теодор Бругш, которых Фрумкин знал лично, олицетворяли для него подлинную немецкую культуру и величие духа немецкого народа. Профессор Фрумкин был твердо убежден, что «Германия Тельмана» когда-нибудь победит.

— Рано или поздно немецкие коммунисты добьются своего! В этом я совершенно уверен! — говорил он. Но сколько потребовалось жертв для того, чтобы настал этот долгожданный день!

Гитлеровским армиям достаточно было меньше трех недель, чтобы разгромить армию панской Польши. На Западе началась так называемая «странная война», и не приходилось рассчитывать на то, что, захватив Польшу, германский империализм остановится на этом.

На какое-то время непосредственная опасность агрессии со стороны фашистской Германии против Советского Союза, можно считать, была устранена, но поздней осенью 1939 года на северо-западной границе СССР сгустились грозовые тучи. Реакционные силы Финляндии уже давно стремились создать империалистическую «Великую Финляндию» за счет СССР. Начиная с 1938 года Финляндия укрепляла и модернизировала свои военные сооружения на Карельском перешейке, всего лишь в 35 километрах от Ленинграда. Неудачей закончились все попытки Советского Союза улучшить отношения со своим северным соседом. Так, финское правительство отклонило предложение СССР возобновить заключенный в 1932 году пакт о ненападении. Оно также не изъявило готовности заключить с СССР договор о взаимной по-

мощи. Реакционные силы Финляндии отвергли также и предложение Советского правительства перенести советско-финскую границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров и получить в качестве компенсации вдвое большую территорию в Советской Карелии.

В ответ на мирные предложения Советского правительства финские агрессивные круги устраивали на границе одну провокацию за другой, и самой крупной из них был артобстрел советских частей под Ленинградом в конце ноября 1939 года. Ни к чему не привело еще одно предложение правительства СССР разрешить конфликт мирными средствами, так как Финляндия выдвинула требования, неприемлемые для Советского Союза. После того как Советское правительство исчерпало все возможности обеспечить безопасность своих северо-западных границ, 30 ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа перешли в наступление. В сообщениях, которые доходили до нас в первые недели войны, говорилось о наступлении советских войск и их продвижении в глубь территории Финляндии. Но тогда мы не могли составить себе представления ни о масштабе боевых операций, ни о конкретной обстановке на театре военных действий. В тот год в Москве была снежная и необычно холодная зима. Боевые действия велись в сотнях километров от Москвы, но мы все время думали о том, насколько трудно проводить передвижения войск и наступательные операции в еще более неблагоприятных погодных условиях, особенно в обширных лесных и заболоченных районах Карельского перешейка. Это требовало от советских войск предельного напряжения сил.

Вскоре черная тень войны дошла до нашей больницы. В конце года с Карельского фронта к нам стали поступать военнослужащие с тяжелыми ранениями и обморожениями, каких я до того времени никогда не видел. Я побеседовал с несколькими ранеными. Из их скупых рассказов я понял, что в начале войны имела место недооценка сил противника и крайне тяжелых погодных условий — глубокий снег и 40—50-градусный мороз. Советские войска не были достаточно хорошо подготовлены для прорыва такой глубоко эшелонированной системы долговременных укреплений, как линия Маннергейма.

Под руководством финского генерала барона Маннергейма, заклятого врага Советского Союза, который до 1917 года служил в царской армии и в 1918 году потопил в крови революцию в Финляндии, эта система долговременных укреплений была создана еще в 20-е годы, а с 1938 года полностью

модернизирована. Линия Маннергейма проходила от Финского залива до Ладожского озера и состояла из трех поясов долговременных укреплений, глубиной до 90 километров. Как выяснилось позже, она насчитывала около 700 оборудованных огневых позиций, дерево-земляных и железобетонных дотов, почти 800 подземных казематов, тяжелых противотанковых заграждений, заграждений из колючей проволоки, многочисленные минные поля и в известной степени представляла плацдарм для планируемого нападения на Ленинград и Прибалтийские республики. Хотя к середине декабря 1939 года советским войскам на Карельском перешейке и удалось преодолеть первый пояс долговременных укреплений, попытка с ходу прорвать главный оборонительный рубеж линии Маннергейма сначала не привела к успеху. Раненые бойцы рассказывали, что они несли тяжелые потери еще на густо заминированных подступах к рубежу обороны. Самые крупные финские железобетонные доты, рассказывали они, имели такую мощную броню, что артиллерия лишь в редких случаях могла подавить их.

Мне вспомнилось пережитое под Кихорной. Я мог понять раненых советских солдат и посочувствовать им, тем более что они, конечно, не щадили себя. Тем большей была наша радость, когда в середине февраля 1940 года советские войска возобновили наступление по всему фронту и линия Маннергейма, считавшаяся финнами непреодолимой, была прорвана. В начале марта пал Выборг. У правительства Финляндии не было другого выхода, как предложить Советскому Союзу начать мирные переговоры. В соответствии с подписанным 12 марта в Москве мирным договором советско-финская граница отодвигалась к северо-западу от линии Выборг — Сортавала, примерно на 150 километров от Ленинграда, который к началу войны находился в пределах досягаемости огня финской артиллерии.

Тем временем профессор Фрумкин решил выписать меня из больницы не позднее чем через полтора-два месяца. Последняя операция прошла удачно, лечение проходило успешно, и в конце апреля 1940 года меня, как выздоравливающего, выписали из больницы. Вскоре я уехал из Москвы в солнечный, теплый Крым. Там мне предстояло отдыхать четыре недели в санатории «Большевик» в Ялте. В санатории я оказался единственным иностранцем. Несмотря на то что и здесь я находился под неусыпным медицинским наблюдением, я чувствовал себя гораздо непринужденнее, чем в больнице. У нас было предостаточно возможностей наслаждаться неповторимыми красотами природы Южного берега Крыма во вре-

мя пешеходных прогулок и экскурсий, организованных дирекцией санатория. Крутые, как бы выходящие из моря скалы, мягкий климат, субтропическая растительность — все это придавало бодрость и восстанавливало силы. Незабываемыми были вечера на море. При лунном свете вся поверхность моря отливала серебром и как-то необычно светилась. Нам объясняли, что причиной этого необычайного явления был высокий процент содержания сероводорода в Черном море, причем особую роль играл какой-то вид бактерий.

Мы совершали прогулки по Ялте, в облике которой в то время все еще оставалось много сельского, не в последнюю очередь благодаря проживавшим в окрестностях города крымским татарам, конные повозки которых всегда были неотъемлемой частью здешнего городского пейзажа.

Мы посетили Феодосию. Нас ознакомили с историей города, которая уходит в глубь веков, вплоть до VI столетия. Феодосия хранит следы многовекового влияния Византии, татарского владычества, а также временной колонизации города генуэзскими купцами и более позднего турецкого господства.

Мы предприняли поездку на мыс Ай-Тодор. Он находится примерно в десяти километрах от Ялты и известен своими скалами с глубокими расщелинами. Со смотровой площадки любовались «Ласточкиным гнездом». Этот небольшой замок, построенный на выступе скалы, получил свое название потому, что издалека напоминает прилепившееся к скалам гнездо. Своими многочисленными бойницами, мощной угловой башней и большим числом башенок и зубцов, часть которых обрушилась в море во время землетрясения, «Ласточкино гнездо» напоминает средневековый замок, подобные которому и сегодня встречаются на берегах Рейна. Это строение резко контрастирует с другими постройками на Южном берегу Крыма.

Мои воспоминания о «Ласточкином гнезде» связаны с одной приятной страницей в моей жизни. Однажды утром мой лечащий врач отвел меня в сторону и сказал:

— Там, в соседнем корпусе, находится немецкая коммунистка. Навестите и подбодрите ее немножко. Она перенесла тяжелую болезнь и нуждается в поддержке.

Я увидел перед собой крошечное грациозное создание с темными глазами и каштановыми волосами, заплетенными в косы. Это была Леа Лихтер, боевой товарищ и супруга Фрица Гроссе, который с 1929 года был секретарем по оргработе в бюро ЦК Коммунистического союза молодежи Германии, а в ноябре 1932 года по предложению Эрнста Тельма-

на был избран его председателем. В то время у нас, немецких политических эмигрантов, не было принято подробно рассказывать друг другу историю своей жизни, но из того немногого, что рассказала о себе Леа Лихтер, я хорошо мог представить, какие тяжелые годы ей пришлось пережить.

С 1931 года Леа Лихтер работала в ЦК Коммунистического союза молодежи Германии, потом приехала в Советский Союз, а в 1933 году по собственному желанию возвратилась в Германию, чтобы у себя на родине бороться против фашизма. Она работала главным образом в Рурской области и установила контакты с католическими антифашистскими молодежными группами, но летом 1934 года была арестована гестапо в Дюссельдорфе и приговорена к трем годам каторжных работ, которые ей предстояло отбыть в зловещей тюрьме в Яуэре, в тогдашней Нижней Силезии. Выйдя на свободу в 1938 году, она нашла убежище сначала в Польше, а в 1940 году, проделав полный опасных приключений путь, приехала в Советский Союз. С весны 1940 года Леа Лихтер находилась в ялтинском санатории. Врач не запрещал ей короткие экскурсии, и я однажды пригласил ее на автомобильную прогулку к «Ласточкину гнезду», заметив при этом:

— Я покажу тебе сегодня кусочек родины.

Леа недоверчиво посмотрела на меня, но когда мы прибыли на место, то она, разумеется, была так же поражена, как и я несколько дней назад, увидев на берегу Черного моря замок, который можно было встретить на берегах Рейна или Мозеля. Но разве может быть замок без своей истории, особенно если он такой старый с виду? Я рассказал Лее, что здесь, на скале, на месте «Ласточкина гнезда» когда-то была старая дача, построенная русским генералом, раненным в войне с турками и приехавшим сюда залечивать раны. После его смерти дачу приобрела богатая дама из Москвы, которая велела ее переделать, а затем продала дачу одному немецкому нефтепромышленнику. Тот, в свою очередь, велел дачу снести и на ее месте построить замок. При советской власти «Ласточкино гнездо» служило туристической базой, а позже использовалось как библиотека и читальный зал санатория. Наконец, когда в 1927 году во время землетрясения от скалы отделился кусок и упал в море, опасность обвала стала грозить самому замку, и он был закрыт для посетителей.

Леа, вероятно, думала, что я специально изучал историю местных достопримечательностей во всей округе, и стала восторгаться моими поразительными познаниями, но я при-

знался, что был здесь с экскурсией несколько дней назад и всего-навсего пересказал ей слова гида. Шутка удалась, и мы оба весело рассмеялись.

В конце июня 1940 года я уехал из Ялты, а Леа Лихтер еще осталась. Через три года мы вновь встретились в Красногорске.

Решался вопрос о моем новом назначении, и мне ничего не оставалось, как терпеливо ждать. Из Москвы я переехал в дом отдыха для участников испанской войны в Переделкино, небольшой дачный поселок к юго-западу от Москвы, между Солнцево и Внуково, до которого было полчаса езды поездом.

Товарищи, с которыми я там встретился, так же, как и я, ожидали назначения. У некоторых не было руки или ноги. Они отдыхали в Переделкино, пока для них подбирали работу по их физическим возможностям. По этой причине мы не без сарказма называли наш дом отдыха «домом инвалидов». Нам надо было восстанавливать силы, и нашим главным занятием были прогулки, чтение и игра в волейбол. Иногда мы выезжали в Москву, чтобы пойти в театр и немного окунуться в городскую жизнь.

Совсем рядом с нашим домом отдыха в лесу находился небольшой дачный поселок. Мы прозвали его «писательской колонией», так как там жили писатели и другие деятели культуры. Среди них были и такие немецкие пролетарские писатели, как Иоганнес Р. Бехер и Вилли Бредель, с книгами которого «Улица Розенхоф» и «Машиностроительный завод» я познакомился еще в Мангейме, а также Адам Шаррер, написавший автобиографический роман «Безродные» и роман из крестьянской жизни «Кроты».

В Переделкино я встретился со старым знакомым и другом по Мангейму и Испании товарищем Гейнцем Виландом. Он был одним из активистов Коммунистического союза молодежи Германии в Неккарштадте. В первые годы гитлеровской диктатуры он, как и я, стал участником антифашистского движения Сопротивления в юго-западной Германии, а позже сражался в Испании в Интернациональной бригаде. Он был командиром роты в батальоне имени Эрнста Тельмана. Его тяжело ранило во время нашего наступления под Теруэлем зимой 1937/38 года, и ему пришлось провести свыше двух лет в испанских, французских и советских госпиталях и больницах. В последний раз мы встретились в госпитале в Беникасиме на Средиземноморском побережье Испании. Уже тогда меня поразил его неистощимый оптимизм. Хотя Гейнц сильно страдал от полученных ран, никто никогда не слы-

шал от него ни слова жалобы, и он всегда умел подбодрить товарищей и веселой шуткой скрасить серые госпитальные будни.

Велика была моя радость, когда я снова встретился с этим чудесным человеком! Мы поселились вдвоем в небольшой уютной комнатке и почти все время были неразлучны. Вскоре в наших «чемпионатах» по волейболу стали принимать участие жившие неподалеку советские юноши и девушки, которые отдыхали здесь перед новым учебным годом. Однажды одна девушка пригласила меня и «другого Гейнца в очках» (Гейнца Виланда) в Москву. Она собиралась отпраздновать свое двадцатилетие и хотела познакомить нас со своей матерью, сестрой и братом. Ее мать уже знала, что Гейнц и я — немецкие коммунисты, сражались в Испании против фашизма. Тем не менее ей, как она мне позже призналась, было несколько не по себе при мысли о том, что день двадцатилетия дочери придется отмечать в обществе двух совершенно незнакомых ей немцев. Я восхищался этой маленькой хрупкой женщиной, работавшей токарем на одном из московских металлообрабатывающих заводов. Ее муж умер совсем молодым от ранения, которое получил в годы гражданской войны, сражаясь с белогвардейцами, и Марии Ильиничне одной пришлось растить троих детей. Я сразу почувствовал себя в этой семье как дома, в основном благодаря доброте и заботе этой замечательной женщины, которая отнеслась ко мне как к собственному сыну. В двух небольших комнатках на первом этаже углового дома на Большой Грузинской улице было тесновато, но это нисколько не отразилось на веселом праздновании дня рождения. Старшая дочь была тоже веселой и приятной собеседницей, а ее двадцатипятилетний брат ни в чем не уступал ей. Заметив, что Гейнц Виланд и я хотели поставить на стол рюмки недопитыми, он наполнил их до краев и сказал:

— Давайте выпьем по-русски, до дна!

Михаил Иванович был метростроевцем и очень гордился своей профессией. Он рассказал нам, как семнадцатилетним комсомольцем по призыву ВКП(б) он пошел строить метро. Это было в 1931 году. Тогда началось строительство первой линии московского метрополитена, которая была пущена в эксплуатацию 15 мая 1935 года.

Мы узнали, какой тяжелой и опасной была эта работа в первые годы строительства метро. Главную трудность представляла не разветвленная газопроводная, водопроводная, телефонная сеть и канализация, так как метростроевцы вели работы на значительно большей глубине. Злейшим врагом

строителей московского метро была вода. В конце сентября 1938 года было завершено строительство второй линии метро.

В осенние месяцы 1940 года я был поражен, насколько быстро изменился облик города за прошедшие четыре года. Особенно разительными были изменения на улице Горького, которую я с июльских дней 1935 года запомнил как Тверскую с ее старыми домами, многие из которых обветшали и годились только на снос, с ее ухабистой мостовой и грязными лужами в плохую погоду. Теперь, спустя несколько лет, от всего этого мало что осталось. Бывшая торговая дорога, соединявшая Москву с Петербургом (через Тверь — ныне Калинин), за годы Советской власти превратилась в один из самых современных и красивых проспектов столицы. Здание Моссовета — до революции резиденцию генерал-губернатора — передвинули на четырнадцать метров и расширили улицу с двадцати до почти шестидесяти метров.

Меня приводила в восхищение одна мысль о том, что дом можно просто передвинуть, вместо того чтобы снести его и построить на этом месте новый. Когда я однажды во время прогулки по улице Горького высказал свое восхищение одному советскому товарищу, тот заметил:

— Вы, немецкие рабочие, славитесь своим умением все делать основательно. Зато мы, русские, выносливее и часто изобретательнее. — Он дружески похлопал меня по плечу и, смеясь, продолжал: — А если мы объединим наши усилия, то кто тогда посмеет тронуть нас?

И как бы желая подкрепить свои слова о русской находчивости и изобретательности, он показал рукой через улицу в направлении гостиницы «Люкс», теперешней «Центральной»:

— Знаешь это здание?

Кто же в Москве не знал тогда гостиницы «Люкс»? Мой спутник указал на первый этаж этого массивного здания и рассказал мне, что раньше там находилась знаменитая булочная Филиппова, рабочие которой, да и сам владелец не раз доставляли властям и самому царю много хлопот именно благодаря своей находчивости. Так, рабочие тогдашней булочной Филиппова, продолжал он, восстали в сентябре 1905 года против царя и объявили забастовку, ставшую предвестницей массовой политической стачки в октябре и Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года. Эта забастовка в буквальном смысле ударила по желудкам членов царской семьи в Петербурге, так как пользовавшиеся

огромной популярностью филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, изюмом, творогом, грибами и вареньем, а также и ржаной хлеб поставлялись и к царскому столу.

А взять хотя бы самого Ивана Филиппова, основателя булочной! У него тоже была весьма изобретательная голова. Это ведь он придумал новый вид хлебобулочных изделий — сайки с изюмом. Мой товарищ рассказал мне историю «изобретения» этих саек.

В первой половине XIX века генерал-губернатором Москвы был некий Закревский, страшный грубиян, перед которым все трепетали. Каждое утро свежие сайки от Филиппова подавались ему к чаю.

Однажды за завтраком разразился страшный скандал. Закревский ревел на весь дом, требуя немедленно доставить булочника Филиппова, этого бездельника и неряху. Когда Филиппова привели, он сунул ему под нос надкушенную сайку и заорал в бешенстве:

— Ты знаешь, что это? Таракан!

Филиппов взял у него сайку с запеченным тараканом, повертел ее в руках, внимательно осмотрел со всех сторон и... спокойно съел.

— Все правильно, ваше превосходительство. Это изюминка!

Закревский потерял дар речи:

— Да разве сайки с изюмом бывают?

Закревский продолжал изрыгать проклятия в адрес Филиппова, обзывая его мерзавцем и наглым лжецом, а тот, не теряя времени, помчался прямо в булочную, схватил кастрюлю с изюмом и, к великому ужасу пекарей, высыпал в саечное тесто. Через час на столе у Закревского лежали горячие сайки с изюмом. Родился новый вид сдобы!

Но вернемся, однако, в Переделкино. В конце 1940 года к нам в дом отдыха приехали Вильгельм Флорин и Вальтер Ульбрихт, чтобы по поручению ИККИ обсудить с нами, немецкими коммунистами, вопрос о нашем дальнейшем использовании. Со мной беседовал Вальтер Ульбрихт. Он знал о моем ранении и посоветовал мне не стремиться пока к работе, связанной с большими нагрузками, даже если я и чувствую себя сравнительно здоровым. Товарищи в ИККИ посовещались, сообщил он, и предлагают мне продолжить свою теоретическую подготовку, чтобы в дальнейшем работать в области пропаганды; со следующего года будут работать специальные курсы при ИККИ, на которые меня уже зачислили.

Вскоре после этого я переехал в Пушкино. Там в марте

1941 года открывались курсы, о которых говорил Вальтер Ульбрихт. Пушкино находится примерно в 30 километрах к северо-востоку от Москвы. В то время это был городок с 20 тысячами жителей, деревянными домиками и причудливой церковью, голубые византийские купола которой были украшены золотом и приковывали к себе внимание.

В Пушкино я снова встретился с Густавом Шиндой. Он в 1937 году командовал батальоном имени Эдгара Андре, затем одно время был начальником штаба 11-й Интернациональной бригады и был ранен в январе 1939 года во время фашистского наступления в Каталонии.

Здесь я также познакомился с Рудольфом Дёллингом. О нем вспоминают многие коммунисты нашего поколения. Он занимал руководящие должности в народной полиции, а затем и в военизированной полиции ГДР, был начальником политического управления Национальной народной армии, а в 1959 году был назначен чрезвычайным и полномочным послом ГДР в СССР. Рудольф Дёллинг был по профессии горняком, в 20-е годы стал членом Коммунистической партии Чехословакии и в течение нескольких лет был депутатом в парламенте страны от Коммунистической партии. В 1938 году он эмигрировал в СССР.

В школе в Пушкино обучались только те товарищи, которые уже окончили МЛШ или одну из высших партийных школ. В учебную программу входили философия, политическая экономия, а также история ВКП(б) и международного рабочего движения, которую мы, разумеется, изучали в тесной связи с актуальными событиями в мире. Кроме того, нам преподавали специальную военную подготовку. Школу возглавлял болгарин Вылко Червенков, который после смерти Георгия Димитрова стал Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Болгарии.

От большинства из нас систематическая учеба потребовала значительной внутренней перестройки. Прошло четыре года с тех пор, как я окончил МЛШ, и все это время у меня было мало возможностей для дальнейшего глубокого изучения теории. Многим из нас пришлось немало наверстывать.

Месяцы, проведенные в Пушкино, остались в моей памяти как время напряженных занятий и тревог. Я думал о том, как будут развиваться события второй мировой войны, как долго удастся сдерживать фашистов от нападения на СССР.

Один из советских товарищей в 1940 году был на приеме, устроенном в честь выпускников военных академий, на котором с речью выступил Сталин. Он оценил обстановку

как очень серьезную и совершенно определенно сказал, на борьбу с каким потенциальным агрессором Красной Армии необходимо настраиваться и готовиться — с блоком фашистских стран «оси».

В первый день занятий на курсах к нам приехал Георгий Димитров, который с 1935 года был Генеральным секретарем Коминтерна. В своей вступительной речи он говорил о характере войны и на основе своей оценки определил наиболее важные задачи коммунистов. Димитров, исходя из положений воззвания ИККИ от ноября 1939 года, охарактеризовал войну как империалистическую для обеих воюющих сторон, как несправедливую и реакционную, как войну, всю ответственность за которую несут, в первую очередь, правительства капиталистических держав и господствующие классы воюющих стран.

В этой связи Димитров тем не менее указал на некоторые существенные изменения, которые произошли с конца 1939 года. Эти изменения состояли не только в том, что вслед за захватом Польши фашистская Германия оккупировала также Данию и Норвегию, Францию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург и направила свои войска в Румынию. Чем откровеннее германский фашизм стремится к мировому господству, усиливая эксплуатацию и подавление народов, подчеркнул Димитров, тем сильнее растет решимость народов оккупированных стран бороться с фашизмом.

В то же время Димитров воспользовался случаем, чтобы обратиться лично к нам и напомнить об ответственности и долге коммунистов. Димитров сделал это четко и прямо, не стесняясь в выражениях. Враг стоит у самых границ Советского Союза, говорил он, и поэтому каждый из нас должен быть готов в любой момент выполнить любое задание, любой приказ, даже ценой собственной жизни.

«В наше время, — сказал в заключение Димитров, — позор для коммуниста — умереть в постели! Для тех, которые считают, что не могут или не хотят, пожалуйста — дверь открыта!»

В тот момент в зале стояла мертвая тишина. Не знаю, что чувствовали товарищи рядом со мной, но я был уверен в том, что, когда придет час вступить в бой с фашизмом, все мы, не колеблясь, будем готовы выполнить любое задание.

Все мы в последующие месяцы считались с возможностью агрессии фашистской Германии против СССР, и все-таки сообщение о вероломном нападении на Советский Союз явилось неожиданным и потрясло нас.

Воскресенье 22 июня 1941 года я буду помнить всю

жизнь. Как обычно, в субботу вечером я уехал в Москву. В воскресенье я собирался днем встретиться с Густавом Шиндой. В Москве стоял чудесный летний день. Мы гуляли по улице Горького. Вдруг из всех репродукторов зазвучал хорошо знакомый голос Молотова:

— Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление...

Люди останавливались и с напряженным вниманием ловили каждое слово рокового сообщения о том, что в четыре часа утра немецкие войска на многих участках атаковали границы Советского Союза и подвергли бомбардировке многие города. Последующие слова Молотова доносились до меня как бы издалека. В конце своего выступления он сделал короткую паузу и твердо и решительно произнес:

— Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами [1].

Нам, немецким коммунистам, жившим тогда в Советском Союзе, было мучительно больно видеть, как мирные советские люди, глубоко уважавшие Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Карла Либкнехта, Эрнста Тельмана и рабочий класс Германии, не раз проявлявшие свою солидарность с немецкими трудящимися и шедшие во имя нее на жертвы, сначала просто не хотели верить этому сообщению. Мысль о том, что сыновья немецких рабочих и крестьян по приказу генералов и офицеров напали на Советский Союз, большинству казалась просто чудовищной.

Один знакомый мне комсомолец лет двадцати спросил меня, считаю ли я, что немцы на самом деле будут воевать. Я не понял смысла вопроса и ответил, что в заявлении Молотова четко сказано, что война началась вот уже несколько часов назад. Мой собеседник недоверчиво покачал головой и сказал, что идет на призывной пункт. При этом он похлопал меня по плечу и заметил:

— Немецкие рабочие не будут сражаться против нас! Я вернусь еще до наступления зимы. Самое позднее, к Новому году.

Ему не суждено было дожить до зимы. Через несколько недель пришло извещение о том, что он погиб. В тот же вечер я возвратился в Пушкино. Помня слова Димитрова, я был твердо убежден. что очень скоро наступит и наш черед идти в бой.

---

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946, т. 1, с. 129.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из журнала боевых действий командира 35-й дивизии генерала Сверчевского (Вальтера) во время Брунетской операции (1—29 июля 1937 года). Часть записей цитируется дословно, а часть передается в сокращенном пересказе по книге: Karol Świerczewski — Walter. W bojach o wolność Hizrpanii. Warszawa, 1966, s. 247—292.

1 июля 1937.

«По приказу командующего армии «Центр» дивизии приданы 11-я Интернациональная бригада, а также 32-я и 108-я бригады».

2 июля 1937, 8.00.

«11-я, 32-я и 108-я бригады совершают марш в назначенные им районы».

В 21.00.

«11-я бригада вышла к 70-му километру Сарагосского шоссе».

3 июля 1937, 8.00.

«11-я бригада находится в районе 70-го километра Сарагосского шоссе».

20.00.

«11-я бригада на марше».

4 июля 1937, 8.00.

«Командный пункт 11-й бригады находится на 28-м километре дороги Эль-Эскориал — Галапагар; части — на марше».

5 июля 1937, 8.00.

«Командный пункт 11-й бригады на 28-м километре дороги Эль-Эскориал — Галапагар; части совершают марш в назначенный район».

17.00.

«11-я бригада получила от командира дивизии боевой приказ № 1 на подготовку и ведение наступления в направлении Вальдеморильо — Брунете».

6 июля 1937, 8.00.

«11-я бригада находится в районе 19-го километра шоссе Эль-Эскориал — Вальдеморильо, за исключением первого батальона, который вместе со своими транспортными средствами находится в пятистах метрах от ответвления вышеназванного шоссе на Пералехо. В бригаде имеется одно зенитное орудие, и она усилена одним батальоном 108-й бригады».

9.45.

«Взяли Брунете. Во второй половине дня подразделения 46-й дивизии предприняли первые атаки на Кихорну».

22.30.

«Командиру 11-й бригады передано сообщение о результатах наступления в течение прошедшего дня: окружены позиции противника в районе Лос-Льянос—Кихорна. Захватили Брунете (в плен взято 120 человек, в том числе 4 офицера). Части 18-го корпуса окружили населенный пункт Вильянуэва-де-ла-Каньяда».

7 июля 1937, 7.00.

«Получен приказ от командира корпуса: 11-й бригаде немедленно совершить марш и в полном составе выйти в район перекрестка дорог в 4 километрах к югу от Кихорны. 11-я бригада по-прежнему остается в резерве».

7.30.

«Взяли Вильянуэва-де-ла-Каньяда».

9.00.

«11-я бригада на 74 грузовиках выступила на марш в назначенный район».

10.30.

«Командир 11-й бригады доложил командиру дивизии: к 10.30 пехота вышла к Брунете. Противник ведет по Брунете артиллерийский огонь. Продвижение бригады в южном направлении происходило под сильным пулеметным огнем противника; 1-й и 3-й батальоны заняли друг за другом позиции: 1-й батальон — юго-западнее Брунете, западнее дороги Алькоркон—Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс; 3-й батальон — слева и вдоль дороги.

Противник немедленно открыл по батальонам сильный пулеметный огонь и вынудил их перейти к обороне. В 16.15 противник дважды атаковал 1-й батальон, усиленный одной ротой 2-го резервного батальона. Обе атаки были отбиты. В 17.30 приданная рота возвратилась в свой батальон. 2-й и 4-й батальоны находятся в резерве на высоте в 2 километрах от дороги Вальдеморильо — Брунете. Артиллерия: в течение всего дня артиллерия противника вела огонь по нашим позициям, причем противник пытался вести сосредоточенный огонь по участку дороги Вальдеморильо — Брунете в 300 метрах перед Брунете.

Авиация противника: во второй половине дня противник несколько раз подвергал бомбардировкам позиции наших войск, а истребители обстреливали их из бортового оружия. Потери: убитых — 7, раненых — 21, пропавших без вести — 1».

8 июля 1937, 13.00.

«Командир корпуса приказал выделить из состава 11-й бригады один батальон для атаки на Кихорну».

16.00.

«Командиру приданной танковой роты было приказано выделить половину своих сил и средств для немедленной атаки на Кихорну (6 танков)».

16.55.

«Атака на Кихорну не принесла успеха, главным образом вследствие нерешительных действий танкистов».

9 июля 1937, 8.00.

«Два батальона 11-й бригады находятся на линии огня вдоль дороги Алькоркон — Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс; два других батальона по-прежнему находятся в распоряжении 46-й дивизии».

9.10.

«Авиация противника бомбардировала Брунете и затем обстреляла из бортового оружия позиции 11-й бригады».

12.30.

«Подразделения дивизии «Эль Кампесино», усиленные двумя батальонами нашей 11-й бригады, взяли Кихорну».

16.15.

«Командир 11-й бригады докладывает, что во время атаки на Кихорну два ее батальона действовали очень решительно и захватили кладбище, которое являлось ключевой позицией противника. Тем самым они способствовали успешной атаке на населенный пункт и захватили у противника большое количество карабинов, два противотанковых орудия и свыше ста пленных, которые направлены в расположение 46-й дивизии».

20.00.

Местоположение 11-й бригады: «...Три батальона находятся в районе южнее Кихорны (перекресток дорог в 500 метрах севернее дороги Алькоркон — Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс, 19-й километр этой дороги до отметки «17,5 км» дороги на Навалькарнеро). Один батальон придан дивизии „Эль Кампесино"».

10 июля 1937. 24.00.

Из боевого донесения командира 11-й бригады о действиях подразделений бригады, поддерживавших атаку 108-й бригады в направлении перекрестка дорог на 23-м километре шоссе Брунете —Алькоркон на участке Брунете—Кихорна: «Так как 108-я бригада не сумела продвинуться вперед, одна рота 4-го батальона 11-й бригады получила задачу атаковать противника на левом фланге полосы наступления, продвинуться вперед до окопов противника, обойти и захватить их. Рота подошла на 500 метров к позициям противника. Дальнейшее продвижение оказалось невозможным из-за сильного пулеметного огня. В 20.00 в бой были введены пять танков и 2-я запасная рота 4-го батальна 11-й бригады. 1-й взвод этой роты подошел на 30 метров к окопам противника и стал забрасывать их гранатами. Взводу, однако, не удалось закрепиться и он вынужден был отойти на 500 метров.

В 22.00 в бой был введен 2-й батальон 11-й бригады с целью проведения ночной атаки в 23.00. Атака не принесла успеха, так как батальон преждевременно стал использовать гранаты и противник успел принять контрмеры. 2-й батальон отошел назад на свои исходные позиции (500 метров перед передним краем обороны противника). Потери бригады на 11.07.37: убитых — 101, раненых — 299, пропавших без вести — 55».

11 июля 1937, 04.50.

«Командир 11-й бригады докладывает, что у бойцов высокий боевой дух и что бригада имеет достаточные запасы боеприпасов и продовольствия».

8.00.

Местоположение подразделений 11-й бригады: «Две роты находятся в Кихорне, остальные подразделения — на передовых позициях на дороге Алькоркон—Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс, западнее позиций батальонов 32-й бригады».

12 июля 1937.

Местоположение 11-й бригады: «Занимает передовые позиции вдоль дороги Брунете —044Fералес-де-Милья, к западу от 20-го километра дороги Алькоркон — Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс».

13 июля 1937, 01.25—07.45.

«11-я бригада сменяет 108-ю бригаду».

8.00.

Местоположение 11-й бригады: «Вдоль дороги Алькоркон — Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс от ее перекрестка с дорогой на Ломо и в 200 метрах от дороги, идущей от Кихорны в южном направлении».

12.00.

По уточненным данным, подразделения 11-й бригады находятся: «3-й батальон занял позиции, ранее занимаемые 108-й бригадой. 1-я рота 1-го батальона заняла позицию на правом фланге 3-го батальона. Остальные роты 1-го и 3-го батальонов заняли запасные позиции».

22.00.

«Приданная 11-й бригаде саперная рота начала оборудовать позиции на высотах на левом фланге 46-й дивизии, которые будет оборонять одна рота».

22.15.

«11-й и 32-й бригадам было приказано к 5.00 завершить все фортификационные работы». Более подробных сведений, дополняющих эти документы, нет.

15 июля 1937.

Из боевого донесения штаба дивизии командиру армейского корпуса. Время — 19.00:

«На участке 11-й бригады 2-й батальон бригады ночью занял запасные позиции юго-восточнее Кихорны. На позициях 3-го батальона велись фортификационные работы. Были установлены заграждения из колючей проволоки на важнейших и наиболее угрожаемых участках и вырыты траншеи длиной 160 метров... 4-й батальон занял позиции между позициями 46-й дивизии и 3-м батальоном 11-й бригады».

16 июля 1937.

Из боевого донесения штаба дивизии командиру армейского корпуса. Время — 19.00:

«На участке 11-й бригады имела место легкая перестрелка из стрелковых видов оружия; на правом фланге — слабый минометный огонь; вчера наша зенитная батарея в 20.15 уничтожила два миномета противника. Батарея противника вела огонь по дороге Вильянуэва-де-ла-Каньяда — Брунете по отрезку между 3-м и 4-м километрами. Наша противотанковая батарея действовала успешно. Ее огнем были уничтожены две пулеметные точки противника, а две другие были вынуждены сменить позиции. В 9.30 истребители противника обстреляли позиции наших войск и подразделения резерва. Ранено шесть человек».

«Фортификационные работы: в районе 3-го батальона 11-й бригады прошлой ночью велись фортификационные работы совместно с двумя саперными ротами, которые прибыли в 21.40 и работали до 4.00 следующего дня. В течение дня эти работы были продолжены силами личного состава батальона. Проделаны следующие работы: 1-я рота—350 метров заграждений из колючей проволоки, 465 метров траншей и ходов сообщения (глубина траншей — примерно полтора метра); 2-я рота — 830 метров ходов сообщений и траншей глубиной 1,2 метра, а также дооборудование позиций; 3-я рота — 70 метров заграждений из колючей проволоки, 26 метров траншея и дооборудование позиций. В районе 4-го батальона установлены заграждения из колючей проволоки протяженностью 200 метров и вырыты ходы сообщения».

17 июля 1937.

Из боевого донесения штаба дивизии командиру армейского корпуса. Время — 19.00:

«Во второй половине вчерашнего дня противник вел сильный минометный огонь по району 3-го батальона 11-й бригады. Авиация противника очень активна. В результате обстрела из бортового оружия один человек был убит и трое ранены. Противник усиленно ведет работы по сооружению укреплений. Авиация мятежников в 24.00 безрезультатно бомбардировала тылы наших войск и позиции на левом фланге».

«Фортификационные работы: в течение ночи в районе 3-го батальона 11-й бригады продолжались работы по усилению обороны местности. Проделано следующее: 1-я рота — установлены проволочные заграждения общей протяженностью 350 метров, вырыты траншеи длиной 100 метров и дооборудованы ранее вырытые траншеи; 2-я рота — тщательно установлены проволочные заграждения общей протяженностью 500 метров, а также легкие заграждения длиной 200 метров; завершено оборудование траншей длиной 200 м, которые начали рыть прошлой ночью; дооборудованы старые позиции; 3-я рота — вырыты траншеи длиной 10 метров и углублены и дооборудованы ранее вырытые траншеи. Ведение фортификационных работ было затруднено по следующим причинам: светлая лунная ночь давала противнику возможность вести наблюдение и пулеметный огонь, в результате чего во 2-й роте было четверо раненых; авиация противника постоянно совершала налеты; отсутствовала нужная документация, особенно касавшаяся установления проволочных заграждений... В районе 4-го батальона были проделаны следующие работы: оборудованы три огневые точки для станковых пулеметов и одна для ручного на переднем крае обороны; дооборудованы и удлинены на 100 метров ранее установленные проволочные заграждения; вырыто 30 метров новых траншей и завершено дооборудование старых».

18 июля 1937, 6.00.

«Противник крупными силами ведет наступление в полосе обороны дивизии».

12.20.

«Атаки противника отбиты. В полосе обороны дивизии снова наступило затишье».

19.00.

Из боевого донесения штаба дивизии командиру армейского корпуса:

«Вчера в 18.00 11-я бригада в соответствии с полученным приказом, после предварительной артиллерийской подготовки, должна была атаковать следующие объекты противника: высоту 610, координаты которой: Х — 569300, У — 644150, и Кастилья-де-Пеонес на 21-м километре дороги Алькоркон — Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс. После отлично проведенной тридцатиминутной артиллерийской подготовки в указанное командованием время батальоны имени Эдгара Андре и имени Ганса Баймлера атаковали высоту 610, а батальон имени Эрнста Тельмана — Кастилья-де-Каминерос. До наступления темноты батальон имени Эдгара Андре подошел вплотную к траншеям противника, но вследствие нехватки сил был вынужден отойти назад и был сменен батальоном имени Ганса Баймлера, которому удалось захватить позиции противника, однако на рассвете мощный фланговый огонь противника вынудил батальон отойти назад, так как

в создавшейся обстановке позиции утратили свое тактическое значение. Батальон имени Эрнста Тельмана трижды атаковал объект, но каждый раз противник отбивал атаку. В целом бригада не выполнила поставленную задачу и вернулась на исходные позиции...

Обстановка на переднем крае: в первом эшелоне находятся 11-я и 108-я бригады, которые удерживают полосу обороны в районе дороги Брунете —Ountain Пералес-де-Милья от перекрестка этой дороги с дорогой, ведущей от Кихорны на юг, до 19-го километра шоссе Алькоркон—Сан-Мартин-де-Вальдеиглесьяс».

20 июля 1937, 19.00.

Из боевого донесения штаба дивизии командиру армейского корпуса: «На участке 11-й бригады противник в 4.00 открыл сильный огонь по позициям 3-го батальона, а затем атаковал их. Атака была отбита. Противник перенес огонь на правый фланг бригады, но прекратил его через 50 минут, не причинив существенного ущерба».

«Фортификационные работы: в районе обороны 3-го батальона 11-й бригады были установлены проволочные заграждения общей протяженностью 400 метров и вырыты траншеи и ходы сообщения длиной 50 метров. Таким образом в районе обороны батальона были завершены все намеченные фортификационные работы. На позициях 4-го батальона велось строительство укреплений. Винтовочный огонь противника затруднял проведение работ».

21 июля 1937, 01.20.

«Командир 11-й бригады докладывает, что полным ходом идут работы по сооружению укреплений, особенно в районе обороны 2-го батальона, где устанавливаются проволочные заграждения».

22 июля 1937.

«В полосе обороны 11-й бригады продолжаются работы по сооружению укреплений и оборудованию позиций».

23 июля 1937.

«Строительство ходов сообщения и отсечных позиций в районах обороны 2-го и 3-го батальонов 11-й бригады».

24 июля 1937, 19.00.

Из боевого донесения штаба дивизии командиру армейского корпуса: «В 6.00 противник по всему фронту крупными силами атаковал передний край полосы обороны дивизии, проведя предварительно мощную артиллерийскую и авиационную подготовку... 108-я бригада ведет активную оборону в назначенной полосе и уничтожила три танка противника... В полосе обороны 11-й бригады атаки противника также были отражены. Захвачено 20 пленных, которые под конвоем направлены в штаб корпуса. На левом (западном) фланге находятся подразделения 69-й бригады дивизии „Дюран"».

В 9.13 командир 11-й бригады доложил, «что ценой отчаянных усилий противнику удалось дойти до наших проволочных заграждений, но затем он был отброшен назад, оставив на поле боя много убитых и раненых». В полосе обороны 11-й бригады пулеметным огнем сбит самолет противника. Наши войска оставили Брунете.

25 июля 1937, 07.40.

«Командир 11-й бригады докладывает, что прошлой ночью был выслан разведывательный дозор с целью установить численность и состав подразделений противника в районе моста через реку Моралес. Разведывательный дозор не смог, однако, выполнить задачу, так как был обнаружен и обстрелян противником».

8.10.

«Командир 11-й бригады докладывает о сосредоточении войск противника вблизи моста через реку Моралес».

11.15.

«Подразделения охранения 11-й бригады подтвердили сообщение о том, что был сбит немецкий самолет. Среди обломков был найден металлический жетон, по которому была установлена принадлежность самолета».

14.05.

«Командир 11-й бригады получил приказ огнем своей противотанковой батареи помочь 108-й бригаде отразить атаку противника».

17.30.

«11-я бригада остается на своих позициях. Противотанковые орудия бригады выбили противника из траншей 108-й бригады, которые противник снова немедленно занял, как только они были оставлены бригадой. Запасной батальон этой бригады получил задачу обеспечить левый фланг».

26 июля 1937, 8.00.

«11-я бригада находится в резерве (роща — 1,2 километра от Вильянуэва-де-ла-Каньяда).

Новый рубеж обороны дивизии проходит в 500 метрах южнее дороги Вильянуэва-де-ла-Каньяда — Кихорна и параллельно этой дороге; 11-й бригады — от отметки «1,7 км» этой дороги до Вильянуэва-де-ла-Каньяда».

27 июля 1937, 24.00.

«Дивизия получила приказ подготовиться к смене».

28 июля 1937, 02.30.

«Началась смена 11-й бригады».

7.30.

«11-я бригада в составе дивизии вышла к лесам в районе 12-го километра и дома дона Педро Барберия на дороге Вальдеморильо—Галапагар-де-Кольменарехе».

21.30.

«11-я бригада выступила на марш в район Кольядо—Вильяльба».

29 июля 1937, 02.10.

«11-я бригада прибыла в район Кольядо — Вильяльба».

Гофман Гейнц

Г74 Мангейм — Мадрид — Москва: Мемуары/Пер. с нем. Л. К. Латышева и Ю. И. Куколева. — М.: Воениздат, 1982. — 384 с., 17 л. ил.

В пер.: 1 р. 90 к.

Книга представляет собой мемуарный труд члена Политбюро СЕПГ, министра Национальной обороны ГДР генерала армии Гейнца Гофмана.

Автор повествует о своих юношеских годах, участии в борьбе против фашизма в рядах Коммунистической партии Германии и в составе Интернациональной бригады в Испании. Г. Гофман тепло рассказывает о своих товарищах, вместе с которыми сражался за свободу Испании, о встречах с видными деятелями международного коммунистического и рабочего движения.

Книга привлечет внимание широкого круга читателей.

Г $\frac{1305000000\text{-}182}{068(02)\text{-}82}$ 154-82

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гейнц Гофман

МАНГЕЙМ — МАДРИД — МОСКВА

Редактор *И. М. Кузьменков*
Художник *В. Н. Рыжов*
Редактор (литературный) *А. Г. Кобозева*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Г. С. Бедненко*

ИБ № 2051

Сдано в набор 18.02.82. Подписано в печать 31.05.82.
Г-50199. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16+3 вкл.— 1 1/16 печ. л.—17,85 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 25,06. Усл. кр. отт. 21,21. Тираж 65 000 экз.
Изд. № 10/7816. Зак. 38. Цена 1 р. 90 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Замок в Мангейме

Главный вокзал в Мангейме

Кайзеровские войска проходят мост через Рейн в Мангейме (ноябрь 1918 г.).

Солдаты французских оккупационных войск перед замком в Мангейме (март 1923 г.)

«Розенгартен»

Площадь Фридрихсплатц

Моя мать Мария Гофман

Игра в «индейцев» (1916 г.)

В воскресный день среди родственников

На экскурсии с друзьями (крайний справа — Оскар Рау)

На отдыхе с Оскаром Рау

В родительском доме

Туристический поход по Пфальцу с товарищами по рабочему спортивному обществу «Чайка»

На горе Гайсберг в окрестностях Гейдельберга

Рекламный плакат к кинофильму С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин».

Георг Лехлейтер

Пастор Эрвин Эккерт

Мост в Мангейме

Эрих Хонеккер

Рудольф Маус

Дом, в котором находилась конспиративная квартира Иды Шайбле

Друзья (справа — Петер Квик)

Товарищ Ида Шайбле со своим племянником Петером Квиком
(Заальфельд, 1970 г.)

Дом в Берлине, где находилась конспиративная квартира КПГ

Летом 1935 г. в Праге

Вильгельм Пик в своем кабинете в ИККИ (1935 г.)

Железнодорожная станция Негорелое

Клавдия Ивановна
Кирсанова

Здание в Москве, где размещался Коминтерн

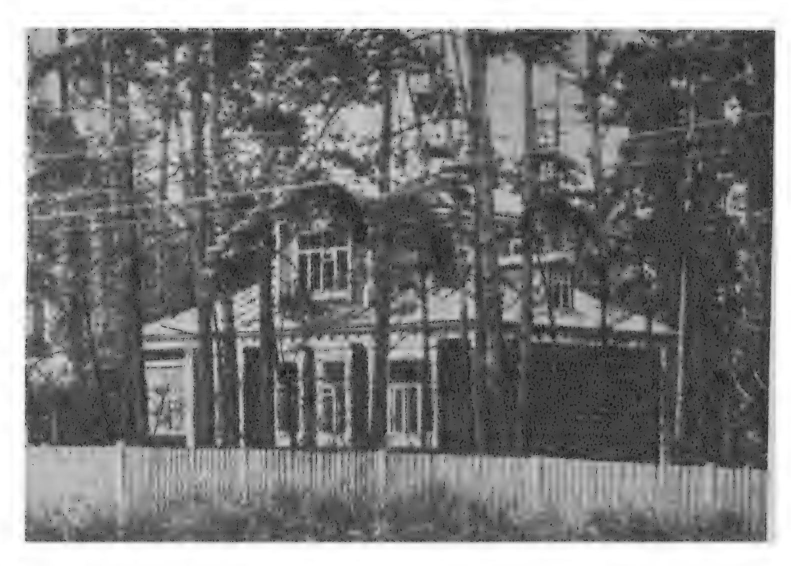
Главное здание Международной ленинской школы на улице Воровского в Москве

Ирена Восиковски (Хельга)

Рудольф Линдау

Серебряный бор

Общежитие МЛШ (построено в 1935—1936 гг.)

Тверская улица (теперь улица Горького)

Осетинский аул

Герман Шульд и Гейнц Гофман в Альбасете (март 1937 г.)

Вильгельм Баник (Фер нандо)

Утренняя зарядка в одном из батальонов 11-й Интернациональной бригады

Рабочие-металлисты из Барселоны берут шефство над батальоном имени Ганса Баймлера

Политзанятия в батальоне имени Ганса Баймлера.

Штаб 17-й дивизии в Торихе (май—июнь 1937 г.)

Военный комиссар 11-й Интернациональной бригады Генрих Рау и Эгон Эрвин Киш (справа)

Командир 11-й Интернациональной бригады Ганс Кале с бойцами батальона имени Эрнста Тельмана (Каньисар, апрель 1937 г.; слева — начальник штаба бригады Людвиг Ренн)

Военный комиссар Гейнц Гофман и Гейнц Шрамм у КП батальона

Генрих Рау и Людвиг Ренн

Испанское село Утанде в долине реки Бадиэль

Пулеметчик Гейнц Бартель (слева)

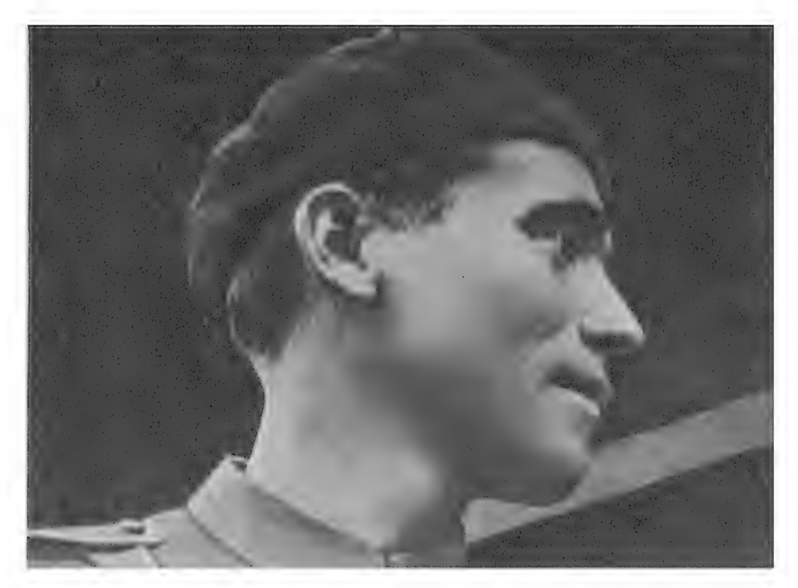
Кладбище в Кихорне

Отель «Палас» в Мадриде

Михаил Кольцов и генерал Листер

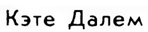

Гейнц Гофман — военный комиссар батальона имени Ганса Баймлера

Вид с Сарагосской дороги на село Утанде

Кэте Далем

Мария Остен

В мадридском госпитале

Гейнц Гофман и Альберт Гесслер в больнице «Саннуаз»

Губерт Лосте в гостях у С. М. Буденного

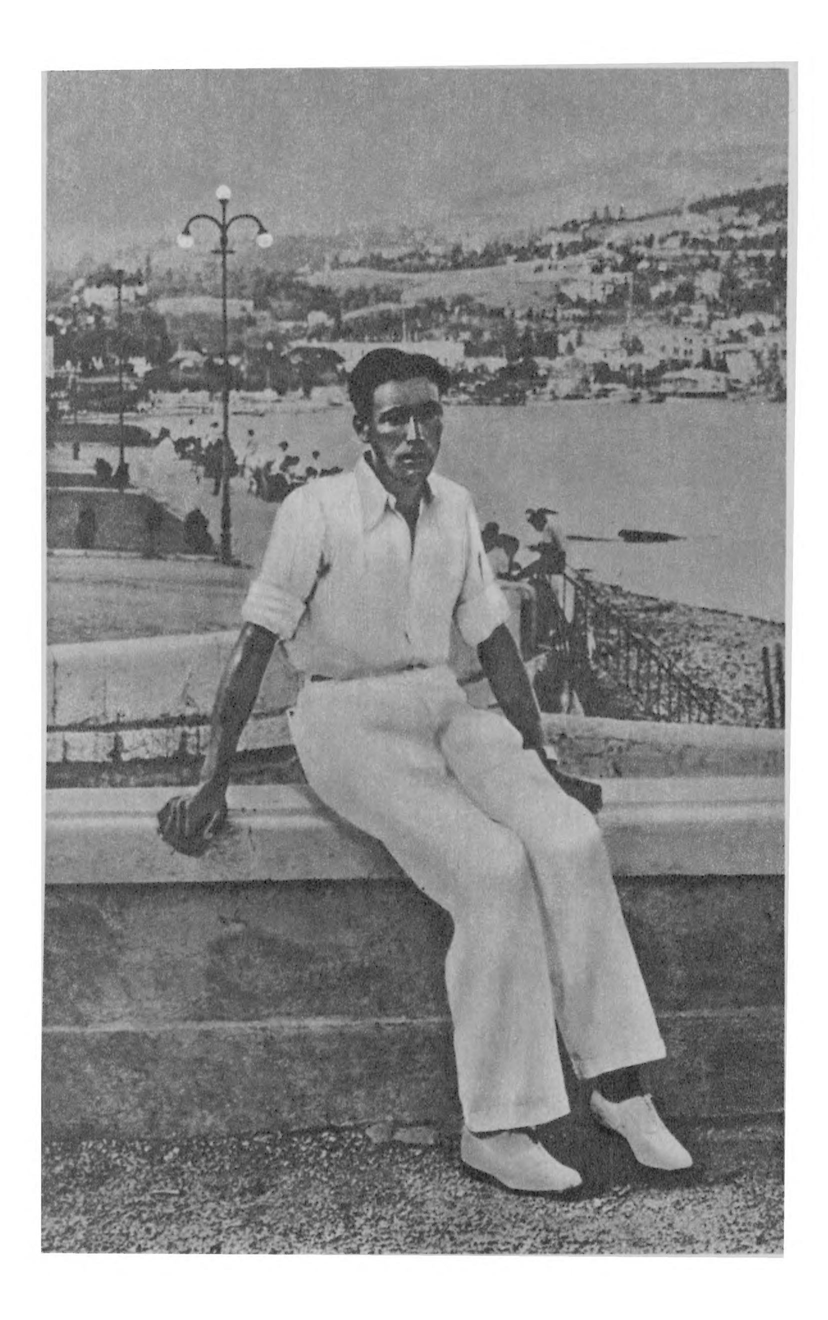
Альберт Гесслер летом 1942 г.

В больнице «Саннуаз» (весна 1939 г.)

Гейнц Гофман и Луис Габерман в Переделкино

Гейнц Гофман и Гейнц Виланд в Переделкино

В Подмосковье (зима 1940/41 г.)

ГЕЙНЦ ГОФМАН

Мангейм-Мадрид-Москва